ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

МАРТЪ, 1882.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1882 г.

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Галактіонова, рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

Бед. Би-тики. Герцена
Журнальный
фонд
59671

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, 1882).

стр.

ЖЕНСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ И ЕГО ПРОТИВНИКИ [1].

VI.

— „Мы нынче остаемся овцы безъ пастыря",—говорили русскіе патріоты, близко стоявшіе, въ кратковременное и фиктивное царствованіе младенца-императора Іоанна III, къ печальнымъ событіямъ, разыгравшимся въ Петербургѣ послѣ смерти Анны Ивановны.

Никогда не чувствовалось съ бо̀льшей наглядностью безотрадное положеніе правительства, остающагося безъ твердой руководящей власти, въ лицѣ верховнаго авторитета. Никогда съ большей яркостью не изобличались безсиліе и неспособность женскихъ рукъ справиться съ этой властью, какъ это мы видимъ на примѣрѣ несчастной Анны Леопольдовны.

Если русскіе люди жаловались въ это время на свое сиротство, то еще болѣе беззащитной сиротою должна была себя чувствовать въ копышныхъ дворцовыхъ палатахъ сама правительница Россіи у колыбели своего сына—младенца императора, скипетръ котораго она взялась сберечь и поддержать на должной высотѣ до его совершеннолѣтія.

Кроткая и безхарактерная, легкомысленная и бездѣятельная, Анна Леопольдовна дѣлается безучастнымъ игралищемъ интригъ и происковъ временщиковъ и дипломатовъ.

Кстати замѣтить, что въ то время, какъ наши домашніе честолюбцы и „прегордые Голіафы" содѣйствовали воцаренію женщинъ и

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.", томъ VII, стр. 257.

оберегали ихъ на престолѣ въ личномъ разсчетѣ пользоваться ихъ слабостью, на эту же слабость закидывала сѣти политическихъ интригъ и иностранная дипломатія. Неразборчивые въ средствахъ политики, имѣвшіе сношенія съ петербургскимъ кабинетомъ, въ числѣ другихъ шансовъ на выигрышъ своихъ „факцій“ ставили на первый планъ эксплоатацію тѣхъ отрицательныхъ особенностей женской личности, присутствіе которыхъ они предполагали почему либо въ особахъ государынь. Хорошо извѣстны вліяніе и участіе, оказанныя иностранной дипломатіей на рѣшимость Елизаветы Петровны произвести переворотъ, послѣдствіемъ котораго было ея воцареніе. Извѣстно также, что въ этомъ случаѣ предпріимчивые дипломаты руководились не какой нибудь безкорыстной рыцарской преданностью къ дочери Петра Великаго, а прямо и весьма безцеремонно старались этимъ способомъ опутать ея волю, воспользоваться ея женской, какъ казалось, податливостью и недалекостью для обдѣлыванія своихъ политическихъ миссій, хотя бы и въ ущербъ интересамъ Россіи.

Такая же точно игра имѣла мѣсто и въ дни правленія Анны Леопольдовны. Объ этомъ довольно цинически повѣствуетъ намъ въ своихъ запискахъ король-философъ Фридрихъ II, вполнѣ раздѣлявшій, какъ извѣстно, презрительный, въ домостроевскомъ духѣ, взглядъ на женщину. По его словамъ, король польскій, желая разстроить союзъ Россіи съ Пруссіей во время правленія Анны Леопольдовны, нарочно съ этой цѣлью „послалъ въ Петербургъ красавца графа Линара“. Тонкій или, правильнѣе сказать, крайне грубый разсчетъ на женскую чувствительность оправдался.

„Этотъ министръ—пишетъ Фридрихъ—полюбился правительницѣ Россіи, а какъ сердечныя страсти имѣютъ вліяніе на доводы разсудка, то правительница скоро сблизилась съ польскимъ королемъ. Страсть эта могла сдѣлаться столь-же гибельною для Пруссіи, какъ любовь Париса къ прекрасной Еленѣ для Трои“...

Но, по мнѣнію Фридриха, страсть эта если не погубила Пруссіи, зато была роковою для самой Анны Леопольдовны, такъ какъ правительница „сдѣлалась ненавистною (русскимъ) вслѣдствіе своей связи съ иностранцемъ“, и по этой причинѣ была свергнута.

Это, положимъ, несовсѣмъ вѣрно; но для насъ важна эта цитата, наряду съ другими однородными указаніями, въ смыслѣ свидѣтельства того, какъ относились современные политики къ женскому правленію и источникомъ какихъ чисто-специфическихъ интригъ и комбинацій оно служило въ тѣ времена. Все это подтверждаетъ только высказанное нами ранѣе замѣчаніе о присутствіи въ нашей исторіи прошлаго вѣка тѣхъ совершенно особенныхъ, многоразличныхъ и весьма важныхъ вліяній и обстоятельствъ, которыя являлись прямымъ послѣдствіемъ фигурированія женщинъ на русскомъ престолѣ.

Анна Леопольдовна пала не вслѣдствіе своей связи съ Линаромъ, какъ думалъ Фридрихъ, а потому, что она, въ своемъ женскомъ без-

силіи, была совершенно одинока и беззащитна отъ всякихъ случайностей и смѣлыхъ покушеній на выпадавшій изъ ея рукъ скипетръ. На несчастье, ей не на кого было опереться, кто бы, въ интересѣ ея самой и ея сына, помогъ ей выполнить, хотя бы внѣшнимъ образомъ, трудную роль правительницы, руководилъ бы ея дѣйствіями и, главное, оберегъ отъ возможности той трагической катастрофы, которая постигла ее и ея семью.

Мужъ правительницы, принцъ брауншвейгскій, былъ человѣкъ ничтожный и, кромѣ того, она съ нимъ не ладила. Всѣ ея симпатіи принадлежали фавориту, вышепомянутому Линару, и фрейлинѣ, нѣмкѣ Менгденъ,—личностямъ тоже ординарнымъ, безъизвѣстнымъ и не имѣвшимъ никакихъ связей, никакого вліянія и значенія въ русскомъ обществѣ. Предоставленная, такимъ образомъ, самой себѣ, она пассивно подчиняется временщикамъ, попеременно смѣняющимъ другъ друга, независимо отъ ея воли и личнаго къ нимъ расположенія. Отъ разнузданнаго самовластія Бирона избавляетъ ее Минихъ; подъ Миниха, въ свою очередь, подкапывается Остерманъ и исподволь забираетъ въ свои руки всю государственную власть въ такой степени, что иностранные дипломаты уподобляютъ его самодержавному русскому царю. Анна Леопольдовна одинаково не любитъ ни Миниха, ни Остермана, но и не оказываетъ никому изъ нихъ серьезнаго противодѣйствія въ ихъ честолюбивыхъ замыслахъ. Старые властолюбцы ведутъ борьбу между собою изъ-за преобладанія и только другъ въ другѣ видятъ помѣху для достиженія своей цѣли, какъ если-бы выше ихъ никого не было. Личность правительницы они ставятъ ни во что и смотрятъ на нее лишь какъ на орудіе, какъ на слабую женщину, отъ имени которой можно дѣлать что угодно.

У Анны Леопольдовны нѣтъ своихъ людей ни въ обществѣ, ни въ гвардіи. Она непопулярна. Между тѣмъ, нѣмцы, ставшіе ненавистными во время Бироновщины, продолжаютъ попрежнему властвовать и заправлять всѣми дѣлами. Это возбуждаетъ ропотъ. Недовольные жалуются, что жить стало хуже, чѣмъ даже во время Бироновщины, потому что тогда былъ хотя порядокъ, а теперь „много непорядковъ происходитъ“. Въ довершеніе неудовольствія, забираетъ силу фаворитъ, и—опять нѣмецъ, совершенно чужой Россіи. Является опасеніе, какъ-бы изъ него не сформировался новый Биронъ. И на то похоже, потому что правительница—женщина, да и женщина самая заурядная, неспособная, и во всѣхъ отношеніяхъ такая, которой вовсе не по рукамъ государева держава.

Словомъ, русскіе люди почувствовали себя болѣе чѣмъ когда нибудь „овцами безъ пастыря.“ Натурально, что при такомъ печальномъ положеніи вещей явилось желаніе увидѣть пастырскій жезлъ въ болѣе твердыхъ и умѣлыхъ рукахъ, и кто бы отважился, опираясь на какія нибудь права, придти и взять его, тому онъ не трудно дос-

тался бы. Для претендентовъ удобный случай самъ собой напрашивался—и имъ воспользовались, благо опытъ былъ готовый...

Съ удивленіемъ читаешь теперь, какъ легко смотрѣли тогдашніе политики на дворцовые перевороты и на насильственную смѣну одного представителя верховной власти другимъ! Такіе перевороты считались чѣмъ-то обыкновеннымъ и входили въ задачи дипломатовъ, какъ легко достижимая, весьма простая политическая миссія. Напримѣръ, маркизу Шетарди его правительство просто предписывало—свергнуть въ Россіи „нѣмецкое правительство,“ съ Анной Леопольдовной во главѣ, и возвести на престолъ Елизавету Петровну... Когда же это случилось, ловкій маркизъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что это дѣло рукъ его и—ничьихъ болѣе.

Есть предположеніе, что такимъ же рѣшателемъ судебъ русскаго престола считалъ себя тогда и Минихъ. Разсказываютъ, что однажды Минихъ, уже разочарованный въ Аннѣ Леопольдовнѣ, явился къ Елизаветѣ Петровнѣ, упалъ къ ея ногамъ и выразилъ готовность свершить все, что̀ бы она ни повелѣла.

— Ты тотъ, который корону даетъ, кому хочетъ, — возразила, какъ говорятъ, цесаревна. — Я оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу!

Да, Елизаветѣ Петровнѣ не было нужды, для полученія короны, въ помощи ни французскихъ дипломатовъ, ни русскихъ нѣмцевъ; но несомнѣнно, однако, что безъ подстрекательства маркиза Шетарди съ братіей она не скоро рѣшилась бы на переворотъ и что, съ другой стороны, лицами, помогавшими ей взойти на престолъ, опять таки двигалъ тотъ же эгоистическій разсчетъ на эксплоатацію женской слабости, которымъ руководились, какъ мы знаемъ, и князь Меншиковъ, при воцареніи Екатерины I, и верховники, при избранія Анны Ивановны.

Разсчетъ этотъ, впрочемъ, менѣе всего могъ теперь оправдаться, потому что вступленіе на престолъ Елизаветы отвѣчало желаніямъ большинства русскаго общества и особенно гвардіи, которая играла такую рѣшительную, подавляющую роль во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ прошлаго столѣтія. Соловьевъ основательно замѣтилъ, что „во вступленіи на престолъ Елизаветы выразилось народное движеніе, направленное противъ преобладанія иноземцевъ, утвердившагося въ два послѣднія царствованія.“ А движеніе это дошло тогда до крайней заостренности и одушевляло всѣхъ, начиная съ высшаго духовенства, которое теперь кляло иноземцевъ въ проповѣдяхъ, какъ „эмиссаріевъ діавольскихъ,“ и кончая чернью и солдатчиной, порывавшихся „бить нѣмцевъ“ и выразившихъ, напр., ропотъ, когда приговореннымъ къ смертной казни Миниху, Остерману и другимъ коноводамъ нѣмецкой партіи было даровано помилованіе.

Движенію этому нужно было знамя, нужно было руководящее лицо, совмѣщавшее въ себѣ противоположное, симпатичное массѣ, націо-

пальное начало. Такимъ лицомъ была тогда и такое знамя могла смѣло взять въ руки одна только Елизавета Петровна, какъ женщина вполнѣ русская — дочь русскаго царя, сама перенесшая немало притѣсненій и гоненій отъ нѣмецкой партіи. Это хорошо было понято новой царицей, и ея вступленію на престолъ придали именно значеніе низверженія нѣмцевъ въ Россіи и торжества русской народности.

„Пріиде, о Россія, твоего благополучія твердое и неколебимое основаніе, пріиде крайне частыхъ и весьма вредительныхъ перемѣнъ твоихъ окончаніе и разореніе; пріиде тишина твоя, благосостояніе и прочихъ желаній твоихъ несомнѣнная надежда!" — привѣтствовалъ Елизавету въ Москвѣ, предъ коронаціей, новгородскій архіепископъ Амвросій, знаменитѣйшій проповѣдникъ своего времени, и въ его словахъ несомнѣнно выражалось настроеніе большинства русскаго общества, видѣвшаго въ воцареніи Елизаветы свое освобожденіе отъ нѣмецкой олигархіи.

Въ этомъ отношеніи, вообще, переворотъ былъ явленіемъ естественнымъ, органически вытекавшимъ изъ даннаго положенія вещей. Что же касается юридической законности, то съ нею, конечно, не поцеремонились и ея нарушеніе было очевидно. Манифестъ, изданный по воцареніи Елизаветы Петровны, старался оправдать это нарушеніе весьма своеобразнымъ оборотомъ, не останавливаясь передъ натяжками. Въ немъ перевороту придано значеніе возстановленія права, попраннаго двумя предшествовавшими царствованіями, которыя манифестъ вычеркивалъ и рѣзко осуждалъ, какъ незаконныя и узурпаторскія. Выходило такъ, какъ если бъ народъ измѣнилъ своей прямой, легальной династіи (колѣну Петра Великаго) и сознательно подчинился неправо и насильственно вступившимъ на царство узурпаторамъ. Но, конечно, обвинить въ этомъ народъ было нельзя и неполитично,—обвинили во всемъ нѣмцевъ и, главнымъ образомъ, Остермана, который будто бы, по коварству, перевернулъ весь законный порядокъ престолонаслѣдія и произвольно распорядился, по своему усмотрѣнію, и короной, и волей народной.

Это была даже болѣе чѣмъ натяжка, но для горячей минуты она годилась и сошла тѣмъ глаже, что въ основаніи своемъ была направлена противъ ненавистныхъ нѣмцевъ.

Остермана обвинили въ томъ, что онъ скрылъ завѣщаніе Екатерины I, по которому престолъ долженъ былъ перейти, въ случаѣ кончины Петра II, къ потомству Петра Великаго, обходя старшую линію династіи—царя Іоанна Алексѣевича. Съ точки зрѣнія этого-то завѣщанія, царствованія Анны Ивановны и Іоанна III и были представлены незаконными. Теперь въ возстановленіи силы завѣщанія видѣли торжество попраннаго права; но и тутъ безъ натяжекъ и искаженій не обошлось.

По смыслу екатерининскаго завѣщанія, при избраніи наслѣдника престола слѣдовало отдать безусловное предпочтеніе лицамъ муже-

скаго пола, и только если бы ихъ вовсе не оказалось въ роду, скипетръ поступаетъ въ женскія руки по старшинству. На этомъ основаніи, если бы заботились о точномъ выполненіи вошедшаго въ силу государственнаго акта, на престолъ долженъ былъ вступить, безспорно, молодой герцогъ голштинскій (будущій Петръ III), какъ сынъ старшей дочери Петра Великаго и какъ единственное лицо мужскаго пола въ семействѣ; но въ суматохѣ переворота и въ понятномъ влеченіи къ власти и царскому вѣнцу объ этомъ забыли. Однако жъ обойти герцога было невозможно, да потомъ, когда воцареніе Елизаветы стало совершившимся фактомъ, и обходить его не было ни разсчета, ни надобности.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ рядомъ обстоятельствъ, раскрывающихъ сущность господствовавшаго тогда взгляда на различіе правъ лицъ мужскаго и женскаго пола на престолъ. Опять ощутительно проступаетъ передъ нашими глазами, въ различныхъ проявленіяхъ, непреклонное общее сознаніе, что фигурированіе женщины на престолѣ—дѣло ненормальное, случайное, съ которымъ можно мириться только по крайней необходимости. Всего замѣчательнѣе, что это сознаніе раздѣляется инстинктивно, а иногда и съ совершенной ясностью, самими государынями и не даетъ имъ покою. И онѣ сами, даже во время полной обезпеченности и прочности своей власти, и ихъ современники—люди различныхъ слоевъ—нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнятъ объ этой, въ ихъ сознаніи, неправильности, а мысленные взоры невольно начинаютъ искать кругомъ объекта, составляющаго ея противоположеніе. Когда же такой объектъ находится—съ него не спускаютъ глазъ и онъ дѣлается источникомъ разнообразныхъ движеній, вожделѣній и стремленій, обнаруживающихся съ бо́льшей или меньшей силой и выразительностью, смотря по обстоятельствамъ. Ихъ обзору и группировкѣ собственно и посвященъ нашъ этюдъ.

Указанное коренившееся во всѣхъ умахъ сознаніе постоянно нашептывало неотвязчивый вопросъ: нѣтъ ли лица, въ которомъ, хотя бы въ будущемъ, возстановилась въ полномъ конкретномъ выраженіи идея государя—идея, по своему основанію, предполагающая безусловно образъ мужа?

Вопросъ этотъ тѣмъ настойчивѣе и чаще долженъ былъ напоминать о себѣ въ данномъ случаѣ, что искомое лицо дѣйствительно имѣлось и, случалось, даже не одно...

— „Въ Голштиніи чортушка сидитъ“,—съ нескрываемымъ озлобленіемъ и со скрытой тревогой говаривала почасту императрица Анна Ивановна, разумѣя подъ „чортушкой“ внука Петра Великаго (герцога голштинскаго), и это тогда, когда онъ и не помышлялъ оспаривать у нея престола.

Характеристическая фраза эта ярче всего изобличаетъ присутствіе въ Аннѣ Ивановнѣ того именно безпокойнаго сознанія, о которомъ

идетъ здѣсь рѣчь. Она успокоивается только тогда, когда явилась возможность противопоставить „чортушкѣ" равноправнаго соперника мужескаго пола, въ лицѣ родившагося у нея, подъ конецъ царствованія, внука. Разумѣется, и послѣ этого „чортушка" продолжалъ быть ненавистнымъ уже изъ семейно-династическаго соревнованія, которое, сказать мимоходомъ, проходитъ красной ниткой чрезъ всю эту эпоху.

Елизавета Петровна, обойдя, при воцареніи, племянника, которому, по завѣщанію Екатерины, какъ мы знаемъ, преимущественно принадлежало право на престолъ, спѣшитъ, подъ давленіемъ того же сознанія, войти съ послѣднимъ въ сдѣлку и предупредить самое возбужденіе вопроса объ этомъ пунктѣ. Права̀ племянника (герцога голштинскаго) были торжественно признаны, но съ отерочкой—до кончины воцарившейся тетки, потому что нельзя было не уступить „прошенію всѣхъ вѣрноподданныхъ", „а паипаче и особливо лейбъ-гвардіи нашей полковъ", желавшихъ видѣть ее на родительскомъ престолѣ, и потому еще, что племянникъ, до признанія его наслѣдственныхъ правъ, состоялъ въ лютеранствѣ; завѣщаніе же ставило условіемъ вступленія на престолъ исповѣданіе православной вѣры.

Кто нибудь могъ бы возразить, что послѣднее условіе легко было выполнить принятіемъ православія одновременно со вступленіемъ на царство,—не помѣшало же предшествовавшее лютеранство герцога голштинскаго признанію его наслѣдникомъ русскаго престола; но такихъ возраженій ни откуда не послѣдовало—и данный порядокъ сразу установился, повидимому, къ общему удовольствію. Не было мѣста для жалобъ, что кого нибудь совершенно обошли, или что основному принципу престолонаслѣдія нанесенъ непоправимый ущербъ. Возведеніе герцога голштинскаго въ права̀ наслѣдника престола и родственное приближеніе его императрицей-теткой къ себѣ устраняли подобныя недоразумѣнія и сужденія. Все это было сдѣлано очень предусмотрительно и тактично и, какъ увидимъ, предусмотрительность такая являлась весьма нелишней...

VII.

Несмотря на симпатіи большинства общества и на преданность войска, несмотря на устраненіе всѣхъ могущихъ возбуждать какое нибудь опасеніе подозрительныхъ личностей, торжествующая и желанная, почти опоэтизированная въ глазахъ современниковъ, какъ истинно-русская царь-дѣвица, Елизавета Петровна, однако же, далеко не была спокойна за свое положеніе не только въ начальныя тревожныя минуты своего царствованія, но и во все его продолженіе.

Это безпокойство и неувѣренность въ безопасности и прочности своего положенія проявлялись въ многочисленныхъ и разнообразныхъ

дѣйствіяхъ и движеніяхъ императрицы, при различныхъ случаяхъ, и съ лѣтами перешли въ манію подозрительности, въ безотчетный и безпричинный страхъ, доходившій до того, что она не могла сомкнуть глазъ по ночамъ.

Чего жъ было тревожиться и кого бояться? Казалось, бо̀льшей обезпеченности положенія нельзя было пожелать...

Источникъ этого роковаго душевнаго состоянія Елизаветы Петровны слѣдуетъ искать въ ея чисто-женской нервной впечатлительности, омраченной тяжелыми, нерѣдко оскорбительными условіями жизни въ предшествовавшіе годы ея сиротливой молодости; но было въ этой мучительной тоскѣ немало и разъѣдающаго сомнѣнія въ справедливости побѣды, цѣною которой досталась корона, и въ правильности возложенія послѣдней на свою голову...

Въ Елизаветѣ Петровнѣ билось чуткое женское сердце, да и вообще она была женщиной попреимуществу, нисколько не возвышаясь надъ рядовыми представительницами своего пола, ни надъ понятіями и предразсудками своего времени.

Такое сердце не могло пересилить чувства жалости и боли, смѣшанной съ раскаяніемъ, передъ жертвой совершеннаго насилія, если не кривды. Свергнутый и заточенный младенецъ-императоръ Іоаннъ III—жилъ и подросталъ... Онъ неопасенъ—вся его участь зависитъ отъ одного мановенія; но никакими силами не стереть этотъ, вѣчнымъ укоромъ стоящій въ памяти, призракъ! Чтобы заставить забыть о немъ, если не самую себя, то другихъ—толпу, Елизавета распоряжается уничтожить самое воспоминаніе о немъ, издаетъ рядъ мѣръ о повсемѣстномъ истребленіи всѣхъ бумагъ и актовъ его царствованія, запрещаетъ произносить самое имя его; наконецъ, она съ лихорадочной поспѣшностью торопится противопоставить низвергнутому экс-императору равнозначущее лицо мужескаго пола, которое юридически исключало бы его въ правахъ престолонаслѣдія и замѣщало бы фактически. Это было настоятельной необходимостью, какъ условіе, на которомъ думалось войти въ примиреніе съ общественнымъ сознаніемъ и относительно низверженія Іоанна Антоновича, и относительно самаго факта воцаренія женщины, какъ факта исключительнаго, ненормальнаго и противорѣчащаго кореннымъ воззрѣніямъ массы.

Въ этомъ случаѣ Елизавета Петровна испытывала то же чувство и то же положеніе, но еще въ сильнѣйшей и болѣе острой степени, которыя удручали и Анну Ивановну, тревожившуюся существованіемъ „чортушки" въ Голштиніи. Въ племянникѣ, признанномъ наслѣдникомъ престола, она находитъ для себя и опору, и оправданіе. Всему перевороту дается такое истолкованіе, какъ если бъ въ конечномъ исходѣ его имѣлось въ виду торжество не личнаго права, а исключительно-династическаго, сосредоточеннаго въ лицѣ внука Петра Великаго. Воцаренію самой императрицы придается значеніе чисто

условное, временное, опирающееся на роковомъ лишь стеченіи обстоятельствъ. Это выражается, между прочимъ, въ томъ, что государыня какъ бы самоотрекается, заранѣе объявивъ, что она не выйдетъ замужъ до конца жизни, ради полной неприкосновенности и безраздѣльности правъ существующаго уже наслѣдника престола.

Призывъ герцога голштинскаго изъ за-границы, провозглашеніе его наслѣдникомъ престола и принятіе подъ родственную опеку, были задуманы Елизаветой Петровной съ большимъ тактомъ и съ дальновиднымъ политическимъ разсчетомъ. На Руси у многихъ не выходилъ изъ мысли герцогъ голштинскій, многіе помнили, что онъ единственный потомокъ Петра Великаго въ мужескомъ полѣ и, слѣдовательно, единственный, по праву, его преемникъ. Къ нему мысленно обращались съ надеждой взоры недовольныхъ нѣмецкимъ режимомъ, такъ или иначе отождествлявшимся съ царствованіемъ представителей линіи Іоанна Алексѣевича, память о которомъ къ тому жъ совершенно терялась въ незабвенномъ, исполинскомъ, по своимъ великимъ дѣяніямъ, образѣ дѣда голштинскаго отрока. Не напрасно послѣдній и внушалъ такія недобрыя чувства своей двоюродной теткѣ, Аннѣ Ивановнѣ...

Слѣдствіе, производившееся надъ Минихомъ, обнаружило, между прочимъ, одинъ чрезвычайно выразительный фактъ, по отношенію именно къ вопросу о герцогѣ голштинскомъ. Оказалось изъ показаній свидѣтелей и самого Миниха, что онъ, въ царствованіе Іоанна Антоновича, приглашая гвардейскихъ гренадеровъ арестовать Бирона и желая, по его выраженію, „больше анкуражировать“ ихъ, „говорилъ имъ передъ фрунтомъ о государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и принцѣ голштинскомъ“ въ томъ смыслѣ, что „хотятъ ли они государю служить“? „Анкуражированіе“ подѣйствовало магически; солдаты единодушно воскликнули, что служить „государю они готовы съ радостью“...

Слѣдствіе не выяснило, чѣмъ мотивировался Минихъ, прибѣгая къ такому рискованному обобщенію герцога голштинскаго съ „государемъ“ въ то время, когда на престолѣ царствовало другое лицо; но мы вправѣ заключить изъ этого эпизода, что такое обобщеніе было тогда многимъ по мысли, и Минихъ хорошо это зналъ. Зналъ это не онъ одинъ. Передъ этимъ, Биронъ, находясь въ раздорѣ съ родителями Іоанна Антоновича, не разъ позволялъ себѣ открыто грозить имъ герцогомъ голштинскимъ, какъ лицомъ, которое ему нетрудно посадить на престолѣ и его именемъ низвергнуть ихъ сына...

Что въ массѣ, особенно въ „шляхетской“, многіе желали видѣть на престолѣ внука Петра Великаго—доказывается проявленіями активнаго движенія въ его пользу, направленными противъ Елизаветы Петровны уже въ то время, когда онъ былъ признанъ наслѣдникомъ престола. Проявленія эти находились въ преемственной связи съ возникшимъ впослѣдствіи взаимнымъ недовѣріемъ и охлажденіемъ между

императрицей и великимъ княземъ, а также великой княгиней. Елизавета Петровна стала относиться крайне подозрительно къ наслѣднику престола и особенно къ начинавшей входить въ силу и пріобрѣтать вліяніе супругѣ наслѣдника, Екатеринѣ, на что, пожалуй, имѣла и нѣкоторыя основанія, какъ показалъ, напр., Бестужевскій процессъ.

Этотъ разладъ между большимъ и малымъ дворами, причемъ послѣдній долженъ былъ находиться въ страдательномъ, угнетенномъ положеніи, не могъ, разумѣется, остаться тайной для общества, для массы. Молва, толкуя дѣло по своему, съ неизбѣжными искаженіями, высказывалась положительно въ пользу великаго князя. Это происходило опять-таки вслѣдствіе неискоренимаго недовольства „бабьимъ правленіемъ“ и его послѣдствіями, въ томъ числѣ, всего главнѣе—фаворитизмомъ, наряду съ желаніемъ видѣть на престолѣ подлиннаго, настоящаго, по родовому понятію, государя въ мужскомъ лицѣ. Желаніе такое постоянно подстрекалось существованіемъ вожделѣннаго лица, именно, въ образѣ наслѣдника престола, на котораго и возлагались недовольными всѣ надежды и упованія. Отсюда и въ дѣлѣ разногласія между императрицей и великимъ княземъ недовольные, не разбирая, отдавали всѣ свои симпатіи послѣднему...

Стали ходить толки, особенно усилившіеся во второй половинѣ царствованія Елизаветы Петровны, что ея фаворитъ, Разумовскій, тѣснитъ и всячески преслѣдуетъ великаго князя Петра Ѳедоровича, а императрица, по женской слабости, этому потворствуетъ. Это, сказать къ слову, обычная, почти стереотипная въ подобныхъ случаяхъ, складка молвы. Недовольство, отыскивая объектъ для своего выраженія, обходитъ нерѣдко личность государыни, по чувству вѣрноподданничества, и всею своею тяжестью обрушивается на фаворита-временщика, хотя бы онъ менѣе всего былъ виновенъ въ причинахъ неудовлетворительнаго порядка вещей, какъ это можно сказать, напр., о Разумовскомъ.

Отъ толковъ перешло дѣло и къ попыткамъ довольно рѣшительнаго свойства.

Однажды, въ бытность двора въ Москвѣ, великому князю Петру Ѳедоровичу на охотѣ егеря сказали, что въ Бутырскомъ полку есть подпоручикъ Батуринъ, который чрезвычайно преданъ великому князю и говоритъ, что такою же преданностью отличается и весь названный полкъ. Петру Ѳедоровичу это польстило, и когда егеря сказали ему въ другой разъ, что Батуринъ проситъ позволенія представиться на охотѣ его высочеству, онъ, по нѣкоторомъ колебаніи, согласился на это. Батуринъ не замедлилъ явиться и, встрѣтя великаго князя въ лѣсу одного, бросился предъ нимъ на колѣна и сталъ клясться, что онъ его одного признаѣтъ истиннымъ государемъ и готовъ исполнить все, что бы онъ ни приказалъ. Это объясненіе такъ напугало

Петра Өедоровича, что онъ, не сказавъ ни слова Батурину, пришпорилъ лошадь и ускакалъ отъ него.

Дѣло дошло до тайной канцеляріи, которая разслѣдовала, что Батуринъ составилъ цѣлый заговоръ, съ цѣлью „заарестовать весь дворецъ", Алексѣя Разумовскаго и его единомышленниковъ изрубить „въ мелкія части, а императрицу низвесть съ престола и до тѣхъ поръ не выпускать изъ дворца, пока великій князь коронованъ не будетъ". Въ числѣ заговорщиковъ было нѣсколько офицеровъ и солдатъ, а также одинъ фабричный, котораго Батуринъ подговаривалъ возмутить рабочихъ противъ императрицы, и похвалялся, что такихъ рабочихъ онъ навербовалъ, будто бы, тридцать тысячъ.

Батуринъ былъ человѣкъ скомпрометированный, пройдоха и авантюристъ; но уже самое возникновеніе подобныхъ попытокъ указываетъ на существованіе въ массѣ плодородной для нихъ почвы.

Фактовъ въ описанномъ родѣ было нѣсколько; движеніе въ пользу Петра Өедоровича и противъ Елизаветы Петровны особенно живо воспринималось всѣми, кто имѣлъ какой нибудь поводъ къ неудовольствію. Такимъ образомъ, оно проникло, напр., въ раскольническую среду, которая сильно тѣснилась, какъ извѣстно, правительствомъ Елизаветы. Среди раскольниковъ распространился слухъ, что великій князь весьма возлюбилъ послѣдователей древняго благочестія и намѣренъ, воцарившись, „ходить по заповѣдямъ Господнимъ": прекратитъ навсегда войны, посѣтитъ Іерусалимъ, не станетъ жить съ женою по брачному обычаю и проч. Такое воззрѣніе на Петра Өедоровича раздѣлялось многими сектами и въ томъ числѣ—скопческой... Мы знаемъ, что это воззрѣніе, обязанное своимъ происхожденіемъ отчасти „бабьему правленію", чрезвычайно упрочилось въ сознаніи нѣкоторыхъ сектъ и въ дни Екатерины II отозвалось воспламеняющей струей въ пучинахъ пугачевскаго бунта. Обстоятельство это тоже необходимо поставить въ счетъ явленій обозрѣваемаго здѣсь порядка.

Рядомъ съ движеніемъ въ пользу Петра Өедоровича являлись почти одновременно попытки возстановить на престолѣ низвергнутаго и заключеннаго эксъ-императора Ивана Антоновича. Попытки эти повторяются во все царствованіе Елизаветы, которое ихъ завѣщало отчасти и екатерининскимъ временамъ. Въ нихъ одинаково выражался протестъ государынямъ-женщинамъ, неправо, по мнѣнію недовольныхъ, выхватившимъ скипетръ изъ рукъ подлиннаго, истиннаго государя, страдальческая судьба котораго, какъ всегда, создавала ему въ представленіи массы свѣтлый ореолъ и съ особенной отзывчивостью тянула къ нему впечатлительныя сердца.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ этихъ случаяхъ масса, смутно различавшая личностей, особенно такихъ неопредѣленныхъ и ничѣмъ себя не заявившихъ, какими были Иванъ Антоновичъ и Петръ Өедоровичъ, одинаково расположена была возбуждаться и „анкуражи-

роваться" одной идеей, однимъ именемъ государя, если только идея эта казалась въ ея глазахъ нарушенной и попранной. Этимъ объясняется, напр., столь нерѣдкій въ исторіи самозванщинъ фактъ появленія заразъ нѣсколькихъ самозванцевъ, съ равнымъ успѣхомъ возмущавшихъ массу именами различныхъ лицъ, отождествляемыхъ съ личностью государя, и нерѣдко даже такихъ, которыхъ и на свѣтѣ-то никогда не бывало. Этимъ же объясняемъ мы одновременность и параллельность революціонныхъ движеній противъ „бабьяго правленія" то во имя Петра Ѳедоровича, то во имя Ивана Антоновича, въ лицахъ которыхъ недовольные одинаково видѣли, долженствующую быть возстановленной, нарушенную идею истиннаго государя. Выборъ того или другаго лица былъ тутъ дѣломъ случая и личнаго усмотрѣнія инціатора—коновода возмущенія или заговора.

Первая попытка возстановить вооруженной рукой Ивана Антоновича обнаружена была въ первый годъ царствованія Елизаветы. Она была ничтожна по численности и значенію заговорщиковъ. Придворный камеръ-лакей Турчаниновъ подговорилъ нѣсколько человѣкъ гвардейцевъ умертвить Елизавету и герцога голштинскаго и, освободивъ Ивана Антоновича изъ заключенія, посадить на престолъ, какъ истиннаго государя. Заговоръ былъ открытъ на первыхъ порахъ и энергически погашенъ. Турчанинову вырвали языкъ и поздри, били его кнутомъ и сослали въ Сибирь; не помиловали, конечно, и его сообщниковъ.

Изъ другихъ въ такомъ же родѣ попытокъ, тревожившихъ царствованіе Елизаветы, заслуживаетъ упоминанія здѣсь замыселъ Зубарева, относящійся къ концу пятидесятыхъ годовъ. Особенно характеристиченъ этотъ замыселъ потому, что въ немъ видна коварная рука враждебной Россіи дипломатіи, которая, какъ намъ уже извѣстно, не упускала случаевъ по своему пользоваться слабостями женщинъ-государынь и впутывать свою интригу въ назрѣвавшую противъ нихъ мѣстную оппозицію.

Дерзкій, по плану, замыселъ Зубарева былъ сотканъ во враждебномъ тогда Россіи Берлинѣ, при дѣятельномъ участіи извѣстнаго Манштейна, лично ненавидѣвшаго Елизавету Петровну и за себя, и за своего благодѣтеля Миниха и, вообще, за паденіе нѣмецкой партіи въ Петербургѣ. Зубаревъ—бѣглый тобольскій посадскій, завербованный въ прусскіе солдаты, бывалый и тертый калачъ, но личность ничтожная,—служилъ здѣсь только орудіемъ. Манштейнъ, по наущенію свыше, подговорилъ этого покладистаго и оборотливаго молодца ѣхать въ Россію, возмутить раскольниковъ и, свергнувъ съ ихъ помощью императрицу, посадить на престолъ Ивана Антоновича, который-де старую вѣру любитъ и станетъ ей покровительствовать. Насколько можно довѣрять показаніямъ Зубарева, Манштейнъ обѣщалъ поддержать бунтъ военными силами Пруссіи и посылкой къ Архангельску военныхъ кораблей, „подъ видомъ купечества, чтобъ выкрасть

Ивана Антоновича". Передъ отъѣздомъ въ Россію, Зубаревъ былъ представленъ самому королю Фридриху II и получилъ 1,000 червонцевъ на издержки по своей миссіи, да двѣ медали, по которымъ принцъ Антонъ долженъ былъ бы ему повѣрить...

Разумѣется, весь этотъ хитро задуманный, но и изрядно легкомысленный, замыселъ провалился на первомъ же шагу къ исполненію.

Зубаревъ добрался до раскольничьихъ слободъ и началъ возбуждать ихъ населеніе. Раскольническіе попы не отказали въ сочувствіи затѣѣ берлинскаго эмиссара, но съ русской сметкой предложили ему первому попробовать вытаскивать каштаны изъ огня, а тамъ — они посмотрятъ, какъ быть...

— Какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство? — спрашивали они Зубарева съ сомнѣніемъ.

— А такъ же посадимъ, какъ и государыня сѣла,—не задумываясь отвѣтилъ тотъ.

Попы ничего не сказали, но, когда Зубаревъ сталъ у нихъ заживаться и навлекать подозрѣніе, они его политично выпроводили.

— Пора тебѣ ѣхать выручать Ивана Антоновича, и какъ васъ Богъ вынесетъ, то мы стоять готовы,—сказали они ему, чтобъ отдѣлаться.

Предпріимчивый конспираторъ уѣхалъ по адресу въ Холмогоры, но, волею судебъ, вмѣсто Холмогоръ попалъ въ Петербургъ—въ тайную канцелярію.

Нельзя не обратить вниманія на фразу Зубарева, что посадить на царство Ивана Антоновича—дѣло нетрудное, такое же нетрудное, какимъ было воцареніе Елизаветы Петровны. Эти слова могутъ служить ключемъ для объясненія большинства возникавшихъ во время женскаго правленія революціонныхъ попытокъ. Длинный рядъ дворцовыхъ переворотовъ, легкость и внезапность ихъ происхожденія и постоянно сопровождавшая ихъ удача не могли не оказывать подстрекающаго и въ нѣкоторомъ отношеніи деморализующаго вліянія на людей отчаянныхъ, авантюристовъ, по природѣ и по стеченію обстоятельствъ, съ безумно честолюбивыми и корыстными стремленіями. Для такихъ людей соблазнъ казался тѣмъ сильнѣе въ данномъ случаѣ, что, пускаясь въ свои дерзкія предпріятія, изъ личныхъ видовъ, они становились какъ-бы героями, ратующими за возстановленіе права и истины, несли свои головы въ жертву государю, узурпированному такими членами династіи, которымъ, уже по одному ихъ полу, какъ женщинамъ,—вовсе не слѣдъ на царствѣ сидѣть...

Мы впослѣдствіи встрѣтимся съ этимъ элементомъ въ чрезвычайно сильномъ и яркомъ проявленіи, какимъ былъ пугачевскій бунтъ, въ возникновеніи котораго историкъ не можетъ не признать присутствія указанныхъ здѣсь условій и стимуловъ, имѣвшихъ мѣсто и почву въ описываемую эпоху.

VIII.

15-го іюля 1742 года, на освященіи новой церкви московской академіи, присутствовавшіе богомольцы услышали изъ устъ проповѣдника, академическаго ректора Кирилла Флоринскаго, неожиданныя жалобы и упреки, обращенные къ врагамъ императрицы.

„Странная вѣсть,—дивился самъ проповѣдникъ:—давно-ли вожделѣнная—и уже ненавидима Елисаветъ; давно-ли въ сердцахъ и въ устнѣхъ сладка—и уже горька Елисаветъ; давно-ли обрадовавшая насъ, и уже въ слезахъ опечаляема посредѣ дому; давно-ли матерь (и еще всемилостивѣйшая, яко и истинно есть)—и уже тяжка и не милосердна. О, непостоянство злоковарныхъ торжниковъ!"

Поводомъ этой краснорѣчивой выходки противъ „торжниковъ" служилъ извѣстный намъ ничтожный заговоръ Турчанинова; но, очевидно, проповѣдникъ мѣтилъ куда-то дальше и разумѣлъ не одну лишь незначительную кучку совершенно вздорныхъ заговорщиковъ, а кого-то поважнѣе и числомъ поболѣе, кто могъ стоять если не за ихъ спинами, то гдѣ нибудь вблизи. Эта подозрительность имѣла свои основанія.

Мы уже говорили, что Елизавета была, при воцареніи своемъ, для большинства „вожделѣнна" и „сладка", по выраженію витіеватаго ректора; но были и недовольные, и число ихъ съ теченіемъ времени возрастало.

Основанія и источники недовольства были, по существу, тройкіе: претило многимъ, что на царствѣ сидитъ женщина—просто по принципу; другіе подкрѣпляли свое недовольство въ этомъ отношеніи ссылкой на несогласное съ идеаломъ государевой власти развитіе фаворитизма; наконецъ, существовала оппозиція во имя возстановленія правъ лицъ, обойденныхъ или замѣщенныхъ Елизаветою на престолѣ. Конечно, всѣ эти основанія не составляли отдѣльныхъ знаменъ для группировки оппозиціи, а смѣшивались и перемежались. Послѣднее изъ нихъ мы разсмотрѣли въ предшествовавшей главѣ; остановимся теперь на первыхъ двухъ.

Безотносительный и принципіальный ропотъ противъ государыни, только потому что она женщина, „баба", выражали, конечно, люди, большею частью простые, темные, съ старозавѣтнымъ образомъ мыслей. Выражался этотъ ропотъ и протестъ чаще всего въ однѣхъ „пустошныхъ" рѣчахъ и „неудобьсказуемымъ поношеніяхъ", по терминологіи изысканныхъ стиллистовъ тайной канцеляріи, и дальше ихъ не шелъ.

Всѣ эти разсужденія и „поношенія" сводились къ выраженному однажды, при Елизаветѣ Петровнѣ, нѣсколькими вольнодумцами замѣчанію, или какъ бы догмату, что „недостойно-де въ нашемъ Великороссійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть".

Умы пытливые, крѣпкіе логикой, искали подтвержденія этому догмату въ подходящихъ наблюденіяхъ и фактахъ.

Одинъ, напр., строгаго благочестія купецъ находилъ, что „при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ“.... „архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ“.... „купцы земстіи отъ силы пищи ея“—государыни—„и наградъ богатѣютъ, а мизерные люди отъ того разоряются; и на нее-де за непостоянство міра гнѣвъ Божій, и отъ десяти генераловъ сожжена будетъ огнемъ“...

Какой-то воинственный казакъ, съ своей стороны, понося императрицу, сѣтовалъ на нее за то, что „баба-де царствуетъ, такъ и войны нѣтъ; какая-де это служба?.. Государыня-де ѣздитъ, да гуляетъ, она бъ ѣздила въ коллегіи, да дѣла дѣлала, а то-де ѣздитъ все за охотою... Какъ ей и на царствѣ сидѣть?“.

Нѣкто „канцеляріи отъ строеній поручикъ“, желая, „чтобъ попрежнему быть принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ императоромъ“, укорялъ Елизавету Петровну въ томъ, что она „всегда въ трусости находится“, что, „какъ пріѣхала изъ Москвы, такъ ни однажды въ церкви не бывала—только-де всегда упражняется въ комедіяхъ“, что отъ нея, наконецъ, россіянамъ „милости немного“ и проч. „А я бъ дескать, — говорилъ поручикъ въ заключеніе, — взялъ пушекъ пять, и поставилъ бы тутъ и, зарядя ихъ дробью, разстрѣлялъ ее нарочно“ (т. е. императрицу).

Возбуждались такіе „непристойные“ разговоры въ разныхъ мѣстахъ и въ кругу всякаго званія людей, не исключая и отщепившихся отъ суетнаго міра сего монастырскихъ пустынножителей. По крайней мѣрѣ, вотъ какими „злодѣйственными“ словами провинился однажды нѣкій рабъ Божій—Савватій, монахъ ярославскаго Толгскаго монастыря.

Случилось означенному монаху, какъ-то послѣ праздника лѣтняго Николы Чудотворца, въ 1745 году, ночевать вмѣстѣ въ одной кельѣ съ іеромонахомъ Александромъ, іеродіакономъ Игнатіемъ, да бѣлымъ попомъ Ѳедоромъ Петровымъ.

Савватію не спалось, можетъ быть потому, что обрѣтался онъ на тотъ разъ въ праздничномъ настроеніи: „былъ пьянъ, только въ силѣ“, какъ засвидѣтельствовали потомъ его соночлежники. Самъ Савватій не спалъ и товарищамъ спать не давалъ.

„Лежа сперва пѣлъ стихи, а потомъ и пѣсни, а потомъ онъ же Савватій безъ всякихъ разговоровъ (т. е. предварительныхъ разговоровъ) заговорилъ“ ни съ того ни съ сего такъ:

„Бабьи-де городы не стоятъ, а вотъ нынѣ государство баба держитъ... Баба-де не какъ человѣкъ (Савватій выругался сквернымъ словомъ).... Да и приняла-де она невѣрныхъ: вотъ-де наслѣдникъ невѣрный, да и наслѣдница такая же (Савватій опять сосквернословилъ): не могла-де она (т. е. государыня) здѣсь въ Россіи людей выбрать“...

Хотя и есть пословица—что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, но слышавшіе эти „злодѣйственныя“ слова подгулявшаго старца не придали имъ важности, а, можетъ быть, въ тайнѣ души имъ и сочувствовали. Но на бѣду Савватія случилось невдолгѣ одному изъ его сожителей, іеромонаху Александру, попасть подъ арестъ и судъ духовной консисторіи, по обвиненію въ кражѣ и безчинствѣ. Наскучило ли ему томиться въ заключеніи, или же думалъ онъ выслужиться предъ начальствомъ и тѣмъ поправить свое дѣло, только пришло ему на мысль, вспомнивши пьяныя рѣчи Савватія, состряпать изъ этого доносъ. Задумано и сдѣлано.

Въ октябрѣ о. Александръ объявилъ „государево слово и дѣло по первому пункту“, а въ ноябрѣ Савватій и его трое вышепоименованныхъ сожителей, въ сопровожденіи привлеченнаго къ дѣлу мѣстнаго архимандрита, сидѣли уже за рѣшеткой въ аппартаментахъ тайной канцеляріи.

Съ первой же пытки Савватій повинился, оправдываясь лишь тѣмъ, что говорилъ бранныя слова на государыню „за безмѣрнымъ пьянствомъ“... На это оправданіе не посмотрѣли и приговорили: „Дабы онъ (Савватій) впредь отъ такихъ важныхъ продерзостей имѣлъ воздержаніе, сверхъ бывшаго ему розыску учинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ нещадно и сослать въ Оренбургъ въ работу вѣчно“.

Немного выигралъ и іеромонахъ Александръ отъ своего доноса: его вмѣстѣ съ попомъ Ѳедоромъ и іеродіакономъ Игнатіемъ постегали плетьми „за несвоевременный доносъ“. Цѣлъ вышелъ изъ дѣла только архимандритъ, доказавшій, что ему ничего не было извѣстно о вольнодумствѣ Савватія [1]).

Въ то время какъ представители низшихъ классовъ жаловались на Елизавету Петровну за то, что она, какъ высказалъ одинъ изъ нихъ, знатныхъ лицъ — „генераловъ по 10,000 рублей на день“ жалуетъ, а „мизерные отъ того разоряются“, въ средѣ знати слышался противоположный ропотъ.

— Знать ее вообще не любитъ, — говорили въ этой средѣ про императрицу:—она же все простому народу благоволитъ, для того, что сама живетъ просто...

Упрекъ этотъ мотивировался весьма обиднымъ для знати благоволеніемъ императрицы къ такимъ представителямъ „простаго народа“, какъ Разумовскіе и ихъ присные. Вообще, необыкновенно быстрое возвышеніе Разумовскихъ крайне скандализировало тогда все общество и весь дворъ. Люди родовитые и сановные, съ аристократическими претензіями, относились съ презрѣніемъ къ темному, незнатному происхожденію фаворитовъ Елизаветы и язвительно честили ихъ промежъ себя „гунсфатами“, „канальями“ и „непотребными людьми“...

---

[1]) Дѣло тайной канцеляріи о монахѣ Савватіѣ. (Изъ портфеля ред. „Истор. Вѣстника“).

— Разумовскіе-де прежде тапливали печи, а нынѣ баба бабски нажаловала ихъ, говорили одни.

— Пѣвчіе-де ея императорскаго величества, которые пожалованы дворянами, у старыхъ дворянъ старшинство отымаютъ, жаловались другіе.

Этотъ аристократическій протестъ рельефнѣе всего выразился въ извѣстномъ Лопухинскомъ дѣлѣ. Главныя дѣйствующія лица этого дѣла чувствовали себя лично униженными и оскорбленными, и съ этого началась ихъ оппозиція.

Лопухины говорили, что „отъ ея величества обижены: деревня отнята, а вины они за собой никакой не знаютъ, и жалѣли, что не Анна Леопольдовна въ правительствѣ. Еще говорили, что ея величество жалуетъ такихъ, которые непотребны и не столько заслужили, какъ они, и нынѣ камеръ-юнкеровъ потому и узнаешь, кто въ красномъ платьѣ"...

Лично Иванъ Лопухинъ жаловался, что онъ, бывши при прежнемъ правительствѣ полковникомъ, „нынѣ опредѣленъ въ подполковники, и то невѣдомо куда—въ гвардію, или армію". Это ли не обида?

Еще болѣе обиженной чувствовала себя знаменитая красавица Наталья Лопухина, возбуждавшая соперническую зависть въ государынѣ и жестоко поплатившаяся за дерзкое желаніе превзойти ее прелестью и костюмомъ.

Вообще же, всѣ эти обиды и жалобы сводились къ заключенію, что „плохо подъ бабьимъ правительствомъ" быть. По увѣренію же И. С. Лопухина, „весь свѣтъ" о томъ говорилъ, что Елизавета неправо сѣла на престолъ, и что „долго-ли-де намъ такъ безсчастнымъ быть, что мы подъ бабьимъ правленіемъ находимся"?..

Въ сущности, этого рода протестантовъ дѣлало „безсчастными" не „бабье правленіе", а то, что на ихъ долю не приходилось имъ пользоваться на основаніи фавора. Это было соперничество эгоизмовъ, раздраженныхъ соблазнительной перспективой непомѣрно быстраго и легкаго пріобрѣтенія всяческихъ благъ, почестей и значенія, путемъ эксплоатированія женской слабости государыни, ея щедрости и неопытности, ея, наконецъ, страха за свою личную безопасность и прочность своей власти. Претендентовъ на участіе въ пользованіи этими обстоятельствами и фаворомъ императрицы явилось въ это время великое множество. У всѣхъ былъ передъ глазами обаятельный примѣръ Разумовскихъ, которые поэтому и дѣлаются предметомъ зависти, соперничества и ненависти для всѣхъ честолюбцевъ и карьеристовъ съ разгорѣвшимися алчными аппетитами.

Впрочемъ, „случай" Алексѣя Разумовскаго, его чрезмѣрное возвышеніе и громадное вліяніе, пріобрѣтенныя не умомъ, не талантомъ и заслугами, а путемъ интимнаго фаворитизма, возмущали и людей безкорыстныхъ—современныхъ моралистовъ и патріотовъ. Въ массѣ тоже къ нему не благоволили и на его счетъ ходили крайне не-

выгодные толки. Мы уже упоминали, что молва часто взваливала на фаворита всѣ свои обиды и свое недовольство всѣмъ режимомъ „бабьяго правленія".

Подобно тому, какъ въ предшествовавшія царствованія винили Бирона за то, что онъ нѣмецъ и во всемъ далъ волю нѣмцамъ, такъ теперь укоряли Разумовскаго въ его хохлацкомъ происхожденіи и въ томъ, что онъ покровительствуетъ своимъ землякамъ въ ущербъ великороссамъ. Явился даже нелѣпый слухъ, будто бы онъ составилъ команду изъ малороссіянъ, спеціально для истребленія русскихъ. Говорили также, что онъ, съ помощью колдуновъ—малороссовъ же, „обошелъ" императрицу, подчинилъ ее своей волѣ и охладилъ ее къ наслѣднику престола, котораго, будто бы, шесть разъ приводилъ къ смерти. Кромѣ того, винили Разумовскаго въ корыстолюбіи и хищности, ради которыхъ онъ обобралъ императорскій дворецъ—вывезъ изъ него царскія старинныя драгоцѣнности и отослалъ ихъ къ матери... Толковъ такихъ ходило множество.

Зависть къ Разумовскимъ и поползновеніе эксплоатировать государыню проникали въ среду не только вельможъ и лицъ сановныхъ, но и людей незнатныхъ, низшаго служилаго, особенно военнаго сословія. Притязательность и разнузданность, напримѣръ, знаменитыхъ лейбъ-кампанцевъ положительно не знали предѣловъ. Опираясь на свою услугу Елизаветѣ Петровнѣ, при ея воцареніи, они неимовѣрно зазнались, стали нестерпимо наглы, придирчивы и требовательны. Вымогательствамъ и претензіямъ лейбъ-кампанцевъ не было конца, а дерзость ихъ не знала удержу.

Одинъ изъ нихъ, сержантъ Грюнштейнъ (крещеный еврей), главный дѣятель при арестѣ семейства Ивана Антоновича, необыкновенно щедро награжденный, доходилъ до такого неслыханнаго нахальства, что осмѣливался, ворвавшись къ Разумовскому, настойчиво требовать удаленія со службы генералъ-прокурора, князя Трубецкаго, и угрожалъ, въ случаѣ неисполненія его требованія, открыто убить князя, какъ измѣнника государству, съ его, Грюнштейна, точки зрѣнія...

И подобныя выходки преблагополучно сходили съ рукъ лейбъ-кампанцамъ, потому что въ нихъ заискивали и ихъ боялись. До такой степени правительство Елизаветы Петровны чувствовало себя безсильнымъ и непрочнымъ—черта, рельефно отличающая „бабье правленіе!"...

По еврейской натурѣ, Грюнштейнъ, не встрѣчая отпора и острастки, зашелъ въ своей наглости такъ далеко, что его, наконецъ, понадобилось унять. Онъ сталъ открыто возставать на Алексѣя Разумовскаго, а встрѣтившись какъ-то дорогой съ его близкими родственниками, затѣялъ съ ними скандалезную ссору, нанесъ имъ жестокія оскорбленія и, попросту, отколотилъ.

Во время этой свалки онъ ругалъ Разумовскаго скверными словами и кричалъ на всю улицу:

— Я Алексѣя Григорьевича услугою лучше и онъ чрезъ меня имѣетъ счастье, а теперь за нимъ и намъ добра нѣтъ; его государыня жалуетъ, а мы погибаемъ... Вашъ богъ Разумовскій воскресъ чрезъ меня, а мы теперь страждемъ!

И эти жалобы на „погибель“ и „страданіе“ высказывались какъ разъ въ ту минуту, когда родную сестру фаворита и ея мужа команда Грюнштейна, по его приказанію, таскала за волосы и тузила дубинами... Сцена вышла поэтому нелишенной іудейскаго юмора... Разумовскій очень любилъ свою родню, и продерзость Грюнштейна, на этотъ разъ, не прошла для него безнаказанно...

Послабленіе власти и дисциплины въ лейбъ-кампаніи, ради пріобрѣтенія популярности, распространялось на всю вообще солдатчину, сосредоточенную въ столицѣ. Ея распущенность и деморализація въ дни Елизаветы засвидѣтельствованы множествомъ фактовъ буйства и дебоширства солдатъ, одно время державшихъ въ страхѣ все мирное населеніе столицы.

Вышедшіе изъ дисциплины, до-нельзя зазнавшіеся храбрые воины позволяли себѣ иногда самыя дерзкія выходки даже противъ начальства и высшихъ сановниковъ... И все это во имя, яко бы, патріотизма и преданности къ государынѣ, въ разсчетѣ заслужить ея признательность!

Очень характеристичное, въ этомъ отношеніи, дѣло разбиралось въ концѣ 1745 года въ тайной канцеляріи.

21 декабря, вечеромъ, „незнамо“ откуда возвратился домой Невскаго полка сержантъ Ярославовъ „безмѣрно пьянъ.“ Жившіе съ нимъ въ одной квартирѣ однополчанинъ поручикъ князь А. Ухтомскій и Суздальскаго полка прапорщикъ князь Ф. Чегодаевъ спросили, гдѣ онъ такъ напился.

— Былъ я, — отвѣчалъ Ярославовъ, — съ поручикомъ Невскаго полка, Яковомъ Зелхомъ, въ Милліонной улицѣ въ погребѣ, пили мы виноградные напитки, и изъ того погребу увезли съ собою б....., и когда съ нею ѣхали на извощикѣ по Милліонной, наѣхала на насъ ея императорское величество и ѣздовые кричали: „Поди! поди!“ То-де мы и сами тѣмъ ѣздовымъ кричали: „Сами-де поди!,“ и бранили ихъ, тако-жъ и кто изъ генераловъ и придворныхъ ѣхали, матерно. И ту брань изволила услышать ея и. величество и соизволила указать взять насъ подъ караулъ; и тогда, услышавъ о томъ, я соскочилъ съ саней и ушелъ, а поручикъ Зелхъ остался и взятъ подъ караулъ...

— Для чего ты такіе непотребные поступки чинишь? — сказали Чегодаевъ и Ухтомскій, возмущенные поведеніемъ коллеги.

— Экая великая диковина,—возразилъ легкомысленный сержантъ,— что выбранили мы генерала или ѣздоваго! Сама императрица такой же человѣкъ, какъ и я, только тѣмъ преимущество имѣетъ, что царствуетъ.

— Для чего ты такія слова употребляешь и примѣняешь себя къ монарху?—унимали собесѣдники Ярославова, „чтобъ онъ перепересталъ врать."

— Прахъ возьми (Ярославовъ выразился гораздо сильнѣе) и генераловъ всѣхъ, и тѣхъ, кто ихъ жаловалъ! Я и то знаю, что Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ хотѣлъ государыню окормить, а Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Александръ Ивановичъ Румянцевъ хотѣли ее, государыню, съ престола свергнуть, чтобъ быть по-прежнему на престолѣ Іоанну третьему; а Александръ Борисовичъ Бестужевъ хочетъ ее, государыню, срубить.. Прахъ возьми (крѣпкое слово) всѣхъ генераловъ и всѣхъ, кто на свѣтѣ есть!... За мною слово и дѣло!—неожиданно возгласилъ расходившійся сержантъ.

— Перестань врать!—останавливали его товарищи.

— Слово и дѣло за мной!

Вслѣдъ за этимъ Ярославовъ снялъ со стѣны образъ и требовалъ, чтобъ Чегодаевъ и Ухтомскій приложились къ нему, такъ какъ всѣмъ имъ вмѣстѣ умереть.

— Сперва,—говорилъ онъ,—васъ казнятъ, и я на вашу смерть погляжу, а потомъ пускай и меня казнятъ!... Я знаю, что Ушаковъ въ тайной канцеляріи первый членъ, и вѣдаю, что ему не миновать смерти—быть колесовану, а другому въ той канцеляріи члену Игнатьеву не миновать же смерти—быть повѣшену...

Все это были пьяныя бредни, хотя и очень рельефно отражавшія въ себѣ тогдашнее настроеніе данной среды, но князю Чегодаеву показались онѣ отличнымъ матеріаломъ для доноса, въ видахъ споспѣшествованія своей служебной карьерѣ. Не теряя золотаго времени, онъ послѣ того, какъ Ярославовъ впалъ въ неистовство и хотѣлъ было себя заколоть, тихонько выскользнулъ изъ горницы, подговорилъ въ сѣняхъ солдата Карташова, бывшаго у Ухтомскаго „на вѣстяхъ," стать свидѣтелемъ предстоявшаго „слова и дѣла," и отправился по начальству, къ полковнику Леонтьеву.

Ярославовъ, не взирая на хмѣль, догадался—куда и зачѣмъ ушелъ его пріятель. На этотъ счетъ нравы тогда были такіе, что въ подобныхъ оказіяхъ сомнѣній не могло быть въ намѣреніяхъ услужливыхъ пріятелей. Какъ встрепанный, выскочилъ опомнившійся молодой человѣкъ на улицу и нагналъ Чегодаева.

— Ты идешь на меня доносить?—сказалъ онъ безъ обиняковъ.— Не доноси, воротись домой!

— Доносить не стану,—слукавилъ Чегодаевъ,—но домой не пойду.

Ярославовъ, видя, что дѣло плохо, схватилъ пріятеля за кафтанъ и закричалъ: „караулъ!"

Намѣреніе у него было такое, какъ потомъ онъ пояснилъ: „Коли пропадать, такъ пускай и я, и Чегодаевъ вмѣстѣ пропадемъ!" Но Чегодаевъ успѣлъ вырваться изъ его рукъ и, прибѣжавъ къ Леонтьеву, заявилъ свое „слово и дѣло". Вслѣдъ за нимъ и для той же

экстренной надобности прибѣжалъ къ Леонтьеву и князь Ухтомскій, сообразившій, что его безучастіе въ доносѣ можетъ ему теперь дорого обойтись.

Несчастнаго Ярославова, почти мальчика по возрасту (ему было всего 19 лѣтъ), долго томили въ тюрьмѣ, допрашивали и мучили пытками, но только и добились, что все то, что показали на него добрые товарищи, говорилъ онъ „за безмѣрнымъ пьянствомъ, ничего не помнитъ,“ и съ чего тѣ „непристойныя слова пришли ему въ мысль—онъ не знаетъ...“ [1]).

Мы теперь знаемъ, съ чего у тогдашнихъ вольнодумцевъ приходили „въ мысль“ такія „продерзкія“ и отрицательныя воззрѣнія на сильныхъ міра сего, и видимъ въ Ярославовѣ одну изъ многочисленныхъ жертвъ той смуты и того разлада, которые вносились въ общественное сознаніе нарушеніями правоваго порядка въ преемничествѣ верховной власти.

IX.

Царствованіе императрицы Екатерины II, несмотря на всю мудрость и величіе этой государыни, было особенно богато проявленіями и мятежными вспышками оппозиціи „бабьему правленію“ вообще, и протеста перевороту 28 іюня 1762 года въ частности, во имя генетической идеи государя и ея конкретныхъ—мнимыхъ и дѣйствительныхъ — представителей, въ лицѣ Петра III, Ивана Антоновича и впослѣдствіи Павла Петровича, какъ истинныхъ монарховъ, насильственно устраненныхъ съ престола.

Замѣчательная аналогичность и, такъ сказать, хроническая повторяемость этого рода явленій, по мотивамъ и по ихъ формѣ, невольно бросаются въ глаза и придаютъ имъ въ совокупности значеніе отличительнаго, характеристическаго недуга всего періода царствованія государынь въ прошломъ столѣтіи. И какъ всякій недугъ, питаемый существованіемъ его источника, явленія эти съ теченіемъ времени становятся все чаще, проявляются все съ бо́льшей напряженностью и обостренностью, пока, наконецъ, не разрѣшаются такимъ страшнымъ, огромнымъ вередомъ, парализовавшимъ на время весь общественный организмъ, какимъ была для Россіи Пугачевщина...

Присутствіе этого недуга и неизбѣжность его острыхъ проявленій, очевидныя для насъ теперь на основаніи историческаго діагноза, ясно сознавались и въ то время наиболѣе проницательными и чуткими государственными умами, какимъ отличалась Екатерина. Это сознаніе не оставляло ее въ самыя спокойныя и счастливыя минуты, когда все кругомъ, повидимому, единодушно ликовало и обнаружи-

---

[1]) Дѣло тайной канцеляріи. (Изъ портфеля ред. „Истор. Вѣстн.“).

вало полное довольство сложившимся порядкомъ. Съ самаго начала своего царствованія и потомъ непрерывно, Екатерина, подъ тревожнымъ давленіемъ мысли о возможности вспышекъ оппозиціи и протеста, принимаетъ всевозможныя мѣры для ихъ предупрежденія и пресѣченія. Мысль эта явно гнететъ ее, часто связываетъ ей руки, заставляетъ иногда дѣлать уступки своимъ убѣжденіямъ о благѣ и пользѣ народа въ угоду тѣмъ элементамъ, въ натурѣ которыхъ ощущалось присутствіе этой мятежной горючести и возможность ея активныхъ вспышекъ. Въ безпокойномъ опасеніи чѣмъ нибудь воспламенить эту затаенную, тлѣющую искру и въ понятномъ желаніи обезоружить тѣхъ, кто вздумалъ бы ею воспользоваться съ преступной цѣлью, императрица вынуждается нерѣдко прибѣгать къ лицемѣрію и къ потворству такимъ людямъ и такимъ дѣйствіямъ, которые ей противны и по натурѣ, и по принципу. Это состояніе, похожее на то, которое испытываетъ человѣкъ, находящійся въ зависимости отъ ближнихъ, имѣющихъ, про всякій случай, за пазухой готовый и неотразимый противъ него камень,—особенно сильно удручало Екатерину въ первые годы ея царствованія, когда положеніе ея и популярность недостаточно еще упрочились.

Все это, съ одной стороны, портило и омрачало личный характеръ государыни, пріучивъ ее къ подозрительности и притворству, и, съ другой, вносило извѣстную долю фальши и макіавелизма въ ея дѣятельность и въ ея отношенія къ окружающимъ.

Малѣйшій намекъ на вопросъ о правильности ея воцаренія, всякое самое пустое „вранье", какъ называла она толки объ этомъ предметѣ, раздражаютъ ее, волнуютъ и тревожатъ. Это—ея больное мѣсто, прикосновеніе къ которому, хотя бы самое легкое и невинное, потрясаетъ ее и заставляетъ прибѣгать къ такимъ, неблаговиднымъ самимъ по себѣ и противорѣчившимъ ея образу мыслей, дѣйствіямъ и мѣрамъ, какъ, напр., учрежденіе негласной политической инквизиціи съ знаменитымъ Шешковскимъ во главѣ, „перелюстрація" частной переписки, замаскированное, а иногда открытое, преслѣдованіе личностей достойныхъ, навлекшихъ почему либо незаслуженныя подозрѣнія, и въ томъ числѣ самого наслѣдника престола, и т. п.

Эта боязливая мнительность приводитъ иногда Екатерину къ явно несообразнымъ, по своей неосуществимости, распоряженіямъ, не говоря уже объ ихъ деморализующемъ соблазнѣ. Такъ, въ 1765 году, по поводу дѣла Хитрова, она издаетъ манифестъ „о молчаньѣ".

„Воля наша есть,—говорилось въ манифестѣ,—чтобы всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои"... „сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не

принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, стараются заражать и другихъ слабоумныхъ". Манифестъ оканчивался угрозой, что, если это „матернее увѣщеваніе" держать языкъ за зубами не подѣйствуетъ, „то вѣдалъ бы каждый изъ таковыхъ невѣждей", что тогда будетъ поступлено съ нимъ „по всей строгости законовъ".

„Увѣщеваніе" это должно было произвести странное, неблагопріятное впечатлѣніе на умы и тѣмъ менѣе достигнуть цѣли, что въ немъ ни однимъ словомъ не упоминалось о самомъ предметѣ „продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній". Повелѣвалось молчать, а объ чемъ именно молчать—неизвѣстно! Несообразность логическая; но, сверхъ того, такія наивно-деспотическія приказанія, претендующія налагать узду на мысль и совѣсть гражданъ, неуловимыя для полицейскаго контроля, только безъ нужды компрометируютъ авторитетъ власти и, по естественному порядку, возбуждаютъ усиленные толки о томъ самомъ предметѣ, о которомъ воспрещается говорить.

Подобныя распоряженія, столь несогласныя съ свободолюбіемъ Екатерины, съ ея высокимъ государственнымъ умомъ и всегда отличавшимъ ее политическимъ тактомъ, свидѣтельствуютъ только всю глубину ея тревожнаго состоянія, въ которое ее повергала малѣйшая тѣнь сомнѣнія въ правильности ея воцаренія. Это же указываетъ, что въ тайнѣ души она сама была причастна такому сомнѣнію и сознавала всю его цѣпкость и неотразимость.

Но, быть можетъ, всего ярче и разрушительнѣе отразились указанныя здѣсь условія на преобразовательной дѣятельности Екатерины. Сдѣлала она, положимъ, много для Россіи; но нельзя не признать того факта, что темныя побужденія, внушаемыя непрерывно стоявшимъ настороже эгоистическимъ инстинктомъ самосохраненія, часто парализовали ея волю въ наилучшихъ начинаніяхъ, напримѣръ,—по облегченію участи крестьянъ. Неувѣренная въ твердости своего положенія и въ совершенной непререкаемости своихъ правъ, она останавливается въ своихъ реформахъ на полпути единственно изъ боязни умножить ряды недовольныхъ изъ привиллегированныхъ и наиболѣе вліятельныхъ классовъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи status quo. Недовольство это, несправедливое въ своемъ основаніи, было бы нестрашно предъ лицомъ самодержавнаго государя, пекущагося о благѣ огромнаго большинства своихъ подданныхъ; но въ данномъ случаѣ съ нимъ нельзя не считаться, потому что у него за пазухой есть опасный камень, отразить который не легко. Въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ переворотъ 28-го іюня, въ возможности повторить его, и еще съ тѣмъ юридическимъ преимуществомъ, что теперь дѣло шло бы о замѣщеніи „неправо" сѣвшей на престолъ женщины истиннымъ государемъ мужскаго пола,—было страшное оружіе, на которое косились взгляды всѣхъ недовольныхъ и къ которому протягивались руки наиболѣе рѣшительныхъ изъ нихъ... Уничтожить это оружіе было невозможно — оставалось стараться заставить забыть о немъ, и

тутъ начинались малодушныя сдѣлки съ частными и коллективными эгоизмами, ради ихъ удовлетворенія и хотя бы въ ущербъ общему благу.

Изъ этого же источника происходили и тѣ послабленія хищничеству и произволу фаворитовъ, изъ коихъ каждый, по отзыву князя Щербатова, „какимъ нибудь порокомъ за взятые милліоны одолжилъ Россію", — тѣ послабленія, говоримъ, которыя, по отзыву другаго историка, были „большою помѣхою славѣ Екатерины и совершенію ея великихъ плановъ".

Державинъ, такъ много, громко и цвѣтисто воспѣвавшій Екатерину, указываетъ въ своихъ „Запискахъ" на ту же слабость ея и категорически опредѣляетъ источникъ, изъ котораго она происходила. Онъ говоритъ, между прочимъ, что „строгое потомство" едва ли „удержитъ по вѣчность имя великой" за этой государыней, потому что она „не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ".

Еще опредѣленнѣе и точнѣе отмѣтили эту черту Екатерины наблюдательные иностранцы—послы, бывшіе при петербургскомъ дворѣ.

Графъ Бекингамъ (англійскій посолъ), которому Екатерина сознавалась въ своемъ безотчетно-тревожномъ состояніи, писалъ, что она, „стѣсненная обязательствами, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми должна была считать себя окруженною, не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ее людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать".

Французскій посолъ Бретёйль, наблюдая „тяжелую работу, съ какою императрица старалась понравиться всѣмъ и сама въ разговорѣ съ нимъ уподобляла себя зайцу, травимому со всѣхъ сторонъ, замѣчаетъ, что съ воцареніемъ она „стала обнаруживать слабость и колебаніе — недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи!"

Указанія эти драгоцѣнны для насъ въ интересѣ пониманія какъ личной жизни государынь, удручаемой роковымъ противорѣчіемъ ихъ положенія, такъ и той общественно-политической атмосферы, которую создавало „бабье правленіе", въ связи съ дворцовыми переворотами. Душно и нездорово должна была чувствовать себя такая чуткая, дальновидная женщина, какою была Екатерина, въ этой атмосферѣ, насыщенной міазмами разнузданныхъ эгоистическихъ инстинктовъ и ядомъ затаеннаго предательства, нагло выказывающаго клыки для шантажа!

Анализируя образъ дѣйствій Екатерины, видимъ, что темное чувство боязни лежало неизгладимой тѣнью на ея душѣ, искажало ея благородный характеръ, тормозило ея чуткую къ добру волю и заставляло нерѣдко относиться снисходительно къ злу. Но посмотримъ, въ какой мѣрѣ эта боязнь питалась и оправдывалась фактами?

Нужно замѣтить, что воцареніе Екатерины было неожиданностью не только для общества, но даже для многихъ ея сторонниковъ, желавшихъ низверженія Петра III.

Опытъ прежнихъ женскихъ царствованій далеко не расположилъ русскихъ людей въ пользу практики „бабьяго правленія" на дальнѣйшее время. Петръ III, незадолго до сверженія, котораго онъ не допускалъ даже въ подозрѣніи, писалъ Фридриху II, что „русскіе всегда желали одного—быть подъ властію государя, а не женщины. Двадцать разъ,—говоритъ онъ,—я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: „Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе были нашимъ государемъ, чтобъ не быть намъ больше подъ властію женщины"!

Сама Екатерина въ рѣшительную минуту, разсчитывая на успѣхъ задуманнаго переворота, вовсе, однако жъ, не была увѣрена въ своемъ избраніи. Ей было извѣстно предположеніе, раздѣлявшееся вліятельнѣйшими и серьезнѣйшими людьми ея партіи, и въ томъ числѣ многими прямыми участниками заговора,—по низверженіи Петра III возвести на престолъ наслѣдника Павла Петровича, а до его совершеннолѣтія сдѣлать государыню регентшей. Таковъ былъ планъ, между прочимъ, знаменитаго Н. И. Панина, стоявшаго во главѣ оппозиціи Петру III. Не подлежитъ сомнѣнію, что при нормальномъ и спокойномъ ходѣ вещей, гдѣ вопросъ объ избраніи обсуждался бы правильно, при участіи всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ, дѣло такъ бы и уладилось, тѣмъ болѣе, что иного рѣшенія не давалъ и прямой законъ о престолонаслѣдіи. Но нарушеніе этого закона было уже не въ диковину, а опыты предшествовавшихъ дворцовыхъ переворотовъ давали прекрасный урокъ, какъ ихъ нужно дѣлать, не спрашивая мнѣній и желаній общества и народа...

Стоя на строгой почвѣ историческихъ фактовъ, мы должны сказать, что провозглашеніе Екатерины императрицей было дѣломъ небольшой кучки ея приближенныхъ, главнымъ образомъ—Орловыхъ, людей молодыхъ, энергическихъ и смѣлыхъ, съумѣвшихъ воспользоваться удобной минутой для переворота, поднять и наэлектризовать толпу гвардейскихъ солдатъ, возбужденную, съ одной стороны, недовольствомъ антипатичными голштинскими порядками Петра III, а съ другой—перспективой льготъ и наградъ, на которыя смѣло можно было разсчитывать въ случаѣ удачи „дѣйства". Безъ сомнѣнія, толпа эта, какъ всякая толпа, очень смутно понимала смыслъ переворота, котораго она являлась орудіемъ, вовсе не вдавалась въ соображенія о правовомъ порядкѣ престолонаслѣдія, а, дѣйствуя порывомъ, подъ горячимъ впечатлѣніемъ минуты, выкрикнула безотчетно то имя,

которое ей подсказали коноводы, и пошла за тѣмъ лицомъ, которое первое явилось предъ ней въ роли вождя и во всеоружіи правъ представителя царствующей династіи.

Къ счастію, на этотъ разъ съ рѣшеніемъ военной толпы совпали желанія большинства общества, и Провидѣнію было угодно такимъ экстравагантнымъ путемъ даровать Россіи великую государыню; но вначалѣ многіе были смущены неожиданнымъ оборотомъ событій, возникъ цѣлый рядъ сомнѣній и недоразумѣній въ средѣ даже преданныхъ государынѣ людей серьезнаго образа мыслей, желавшихъ, какъ Панинъ, напр., чтобы переворотъ совершился при непосредственномъ участіи сената.

„Екатеринѣ, — говоритъ Соловьевъ, — нужно было много лѣтъ искуснаго, твердаго и счастливаго правленія, чтобъ.... заставить признать законность своей власти. Въ первое время царствованія это признаніе не было всеобщимъ, и въ Европѣ не было еще увѣренности, что Екатерина удержится на престолѣ“.

Прежде всего къ такому признанію весьма неохотно склонялись вельможные люди, замышлявшіе, съ устраненіемъ Петра III, возвести на престолъ Павла Петровича. Они не могли быть довольны неожиданнымъ оборотомъ, даннымъ этому вопросу сангвиническими героями „дѣйства“ 28-го іюня, и чтобы повернуть дѣло сколько нибудь на свой ладъ, выступаютъ съ предложеніемъ ограничить власть императрицы чѣмъ-то въ родѣ верховнаго совѣта. Пружины въ этомъ замыслѣ старыя—тѣ же самыя, которыя двигали „затѣйкой“ блаженной памяти „верховниковъ“ въ дни Анны Ивановны. Съ одной стороны, желаніе „воли себѣ прибавить“, пользуясь удобнымъ случаемъ—шаткостью положенія Екатерины и ея женской податливостью, съ другой—неискоренимое предубѣжденіе противъ „бабьяго правленія“ съ его послѣдствіями.

Авторъ и главный руководитель этого плана, Н. И. Панинъ, мечтавшій о введеніи шведской конституціи въ Россіи, проводилъ ту мысль, что власть монархическая „никакъ инако въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“. На этомъ основаніи и въ огражденіе „самодержавной власти отъ скрытыхъ похитителей оныя“ (фаворитовъ), онъ предлагалъ учрежденіе императорскаго совѣта, который долженъ былъ представлять собою „не иное что, какъ то самое мѣсто, гдѣ мы (государыня) объ имперіи трудимся“.

Въ своемъ докладѣ Панинъ мотивируетъ предложенный проектъ ссылкой на несовершенства и слабыя стороны царствованія Елизаветы. Въ сущности же, это—откровенная и рѣзкая діатриба противъ женскаго правленія вообще. Указывая на недостатки и погрѣшности Елизаветы, авторъ прямо намекаетъ на возможность повторенія и теперь тѣхъ же послѣдствій фигурированія женщины на престолѣ, и

чтобъ устранить эти послѣдствія, предлагаетъ ограничить власть императрицы. Таковъ былъ смыслъ доклада Панина и такъ именно поняла его Екатерина.

Панинъ въ язвительныхъ выраженіяхъ возставалъ главнымъ образомъ противъ одного изъ неизбѣжныхъ послѣдствій женскаго правленія, противъ фаворитизма—противъ „случайныхъ и припадочныхъ людей“, которые, пользуясь слабостью и малодѣятельностью государыни—женщины, составляютъ „всегда злоключительный общему благу интервалъ“ между престоломъ и правительствомъ. „Они, временщики и куртизаны,—говоритъ онъ,—сдѣлали въ немъ (т. е. въ правительствѣ), яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго неимѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю“..... „Большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ; государственныя оставались безъ призрѣнія; все было смѣшано; всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаверъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству“... „Фаворитъ остался душою животворящею или умерщвляющею государство; онъ вѣтромъ и непостоянствомъ погруженъ, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти“...

Эти стрѣлы мѣтили не въ бровь, а въ глазъ... При восшествіи на престолъ, фавориты Екатерины уже обозначились, а одинъ изъ нихъ простиралъ свои властолюбивые виды слишкомъ далеко. Панинъ зналъ о предполагавшемся тогда бракѣ императрицы съ Григоріемъ Орловымъ, и намъ становится понятной страстность его протеста, подписаннаго переднимъ числомъ и несомнѣнно внушеннаго патріотическимъ чувствомъ, чего, однако, не хочетъ признать Соловьевъ, предполагающій, что Никитой Ивановичемъ руководили въ этомъ случаѣ своекорыстіе и властолюбіе... Это совершенно несправедливо!

Панинъ и его единомышленники не знали еще тогда, на что́ способна Екатерина, не видѣли еще результатовъ ея дѣятельности и не подозрѣвали въ ней присутствія того государственнаго генія, который развернулся потомъ. На глазахъ у нихъ былъ пока только рядъ неудачныхъ опытовъ женскаго правленія,—и естественно было имъ тревожиться предъ открывавшейся возможностью повторенія этихъ опытовъ.

Екатерина подписала проектъ, составленный Панинымъ, съ нѣкоторыми исправленіями, но онъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе во всемъ пространствѣ, а вскорѣ и вовсе преданъ былъ забвенію. Екатеринѣ, стремившейся къ самовластію, онъ былъ крайне непріятенъ, и если она первоначально приняла его, то—поневолѣ, единственно изъ разсчета согласить съ собою оппозиціонные элементы въ средѣ вліятельнаго высшаго служебнаго міра и обезоружить ихъ.

Въ значительной степени ей это удалось. Впослѣдствіи и Панинъ, и всѣ его единомышленники, совершенно примирились съ установившимся порядкомъ, покрайней мѣрѣ наружно. Оппозиція съ этой стороны улеглась, хотя нельзя сказать, чтобы люди такого закала, какъ Панинъ, моралисты и мыслители, съ твердо сложившимся міровоззрѣніемъ, признавали внутренно этотъ порядокъ нормальнымъ и ничего болѣе совершеннаго, съ ихъ точки зрѣнія, не хотѣли желать.

Взгляды этого сорта людей на женское правленіе вообще, ихъ принципіальное предубѣжденіе къ нему, питавшееся отрицательными послѣдствіями царствованія женщинъ, въ которыхъ не было недостатка и въ дни Екатерины, рельефно и краснорѣчиво выражены въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ литературы XVIII столѣтія. Мы говоримъ объ извѣстномъ сочиненіи кн. Щербатова—„Поврежденіе нравовъ въ Россіи“, которое, въ сущности, есть ничто иное, какъ обвинительный актъ всему періоду женскаго правленія въ нашей исторіи. Вся эта книга насквозь проникнута частью рѣзко-отрицательнымъ, частью желчно-скептическимъ отношеніемъ ко всѣмъ женскимъ царствованіямъ, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится всякій, кто читалъ эту книгу. Мы обратимъ здѣсь вниманіе только на ея конечный выводъ.

Выводъ этотъ самъ собою явствуетъ уже изъ того, что авторъ весь названный періодъ отождествилъ съ эпохой упадка и „поврежденія“ нравовъ въ Россіи и ея „плачевнаго состоянія“ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ онъ думалъ. Дѣло въ томъ, что онъ—строгій монархистъ, исповѣдующій самодержавіе во всей его чистотѣ, и—съ этой точки зрѣнія—смотритъ на царствованіе женщинъ, какъ на печальную случайность и аномалію.

Заканчивая свои скорбныя ламентаціи, кн. Щербатовъ патріотически молитъ Бога, „чтобъ лучшимъ царствованіемъ зло истреблено было“, чтобы Богъ послалъ Россіи „государя, искренно привязаннаго къ закону Божію; строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя; умѣреннаго въ пышности... награждающаго добродѣтели и ненавидящаго пороки... постоянна въ дружбѣ; показующаго примѣръ собою своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любострастіе; щедра безъ расточительности“ и т. д.

Въ этихъ, намѣченныхъ Щербатовымъ, чертахъ идеала государя явно сквозитъ косвенное, иносказательное изобличеніе темныхъ, сомнительныхъ сторонъ царствованія Екатерины и, вообще, временъ „бабьяго правленія“. Намѣчая положительныя качества желаннаго государя, Щербатовъ умышленно подобралъ противоположенія качествамъ отрицательнымъ, которыми, на его взглядъ, отличались личности Елизаветы и Екатерины. За всѣмъ тѣмъ, прося Бога о „лучшемъ царствованіи“ для Россіи въ будущемъ, онъ разумѣетъ исключительно личность государя, въ мужскомъ полѣ безусловно, отвергая возможность повторенія „бабьяго правленія“.

Но люди, подобные князю Щербатову, были не страшны. Ихъ оппозиція была дѣломъ принципа, внутренняго убѣжденія, и не выходила изъ области отвлеченно-теоретической. Друзья порядка и законности, нравственно покоренные, къ тому же, Екатериною, съ одной стороны, милостями, съ другой—блестящими дѣяніями ея царствованія,—они никогда и не помышляли о какой нибудь активной попыткѣ переиначить дѣло на свой ладъ... Опасность шла съ другихъ сторонъ; другая оппозиція—мятежная—не давала о себѣ забыть; во все царствованіе Екатерины она то тамъ, то здѣсь, поднимаетъ свою многоглавую, змѣиную пасть, подъ иными разнообразными личинами, и—съ этой гидрой нужно было уже считаться, не покладая рукъ.

X.

Въ царствованіе Екатерины II недовольству „бабьимъ правленіемъ“ было за что зацѣпиться болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Кончина Петра III, окруженная таинственностью, дѣлается предметомъ сомнѣній и сожалѣній; изъ сомнѣній выростаетъ призракъ, смущающій умы легковѣрныхъ,—благодарное орудіе обмана для смѣлыхъ „воровскихъ“ предпріятій.

Въ Шлиссельбургѣ живетъ пока несчастный Иванушка... Новое и болѣе реальное искушеніе для тѣхъ, кто не даетъ ослѣпить себя призракомъ и отыскиваетъ живаго, дѣйствительнаго замѣстителя на престолѣ неугодной „персоны“.

Въ Петербургѣ подростаетъ великій князь Павелъ Петровичъ... Онъ — наслѣдникъ престола; но отчего не государь, отчего онъ не коронованъ, если такъ слѣдовало бы по праву? Еще искушеніе вмѣшаться въ дѣло, во имя попранной законности, и перевернуть его на свой вкусъ.

Всѣ эти имена являются готовыми знаменами мятежа, за которыя хватаются буйныя головы и постоянно находятъ достаточное число легковѣрныхъ и недовольныхъ, съ рѣшимостью идти за ними на опасное и беззаконное дѣло. Все то, что испытывало „тяготу неудобоносимую“ отъ бремени налоговъ, отъ помѣщичьяго и приказнаго произвола, отъ правосудія, отъ солдатчины и проч.,—а такого народа на Руси было тогда особенно много, — все объединяется ропотомъ на существующіе порядки, отождествленные съ неправымъ „бабьимъ правленіемъ,“ и воплощаетъ свои надежды на льготу въ идеѣ „истиннаго“ государя, въ возстановленіи этой идеи въ живомъ лицѣ.

Мысль, что вся „тягота“ и тѣснота происходятъ отъ того, что на престолѣ сидитъ не подлинный, „правый“ государь, а незаконно вступившая на него женщина, которой, вообще, „недостойно на царствѣ сидѣть“, является лозунгомъ всѣхъ мятежныхъ вспышекъ и

служитъ имъ зажигательной искрой. А искра эта могла зажечь при случаѣ такой страшный пожаръ, какъ пугачевскій бунтъ.

Извѣстный Руничъ, разбирая причины этого бунта, указываетъ, между прочимъ, на то, „что будто народъ желалъ, дабы императорская власть состояла въ мужскомъ родѣ" и злоумышленники „раздували искру сію въ народѣ". Это же подтверждаютъ и другіе писатели, подтверждаютъ также факты и, главнымъ образомъ, тотъ, что народъ и поднялся-то противъ государыни-женщины во имя государя-мужа. Слѣдовательно, присутствіе такой „искры" подразумѣвалось здѣсь само собою и не нуждается въ доказательствахъ.

Уже первые „медовые" мѣсяцы царствованія Екатерины были отравлены открытіемъ заговора, клонившагося къ ея ниспроверженію. Дѣло происходило въ Москвѣ, въ моментъ коронаціи. Въ то самое время, когда государыня писала гр. Кейзерлингу о „радости", какую народъ постоянно оказывалъ при видѣ ея, въ средѣ этого самаго ликующаго народа повторялось имя Иванушки и втайнѣ ковалась крамола. Однажды, къ графу Г. Г. Орлову явился капитанъ Московскаго драгунскаго полка Побѣдинскій и заявилъ о существованіи партіи, которая хочетъ возвести на престолъ Ивана Антоновича. Въ числѣ участниковъ партіи онъ назвалъ нѣсколько знатныхъ лицъ: И. И. Шувалова, Н. И. Панина, кн. Трубецкаго и др. Назвалъ онъ ихъ, какъ потомъ оказалось, по одной „эхѣ," которая, конечно, не имѣла никакого основанія. Даже, въ сущности, заговора не было, а было одно „вранье", по тогдашнему термину. Среди офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ возникли толки, что существуетъ „партія", и даже не одна, а двѣ—съ цѣлію низвести съ престола императрицу и посадить на ея мѣсто, по желанію одной „партіи", Ивана Антоновича, а по выбору другой—Павла Петровича. Мнѣнія недовольныхъ разбивались соотвѣтственно этимъ двумъ именамъ. Шли споры, которая „партія" лучше и къ которой изъ нихъ выгоднѣе пристать? Въ роли главныхъ агитаторовъ и распространителей этого „вранья" были изобличены офицеры—Хрущовъ и братья Гурьевы...

Искра была погашена на первыхъ порахъ, но на Екатерину это ничтожное, по своему содержанію, дѣло произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Слѣдствіе показало, что источникомъ „вранья" было личное неудовольствіе и воспринималось оно всего охотнѣе тѣми, кто считалъ себя обойденнымъ въ наградахъ, посыпавшихся на гвардію послѣ 28 іюня. Слѣдовательно, выходило такъ, что тѣ самые люди, которые помогали перевороту, теперь, при малѣйшемъ неудовольствіи, обращаются въ возмутителей, „распаляютъ" солдатъ, впутываютъ въ свои козни знатныхъ лицъ и съ легкимъ сердцемъ рѣшаются на повтореніе соблазнительнаго опыта: если тогда однимъ удалось, такъ отчего и имъ не можетъ удастся теперь?

Тутъ было отчего встревожиться. Не страшно было, само по себѣ,

хрущовское дѣло—страшило деморализующее настроеніе умовъ, такъ легко поддававшихся мятежному „вранью“ и искушенію поднять руку на государыню.

Раздраженіе неудовлетворенныхъ эгоизмовъ проявлялось тѣмъ рѣзче, что на глазахъ у всѣхъ было чрезмѣрное возвышеніе фаворитовъ Орловыхъ, далеко оставившихъ за собою въ пріобрѣтеніи вліянія, почестей и богатства всѣхъ другихъ сподвижниковъ событія 28 іюня, считавшихъ свои заслуги не меньшими ихъ. При всемъ томъ, Орловы стали зазнаваться.

— „Орловы раздражили насъ своею гордостію,—говорили обиженные:—мы было чаяли, что наша общая служба къ государынѣ утвердитъ нашу дружбу, а нынѣ видимъ, что они—развратъ.“

Эти слова вышли изъ устъ камергера Ласунскаго. Другіе недовольные изъ той же придворной среды шли дальше. Камеръ-юнкеръ Хитровъ, не менѣе другихъ раздраженный возвышеніемъ и спѣсью Орловыхъ, когда разнесся слухъ о предполагавшемся устройствѣ брака Екатерины съ Г. Г. Орловымъ, заявилъ камеръ-юнкеру же кн. Несвижскому, что онъ и другіе „на собраніи своемъ положили просить государыню—если намѣрена выйти замужъ, то у Иванушки есть два брата; а если не согласится за нихъ, то, схватя Орловыхъ, всѣхъ отлучить...“ И опять къ „вранью“ примѣшиваются имена знатныхъ лицъ: Н. И. Панина, княгини Дашковой, Глѣбова, Теплова и др. Сама государыня подозрѣваетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ замыселъ Хитрова „супцонировали или, лучше сказать, знали...“

И дѣйствительно, въ участіи во „враньѣ“ такого рода изобличались люди разныхъ классовъ и сословій, не исключая и духовнаго. Хорошо извѣстно дѣло ростовскаго архіерея Арсенія Мацѣевича, который явился искупительной жертвой партіи недовольныхъ въ средѣ духовенства. То, что онъ думалъ и говорилъ, раздѣлялось многими представителями духовенства, а говорилъ онъ, какъ доносили на него въ 1767 г., что Екатерина „наша не природная-де и не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало ей престола принимать.“ Себя Арсеній (находившійся тогда въ ссылкѣ) сравнивалъ съ Златоустомъ, „заточеннымъ также царицею.“ Толковалъ о пророчествѣ, будто бы въ Россіи станутъ царствовать двое юношей: первый юноша — великій князь (Павелъ Петровичъ), другой — братъ принца Ивана (это говорилось уже послѣ смерти послѣдняго...) Арсенія за это пророчество и за другія оскорбительныя для ея величества слова лишили монашескаго сана и даже имени, присвоивъ ему позорную кличку „Андрея Враля,“ и заточили въ инородческій Ревель; дома оставить не хотѣли, боясь соблазна и—не напрасно. Слѣдствіе обнаружило, что вышеприведенныя разсужденія его, которыя онъ высказывалъ, сидя въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, пришлись по сердцу мѣстному архимандриту съ братіей, а также караульнымъ солдатамъ и ихъ начальнику, подпрапорщику Алексѣевскому. Всѣ они стали отно-

ситься къ Арсенію не какъ къ заключенному и разжалованному, а какъ къ истинному архіерею, и дѣлали ему послабленіе...

Въ какой степени легко было совратить „враньемъ“ простыхъ людей, напр., солдатъ, и подвинуть ихъ къ открытому даже возстанію, во имя идеи государя, показали знаменитыя и общеизвѣстныя шлиссельбургскія „дивы,“ какъ назвали тогда дерзкую попытку Мировича и ея послѣдствія. Когда Мировичъ подговаривалъ поодиночкѣ солдатъ своей команды къ участію въ своемъ предпріятіи, то большинство поддавалось сразу, а немногіе скептики, послѣ недолгаго колебанія, говорили; „Если всѣ, то и я.“ И дѣйствительно, всѣ до одного, очертя голову, пошли за своимъ отчаяннымъ командиромъ „освобождать государя...“

Екатерина, довольная тѣмъ, что въ неудачной затѣѣ Мировича „зло“ было „пресѣчено въ корню,“ тѣмъ не менѣе сознавалась, что у нея „сердце щемитъ“ при одной мысли „объ этомъ дѣлѣ,“ и выражала опасенія, что „искра кроется въ пеплѣ,“ и что ее нужно бы искать не въ Шлиссельбургѣ.

Такое опасеніе она выражала при обнаруженіи каждой въ подобномъ родѣ вспышки, и—опасеніе, имѣвшее серьезныя, реальныя основанія.

Такъ, тревожившія императрицу „продерзкія и непристойныя разглашенія,“ несмотря на всевозможныя мѣры унять ихъ и заглушить, не умолкали и, по мѣрѣ ихъ распространенія, принимали все болѣе горючее и злокачественное значеніе, пока, наконецъ, не стали переходить въ дѣло. По естественному порядку, назрѣвавшее недовольство, какъ подкожная болѣзнь въ организмѣ, должно было прорваться наружу явными воспалительными язвами. Попытка Мировича была однимъ изъ такихъ назрѣвшихъ нарывовъ; ее своевременно ампутировали, но—„искра“ осталась „въ пеплѣ“ и не замедлила обнаружиться въ цѣломъ рядѣ подобныхъ же опасныхъ болячекъ, слившихся потомъ въ огромную сплошную гангрену, поразившую чуть не весь государственный организмъ и исцѣленіе отъ которой стоило столькихъ жертвъ и столько крови.

Уже въ концѣ 60-хъ годовъ въ народѣ стали разглашаться смутныя вѣсти, что императоръ Петръ III живъ и что онъ скоро „объявится“ на утѣшеніе всѣхъ обиженныхъ и отягощенныхъ. Такія вѣсти находили себѣ особенно благодарную почву на окраинахъ, гдѣ тогда скоплялся самый горючій матеріалъ—все, что только было недовольнаго существовавшими въ государствѣ порядками, враждебнаго имъ и буйнаго.

Является въ Исецкой провинціи казакъ Каменьщиковъ, строптивый, безпокойный человѣкъ, не ладившій съ мѣстными властями. Шатается онъ повсюду и мутитъ народъ разглашеніемъ, будто императоръ Петръ Ѳедоровичъ живъ, находится въ Троицкой крѣпости, и что на него-то онъ, Каменьщиковъ, „надѣется,“ да и другимъ,

кто въ чемъ обиженъ, совѣтуетъ положиться на этотъ вѣрный источникъ правды и милости...

Каменьщикову не удалось произвести смуту, но „искра въ пеплѣ“ тлѣлась и въ охотникахъ раздувать ее недостатка не было.

Въ 1765 г., появляется первый самозванецъ—лже-Петръ III, предтеча страшнаго Пугачева, опередившій его, стало быть, почти на десять лѣтъ. Это былъ бѣглый солдатъ Гаврила Кремневъ, пьяница и буянъ, по аттестаціи суда. Несмотря на такую нелестную репутацію, Кремневъ, объявивъ себя Петромъ III, нашелъ немало увѣровавшихъ въ него сторонниковъ среди не только крестьянъ и отставныхъ солдатъ, но и духовенства. Объявился онъ въ Воронежской губерніи. Встрѣчаетъ его мѣстный попъ Левъ Евдокимовъ и выражаетъ сомнѣніе, точно-ли онъ императоръ?

— Вѣдь государь Петръ III умеръ, сказалъ онъ Кремневу.

— Тогда умеръ солдатъ, возразилъ тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и своей самоувѣренностью окончательно сразилъ простодушнаго попа.

Евдокимовъ сталъ самымъ преданнымъ и горячимъ приверженцемъ самозванца, и задумали они цѣлый обширный планъ приведенія въ подданство россійской имперіи. Замѣчательно при этомъ, что Кремневъ явился предтечей Пугачева даже во внѣшнихъ пріемахъ: подобно послѣднему, онъ тотчасъ же произвелъ своихъ приверженцевъ въ генералы и надавалъ имъ имена извѣстныхъ тогда вельможъ: одного назвалъ Румянцевымъ, другаго—Пушкинымъ и т. д.

Вспышка эта, какъ и цѣлый рядъ за ней послѣдовавшихъ, была погашена; но починъ былъ сдѣланъ. Самозванцы начинаютъ появляться одинъ за другимъ то тамъ, то здѣсь,—„даже у монтонегрельцевъ (черногорцевъ)“, какъ свидѣтельствуетъ Руничъ, гдѣ въ 1769 г. Петромъ III назвался какой-то Стефанъ Малый. Руничъ разсказываетъ подробно о самозванцѣ, крестьянинѣ Богомоловѣ, назвавшемся Петромъ III въ 1772 г. Его поймали и посадили въ Царицынскую крѣпость, гдѣ „народъ собрался у тюрьмы, чтобъ оную разломать и самозванца освободить“. Сдѣлать этого не удалось, но по этому случаю произошло цѣлое сраженіе.

Ранѣе этого, разновременно было схвачено еще нѣсколько самозванцевъ (по счету А. С. Пушкина—четыре): армянинъ Асланбековъ, солдатъ Петръ Чернышевъ, солдатъ Іевъ Евдокимъ и др. Послѣдній, почему-то, предпочелъ назваться Петромъ II и встрѣтилъ большое радушіе у раскольниковъ. Остальные же самозванцы, включительно до Пугачева, постоянно именовались Петрами III, и включительно до Пугачева правительство не подозрѣвало всей глубины совершавшагося на его глазахъ болѣзненнаго процесса, смотря на его проявленія, какъ на случайныя аномаліи, происходившія „безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія“.

А между тѣмъ, Пушкинъ, въ оставленныхъ имъ рукописныхъ примѣчаніяхъ къ его „Исторіи пугачевскаго бунта", утверждаетъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, что „не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь (Петръ III) живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ или желалъ вѣрить сему слуху". Если это было такъ, то неудивительно, что „весь черный народъ, по увѣренію того же компетентнаго автора, былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства"... Однако жъ, и съ этой стороны было не мало случаевъ „открытой" измѣны.

Въ средѣ дворянской и служебной, само собой разумѣется, очень немногіе искренно вѣрили въ бытіе Петра III и еще менѣе могли увлекаться его призракомъ, въ лицѣ того или другаго самозванца. Недовольные изъ этой среды, противники „бабьяго правленія", изъ принципа-ли, или по личнымъ обидамъ, обращали свои взоры, главнымъ образомъ, на великаго князя Павла Петровича, и — исключительно на него одного съ той поры, когда несчастнаго Ивана Антоновича не стало. Сама Екатерина, какъ извѣстно, очень ревнивыми и подозрительными глазами смотрѣла на великаго князя, видѣла въ немъ своего опаснаго соперника и старалась различными способами устранять его отъ арміи и отъ управленія государствомъ и какъ можно менѣе содѣйствовать его популярности. Вообще, отношенія между ними были не изъ лучшихъ, какъ извѣстно...

Екатерина не могла забыть, что при переворотѣ 28 іюня многіе желали возведенія на престолъ не ея, а великаго князя, и всѣ, кто подозрѣвался въ сочувствіи этой мысли, всегда внушали ей недовѣріе и антипатію. На этомъ основаніи, она не любила, напр., одного изъ благороднѣйшихъ русскихъ людей своего времени—А. И. Бибикова, котораго „подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая желала возвести на престолъ великаго князя. Симъ призракомъ,— замѣчаетъ Пушкинъ, — безпрестанно смущали государыню, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ"...

Не „смущаться" нельзя было, потому что „призракъ" воплощался нерѣдко въ рѣшительныя мятежныя намѣренія низвергнуть императрицу въ пользу Павла Петровича, помимо его вѣдома и воли.

Въ 1772 г., въ средѣ дворянъ — офицеровъ гвардіи—образовался кружокъ, пришедшій къ рѣшенію, что „народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дождаться нечего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество"... Недовольныхъ одно только останавливало отъ рѣшительныхъ, въ такомъ смыслѣ, дѣйствій: у нихъ не было „фундатора" для составленія заговора и не знали, какъ приступить къ дѣлу безъ согласія великаго князя, до котораго очень трудно было „дойти".

Заговоръ этотъ, во главѣ котораго стояли Озеровъ и Жилинъ, возникъ, главнымъ образомъ, изъ видовъ дворянско-крѣпостническихъ. Заговорщики роптали, что „въ законѣ написали вольность (?) крестьянамъ и холопямъ“ и „тѣмъ дворянство оскорблено“. Роптали они также на самовластіе Орловыхъ, на войны, на рекрутскіе наборы, на слабость правленія и пр. Однако жъ, „фундатора“ мятежу они не нашли и, ничего не сдѣлавъ, поплатились сами... Не помогло имъ и случившееся тогда прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца, отъ котораго они ждали переворота и явленія новаго государя.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ участниковъ этого заговора нашли себѣ „фундатора“ потомъ въ далекой Камчаткѣ, въ лицѣ знаменитаго авантюриста Беневскаго, поднявшаго знамя бунта во имя Павла Петровича и съ этимъ знаменемъ счастливо совершившаго съ товарищами, послѣ освобожденія отъ каторги, кругосвѣтное путешествіе. Исторія Беневскаго хорошо извѣстна.

Но погашенная „искра“ въ одномъ мѣстѣ, не замедляла вспыхнуть въ другомъ. Въ семидесятыхъ годахъ, правительство было встревожено движеніемъ, распространившимся среди гвардейскихъ солдатъ. Движеніе было вызвано слухомъ, будто бы великаго князя хотятъ „извести“, а Орловъ намѣревается стать императоромъ. На этомъ основаніи, стали толковать, что необходимо этимъ кознямъ положить конецъ: возвести на престолъ Павла Петровича, а Екатерину посадить въ монастырь, или убить. Главнымъ агитаторомъ этого движенія былъ капралъ Оловенниковъ, который, на сомнѣніе нѣкоторыхъ соумышленниковъ— будутъ ли согласны на переворотъ народъ и армія, далъ очень характеристическій отвѣтъ:

— Ну, ужъ какъ гвардія здѣсь присягнетъ (Павлу), армія такъ и станетъ думать, что ужъ такъ и остальное...

Такое горделивое убѣжденіе, что гвардія всему дѣлу голова и что въ ея рукахъ безаппеляціонное рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи,—было прямымъ печальнымъ результатомъ практики всѣхъ дворцовыхъ переворотовъ. И Екатерина напрасно старалась „гвардію колико возможно вычистить“ отъ этого опаснаго духа.

Къ Павлу Петровичу, какъ къ надеждѣ на лучшія времена, какъ къ желанному возстановителю попранной въ государствѣ правды, обращались всѣ неудовлетворенныя и оскорбленныя сердца изъ среды преимущественно служебной и шляхетской. Это было предметомъ неумолкаемаго „вранья“ не только устнаго, но и письменнаго. Стали, напримѣръ, появляться пасквили въ этомъ смыслѣ, и объ этихъ пасквиляхъ возбуждалось множество дѣлъ. Одно изъ нихъ имѣется у насъ въ рукахъ, съ которымъ мы и познакомимъ читателей для дополненія представленной характеристики тогдашняго общественнаго настроенія, возбужденнаго порядками „бабьяго правленія“.

Жилъ въ 1777 г., въ Москвѣ, отставной поручикъ Андрей Өедоровъ Мневскій, человѣкъ молодой, пострадавшій лично отъ пугачев-

цевъ, которые убили его жену, а его самого изувѣчили и держали въ плѣну, по освобожденіи принимавшій участіе въ усмиреніи бунта, но по службѣ неособенно авансировавшій. Въ 1775 г., онъ занемогъ чахоткою и, выйдя въ отставку, велъ, по отзыву слѣдователей, „самое распускное житіе" и, вообще, былъ человѣкъ „весьма дурной кондуиты". Неизвѣстно, съ чего ему вздумалось взяться за перо, которымъ онъ владѣлъ весьма неискусно, и сочинить „пасквиль", въ странной и претенціозной формѣ—„Рѣчи, говоренной (будто бы) его высочествомъ въ первомъ его присутствіи въ сенатѣ при входѣ".

Въ сущности, въ рѣчи этой ничего нѣтъ пасквильнаго и возмутительнаго—она просто неграмотна и, по совершенно вѣрному заключенію тайной экспедиціи, кромѣ „невѣжества", не содержитъ „въ себѣ ниже малаго подобія съ истиною, такъ какъ и съ разумомъ порядочнаго человѣка". То есть, намеки и „подобія" на истину и на разумъ въ ней есть, но въ очень нескладной формѣ. Суть въ томъ, что Мневскій, устами какъ бы великаго князя, изобличаетъ екатерининскихъ „правителей" въ томъ, что они „великости дѣлъ никакъ не стараются наблюдать правосудія и мало помнятъ долгъ своего званія, нарушили клятвенное обѣщаніе", о дѣлахъ „не помышляютъ никогда, не щадя бѣдныхъ притѣсненныхъ злоухищреніемъ ненасытныхъ и кровожадныхъ людей, кои интересъ неправильно присвоиваютъ себѣ", и т. п.

Нескладица эта заканчивается такимъ воззваніемъ, яко бы, великаго князя:

„О, великій Боже! исправь ихъ пороки, внуши добродѣтель и истину, да съ успѣхомъ подвиги наши къ спокойству и тишинѣ нашей имперіи будутъ, но если не войдутъ въ предразсужденіе и не исправятся отъ насъ ввѣренные правители, пролей Ты свой гнѣвъ, да возмемъ и мы купно съ онымъ мечъ!".

Конечно, этотъ продуктъ тогдашней „подпольной" литературы былъ направленъ противъ существовавшаго порядка и косвенно противъ государыни, но слишкомъ ужъ отдаленно и невинно. Екатерина такъ именно и взглянула на дѣло, признавъ, что „толь гнусное сочиненіе совершеннаго презрѣнія заслуживаетъ", а самъ сочинитель не стоитъ „положеннаго законнаго наказанія". Мневскаго, дѣйствительно, освободили безъ всякаго наказанія [1]).

Но совершенно иначе взглянули на этотъ „пасквиль" московскія власти. Князь Волконскій требовалъ для Мневскаго „экземплярнаго наказанія за дерзость, въ примѣръ другимъ". И онъ имѣлъ на то свое основаніе въ томъ обстоятельствѣ, что „бумага", сочиненная Мневскимъ, несмотря на ея малограмотность и нескладицу, „таскалась" по всей Москвѣ, во множествѣ списковъ, и мутила умы. Мало

[1]) Государств. архивъ, д. № 2517 (Изъ портфеля редакціи „Историческаго Вѣстника").

того. Когда дѣло уже окончилось, „рѣчь“ Мневскаго явилась въ 1778 году, въ Орлѣ, у колодниковъ, съ очень выразительнымъ прибавленіемъ, что она „вышла въ народъ“. Находили ее потомъ и въ другихъ мѣстахъ, въ Твери, напримѣръ, у купцовъ, и пр. Слѣдовательно, она производила впечатлѣніе, ей вѣрили, или хотѣли вѣрить, что она, точно, вышла изъ устъ великаго князя Павла Петровича, въ лицѣ котораго недовольные отождествляли свой протестъ существующему „бабьему правленію“ и свою надежду на лучшее время съ воцареніемъ государя...

Такъ легко было находить повсюду сочувственное отзвучіе всякой оппозиціонной выходкѣ противъ женщинъ-государынь, даже въ дни царствованія величайшей изъ нихъ!

Вл. Михневичъ.

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

IV.

Разсѣянная жизнь Аскоченскаго.

Переходное время для Аскоченскаго.—Кончина первой жены.—Начало разочарованій.—Увлеченіе разсѣянной жизнью.—Фальшивое положеніе Аскоченскаго въ свѣтскомъ кругу.—Его „житейская грамматика“.— Свѣтскій катехизисъ.—Пѣснь одиночества.—Начало увлеченія В. Н. Балабухой.—Дневникъ сватовства Аскоченскаго.—Неудачи сватовства.—Развязка его.—Мечты о минувшемъ.

1842-й и первая половина 1843 года были для Аскоченскаго переходнымъ временемъ отъ радостей къ жестокому потрясенію. Много событій пережилъ онъ, отъ которыхъ, „посѣдѣли цѣлые десятки волосъ“. „Тамъ—говоритъ онъ о дневникѣ этого года—яркими красками написались счастливыя мгновенія, когда я назвалъ себя отцемъ; тамъ написались черезъ нѣсколько времени горькія слезы, которыми я проводилъ первенца моего въ могилу. Тамъ есть строки, которыя скажутъ моему потомству о смерти доброй, единственной страдалицы—моей маменьки; тамъ много, много омытаго горячими слезами раскаянія, поздняго сожалѣнія, томительной грусти, безпомощной нужды, обманутыхъ ожиданій, и однако все это прошло. Что же тутъ напишется?.. Вопросъ не легче Гамлетовскаго: быть или не быть?“.

Такъ писалъ Аскоченскій 10-го августа 1843 г., а 22-го января слѣдующаго года мы читаемъ уже:

„Ночь—страшная ночь!—А слезъ нѣту. Я чувствую, что все не такъ во мнѣ, какъ должно, а какъ должно—того не знаю. Софья велѣла позвать священника—неу“...

---

[1]) Продолженіе. См. „Историч. Вѣстн.“, томъ VII, стр. 318.

Дальше дописать, очевидно, былъ не въ силахъ Аскоченскій,— ему уже было не до дневника. На третій день послѣ этого умерла первая жена Аскоченскаго. Какъ потрясла его эта кончина, показываетъ сдѣланное однимъ изъ студентовъ академіи описаніе всего, что происходило тогда съ Аскоченскимъ. Онъ почти помѣшался, бродилъ какъ тѣнь, ища своего „ангела — Софью". Вотъ одна изъ записей, какими надолго потомъ переполняется дневникъ послѣ смерти жены.

„Хоть бы во снѣ мнѣ увидѣть ее! Нѣтъ, не вижу, а тамъ, на кладбищѣ, только холодная земля. Гдѣ жъ Софья-то моя? Други мои! гдѣ жъ Софья-то моя! Я искалъ ее межъ нѣмыхъ памятниковъ; туда ее отнесли—а все нѣтъ ея; я звалъ ее на могилѣ ея—и она не сказала мнѣ ни слова. Софья, Софья! Явись же ко мнѣ хоть во снѣ. Скажи, какъ ты живешь тамъ? Что дѣлаешь, о чемъ думаешь? Господи, Боже мой! Хоть на одну минуту, хоть на одно слово повели снизойти моему ангелу ко мнѣ, несчастному".

Долго не могъ Аскоченскій помириться со смертью жены: этотъ моментъ былъ для него началомъ разочарованій. 29-го августа читаемъ въ дневникѣ: „Не думаете ли вы, что я дорожу теперь чѣмъ нибудь? Совершенно предавшись въ волю Божію, я бросился въ море жизни и иду безъ мысли, оторвавъ якорь пустыхъ надеждъ и желаній. И для чего надѣяться? Для того ли, чтобъ еще разъ обмануться въ своихъ надеждахъ? Будетъ, не надо. Пусть же уроки повторяютъ непонятливые, безпамятные ученики судьбы, а я знаю и твердо помню данный мнѣ Господомъ Богомъ урокъ. И желать не хочу—къ чему? Все вздоръ! У меня и безъ того уже много, куда какъ много сѣдыхъ волосъ, а эти желанія только крушатъ, да сушатъ. Мнѣ теперь одна молитва: „Со святыми упокой мою Софью; а для меня—день прошелъ, благодарю тя, Господи; подай мнѣ и вечеръ съ нощію безсоблазненъ, а обо всемъ прочемъ, якоже хощеши, устрой о мнѣ вещь".

„Не правда ли, это самый благочестивый кейфъ"?

По такому кейфу недолго предавался Аскоченскій. Онъ приглашенъ былъ Д. Г. Бибиковымъ для наблюденія за воспитанникомъ его. Ситегинымъ. Поселившись у генералъ-губернатора, Аскоченскій получилъ безпрепятственный доступъ къ свѣтскимъ развлеченіямъ. Послѣдними онъ не брезговалъ,—развѣ въ минуты воспоминаній о женѣ, да когда преслѣдовали его неотвязчивые кредиторы, возобновлялась у него прежняя грусть. Разсѣянная жизнь, видимо освѣжившая его на время, на самомъ дѣлѣ, если вникнуть глубже, была для него тѣмъ „моремъ", въ которое онъ бросился, безъ цѣли, безъ мысли, ища лишь забвенія о пережитыхъ душевныхъ тревогахъ. Неудивительно поэтому встрѣтить такую запись въ день новаго года (1845 г.):

„Подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, спѣшу вписать нѣсколько строкъ въ мой милый дневникъ, спѣшу потому, что теперь уже второй часъ по полуночи и мнѣ крѣпко спать хочется. Ну, слушайте. Балъ (у генералъ-губернатора) былъ блистательный. Мое зрѣніе во-

все притупилось отъ этого блистательнаго блеска—я чуть-чуть не ослѣпъ. Фу, чортъ возьми, даже самое безобразіе съ длиннымъ носомъ и съ кривою таліею казалось очаровательнымъ. Я просто влюбленъ во все,—и въ длинные, и чуть замѣтные носы, и въ кривые, и въ тонко-длинные, какъ шесть, таліи, и въ мерзлыя и въ горячія очи или глаза, что, кажется, все равно. Варя Балабуха была исключительнымъ предметомъ моего волокитства. Я ей поролъ такую наивную чушь, что любо. Ей-ей, хорошо жить на бѣломъ свѣтѣ, особенно если этотъ бѣлый свѣтъ искрится шампанскимъ и весь состоитъ изъ такихъ... ну, какъ ихъ назвать, чтобы не обидѣть свѣта... элементовъ, какъ, напримѣръ, Лиза Жандръ и Варенька Балабушка"...

Не больше, какъ черезъ двѣ недѣли, однако, Аскоченскій отмѣчаетъ уже въ дневникѣ: „цѣлый день мучила меня грусть, тоска безотрадная. Не понимаю, гдѣ этому причина. Кругомъ меня все радуется; только я точно рыба на берегу"... Минутами онъ хорошо сознавалъ свое тогдашнее фальшивое положеніе, но выбраться изъ него не умѣлъ и не видѣлъ возможнаго выхода.

„Знаете-ли, о чемъ я теперь думаю?—пишетъ Аскоченскій 19-го января,—о моемъ положеніи? Господу Богу угодно было поставить меня въ такомъ кругу, о которомъ я и во снѣ не мечталъ. Мнѣніе людей насчетъ меня поднялось высоко. По понятію досужихъ наблюдателей моихъ, я и славенъ, и богатъ, и силенъ, и далеко, вишь, пойду. Спасибо имъ за пророчества; но Богъ знаетъ, придется ли мнѣ ихъ устами медъ пить. Точно, я сталъ на такомъ мѣстѣ, что шагъ назадъ можетъ меня сбросить низко, низко, гораздо не въ примѣръ ниже того, какъ былъ я въ первый годъ по окончаніи моего курса. Завистники мои только и ждутъ, чтобы поточить объ меня свои зубы, чтобы залить меня грязью, опачкать желчью. Возвратъ мой въ прежнее состояніе, въ рангъ баккалавра, въ полномъ значеніи этого слова,—уже невозможенъ. Перемѣна моей жизни непремѣнно заставитъ меня перемѣнить родъ службы, или, по крайней мѣрѣ, выдти изъ вѣдомства, которому я теперь принадлежу. Меня называютъ счастливцемъ. И точно, я счастливецъ; но только тѣмъ, что я узналъ великаго благодѣтеля моего, Дмитрія Гавриловича, познакомился съ людьми высшаго, лучшаго тона, и имѣю возможность изучать манеру получше той, какою надѣлило меня мое происхожденіе и воспитаніе. Но... тутъ много, много, надобно поставить точекъ. Дмитрій Гавриловичъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ничего въ мою пользу. Я обѣдаю съ нимъ, провожу иногда вечера, удостоенъ ласковаго, привѣтливаго разговора; но существеннѣе чего либо я не видалъ и не вижу. Богатство мое ростетъ только въ глазахъ моихъ завистниковъ, а въ самой вещи я бѣднѣе послѣдняго камердинера, который перетираетъ ложки и завѣдываетъ половыми щетками. Неоплатные долги разорили меня въ конецъ. Моего жалованья не достаетъ мнѣ на покрытіе и десятой ихъ доли; зато я и не беру его, а между тѣмъ отъ Дми-

трія Гавриловича я не видѣлъ еще и полушки [1]). Serge мой проматываетъ тысячи, а я принужденъ продавать единственное мое серебро, чтобы какъ нибудь помянуть моего друга, мою Софью. Затѣялось было дѣло о переводѣ меня въ университетъ, но на затѣяхъ и остановилось. Я познакомился съ людьми лучшаго тона, но что мнѣ изъ этого? Чтобы поддерживать себя, мнѣ нужны новыя издержки, а изъ какого благополучія... И чѣмъ все это кончится—одинъ Богъ знаетъ."

Подъ гнетомъ такихъ безотрадныхъ думъ, Аскоченскій, пускаясь въ свѣтъ, утѣшалъ себя мыслью, что его не проведешь, что пора платоническихъ увлеченій для него миновала.

„Родъ человѣческій"—пишетъ онъ (28-го января)—„ужасно какъ хлопочетъ о томъ, чтобъ меня женить. Больно не хочется, а впрочемъ—я несовсѣмъ прочь. Только напередъ сказать: кромѣ существительнаго мнѣ нужно—и крѣпко нужно—прилагательное, и ни подъ какимъ предлогомъ и нарѣчіемъ я не вступлю въ союзъ съ однимъ глаголомъ, если числительнаго не будетъ на лицо. Теперь ужъ я въ такихъ лѣтахъ, что междометіями и дѣепричастіями меня не надуешь и я ужъ не пишу стиховъ и не могу питать платонически безсребренной страсти къ мѣстоимѣніямъ личнымъ безъ притяжательныхъ въ среднемъ родѣ. Это моя житейская грамматика, въ непогрѣшимость которой я вѣрю, какъ турокъ въ свой алькоранъ, и дѣйствительность которой буду отстаивать всѣми силами". Кромѣ этой грамматики, которая, какъ увидимъ впослѣдствіи, хотя и представлялась непогрѣшимой автору дневника, но на дѣлѣ оказалась для него недѣйствительной, онъ пробовалъ составлять для себя „свѣтскій катехизисъ".

„Онъ у меня не а priori сочиняется, а изъ наблюденій и подслуховъ.—Одѣвайтесь со вкусомъ—вотъ общее правило; отсюда частности. Боже васъ сохрани испестрить себя цѣпочками и разными бездѣлушками модниковъ низшаго класса. Вы будете бросаться въ глаза, а это ужь несносное mauvais genre. Перчатки чтобъ у васъ были всегда чисты, хоть и немножко разорваны—это ничего, напротивъ, это даже bon genre; но главное, чтобъ перчатки съ трудомъ вползали на вашу руку и держали ее словно въ тискахъ.

„Громко говорить тоже mauvais genre, а спорить—просто упаси васъ Богъ! Если вы заспорили—поздравляю васъ!—вы убиты. Смѣяться много и долго—mauvais genre. Самому смѣшному вы только улыбнитесь.

„Покамѣстъ будетъ. Нѣтъ, еще вотъ что, но это ужъ собственно для меня. У меня есть несчастная слабость быть всегда веселымъ. По настоящему—тутъ нѣтъ несчастія, но дѣло въ томъ, Викторъ Ипатьичъ, смотрите, чтобъ веселость ваша не допускала тривіальности и пошлости. Заставляйте смѣяться другихъ, но сами не смѣйтесь.

---

[1]) Аскоченскій писалъ это, проживъ у Бибикова болѣе полутора года.

Иначе вы сами будете смѣшны. Врите, но не завирайтесь; проказьте, но не забывайтесь".

Какъ ни старался Аскоченскій обмануть самого себя увѣреніями, что сердцу его мило его положеніе въ свѣтѣ, по временами нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ сомнѣніе—и снова тоска и скорбь души входятъ въ свои права.

„Нѣтъ, Богъ съ ними, — наскучили мнѣ эти балы. Все такъ свѣтло, однообразно, блистательно, приторно, какъ ликерная конфекта... Ни одного порядочнаго впечатлѣнія... Вижу, чувствую, какъ твердѣетъ душа моя—и, по временамъ, находятъ на нее припадки сплина. И снова тѣснится въ сердце мое грустная пѣснь одиночества, и не выжимая слезы, давитъ меня своею тяжестію... И пройдутъ (годы), видно, такъ, не оставивъ по себѣ слѣда, и не придется, знать, подобрать мнѣ отрадныхъ воспоминаній, прихотливо брошенныхъ судьбою на пути остальной моей жизни.

„Въ себя ли заглянешь, тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и муки—и все тамъ ничтожно!"...

Это писано 31-го января 1845 г., а подъ 4-ымъ февраля читаемъ:

„Не знаю, съ нѣкотораго времени не оставляетъ меня какое-то тревожное чувство. Что-то мнѣ пророчитъ,—угадать не могу. Проклятые кредиторы безсовѣстно и неотвязно лѣзутъ къ мнѣ. Они дураки вообразили, что у меня теперь золотыя горы. Особенно эти Гурьевы ханжи. Старая корга грозитъ мнѣ судомъ—будь она проклята, вѣдьма! Мошенникъ экономъ финтитъ со мною такъ предательски, что свиданіе съ нимъ для меня тяжеле похмѣлья. Не знаю, когда и какъ выпутаюсь я изъ долговъ моихъ. Если Дмитрій Гавриловичъ не поможетъ мнѣ, такъ я пропалъ".

„10 часовъ вечера. Нѣтъ, братцы, видно худо наше дѣло. Куда ни кинь—все клинъ. Придется, видно, и мнѣ испытать на себѣ непріятности серьезныя. Тамъ не къ мѣсту, тамъ опоздаешь, туда самому не хочется,—словомъ, то то, то другое, а все-таки концовъ не сведешь. Прескверно даже, милостивые государи.

„Весело, довѣрчиво, сладко, шелъ разговоръ мой съ Варенькою; я почти забылся и готовъ былъ сейчасъ же подать ей руку. Но скоро опомнилась проказница и безъ околичностей сказала мнѣ, что между нами ничего не можетъ быть похожаго на дѣло, и все потому, что она обручена тамъ за какого-то Никанора, богатаго купца. Съ досады, ей-Богу, съ досады (подите-жъ теперь, какъ капризно сердце человѣческое!) я укусилъ себѣ губу и чуть-чуть не пропѣлъ Варенькѣ пародированную пѣснь Офеліи:

Моего вы знали-ль друга?
Онъ былъ бравый молодецъ,
Въ круглой шляпѣ чудо парень,
Первой гильдіи купецъ.

„И Богъ знаетъ почему, но мнѣ стало грустно. Я какъ будто потерялъ что-то. Сердце, раскрывшееся такъ широко и привѣтно, такъ разыгравшееся на тему давно забытой страсти—сжалось попрежнему, замолкло совсѣмъ. Съ какою-то кислою усмѣшкою порѣшилъ я рѣчь мою, рѣчь, сказать правду, таки порядкомъ восторженную, страстную. „Благодарю васъ, В. Н. (Варвара Николаевна), сказалъ я, что вы безъ дальнихъ проволочекъ подписали мнѣ отставку. И вамъ хорошо, и мнѣ покойно".

Аскоченскій не на шутку сталъ увлекаться В. Н. Балабухой и мало-по-малу это увлеченіе перешло въ сильную привязанность, которая имѣла рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Исторія сватовства, какъ весьма характерный эпизодъ, въ которомъ ярко обрисовалась личность Аскоченскаго, приводится ниже цѣликомъ. Первая бесѣда съ Варенькой, послѣ вышеприведенной прощальной бесѣды съ ней, имѣла мѣсто 7-го апрѣля.

„Варенька встрѣтила меня—пишетъ Аскоченскій, видимо стараясь подтрунить надъ собою—„такъ радушно, что я почувствовалъ въ боку моемъ легкое трепетаніе и чуть-чуть не убѣдился, что у меня точно есть что-то похожее на сердце. Мы заговорили, да такъ сладко и привольно, что не позволили бы никому слушать нашъ разговоръ. Къ нашему горю и досадѣ, насъ позвали внизъ пить чай, и мы съ облаковъ романической мечтательности спустились прямо къ самовару, толстому какъ купчиха. Нечаянно, право, нечаянно мы сѣли съ Варенькою другъ противъ друга; нечаянно тоже я взялъ ее за руку и сталъ пересматривать перстни, горѣвшіе на ея пальчикахъ.

— Подарите мнѣ, сказалъ я,—какой-нибудь изъ этихъ перстней на память.

— Ни за что въ свѣтѣ, сказала она.

„А между тѣмъ на мизинцѣ моемъ былъ уже перстень съ руки Варенькиной.

— Отдайте, говорила мнѣ Варенька,—этотъ перстень. Я вамъ другой дамъ.

— Когда-жъ вы дадите? спросилъ я.

— Когда вамъ будетъ угодно.

— Какой же это будетъ перстень?

— Вотъ этотъ, отвѣчала она, указывая на обручальное кольцо.

„Ого! — подумалъ я. Это ужъ слишкомъ ясно, и чуть-чуть не обжегся горячимъ чаемъ.

— Посмотрите, что́ я пишу, сказала Варенька, указывая на окно, гдѣ она своимъ пальчикомъ рисовала мое имя и фамилію.

„Гмъ,—и это не темно, заключилъ я.

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила Варенька.

— Ничего покамѣстъ.

— А знаете-ли, вѣдь я думала, что вы сердиты на меня.

— За что?

— Помните, какъ я вамъ сдѣлала рѣшительный отказъ.

— Помню, и отъ того-то я спокоенъ. Между нами все рѣшено.

— Ну, терять надежды не надо.

— А развѣ вы согласились бы?

— Обо мнѣ говорить нечего; но у меня есть кое-кто постарше— мои родители.

„Тпру, тпру, тпру! подумалъ я, далеко заѣхали мы. Неравно голову свернешь. Я поворотилъ на-лѣво и рѣчь замята.

„Однако, это изъ рукъ вонъ, какъ прямо и ясно. Слова нѣтъ, Варенька лакомый кусокъ; но, кажется, безъ приправы, а я теперь имѣю притупленной вкусъ, и потому нужно что нибудь такое, что могло бы раздражить его. Но больше всего мнѣ не нравятся дражайшіе Варенькины—это такая чушь, что мочи нѣтъ".

Свиданія съ Балабухой начинаютъ, однако, учащаться. Минутами Аскоченскаго беретъ раздумье, но объ этомъ скоро забывается послѣ бесѣдъ съ „Варенькой". Нижеприводимыя выдержки изъ дневника 1845 года въ этомъ отношеніи не нуждаются въ комментаріяхъ.

Апрѣля 22-го, воскресенье.

„Утро не въ счетъ; зато съ вечеромъ надо посчитаться. Тотчасъ же послѣ обѣда я пошелъ на Подолъ и прямо къ Балабухѣ. Варенька такъ мило загорѣла отъ нынѣшняго гулянья водою, что глазъ бы не отвелъ отъ миленькаго личика этой вострушки. Часу въ восьмомъ мы пошли гулять; впереди насъ бѣжали дѣти, а я съ Варенькою объ руку... Но постойте, дайте-ка припомнить разговоръ нашъ.

„Я завелъ рѣчь о романсѣ, который заставила меня вчера Варенька списать для себя. Сила въ томъ, что этотъ романсъ могъ быть принятъ мною отъ Вареньки, какъ прямое declaration.

— Я самъ хочу, продолжалъ я,—написать либретто въ томъ же тонѣ и даже тѣми же словами, только съ небольшою перемѣною: „если бъ ты меня любила".

— Послушайте, сказала мнѣ Варенька, — въ вашихъ рѣчахъ все только слова.

— Какъ слова?

— Если бы вы точно чувствовали ко мнѣ что нибудь побольше обыкновенной расположенности, вы давно бы обратились къ моимъ родителямъ.

— Варвара Николаевна! заговорилъ я серьезно. — Вы не знаете хорошо моихъ обстоятельствъ, а знайте ихъ—вы сами бы осудили меня, если бы я поступилъ по вашему. Притомъ вспомните, что я уже теперь не въ такой порѣ, когда безразсчетно предаются восторгамъ любви, и пословица „не суйся въ воду, не спросясь броду"—годится теперь именно для меня.

— Не разсердитесь, если я вамъ скажу кое-что?

— Боже меня сохрани! Говорите.

— Вамъ надобна богатая невѣста.

— Да, точно такая, какъ вы.

— О, у меня ничего нѣтъ.

„И прочая. Разговоръ, какъ видите, принялъ оборотъ коммерческій, и я не хочу пачкать листовъ дневника глупыми разсчетами опытной индустріи; но эти рѣчи жестоко охолодили меня. Я вспомнилъ Пушкина и сказалъ про себя:

„Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться;
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить...“

Апрѣля 23-го, понедѣльникъ.

„Шутки! Въ подставные я не гожусь, отставнымъ я подавно быть не согласенъ. Это просто-на-просто значитъ, что мы немножко поразмолвились съ Варенькою. По милости ея, я истрепалъ всѣ ноги для того, чтобы доставить ей удовольствіе пройти нѣсколько разъ мимо дурня графа Ефимовскаго, и товарища его, лекаря Соколова. Ревновать мнѣ не приходится, а все-таки досадно, когда меня, обстрѣленнаго воробья хотятъ поймать за носъ и водить за собою...

Апрѣля 27-го, пятница.

„Послѣ обѣда я пошелъ къ Балабухѣ. Веселая бесѣда, милые глазки Вареньки—все это такъ прекрасно гармонировало съ расположеніемъ моей души, настроенной къ разгулью, что я и не видѣлъ, какъ бѣжало время. Я то пѣлъ, то читалъ дневникъ мой, то разговаривалъ съ Варенькою и, скажу откровенно, былъ беззаботно счастливъ...

Апрѣля 28-го, суббота.

„Половина одиннадцатаго. Я сейчасъ отъ Балабухи. Не понимаю я самъ себя. Зачѣмъ я шатаюсь туда? Къ чему поведетъ меня эта откровенность, въ которую я пустился со всѣмъ жаромъ юноши? Что обо мнѣ думаютъ люди? Что скажетъ „княгиня Марья Алексѣевна“? Вотъ вопросы, на которые я или не умѣю, или боюсь отвѣчать.

— Чѣмъ болѣе я слышу васъ, тѣмъ непонятнѣе становится мнѣ вашъ характеръ, сказала Варенька съ видомъ недоумѣнія.

„Я вспомнилъ Алкивіада, который отрубилъ хвостъ у красавицы-собаки, чтобы бросить его народу и сплетнямъ. Читайте, подумалъ

я, мое былое и забудьте о настоящемъ, да еще бойтесь будущаго, а я между тѣмъ буду жить да поживать...

„Какой эгоистъ! Ничего, господа, я только вхожу въ общую сферу человѣчества.

Мая 3-го, четвергъ.

„Вечеръ я провелъ у Балабухи, да такъ пріятно, что... и сказать нельзя. Признаться, Варенька порядкомъ закружила мою голову; ну, да и ей, кажется, не безъ того. Батюшка ея что-то морщится.

Мая 7-го, понедѣльникъ.

„Половина двѣнадцатаго. Нѣтъ-таки, не утерпѣлъ. Боясь умереть со скуки, я рискнулъ подъ дождемъ и по грязи ѣхать... не скажу, куда — сами догадаетесь. Да что вы, позвольте узнать, Викторъ Ипатьевичъ, такъ ревностно посѣщаете?.. Эхъ, братцы, перестаньте, Бога ради, перестаньте! Со мною творятся вещи чудныя. Я подъ вліяніемъ силы такъ знакомой мнѣ, силы, которую люди зовутъ любовью. Что таиться передъ вами? И скучно, и не знаешь, за что взяться, когда не видишь... право, не хочется всего договаривать. Не вините же меня,—я человѣкъ. Варенька сама дѣлала для меня чай и я, ей-ей—правда, поцѣловалъ нѣсколько разъ ея ручку.—Это по какому праву, скажете вы?—Да по праву вдовца-съ, отвѣчу я вамъ смиренно.—И она позволяетъ вамъ это?—Какъ же-съ, да еще какъ позволяетъ-то. Ну, да что объ этомъ. Я отдалъ ей сегодня стишки...

Мая 8-го, вторникъ.

„...По условію съ Варенькою, я тотчасъ послѣ обѣда явился въ домѣ ея дражайшихъ. Улучивъ минуту, я спросилъ ее о стихахъ, поднесенныхъ ей мною вчера: показывала ли она ихъ своей маменькѣ?

— Зачѣмъ же, отвѣчала она,—вѣдь она не пойметъ ихъ.

„Я подивился умной разсудительности этой дѣвушки. Точно, эти профаны примутъ чистосердечное изліяніе моихъ чувствъ за записку ловеласа и — чего добраго — надѣлаютъ непріятностей молодой дѣвицѣ. Однако, посудите, какъ умѣла эта Варенька стать выше того круга, который очертило около ея купеческое происхожденіе. Это меркантильный классъ людей, которые раскладываютъ на счетахъ самыя лучшія, святыя движенія души человѣческой. Нѣтъ, милая Варенька, ты стоишь лучшей участи! Жаль, крѣпко жаль мнѣ будетъ, когда судьба поставитъ тебя рядомъ съ такимъ человѣкомъ, который будетъ искать въ тебѣ только плодовитую тварь, умѣющую по извѣстнымъ періодамъ родить дѣтей, да напѣвать надъ колыбелью ихъ приторно паточныя нѣжности... Пройдетъ два-три года, и ты будешь Варварою-кумушкою, какихъ много въ твоемъ кругу, въ твоемъ званіи! Протянулъ бы я тебѣ руку, но...

„Въ церкви у всепощной я стоялъ рядомъ съ Варенькою и—прости меня Господи — думалъ и говорилъ совсѣмъ не о молитвѣ. Я вижу, вижу, что она меня любитъ; да, любитъ, хоть она и не хочетъ мнѣ прямо этого сказать.

— Викторъ Ипатьевичъ, сказала она мнѣ,—вы все можете; но не завлекайте меня.

„Какъ укушенный змѣею, я отскочилъ отъ Вареньки. Да, мысль, сказанная ею, точно змѣя. Она впилась въ мою душу и высасываетъ оттуда отвѣта: для чего все это я дѣлаю? Для чего такъ крѣпко сжимаю Варенькину руку? Для чего по цѣлымъ часамъ гляжу въ ея чудесные глаза? Чѣмъ все это кончится?..

Мая 10-го, четвергъ.

„Много, черезчуръ даже много говорилъ я вчера съ Варенькою. Но ужъ рѣшено: она любитъ меня, любитъ такъ, какъ я ужъ не думалъ быть любимымъ. На насъ со всѣхъ сторонъ устремлены были рысьи глаза этихъ отвратительныхъ сплетницъ; но, упорно встрѣчая пронырливые взгляды этой сволочи, я говорилъ Варенькѣ, и хорошо, привольно мнѣ было.

„Но грустно и темно становилось на душѣ моей часъ отъ часу, и я радъ былъ бы убѣжать отъ самого себя. Глупъ я, глупъ, какъ не слѣдуетъ порядочному человѣку.

Мая 11-го, пятница.

„...Все къ чорту! Я разстроенъ, разстроенъ до слезъ; у меня разбита душа, разорвано сердце, какъ у влюбленнаго юноши.

„Прислушайте, други мои, разговоръ, какой я имѣлъ сегодня съ Варенькою. Мы сидѣли съ нею вдвоемъ...

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила меня Варенька, улыбаясь и смотря мнѣ прямо въ очки.

— Ничего или, лучше, все то же, что говорилъ вамъ, и что навсегда осталось въ душѣ моей.

— Много, много сдѣлалъ зла Дмитрій Гавриловичъ, сказала она вдругъ задумавшись.

— Какъ, Бибиковъ вамъ сдѣлалъ зло?

— Да, безъ него я не знала бы всѣхъ обольщеній свѣта. Довольная своею участью, я прошла бы спокойно тою дорогою, которую указало мнѣ мое происхожденіе, а теперь...

„И она задумалась еще больше.

— Что-жъ, Варвара Николаевна, развѣ передъ вами нѣтъ сердца, которое умѣетъ понять и оцѣнить все, что такъ широко и глубоко вы почувствовали?

— Къ чему мнѣ это? Вы не знаете, я скоро уѣзжаю,—отвѣчала она такъ печально, что у меня, у меня, избитаго опытомъ, сердце сжалось.

— Не въ Рыльскъ ли?

— Да.

— Что-жъ! сказалъ я злобно.—Вы будете madame Аристархова, войдете въ общую колею житейскихъ потребностей, сдѣлаетесь хозяйкою, растолстѣете, заведетесь дѣтьми, по временамъ, для ради скуки и пріятнаго развлеченія, будете заниматься уѣздными сплетнями,—и благо вамъ будетъ и долголѣтни будете на землѣ.

— Аскоченскій! За что вы меня мучите?

— А за что вы вздумали играть со мною, Варвара Николаевна? Я сталь, а не бумага, — раскалится сталь не скоро, но горяча она бываетъ и не скоро остываетъ. А вы меня раскалили.

— Зачѣмъ же вы долго не бывали у насъ, явились потомъ и стали навѣщать насъ такъ безотвязно?

— Затѣмъ, чтобъ имѣть гдѣ провести время попріятнѣе. Но вамъ мало было этого. Вы захотѣли заглянуть въ глубь души моей, и я вамъ открылъ ее. Вы, воображая меня, по словамъ вашимъ сумасшедшимъ, захотѣли провѣрить свое вѣрованіе, и я показалъ вамъ, что подъ этою маскою безпечности, подъ этою мнимою безпечностью, подъ этимъ шаловливымъ удальствомъ — цѣлая бездна думъ и соображеній. Вы узнали меня и въ награду того открыли и себя мнѣ. Откровенно скажу, я не выводилъ васъ изъ ряду купеческихъ дочекъ и любезничалъ съ вами холодно, витіевато и глупо. Вдругъ увидѣлъ въ сердцѣ вашемъ теплое чувство, въ умѣ свѣтлую мысль, въ понятіяхъ о людяхъ вѣрный взглядъ, въ знаніи себя изящную простоту и точность. О, Варвара Николаевна! этого слишкомъ довольно было, чтобъ привязать меня крѣпко-на-крѣпко.

— Но развѣ я не открыла вамъ тогда же, что я уже имѣю жениха?

— Говорили, но позвольте вамъ припомнить весь тогдашній разговоръ нашъ. Когда вы объявили мнѣ о томъ, то первый вопросъ мой былъ таковъ: „Такъ между нами все рѣшено?“ — Все, сказали вы. „Усерднѣйше благодарю васъ“, отвѣчалъ я спокойно, „этакъ лучше— дѣло кончится безъ проволочекъ“. Не правда ли, такъ было? Дня черезъ три я опять былъ у васъ, и вотъ что вы мнѣ сказали: „Я думала, что вы уже разсердилились на меня.“—За что?—„А за отказъ“.—Помилуйте, я радъ и очень благодаренъ, что вы меня не льстили пустыми надеждами. Мы теперь, продолжалъ я смѣясь, отрѣзанные ломти и между нами все кончено.„—Ну, сказали вы, терять надежды еще не надо“. — Варвара Николаевна, посудите теперь, не была ли это сѣть, которую вы нарочно плели, чтобъ опутать ею меня? Да, и вамъ это удалось. Я люблю васъ, люблю съ тѣмъ мученіемъ, отъ котораго я такъ давно отвыкъ. Но, положа руку на сердцѣ, скажите мнѣ, легко ли вамъ самимъ обошлась эта побѣда? Другими словами, не чувствуете ли и вы ко мнѣ больше чего нибудь противъ того, что вы питаете къ роднымъ вашимъ и знакомымъ?

— О, конечно, я имѣю къ вамъ такую привязанность и расположенность, какую не питаю къ другимъ.

— Скажите проще, вы любите меня? Правда?

— Не правда, сказала она медленно и тихо.

— Варвара Николаевна, зачѣмъ словами противорѣчить тому, что давно подтвердила вамъ душа ваша? Скажите лучше: правда.

— Правда, отвѣчала она застѣнчиво.

— Признайтесь же теперь, такъ ли вы любили вашего жениха?

— О, такъ же точно.

— Я вамъ не вѣрю.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ...

— Извините, я перебью вашу рѣчь. За васъ рѣшили другіе и правиломъ предписали, что̀ вамъ въ такомъ случаѣ надо дѣлать. Вы, какъ понятливая дѣвушка, тотчасъ смекнули, что̀ тутъ слѣдуетъ дѣлать. Какъ водится, постарались влюбиться, но, увѣряю васъ, совсѣмъ безъ искренняго участія сердца. И вотъ—вы невѣста добропорядочная и съ хорошимъ поведеніемъ.

— Нѣтъ, сказала Варенька, схвативъ мою руку,—и до сихъ поръ ни папенька, ни маменька не знаютъ, о чемъ мы съ нимъ иногда говорили.

— Положимъ, что и такъ. Но порывъ юнаго, неопытнаго сердца, восторгъ дѣвочки, прозванной невѣстою,—неужели можно принять за тотъ сладкій кризисъ души, который зовутъ любовью?

„Варенька задумалась. Мнѣ стало жаль ее.

— Ну, Богъ съ вами, Варвара Николаевна, сказалъ я, пожимая ей руку,—отъ сердца благословляю васъ на счастье съ избраннымъ для васъ. Что же касается до меня, то я—такъ и быть—понесу рану въ душѣ моей, рану, отъ которой она давнымъ давно уже отвыкла. Счетъ нашъ конченъ!

„Я всталъ и отошелъ отъ Вареньки. Глаза ея полны были слезъ и я готовъ былъ въ ту пору отдать все, чтобъ заслонить ее собою отъ бѣды и горя непонятаго сердца...

„Вотъ вся мучительная повѣсть нынѣшняго дня. Мнѣ больно. Богъ вѣсть, будетъ ли еще кто нибудь любить меня такъ, какъ любитъ Варенька. Я становлюсь уже сѣдъ, а сѣдина—худой аттестатъ на любовь.

Мая 12-го, суббота.

„Я усталъ, а Варенька такъ скучна, что мнѣ до слезъ ее жаль. Но не варваръ ли я?.. Она просила, чтобъ я сочинилъ для нея стихи и... въ какихъ нибудь полчаса вылилась изъ-подъ пера моего... импровизированная исповѣдь. Я облилъ ее желчью, которая вытекла изъ едва было зажившей раны моего сердца. Мнѣ больно!..

Мая 13-го, воскресенье.

„Я отдалъ Варенькѣ мою вчерашнюю исповѣдь глубоко и за живое задѣтаго сердца. Я даже прочиталъ мое издѣліе—и что жъ? Она

была такъ безбожно весела и безпечна, что я тутъ же назвалъ себя дуракомъ. Мнѣ стало грустно. Вѣрно, еще не научился я не вѣрить этимъ созданьямъ, которыя бываютъ такъ обольстительно хороши, когда мы прикрашиваемъ и убираемъ ихъ нашимъ воображеніемъ. Мнѣ стало грустно. Напрасно Варенька заговаривала со мной, напрасно пожимала мнѣ руку,—я былъ холоденъ, ибо видѣлъ, что, несмотря на сѣдой мой волосъ, я въ дуракахъ. И по дѣломъ мнѣ, сѣдому волокитѣ!"

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ В. И. Балабуха была обручена. Аскоченскій, которому, казалось бы, пора было перестать горевать о ней послѣ того, какъ „Варенька" предстала передъ нимъ внѣ плѣнительнаго ореола, созданнаго его воспаленнымъ воображеніемъ, отмѣчаетъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ:

„Сегодня (1-го іюля) мнѣ сказали, что Варенька Балабуха нынче обручается съ нѣкіимъ Аристарховымъ, купчиною рыльскимъ. Повѣрите ли, немножко захолодѣло на сердцѣ. Правду сказать, больно, когда отрываютъ и послѣднее живое чувство въ одеревенѣлой душѣ. Но что жъ дѣлать? Я знаю, что это эгоизмъ, а не любовь, которой я давнымъ давно отдалъ поклонъ".

Распрощался съ любовью Аскоченскій не надолго. Нѣсколько разъ онъ дѣлалъ попытки разувѣрить „Вареньку" въ томъ, что она его и никого другаго не любитъ, а если и сосватана за другаго, то лишь по родительскому принужденію. Не разъ онъ встрѣчалъ отпоръ своимъ увѣреніямъ въ веселомъ и беззаботномъ смѣхѣ, какимъ отвѣчала „Варенька" на всѣ его увѣренія. Ничто не брало. Разочарованный сегодня, назавтра Аскоченскій пріискивалъ утѣшительныя для себя объясненія ея обращенію съ нимъ. Но пусть самъ онъ разсказываетъ дальнѣйшее своего романа, вступившаго въ новый фазисъ послѣ полученнаго Аскоченскимъ извѣстія о разладѣ Балабухи съ Аристарховымъ. „Варенька", очевидно, перемѣнила тактику. Аскоченскій опять ею очарованъ, опять убѣжденъ, что „терять надежды еще не надо". „Варенька" поддерживала это очарованіе, а авторитетный для Аскоченскаго голосъ генералъ-губернатора Бибикова одобрялъ и подзадоривалъ его къ энергическому образу дѣйствій въ настоящемъ случаѣ.

Октября 3-го, среда.

„Однако жъ, была не была, а поѣду на Подолъ. Нѣтъ, братцы, я еще не старъ, когда могу такъ любить. Сегодня генералъ спросилъ меня послѣ обѣда:

— Да вы влюблены, что-ль, въ Балабуху?

— Нѣтъ, в. в-ство, влюбиться мнѣ уже не подъ стать, а любить—другое дѣло.

— А женились бы вы на ней?

— Какъ бы не жениться!

— Что же мѣшаетъ?

— То, что ни у ней, ни у меня нѣтъ никакого состоянія. Это значило бы плодить нищихъ.

— А пошла бы она за васъ?

— Непремѣнно, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

„И вы, можетъ быть, думаете, что это самообольщеніе? Нѣтъ, друзья мои, послѣ Сонечки еще никто меня такъ не любилъ, какъ Варенька, — зато я никого послѣ моей Сони не любилъ такъ, какъ люблю Вареньку. Мнѣ грудь стѣснило отъ полноты восторга, когда она, взявъ мой бумажникъ, написала тамъ: „дай Богъ, чтобы желанія ваши исполнились“. Нѣтъ, это ужъ не по силамъ моимъ.

„А какъ мы разговариваемъ съ Варенькою! У насъ рѣчь идетъ не такъ, какъ у всѣхъ людей. Начала не бываетъ, а прямо продолженіе — и мы оба понимаемъ, чему слѣдовало бы быть впереди. Какъ это перевесть? Не вотъ такъ ли, что, по старинной аксіомѣ, равнонастроенныя души чувствуютъ одинаковыя впечатлѣнія? Ась?..

Октября 4-го, четвергъ.

„Съ лекціи я, не знаю зачѣмъ, заѣхалъ взглянуть на Вареньку. Те-те-те, посмотрите-ка, какъ въ одной строчкѣ я горожу дичь и сколько тутъ противорѣчій. Не знаю, видите, зачѣмъ заѣхалъ—а дальше стоитъ: взглянуть на Вареньку. Ужасный логическій недосмотръ! Оно, правду сказать, толкомъ разумъ мой точно не знаетъ, да сердце-то знаетъ, и какъ знаетъ,—твердо, крѣпко, наизусть. Варенька, когда я вошелъ, сидѣла за столомъ и что-то вышивала. Не знаю (вотъ тутъ ужъ именно не знаю), отчего она перепутала шелкъ и стала складывать свою работу. Я сѣлъ близъ Вареньки; маленькая, крошечная ручка ея, не знаю, какъ очутилась въ моей рукѣ—и мы этакъ просидѣли минуту. Ей-ей, минуту; вы, можетъ быть, не повѣрите, вы скажете, что въ одну минуту нельзя вдоволь насмотрѣться въ ея милые, ясные, какъ утро майское, глаза, нельзя наслушаться ея сладкихъ рѣчей, нельзя... Согласенъ, совершенно согласенъ, но все-таки я просидѣлъ съ нею минуту. Можетъ быть, мнѣ такъ показалось,—и то можетъ быть; но все-таки я просидѣлъ не больше минуты. Пожалуйста, не спорьте со мною.

„Веселый, довольный, даже, если угодно, счастливый, я летѣлъ съ Подола на Печерскъ.

„За обѣдомъ Дмитрій Гавриловичъ шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ; но, если сказать правду, то мнѣ было это не по сердцу. Зачѣмъ кощунствовать надъ тѣмъ, что̀ берегу я, какъ святыню, въ душѣ моей? Я былъ упорно молчаливъ.

„Насилу дождался я конца этого длиннаго обѣда. Не ногами я шелъ, не на коняхъ летѣлъ, а рвался на крыльяхъ вѣтра къ моей Варенькѣ. Да, моей,—развѣ я не имѣю права назвать ту своею, которая

отдала мнѣ все, что есть лучшаго въ ней,—отдала чистую душу, горячее сердце? Но что вамъ, глухимъ, толковать объ этомъ? Да и некогда мнѣ: я съ нею, съ Варенькой; намъ есть о чемъ говорить; жаль только, что времени не станетъ для всего, о чемъ намъ нужно бы перемолвиться индѣ просто безъ словъ, индѣ восторженною рѣчью.

„Вотъ ужъ отпили чай; вотъ ужъ Варенька и одѣлась. О, да какъ же она мила!—и мнѣ стало грустно. Какъ? Потерять такое сокровище, увидать на минуту это солнце — ликъ Создателя — и потомъ опять ослѣпнуть,—воля ваша, тутъ есть отъ чего загрустить, задуматься. Да, мнѣ стало грустно.

„Но предъ людьми я скученъ не бываю;
На что? Пускай наединѣ
Я съ горя погрущу и поскучаю“.

„Притомъ же, мы ѣдемъ въ театръ, а туда съ постнымъ лицомъ показываться странно. Итакъ, рѣшено—я веселъ. Варенька все видитъ... замѣтилъ и я торжествующій ея взглядъ, когда она, разодѣтая роскошно и вся прекрасная, стояла передо мною, надѣвая душистую перчатку. „Смотри—какъ будто говорила она мнѣ,—хороша ли я? Стою ли тебя?“ Отвѣтъ на это я подписалъ и скрѣпилъ въ моемъ сердцѣ, и, разумѣется, отвѣтъ мой былъ утвердительный.

„Театръ ужъ полонъ, ложи блещутъ...
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ“...

„Но я ничего не вижу, ничего не слышу, хоть смотрю даже въ очки, и слушаю вотъ этими самыми ушами, которыя иногда, по экстренной надобности, очень исправно исполняютъ свою должность. Чудесная игра Ивановой и Максимова... Что за кокетка эта Варенька! Посмотрите, какъ шаловливо она играетъ щегольскимъ лорнетомъ!.. „Фора! фора!“ Иванова поетъ, я слушаю... Варенька что-то шепчетъ мнѣ, но предосадный этотъ шумъ не позволяетъ мнѣ разслушать, что говор... „Иванову! Иванову! Максимова!.. Браво, браво!“

„Первая пьеса кончилась, начинается вторая. Въ театрѣ, сколько я замѣчаю, для меня всего интереснѣе бываютъ антракты. Кочуешь себѣ по ложамъ, смѣешься, врешь, словомъ, репетируешь въ лицахъ водевиль.

„Что это за проказникъ Дмитрій Гавриловичъ! Раскланявшись съ Варенькою, онъ обратился всѣмъ своимъ вниманіемъ на ложу, гдѣ она сидѣла, и все, что только было порядочнаго въ театрѣ, все это устремилось сюда съ лорнетами, очками и просто съ глазами безъ очковъ. Варенька умно себя выдержала. Она нисколько не сконфузилась и преспокойно себѣ разговаривала со мною. За то, когда я вышелъ изъ ложи и сѣлъ въ мое кресло, генералъ погрозилъ мнѣ, но такъ родительски—нѣжно, такъ привѣтливо, что я готовъ былъ прокричать ему: ура!

„Громкіе аплодисменты, шумъ, крикъ, въ которомъ можно только

было разобрать имена Ивановой и Соколова, возвѣстили окончаніе спектакля. Я проводилъ Вареньку до коляски и поплелся домой.

„И грустно мнѣ стало, и далъ я волю своей грусти. Задумчиво склонивъ голову, сидѣлъ я у стола — и тучи дыма разстилались по одинокой спальнѣ. Перекрестясь, я заснулъ, бросилъ трубку и легъ спать, ничего не придумавъ умнѣе этого.

Октября 5-го, пятница.

— Ну, милостивый государь, говорилъ мнѣ сегодня за столомъ генералъ, — теперь ужъ я самъ видѣлъ, какъ вы волочитесь. Шутки въ сторону, вы непремѣнно должны жениться; иначе вы компрометируете дѣвушку. Вчера на васъ всѣ въ театрѣ обратили вниманіе.

— Это и немудрено, ваше высокопревосходительство, смѣло отвѣчалъ я, — вы прежде всѣхъ изволили глядѣть на ложу, гдѣ... гдѣ я былъ; а тамъ уже и прочіе стали смотрѣть, слѣдуя вашему примѣру.

— Да нѣтъ, батюшка, а вы все-таки должны жениться.

— За мною дѣло не станетъ. Если прикажете—женюсь.

„Тѣмъ и покончился нашъ разговоръ; но вѣдь этого мало. Въ словахъ добраго, внимательнаго, милостиваго моего благодѣтеля, я вижу только что-то въ родѣ совѣта, безъ всякаго осязательнаго прилагательнаго, а съ этимъ далеко не уѣдешь, и желаніе мое ни на волосъ не подвинется впередъ. Не такъ бы и не то мнѣ надо.

„Послѣ обѣда я прямо полетѣлъ на Подолъ, рискуя сломить себѣ шею (прошу понимать послѣднее выраженіе въ смыслѣ моральномъ). Тревожно подходилъ я къ знакомому мнѣ дому и боязливо брался за ручку двери, но, была не была, иду,—сказалъ я самъ себѣ, и вотъ я уже близъ Вареньки. Съ нею сидѣла родная тетка ея, Александра Θедоровна Подгаецкая, повѣренная большей части ея дѣвическихъ надеждъ и ожиданій.

„Странное дѣло! Въ первой любви моей я также нашелъ себѣ помощницу въ теткѣ Александрѣ Васильевнѣ и невыносимую надзирательницу моихъ движеній — внѣшнихъ и внутреннихъ — въ сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ; вотъ и во второй нахожу то же самое. Варенькину сторону видимо держитъ ея тетка, а кто держитъ сторону Вареньки, тотъ, ясно, стоитъ за меня, а не противъ меня. За нами самымъ несноснымъ дозоромъ ходитъ сестренка Вареньки, которую томже зовутъ Машею и которую я, вмѣстѣ съ Варенькою, начинаю уже порядочно ненавидѣть, точно такъ, какъ это было у меня съ Сонечкою, которая отъ всей души нетерпѣла своей Марьи. Къ довершенію этого страннаго сходства въ обстоятельствахъ той и другой моей любви, прибавлю еще и то, что какъ покойная маменька поддерживала любовь Сонечки, робко опасаясь противодѣйствій со стороны своей толстой половины, такъ и здѣсь Марья Θедоровна видитъ и, какъ кажется, одобряетъ любовь Вареньки, опасливо прислушиваясь и присматриваясь къ рѣчамъ и поступкамъ своего супруга. Какъ во

время оно, мой тестюшка храпѣлъ и досадовалъ, такъ, повидимому, и теперь нескрываемая мною привязанность бѣситъ папу Варенькина. Странное, въ самомъ дѣлѣ, стеченіе обстоятельствъ.!.

„За чаемъ я глупъ былъ. Чортъ возьми, что за гадкая моя натура! Разболтался и—попалъ какъ куръ во щи. Забывъ, что около насъ есть посторонніе свидѣтели, я началъ говорить съ Варенькой тѣмъ иносказательнымъ языкомъ, который до сихъ поръ остается понятнымъ только намъ однимъ. Само собою разумѣется, что неумѣстнѣе этого разговора ничего быть не могло. Я это увидѣлъ, но поздно. Варенька вскочила наверхъ. Я понялъ все и, высидѣвъ для приличія и, какъ говорится, для отвода съ четверть часа, пошелъ къ Варенькѣ; она сидѣла за фортепіано, судорожно бѣгая пальцами по клавишамъ и разыгрывая піэсу, которая на этотъ разъ въ игрѣ Варенькиной стала непохожа сама на себя.

— Что вы это дѣлаете?—вскрикнула почти Варенька, увидѣвъ меня и громко стукнула по клавишамъ, стараясь заглушить слова свои. Глаза ея искрились, лицо горѣло. Я точно ошеломленный стоялъ передъ нею.

— Виноватъ; я глупъ.—Мнѣ стало душно.

— Если вы не спасете меня—я пропаду.

„Боже мой! этого не доставало,—подумалъ я, и сложивъ руки, задумался крѣпко. Душа моя какъ будто хотѣла оторваться отъ всего, что волнуетъ ее въ этомъ пошломъ мірѣ чувствъ и желаній; она желала уйти туда, туда—глубоко, въ самое себя, чтобъ поискать тамъ мысли, твердой какъ сталь, какъ кремень, чтобы изъ нея извлечь хоть одну искру утѣшенія. И вѣрно въ глазахъ моихъ, быстро устремленныхъ на Вареньку, свѣтилась бездонная, страшная пустота.

— Не смотрите на меня, сказала она,—не смотрите,—я васъ прошу.

Я отошелъ и сѣлъ въ кресло. Но это мѣсто было не по мнѣ. Я подошелъ къ фортепіано и усѣлся на стулѣ, сжавъ въ рукѣ моей пылающую папиросу.

— Зачѣмъ вы прямо и рѣшительно не скажете Дмитрію Гавриловичу? сказала Варенька громко, забывъ всякую застѣнчивость.

„Я молчалъ,—и что жъ мнѣ было сказать?

„Я молчалъ.

— Подите сюда.

„Я всталъ и подошелъ.

— Вы слышали и поняли, къ чему тетенька говорила сегодня о Чайковскомъ?

— Понялъ.

— Онъ за меня сватается; онъ проситъ руки моей, сказала она быстро и......

„Други мои! Да вѣдь это вопль глубоко подавленной горести! Что жъ мнѣ дѣлать?

— Но папенька и маменька еще того не знаютъ.

— Люди предполагаютъ, а Богъ располагаетъ, сказалъ я мрачно.

„Что она говорила дальше, что я думалъ потомъ—не помню. Но мнѣ было тяжело.—Идутъ! идутъ! Я веселъ, чрезвычайно веселъ. Я болтаю уже, шучу, злословлю, пою,—очень весело!

„Но полно—ѣдемъ домой. Я простился съ Варенькой, поцѣловалъ руку М. Ѳ. (съ нѣкотораго времени М. Ѳ. стала ко мнѣ особенно нѣжна и внимательна; поцалуи ея жарче, пожатія руки крѣпче, разговоръ солиднѣе.... (?!)

„Теперь я сижу уже дома—и работа нейдетъ мнѣ на умъ.

Октября 6-го, суббота.

„Сейчасъ,—а теперь 12-й часъ утра,—воротился я изъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ. Никакъ не ожидалъ я по такой дрянной погодѣ встрѣтить тамъ Вареньку. Замѣтивъ ее, я сошелъ съ прежняго своего мѣста и сталъ позади Марьи Ѳедоровны. Дрогнуло сердце мое, когда она, обратясь ко мнѣ, сказала: „Я на васъ сердита; теперь только что вы придете къ намъ,--отказъ“. Мнѣ, не шутя, грустно стало; а Варенька стояла и молилась Заступницѣ всѣхъ скорбящихъ; я взглянулъ на икону—и тепло стало душѣ моей; я началъ молиться. Не обращая ни на кого вниманія, я пѣлъ канонъ Богородицѣ,—и теперь на душѣ моей такъ тихо, такъ сладко, что плакать хочется. Послѣ общаго акаѳиста, я попросилъ отслужить молебенъ св. Ѳеодосію Тотемскому. Варенька упросила М. Ѳ. остаться,—мы въ троемъ молились. Я знаю, что у Вареньки одна была дума съ моею; какова-то она была у той, которую я хоть сейчасъ готовъ бы назвать своею матерью. Кстати сказать, послѣ всего того, что теперь дѣлается со мною, я не знаю, возможно ли мнѣ оставить Вареньку. Сердце говоритъ—нѣтъ, но разсудокъ мой болѣнъ опасеніями и не скоро соглашается съ отзывомъ сердца.

„Боже мой! Въ тебѣ и на тебя надежда моя! Не хочу вмѣшиваться съ моими близорукими распоряженіями въ предвѣчныя твои судьбы о мнѣ! Твори, якоже хощеши.

„Половина десятаго вечеромъ. Страшно, убійственно тяжело мнѣ было передъ самымъ обѣдомъ. Я метался изъ одной комнаты въ другую, брался то за то, то за сё—и все это меня томило, мучило. Мнѣ хотѣлось бы заплакать, но на этотъ разъ даже слезы отказались меня слушать; они накоплялись и кипѣли тамъ, въ сердцѣ моемъ,—и я чувствовалъ ихъ, чувствовалъ, какъ давили они мнѣ грудь и какъ будто хотѣли прорвать ее; а глаза мои были сухи.

„Настало время обѣда. Я и адъютантъ А. К. Куманинъ вошли въ пріемную, гдѣ уже прохаживался Дмитрій Гавриловичъ. Отвѣтивъ на поклонъ мой своимъ обычнымъ привѣтствіемъ: „мое совершенное вамъ почтеніе“,—онъ тотчасъ же спросилъ меня:

— А что же, скоро ли ваше сватовство?

— Когда прикажете, ваше в—ство, отвѣчалъ я.

— Да по мнѣ—хоть сегодня.

— Въ томъ все и препятствіе, что еще несовсѣмъ организирована моя финансовая система,—сказалъ я съ полусмѣхомъ.

„На этотъ разъ разговоръ, столько интересный для меня, тѣмъ и кончился. Я задумался и хорошенько не слышалъ, о чемъ послѣ того шла рѣчь.

„Пошли обѣдать. Генералъ, поговоривъ съ минуту съ дежурнымъ чиновникомъ, обратился ко мнѣ.

— Такъ какъ же? Вы женитесь на Балабухѣ?

— Не могу этого сказать, ваше в—ство, отвѣчалъ я.

— Отчего же?

— Будь у меня мѣсто, которымъ бы сколько нибудь обезпечивалось мое состояніе,—тогда другое дѣло.

— А какого вы мѣста хотите?

— Такого, которое давало бы мнѣ ежегоднаго жалованья, по крайней мѣрѣ, тысячу рублей серебромъ.

— Ну, а тогда женитесь?

— Женюсь, отвѣчалъ я рѣшительно.

— Да пойдетъ ли она за васъ?

— Пойдетъ, отвѣчалъ я съ тою же рѣшительностью.

— Какъ вы это знаете?

— На это я имѣю самыя осязательныя доказательства, и если позволите, я покажу ихъ послѣ обѣда вашему высокопревосходительству.

— Экой хвастунъ!—сказалъ генералъ смѣясь.

— Нѣтъ, точно, ваше в—ство, заговорилъ Куманинъ,—что она согласна пойти за Аскоченскаго; въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться.

— Не угодно ли будетъ вашему высокопревосходительству спросить самимъ о томъ Варвару Николаевну при первомъ свиданіи съ нею. Даже мать ея, можетъ быть, на моей сторонѣ. Если и есть какое препятствіе, такъ это со стороны ея отца.

— Ну,—замѣтилъ генералъ,—это еще бѣда не большая. Только смотрите, женитесь ли вы.

— Ваше в—ство! мнѣ уже прошла пора ловеласничать.... требованія семейной жизни широко у меня развиты и глубоко пустили корни въ моей душѣ,—могу ли я послѣ того отказаться отъ неожиданнаго счастья имѣть такую....

— Ну, перебилъ генералъ,—а если не женитесь?

— Дѣлайте тогда со мной, что хотите.

— Хорошо. Позволите ли тогда наказать себя тѣлеснымъ образомъ? сказалъ генералъ смѣясь.

— Надѣюсь, отвѣчалъ я также съ смѣхомъ, что я не дойду до такого непріятнаго положенія,—и потому осмѣливаюсь находить лишнимъ въ этомъ случаѣ мое согласіе.

— То-то, заговорилъ вдругъ генералъ серьезно,—иначе вы скомпрометируете ее—а это не хорошо: она дѣвочка умненькая и добренькая.

„Я замолчалъ, вполнѣ соглашаясь съ словами генерала и дивясь про себя страннымъ его опасеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ—не смѣшно ли думать, чтобы я отказался отъ такого ангела, который сулитъ мнѣ все, что потерялъ я въ моей Софьѣ? Да Богъ съ ними—и съ ихъ богатствомъ, и съ ихъ деньгами, и съ ихъ приданымъ, лишь бы у меня самого была возможность не заставить Вареньку почувствовать и терпѣть со мною нужду! Дайте мнѣ побольше работы—и я не откажусь, лишь бы стало моихъ силъ отплатить счастьемъ и довольствомъ за ту жертву, которую несетъ мнѣ въ даръ это милое созданье. А трудовъ я не боюсь; руки есть, голова на плечахъ, и кажется, благодаря Бога, не безъ толку,—чего же еще? Для любимой души—горою качну!....

„Послѣ обѣда я, генералъ и Куманинъ пошли въ кабинетъ. Генералъ самъ (чего прежде никогда не бывало) далъ мнѣ свою сигару и, усѣвшись въ вольтеровское кресло, сказалъ:

— Какія же тамъ у васъ осязательныя доказательства?

„Я досталъ мой бумажникъ и далъ прочитать генералу то, что написала Варенька 3-го октября.

— Это точно она писала? спросилъ онъ, отдавая мнѣ бумажникъ.

— Я не осмѣлился бы такъ грубо обманывать ваше высокопревосходительство, если бъ это была чужая рука.

— Это не его рука, замѣтилъ Куманинъ.

„Генералъ какъ будто пріостановился. Примѣтно, какая-то мысль бродила въ его головѣ, но угадать ее было трудно. Помня пословицу: куй желѣзо, пока горячо, я разсказалъ тутъ же сновидѣніе мое о Ѳеодисіи Тотемскомъ, объ иконѣ этого угодника, нечаянно, но уже послѣ сновидѣнія, увидѣнной мною въ домѣ Балабухи, разсказалъ о странной встрѣчѣ нашей въ церкви и вовсе неподготовленной заранѣе рѣшимости слушать вмѣстѣ заказанный мною молебенъ св. Ѳеодосію.

— Каковъ? сказалъ генералъ, обращаясь къ Куманину, — какъ мастерски онъ все подготавливаетъ и устроиваетъ.

„Это замѣчаніе задѣло меня за живое. Я вспыхнулъ.

— Ваше высокопревосходительство!—сказалъ я. Если-бъ даже вы и изволили замѣтить за мною когда либо охоту лгать, то меня въ настоящемъ случаѣ, прежде всего, удерживало бы то, что я говорю не передъ кѣмъ другимъ, а передъ вами, а съ другой стороны — и то, что шутить такими вещами я не согласенъ: имя угодника Божія, какъ бы то ни было, для меня священно, равно священна для меня и любовь моя къ...

— Къ кому? сказалъ генералъ съ улыбкою, замѣтивъ, что я вдругъ остановился.

— Къ Варварѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ я твердо.

„Сигара потухла въ моихъ рукахъ. Я поклонился генералу и вышелъ. О, если бы Всевышній вразумилъ добраго моего покровителя устроить мою судьбу, а больше всего — дать мнѣ средства, вырвать ее—мою душку—изъ этого омута, куда хотятъ ее бросить недальновидные родители. Господи! не оставь меня!

„Только что отъ стола—и ужъ я поскакалъ на Подолъ; но боясь какого либо замѣчанія со стороны родителей Вареньки за мои частыя и несовсѣмъ еще ясныя для нихъ посѣщенія, завернулъ къ Минервину. Послѣ чаю мы пошли съ нимъ ко всенощной. Побродивъ глазами моими по угламъ церкви, я рѣшился во что бы то ни стало еще разъ увидѣть Вареньку и пошелъ къ нимъ въ домъ. Робко поцаловалъ я руку М. Ѳ. и уже не чувствовалъ того крѣпкаго пожатія, какое бывало прежде. Это еще больше меня обезпокоило. Я оставилъ Вареньку у фортепіано, а самъ усѣлся близъ М. Ѳ., стараясь, сколько возможно, сдѣлать ее ласковою и внимательною ко мнѣ. По невеселому лицу и невольной задумчивости я заключилъ, что она, бѣдная, начинаетъ крѣпко безпокоиться объ отношеніяхъ моихъ къ Варенькѣ. Любовь ея ко мнѣ уже не тайна; мать не можетъ этого не видѣть. Съ неизбѣжною въ такомъ случаѣ неопредѣленностью я далъ замѣтить М. Ѳ., что я не сижу, сложа руки, а уже начинаю хлопотать о дѣлѣ. Это, сколько мнѣ было видно, мало ее успокоивало; но что̀ же мнѣ было дѣлать? Поступить иначе было бы глупо и опрометчиво; оставить, бросить все—не могу, даже не долженъ; да, не долженъ.

„Странное дѣло! Опять то же самое дѣлается, что дѣлалось во время оно со мною и съ окружавшими меня! Опять является мать, понимающая любовь своей дочери, и колеблемая страхомъ, опасеніемъ и уже безплоднымъ страданіемъ о томъ, что заранѣе не приняла мѣръ прекратить всѣ способы къ тому, чтобы такъ тѣсно не соединиться намъ. Странное, повторяю, дѣло!

„Къ намъ подошла Варенька.

— Вообразите, Варвара Николаевна,—сказалъ я, стараясь сдѣлать разговоръ сколько возможно общимъ,—вѣдь у насъ-таки будутъ вечера и балы—и надѣюсь, что и вы будете тамъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь врядъ ли.

— Отчего же?

— Я еще до сихъ не могу понять, зачѣмъ въ прошломъ году являлась на эти вечера и балы? сказала Варенька, смотря на меня быстро. Я понялъ ее.

— Такъ Богу было угодно, сказалъ я, стараясь придать вѣсъ каждому слову.

— Богу было угодно, повторила она медленно, съ легкою задумчивостью.

— Да, Богу было такъ угодно,—еще разъ сказалъ я, — поймите это хорошенько, Варвара Николаевна.

„Она взглянула на меня: мысль моя была угадана.

— Прошлый годъ—другое дѣло, сказалъ Павелъ Семеновичъ, молодой дядя Вареньки,—а теперь она просватана.

— Такъ что-жъ такое? спросилъ я.

— Зачѣмъ она пойдетъ туда? Чтобы больше скучать?

— Больше скучать,—такъ, стало быть, она теперь скучаетъ?

— Я не говорю этого.

— Какъ не говорите? Больше скучать,—тутъ стоитъ сравнительная, значитъ, Варвара Николаевна скучаетъ положительно.

— Въ Рыльскѣ ужъ того не будетъ, сказалъ онъ, не замѣчая, вѣроятно, того, что онъ кинжаломъ роетъ и копается въ больномъ сердцѣ.

— За то тамъ ветчина будетъ, отвѣчалъ я, играя въ этомъ случаѣ роль безжалостнаго палача.

„Всѣ захохотали, только Варенькинъ смѣхъ горше былъ всякой слезы. Мнѣ жаль ее стало, до слезъ жаль. Рѣчь начала перебиваться. Не знаю, какъ-то зашли слова о томъ, что лучше бъ было, если-бъ я умеръ назадъ тому лѣтъ 15. Варенька подхватила:

— Нѣтъ, не лучше; тогда бы вы не были искупителемъ вашей Софьи...

„И она смотрѣла на меня своими прекрасными глазами, какъ будто прося, чтобъ я понялъ ее. Я тоже взглянулъ на нее — и увѣренъ, что она не могла не прочитать въ глазахъ моихъ: „знаю, не объ умершей ты Софьѣ говоришь, а о живой Софьѣ, которую еще только хотятъ уморить.

„Скоро послѣ этого я откланялся и ушелъ.

Октября 7-го, воскресенье.

„Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какого радостью спѣшилъ я въ клубъ купеческій! Я пѣлъ пѣсни, шумѣлъ, говорилъ самъ съ собою; а на дворѣ съ порывистымъ вѣтромъ шелъ дождь; ничего,—сказалъ я—и подъ ливнемъ пустился на Подолъ.

„И вотъ я уже изъ клуба,—а теперь только одинадцать часовъ,—и вотъ я уже дома грустный, задумчивый.

„Порадовала было меня Варенька первою встрѣчею, но не надолго. Откровенность, какой я въ настоящую пору вовсе не надѣялся отъ М. Ѳ., убила всю мою веселость, все мое счастіе, какимъ я думалъ упиваться въ глазахъ Вареньки. Сегодня, вслѣдствіе глупаго разсказа одного изъ Балабухъ, Павла Семеновича,—въ домѣ у нихъ поднялась суматоха. У меня не достанетъ силъ передать все, что̀ я слышалъ отъ М. Ѳ.: довольно того, что мнѣ хотятъ отказать отъ дому... О, если такъ, то я примусь уже за дѣло тремя руками—включая въ это число одну руку, которая можетъ во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ цѣлыя тысячи рукъ... Но пока-то это будетъ, пока кончится эта

борьба,—а я не могу быть покоенъ. Страшно взволнованный я бродилъ по огромной залѣ, безсмысленно зѣвалъ на танцующихъ и...

— Нѣтъ, Марья Ѳедоровна, сказалъ я наконецъ,—не бывать этому живому созданью за какимъ-нибудь рыльскимъ пентюхомъ!..

„Я всталъ и уѣхалъ домой. Охъ, да какъ-же мнѣ тяжело, грустно! Что-то Богъ дастъ: но гласъ народа уже совсѣмъ отдалъ мнѣ Вареньку. Мнѣ надо, непремѣнно надо переговорить съ генераломъ.

„Помолюсь Богу и лягу спать. Утро вечера мудренѣе.

Октября 8-го, понедѣльникъ.

„Цѣлое утро я до того былъ взволнованъ вчерашними разсказами и событіями, что даже почувствовалъ себя нездоровымъ. Припоминая то, что сказалъ мнѣ вчера генералъ,—а онъ сказалъ вотъ что: „надобно это дѣло кончить поскорѣе“, — припоминая, говорю, это, я не могъ на минуту успокоиться. Это почти разстроило меня.

„За обѣдомъ генералъ сказалъ мнѣ:

„Зайдите-ка ко мнѣ въ восемь часовъ вечера“. Тревожно ожидалъ я этого времени и, валяясь на кровати, чувствовалъ какъ будто припадки горячки. Кровь моя до того волновалась, что только лишь задремлю я,—въ ту жъ минуту вздрогну и проснусь. Пріѣхалъ Платонъ; я разсказалъ ему все, что со мною дѣется, и онъ ободрилъ меня, утѣшилъ упованіемъ на Господа Бога. Я сталъ покойнѣе.

„Вмѣсто восьми часовъ я попалъ къ генералу въ десять. Онъ усадилъ меня напротивъ себя и первый его вопросъ былъ таковъ: „хотите ли вы жениться“?

— Ваше высокопревосходительство, осмѣлюсь...

— Безъ фразъ, безъ фразъ; говорите прямо: да или нѣтъ?

— Да, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

— Что жъ вамъ для этого нужно?

— Мѣсто, которымъ бы я сколько нибудь могъ обезпечить свое состояніе.

— Какого жъ вы хотите мѣста?

„Я указалъ на мѣсто директора гимназіи, и генералъ приказалъ сдѣлать мнѣ по этому случаю нѣкоторыя необходимыя справки. Богъ вѣсть, къ кому мнѣ обратиться. Сохрани Господи, если узнаютъ объ этомъ господа университетскіе профессоры: они заклюютъ меня, — а мимо ихъ никакъ нельзя. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ всего лучше обратиться къ злѣйшему и пронырливѣйшему изъ нихъ, и я для этого выбираю Иванишева. Дай знать объ этомъ кому нибудь попростѣе — онъ начнетъ хитрить и, чего добраго — повредитъ мнѣ. А этотъ, надѣясь на свою проницательность, можетъ быть, заснетъ— и я проведу его и выпытаю, что мнѣ будетъ нужно. Завтра въ походъ, — строй каре, и поражая самъ, не подпущу къ себѣ никого и непремѣнно достану себѣ языка.

„Къ слову, я разсказалъ коротко генералу весь настоящій мой романъ, не забывъ и про вчерашнюю сцену, на которую даже я особенно налегалъ, давая тѣмъ знать о мучительномъ состояніи дѣвушки, которую обрекаютъ въ жертву разсчетамъ. Генералъ слушалъ меня внимательно, и когда подъ конецъ я сталъ было благодарить его за отечески-милостивое участіе ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Для васъ-то для васъ, а больше для этой дѣвушки надо постараться. Я люблю ее,—она умненькая.

„Теперь не усну я ночь отъ другой заботы; ихъ, впрочемъ, у меня такъ много, что я не знаю, на которой прежде всего остановить мое вниманіе. Счастье у меня почти въ рукахъ,—боюсь упустить его...

Октября 9-го, вторникъ.

„Насилу дождался я этого несноснаго утра. Несмотря на сильный, насквозь проникающій дождь, я поѣхалъ на Подолъ хоть взглянуть на Вареньку. Холодно принялъ меня возлюбленный ея папаша, который—на бѣду мою—вздумалъ совершенно некстати быть больнымъ, и потому сидѣлъ дома. Я сказалъ—на бѣду мою, потому что я не успѣлъ перемолвить, какъ бы мнѣ хотѣлось того, съ М. Ѳ. По крайней мѣрѣ, я далъ ей знать, что генералъ принялъ въ нашемъ дѣлѣ сильное участіе и что я не сижу сложа руки. Съ Варенькой я не могъ помѣняться даже двумя словами. М. Ѳ. воображаетъ, что Варенька ничего не знаетъ о намѣреніяхъ моихъ и что ей вовсе не извѣстно о томъ, что̀ говорила мнѣ сама Марья Ѳедоровна третьяго дня въ клубѣ. Дѣлать нечего, надо было довольствоваться только взглядами,—но и изъ нихъ, надѣюсь, Варенька поняла все.

„Я узналъ, что въ случаѣ просьбы моей объ увольненіи изъ академіи остановки не будетъ никакой. Митрополитъ и все воинство его, какъ по всему видно, очень рады будутъ отдѣлаться отъ такого карбонарія, какъ я. Въ отмѣткахъ своихъ по послужному моему списку, онъ ужъ не такъ-то былъ расточителенъ на похвалы. Что же касается до новаго мѣста, то, мнѣ кажется, встрѣтятся большія затрудненія. Директоръ, на котораго я мѣчу, такъ плотно усѣлся на мѣстѣ, что его развѣ силою можетъ столкнуть такая рука, какъ у моего высокаго покровителя. Не знаю, что Богъ дастъ.

Октября 11-го, четвергъ.

„Я поѣхалъ къ Балабухѣ. Злодѣйка-Варенька встрѣтила меня сердито, даже не пожала, по обыкновенію, руки моей. Это меня жестоко изумило съ перваго. Я глядѣлъ на Вареньку, желая узнать по глазамъ ея причину такого недовольства на меня, но звонкій и счастливый смѣхъ былъ достаточнымъ отвѣтомъ, что это гнѣвъ не къ наказанію. Я все понялъ.—Вы, сказала она потомъ,—вѣрно хотите пытать мое терпѣніе, что такъ давно у насъ не были.—„И радъ бы

въ рай, подумалъ я, да грѣхи не пускаютъ". Въ залѣ сидѣло все семейство—и намъ нельзя было молвить другъ другу двухъ словъ безъ свидѣтелей. Но довольно было взглянуть на Вареньку—и быть счастливымъ. О, какъ страстно глядитъ она на меня! Какой огонь горитъ въ этихъ чудныхъ глазахъ! Какъ понятно трепетны эти недоговоренныя рѣчи, этотъ судорожно-радостный смѣхъ ея. Да, Варенька любитъ, горячо любитъ—и я этотъ счастливецъ, предметъ ея любви, думъ, мечтаній и надеждъ! Благодарю тебя, Господи! Еще не совсѣмъ я одинокъ, еще есть чистое, прекрасное сердце, на которомъ написалось имя мое огненными буквами первой, юной любви.

— Я вся дрожу, сказала она тихо, быстро. Ей Богу, братцы, у меня духъ занялся.—Другъ мой! сказалъ я также тихо и скоро,—я уѣду; мы такъ измучимся.—И я взялъ шляпу.

— Постойте, сказала она почти со слезами, и я остался не надолго.

— Вы маменькѣ говорили что нибудь? спросила она меня.

— Все почти ужъ сказано.

— Что жъ это она безъ васъ смѣется надъ вами?

„Не помню, въ изъясненіе этого какую я сказалъ глупость. Но это обстоятельство заставило меня подумать, когда я уже поѣхалъ домой. Сказать правду, я не вовсе довѣряю Марьѣ Ѳедоровнѣ, и мнѣ кажется, что чуть ли она не дѣйствуетъ хитрѣй, чѣмъ почтеннѣйшій ея супругъ. Своею неожиданною откровенностью она выпытала у меня тайну любви къ Варенькѣ и хочетъ, какъ видно, повести меня за носъ и разстроить меня съ милою своею дочерью, новою избранницею моего сердца. Для этого она и просила меня бывать у нихъ какъ можно рѣже, для этого-то она и рисуетъ меня передъ Варенькою чернымъ карандашемъ, примазывая по мѣстамъ свой рисунокъ грязью. Это неладно. Впрочемъ, кстати, что Варенька сказала мнѣ объ этомъ. Я знаю, что́ теперь дѣлать. О, меня трудно провести!....

„Между прочимъ, М. Ѳ. извѣстила меня, что Аристарховы просили позволенія быть у Балабухъ въ ноябрѣ. Николай Семеновичъ изъявилъ, вишь, свое согласіе; но Варенька не отвѣчала ничего. Значитъ, мнѣ надобно стараться, чтобы главнокомандующій нашимъ дѣломъ воспользовался этимъ временемъ и дѣйствовалъ наступательно и рѣшительно, не дожидаясь атаки со стороны непріятеля. Коменданты крѣпости, къ которой мы приступаемъ, могутъ, чего добраго, измѣнить намъ,—и тогда все пропало!

„Такъ какъ ѣхать домой слишкомъ было рано, то я отправился къ генеральшѣ Красовской. Тамъ былъ Дмитрій Гавриловичъ, комендантъ Пенхержевскій, генералъ Желтухинъ, вице-губернаторъ Бибиковъ и прокуроръ Матюнинъ. Меня тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ усадили за зеленый столъ. Я игралъ съ комендантомъ и Желтухинымъ. Счастливо отдѣлавшись отъ виста, я подошелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ генералъ.

— Откуда вы, спросилъ онъ улыбаясь,—вѣрно съ Подола?

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— Да, да,—подхватила Красовская,—вѣдь у васъ скоро свадьба. Прекрасно! я буду у васъ посаженою матерью.

„Я поблагодарилъ генеральшу и подумалъ: если ужъ генералъ не держитъ этого въ секретѣ и самъ распускаетъ слухи, то быть дѣлу. О, когда бы скорѣй! Милая Варенька! Будемъ молиться и уповать на Господа Бога! Онъ, премилосердый, не оставитъ насъ; онъ благъ и любитъ дѣтей своихъ.

Октября 12-го, пятница.

„Никакая работа не идетъ на умъ; все такъ и валится изъ рукъ. Чтобъ доставить себѣ хоть какое нибудь развлеченіе, я принялся въ десятый, кажется, разъ переписывать мои стихотворенія за настоящій годъ. На дворѣ было холодно, какъ зимою; въ 12 часовъ пошелъ снѣгъ, который, разумѣется, не могъ совладать съ грязью, жидко свѣтившеюся на мостовой.

„За столомъ генералъ ни слова не говорилъ ни объ дѣлѣ моемъ, ни объ Варенькѣ.

„Выпросивъ у Д. Г. „Исторію Малороссіи" для Николая Семеновича, я поѣхалъ на Подолъ, и благодаря Бога, встрѣченъ былъ отъ неблагосклоннаго ко мнѣ папы Варенькина довольно ласково. Мнѣ только и нужно было. Потомъ я пошелъ въ залу, и... Это, чортъ возьми, ни на что не похоже! Насъ ни на одну минуту не оставляютъ однихъ съ Варенькою. М. Ѳ. сидитъ какъ прикованная къ своему мѣсту; только у фортепіано, отвлекающаго вниманіе нашихъ инспектриссъ, мы успѣваемъ обмѣняться съ Варенькою лишнею парою словъ. Но для насъ и этого бываетъ довольно. Несмотря на краткость нашихъ разговоровъ, мы оба понимаемъ недосказанное. Варенька почти съ гнѣвомъ упрекаетъ меня за недѣятельность и только торопитъ кончать поскорѣе дѣло, какъ видно, опасаясь наступательныхъ дѣйствій со стороны жениха своего, которому она такъ охотно даетъ чистую отставку. Всѣ надежды ея обращены къ генералу, котораго она прямо называетъ своимъ защитникомъ и хранителемъ. Поспѣшность, весьма понятная въ Варенькѣ, меня часто сбиваетъ съ толку,— и я тогда не знаю, что̀ отвѣчать ей на это.

Октября 13-го, суббота.

„Молодой другъ мой совѣтовалъ мнѣ прямо и откровенно сказать все генералу, съ неотступнымъ требованіемъ мѣста и ходатайства предъ отцомъ Вареньки. Я и самъ думаю объ этомъ, но боюсь неотступными напоминаніями генералу испортить все дѣло. Впрочемъ, надѣясь на Господа Бога, сегодня рѣшусь еще разъ сказать Дмитрію Гавриловичу о себѣ и о Варенькѣ.

„6 часовъ вечера. И сказалъ-таки. Генералъ вотъ что, наконецъ, отвѣчалъ мнѣ: „пока я живъ и пользуюсь милостію государя, до тѣхъ поръ твердо могу вамъ сказать, что если мы не найдемъ мѣста по ученой службѣ, то я дамъ вамъ по гражданской. Это непремѣнно. Скажите то же самое отъ меня и вашей Варварѣ Николаевнѣ".

„Я поклонился и вышелъ. У меня голова кружится.

Октября 15-го, понедѣльникъ.

„Странное дѣло! Завтра рѣшается трудный вопросъ, который вотъ уже въ другой разъ задаетъ мнѣ судьба въ моей жизни—и между тѣмъ я покоенъ. Сказать правду, получивъ коротенькую записку отъ Николая Семеновича, я почувствовалъ въ первый разъ порядочное въ себѣ волненіе, усиленное въ особенности тѣмъ, что письмецо, посланное мною къ нему, воротилось ко мнѣ назадъ съ престраннымъ замѣчаніемъ на конвертѣ: отвѣтъ въ срединѣ. Съ перваго раза я не разобралъ этого и подумалъ, что тутъ написано: отвѣтъ въ среду. Почему же въ среду, а не сегодня, не завтра, разсуждалъ я, держа письмо въ рукѣ моей? Это странно! Да ужъ полно, читалъ ли онъ мою записку? Это было бы съ его стороны крайняя невѣжливость, еслибы онъ, не распечатавши, прислалъ мнѣ назадъ мою записку. Размышляя такъ, я уже хотѣлъ изорвать ее, но облатка, худо приклеенная, нечаянно остановила меня. Я развернулъ записку и прочиталъ: „завтра пріѣзжайте ко мнѣ въ 12 часовъ утра". Прекрасно! А тамъ—что будетъ, то будетъ.

„На святое Провидѣнье
Положился я давно"...

„Повторяю, я спокоенъ,—но что-то теперь съ Варенькой? Я почти увѣренъ, что она въ эту ночь глазъ не сомкнетъ: она такъ горячо и пылко меня любитъ; она еще впервые испытываетъ эту болѣзнь, которую зовутъ любовью. Жаль мнѣ ее, мою крошку,—и за нее я готовъ бы теперь упасть въ ноги тому, отъ кого зависитъ ея и мое счастье.

Октября 16-го, вторникъ.

„Пріѣзжаю по назначенію къ Балабухѣ ровно въ 12 часовъ. Прежде всего я забѣжалъ внизъ, гдѣ сидѣла Марья Ѳедоровна и Варенька. Обѣ онѣ были, какъ по всему видно, сильно встревожены. Размѣнявшись привѣтствіями, я съ рѣшительнымъ и спокойнымъ видомъ пошелъ наверхъ. Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня довольно вѣжливо и мы заговорили.

— Прежде всего,—сказалъ я ему,—благодарю васъ, Николай Семеновичъ, за то, что вы не заставили меня долго ожидать отвѣта.

„Онъ откланялся и пригласилъ меня садиться.

— Вы, конечно,—заговорилъ я, усаживаясь въ кресло,—могли нѣсколько угадывать цѣль моихъ посѣщеній. Если позволите, я выскажу ее прямо, и напередъ прошу васъ со мною въ настоящемъ случаѣ быть откровеннымъ; я люблю вашу Вареньку и прошу у васъ ея руки.

— Да вы развѣ не знаете, что она уже помолвлена? отвѣчалъ серьезно Николай Семеновичъ.

— Очень хорошо знаю; равно какъ знаю и то, что помолвка эта далеко еще не ведетъ къ дѣлу, которое, какъ мнѣ извѣстно, у васъ разладилось.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Весь Кіевъ.—Я умолчалъ здѣсь о болѣе вѣрномъ источникѣ, изъ котораго почерпнуто мною такого рода свѣдѣніе.

— Всему, возразилъ Николай Семеновичъ,—что говорится въ Кіевѣ, вѣрить нельзя. А я далъ слово—и не отступлюсь отъ него.

— Вы дали слово — прекрасно; но дала ли слово та, судьба которой рѣшается съ такимъ упорнымъ насиліемъ?

— Разумѣется, дала. Я самъ призывалъ ее еще передъ обрученіемъ, и она тогда объявила свое согласіе...

— Не справясь ни съ умомъ, ни съ сердцемъ, продолжалъ я.— Да, это точно великое согласіе и основываться на немъ очень благоразумно. Но, Николай Семеновичъ! не могла ли новость положенія закружить бѣдную, еще неопытную дѣвушку? Она невѣста, ее всѣ поздравляютъ; кругомъ суета, шумъ, освѣщеніе, всѣ рады и веселы; сбоку женихъ — да это хоть кому вскружитъ голову. Вы знаете, въ Индіи жертвы, обрекающія себя на сожженіе, точно бываютъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ была тогда Варенька. Но положимъ, что на этомъ согласіи вы могли въ то время основываться и затѣять такую громкую помолвку (которая, между прочимъ, ужаснѣйшая съ вашей стороны ошибка),—увѣрены ли вы, что Варенька готова и теперь сказать то же, что говорила она назадъ тому почти три мѣсяца?

— А мнѣ что до теперешняго ея согласія! Коротко скажу: слово дано мною и я ни за что не отступлюсь отъ него.

— Держать свое слово хорошо и похвально тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вещи, а не о лицѣ, которое само по себѣ можетъ имѣть свою мысль и, слѣдовательно, свое слово. Не будете ли вы отвѣчать передъ Богомъ за то, если въ угожденіе вашему упорству дочь ваша солжетъ предъ алтаремъ, если устами скажетъ—да, а на сердцѣ положитъ— нѣтъ?

— О, что касается до этого, то я отвѣтственности предъ Богомъ не боюсь.

— Не бояться вы можете, но она все-таки будетъ лежать на васъ. Если бы эта двуличность Вареньки была дѣломъ ея собственнаго произвола и избранія—другое дѣло; тутъ родители были бы невиноваты;

но какъ скоро они отнимаютъ у ней свободу, поставляя только свою волю закономъ, то кто жъ отвѣчаетъ? Ужъ, разумѣется, не тотъ, кто дѣйствуетъ по принужденію.

— Будто мы ее принуждаемъ?

— А что жъ вы дѣлаете? Если не принуждаете, то почему же до сихъ поръ вы не выспросите ее, какъ отецъ, какъ другъ, безъ строгихъ замѣчаній и грозныхъ сентенцій?

— Да на что это?

— Какъ на что? Для счастья вашей дочери.

— О, она будетъ счастлива.

— Что и говорить. Счастье, Николай Семеновичъ, условная вещь. Однимъ и то счастье, если они могутъ пить, ѣсть, да спать вдоволь, а другимъ хочется другаго, хочется подѣлиться мыслью, чувствомъ, сердцемъ.

— Все это она найдетъ въ Аристарховѣ...

— Дай Богъ, но все это вы покамѣстъ говорите,—что-то она сказала бы, если бъ спросить ее...

— Не нужно это.

— Такъ, стало быть, вы сами будете находить въ выбранномъ вами фениксѣ всѣ качества, какихъ потребуетъ отъ него такая умная и образованная дѣвушка, какъ Варенька. Вы скажете: „вотъ это, молъ, дочка—чувство, вотъ это—мысль, вотъ это—сердце"; а она вамъ отвѣтитъ: „позвольте, папенька, я сама посмотрю"; вы опять скажете: „не нужно, дочка, это мы тебѣ говоримъ,—твои родители";—„нѣтъ, ужъ позвольте", скажетъ она и, хорошенько всмотрѣвшись—Боже сохрани, какъ прибавитъ: „посмотрите, да это не чувство, а сахарная вода,—это не мысль, а ариѳметическій счетъ,—это не сердце, а копченый кусокъ мяса". Что тогда? Николай Семеновичъ! Отдать дочь вѣдь не то же, что сбыть залежалый товаръ. Смотрите, обдумайте...

— Сколько бъ я ни думалъ, все будетъ одно и то же.

— То-есть, перебилъ я, вы приносите Вареньку въ жертву вашему упорству. Хороша родительская любовь! Не говорите мнѣ этихъ примѣровъ, которыми такъ любятъ хвастаться старики, что вотъ, дескать, мы прожили, слава Богу, бывъ сведены вовсе безъ вѣдома нашего волею родительскою. То, скажу вамъ, были времена—другіе нравы; то старина, то и дѣяніе. Нашихъ стариковъ и надо было сводить, потому что они такъ никогда бы не сошлись; для этого нужно кое-что побольше ногъ; нужна образованность, взаимная настроенность,—а этого-то у стариковъ нашихъ (не во гнѣвъ будь сказано) и недоставало. Вѣкъ на вѣкъ не указываетъ и требованія времени измѣняются...

— Все это такъ; но предложеніе ваше въ другое время имѣло бы другой вѣсъ, а теперь Варя обручена...

— Что вы этимъ хотите сказать? Не то ли, что я прежде этого извините) жалкаго обрученія очень легко могъ просить руки Варень-

кипой, не напрасно себя лаская надеждою успѣха? Но, Николай Семеновичъ, помните, что я уже не въ первой порѣ молодости, и что соваться въ воду, не спросясь броду—мнѣ ужъ не приходится. Я смотрѣлъ, какъ устроятся мои обстоятельства, и смогу ли я прилично настоящему моему положенію въ свѣтѣ содержать себя и будущую жену мою своимъ собственнымъ коштомъ, не простирая слишкомъ далекихъ и обширныхъ видовъ на женино приданое. Въ этомъ смыслѣ я и дѣйствовалъ. Бывъ у васъ принятъ въ домѣ, я сблизился съ Варенькою, узналъ ея мягкую душу, ея теплое сердце, ея гибкій умъ, узналъ все, чѣмъ она способна быть—и откровенно признаюсь вамъ—полюбилъ ее. Варенька, замѣтивъ это, тотчасъ же дала мнѣ знать, что у нея есть женихъ, что онъ хорошъ и прочее, и что я могу оставить ее въ покоѣ. Поблагодаривъ за такую умную откровенность, я, точно, рѣшился прекратить мои исканія, внутренно—признаться—жалѣя, что это милое созданіе идетъ въ руки человѣку, который, быть можетъ, не съумѣетъ оцѣнить его. Но какъ бы то ни было, я пересталъ къ вамъ ѣздить; безъ меня совершилось ваше громкое обрученіе; безъ меня Варенька стала невѣстою. Я даже самъ поздравилъ ее, бывши въ гостяхъ у Семена Семеновича въ день его золотой свадьбы. Изрѣдка навѣдываясь къ вамъ и слыша отъ самой Вареньки, какъ она восхищалась положеніемъ невѣсты, уѣзжалъ домой, внутренно смѣясь такому самообольщенію неопытной дѣвушки. Я видѣлъ, что впечатлѣніе отъ совершеннаго съ нею обрученія легло только на поверхность ея души, нисколько не тронувъ глубины ея,—и боялся нарушить это мирное, спокойное невѣдѣніе ожидающей ея участи, самой прозаической; такъ прошло почти около трехъ мѣсяцевъ. Вдругъ дошелъ до меня слухъ о разладѣ вашемъ съ домомъ Аристарховыхъ. Признаюсь, я принялъ это за указаніе Промысла и сентября 19-го явился въ вашъ домъ, чтобы узнать, справедливы ли эти слухи. Разспрашивать мнѣ было не нужно,—стоило только взглянуть на Вареньку, поговорить съ нею совсѣмъ, будто бы, о постороннемъ, чтобъ увидать истину во всей ея наготѣ. Съ этихъ поръ я сталъ бывать у васъ чаще и чаще, узнавать Вареньку ближе и ближе, и дошелъ до того, что не бывать у васъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю—было для меня уже невозможно. Тутъ я узналъ многое; но еще не рѣшился даже самому себѣ отдавать отчета въ моихъ цѣляхъ и видахъ. Дмитрій Гавриловичъ сначала шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ, наконецъ сталъ уже серьезно поговаривать объ этомъ и однажды сказалъ мнѣ—почему я не ищу руки ея? Я отвѣчалъ, указавъ на недостаточное мое состояніе, на мѣсто, занимаемое мною въ академіи, которое, конечно, съ голоду не уморитъ, но зато и сыто не накормитъ. Генералъ обѣщалъ мнѣ помочь въ этомъ и я уже самъ взялся за дѣло серьезно. Вотъ вамъ, Николай Семеновичъ, весь ходъ моихъ дѣйствій: судите, благородно ли я поступалъ, или нѣтъ?

— Я ни слова объ этомъ не говорю. Но вѣдь этому ничему бы не бывать, если бы Аристарховъ былъ здѣсь. Вы сами встрѣчали бы его у насъ каждый день, и тогда...

— Тогда бы, перебилъ я,—мнѣ и не для чего было бы къ вамъ ѣздить, потому что у васъ и разлада никакого бы, можетъ быть, не было...

— Да и теперь нѣтъ его....

— Николай Семеновичъ! вѣдь я не такъ еще слѣпъ, чтобы не видѣть того, что́ можно ощупать руками. Вы сами, положа руку на сердце, скажите мнѣ, все ли у васъ спокойно въ семействѣ? Всѣ ли такъ же думаютъ и чувствуютъ, какъ вы?

— Да что мнѣ до всѣхъ? Мое слово....

— Опять то же; все я, да я, мое, да мое. Скажите что-нибудь другое, а это уже я слышалъ и отвѣчалъ вамъ.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, ищите себѣ другой дѣвушки — незанятой...

— Покорнѣйше васъ благодарю. Искать я не могу и на комъ либо другомъ жениться покамѣстъ не намѣренъ. Надо мною всю жизнь мою была рука Промысла; и если вы слышите отъ меня такое объясненіе, то я твердо вѣрю, что такъ Богу угодно, и что Варенька должна принадлежать мнѣ.

— Нѣтъ, она принадлежитъ Аристархову.....

— Еще Богъ знаетъ,—сказалъ я, закуривая сигару.

— Я васъ объ одномъ прошу, Викторъ Ипатьевичъ — пожалуйста, чтобы впредь объ этомъ и слова не было.

— Даю вамъ въ томъ честное слово, но до времени не я самъ, такъ, можетъ быть, кто-нибудь другой замолвитъ обо мнѣ слово.

— Я всякому то же скажу, что̀ и вамъ.

— Очень вѣрю, но не будемъ впередъ загадывать. Позвольте и мнѣ, Николай Семеновичъ, попросить васъ объ одномъ. Пригласите къ себѣ Вареньку и, не пугая ее строгимъ взглядомъ и неумѣстными нравоученіями, станьте рядомъ съ ея положеніемъ и заставьте ее самое открыть вамъ сердце свое. Тогда вы увидите, у мѣста ли ваше упорство держать данное вами слово, или нѣтъ? Теперь же, кажется, все переговорили, но между нами не все кончено. Надѣюсь, впрочемъ, что это не помѣшаетъ намъ попрежнему быть добрыми пріятелями и вы извините меня, можетъ быть, за лишнюю откровенность...

„Николай Семеновичъ пожалъ мнѣ руку и я откланялся, сохранивъ до конца все мое присутствіе духа. Но, Боже упаси, если бъ кто-нибудь заглянулъ въ глубь моего сердца! Тамъ былъ цѣлый адъ страданій и горько обманутыхъ надеждъ!...

„Я сошелъ внизъ. Марья Θедоровна и Варенька взглянули на меня вопросительно. Сѣвъ на стулъ, я сказалъ, сколько могъ, твердо „и даже весело:

— Ну, вотъ и кончено!

— Такъ скоро? спросила Варенька въ тревожномъ недоумѣніи.

„Глаза ея горѣли, щеки пылали.

— У насъ было все коротко, зато ясно. И я поздравляю васъ madame Аристарховой.

— Кого нибудь другаго, только не меня, сказала она отрывисто, и лицо ея начинало блѣднѣть и на глазахъ навертывались слезы... Она наклонила голову....

„Мнѣ стало душно; мнѣ стѣснило грудь.

— Прощайте, сказалъ я, вставая и цалуя руку Марьи Осиповны.

— Прощайте, Варвара Николаевна!—И я пожалъ протянутую мнѣ руку.

— Навсегда? спросила она почти съ воплемъ.

— Можетъ быть и навсегда....

„Но тутъ ужъ у меня не стало силъ. Я выбѣжалъ изъ дому, глотая слезы.

— Пошелъ!!—крикнулъ я извощику и, отъѣхавъ отъ дому, вздохнулъ такъ тяжело, что, мнѣ казалось, тѣмъ вздохомъ и душа поворотится на своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ".

(Смутное время).

Историческій романъ [1]).

IX.

„Kto w fortunie ufnosc kladzïe,
Kto nïe pomnaç o jez zdnadzïe,
Wïerzyl w mary lube,
Ten poznawac rychlo zacznïe,
Iako plocho ï nïebacznïe
Oddal sïe na zgube".

„Кто надѣется на счастье, кто, забывъ о его измѣнчивости, вѣритъ въ любимыя мечты, тотъ скоро узнаетъ, какъ безразсудно и легкомысленно онъ отдалъ себя погибели".

(Польская пѣсня временъ Локетека о Альбрехтѣ, войтѣ Краховскомъ).

Между тѣмъ, молодой панъ Пржемиславъ Дворжицкій, разставшись съ Лисовскимъ и взявъ съ него слово сдать августинскаго монаха на руки нѣмецкому купцу, направился къ Кремлю, не желая своимъ отсутствіемъ увеличивать безпокойство вельможныхъ пословъ. Обуреваемый самыми разнородными и глубоко безотрадными чувствами, онъ увидѣлъ передъ собою бѣлую зубчатую кремлевскую стѣну.

Женскій визгливый голосъ, вскрикнувшій: „Панъ Пржемиславъ! Прошу пана!" заставилъ его оглянуться. Въ открытое окно большого деревяннаго дома, въ Китай-городѣ, высунулась женская голова,

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VII, стр. 287—317.

странно убранная разноцвѣтными лентами, кивавшая ему не только пріятельски, но съ какою-то отчаянною требовательностью. Выразительнымъ жестомъ руки она въ то же время звала его къ себѣ. По желтому шелковому платью, бросившемуся Дворжицкому въ глаза, по нарумяненнымъ щекамъ и по высоко взбитымъ волосамъ, придававшимъ ей вмѣстѣ съ лентами видъ сумасшедшей, онъ незамедлилъ признать въ этой особѣ прекраснаго пола — далеко не прекрасную панну Гонорату Модлевскую изъ Замѣхова. Первымъ естественнымъ движеніемъ молодаго человѣка было желаніе пришпорить коня и ускакать отъ этой раскрашенной престарѣлой красавицы, преслѣдовавшей его своими вздохами и нѣжностями съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи. Въ эту минуту онъ не былъ расположенъ потѣшаться надъ „вѣрностью“ панны Гонораты, обыкновенно упрекавшей его въ „безсердечіи“ и выставлявшей ему въ своей особѣ примѣръ безкорыстной привязанности: такъ она ему надоѣла, да и былъ онъ не въ томъ настроеніи, чтобы выслушивать ея „ламантаціи“ и любоваться ея штукатуреннымъ лицомъ. Онъ хотѣлъ ограничиться шутливымъ поклономъ, не останавливая коня.

— На одну минуту, панъ! якъ Бога кохамъ, на одну минуту! вскричала панна Гонората еще громче и отчаяннѣе; въ ея голосѣ Дворжицкій услыхалъ женскія слезы, которыхъ онъ не могъ выносить. Онъ нерѣшительно остановился, посматривая на свою перезрѣлую обожательницу, какъ смотритъ человѣкъ на опасность, уже имъ испытанную.

— Не для меня, ласковый панъ! убѣждала его панна Гонората, повидимому понимая причину его колебаній исполнить ея просьбу.— Брунь Боже, панъ, не для меня! пани Марина проситъ! очень надо! якъ Бога кохамъ, панъ!

Дворжицкій только сейчасъ вспомнилъ, что Гонората, въ качествѣ „решпектовой панны“, украшаетъ собой женскую свиту Марины Мнишекъ, неудавшейся, если не развѣнчанной московской царицы, и очутился у раскрытаго окна, поборовъ въ себѣ страхъ, внушенный ему добродѣтельною дѣвственницею изъ Замѣхова.

— Войдите, можно, панъ! продолжала съ тою же убѣдительностью „панна решпектова“, впрочемъ боязливо оглядываясь на улицу, къ ея счастью пустую въ эту минуту.—Москалей нѣтъ!.. О, матка Боска! что я видѣла и чувствовала въ эти дни! какіе это изверги, варвары!

Панна Гонората сочла нужнымъ подкатить свои безцвѣтные глаза подъ лобъ, украшенный прыщами, и все выраженіе ея размалеваннаго лица изобразило ужасъ, внушенный ей бородатыми москалями, избившими столько ея соотечественниковъ и даже соотечественницъ.

— Панья Гербуртова убита, и панья Тарлова! слыхалъ, панъ? заговорила Гонората съ скоростью трещетки.—И патеръ Помасскій— слыхалъ панъ? убитъ!

— Слыхалъ! отвѣчалъ Дворжицкій торопливо слѣзая съ коня, и

черезъ калитку вошелъ во дворъ, боясь столько же болтовни своей вѣрной обожательницы, сколько и москалей, могшихъ ему помѣшать увидѣться съ паньей Мариной, быть можетъ, дѣйствительно имѣющей въ немъ нужду. Привязавъ поводъ узды къ кольцу столба, онъ спѣшно пошелъ въ домъ, съ неудовольствіемъ готовясь предстать передъ безцвѣтныя очи панны Гонораты, конечно, къ ея великой, всегда нескрываемой ею радости.

Бывшая царица Марина съ своими „фрейлинами" помѣщалась теперь, по распоряженію московскихъ властей, въ домѣ думнаго дьяка посольскаго приказа, Афанасія Власьева. За свою угодливость и близость къ погибшему самозванцу онъ пострадалъ однимъ изъ первыхъ: царь Василій Ивановичъ уже управился съ нимъ, выславъ его съ приставомъ воеводствовать въ дальній городъ, въ Уфу, къ Сибири. Просторный, удобный домъ его былъ предоставленъ Маринѣ Мнищекъ въ полное ея распоряженіе, такъ какъ старушка хозяйка, жена Власьева, по слабости здоровья не могшая слѣдовать за нимъ, предавшись своему горю и неутѣшно оплакивая своего любимаго мужа, по правдѣ сказать, человѣка достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ, заперлась у себя въ вышкѣ съ горбатою дочерью, тоже, подобно матери, неосушавшей глазъ. Надо отдать справедливость новому царю, высказавшему замѣчательную умѣренность, доходившую даже до мягкости, въ отношеніи той ненавистной ему польки, которая не переставала считать себя и называть московскою царицею и женское честолюбіе которой, быть можетъ, отчасти, послужило одною изъ тѣхъ пружинъ, что привели въ дѣйствіе всю эту польскую „офяру", закончившуюся возведеніемъ Лжедмитрія на московскій царскій столъ. Неоднократныя съ глазу-на-глазъ посѣщенія Марины Шуйскимъ убѣдили его въ томъ, что въ лицѣ этой молодой, настойчивой въ достиженіи своей цѣли, польки, дочери Сандомірскаго воеводы, онъ долженъ видѣть своего смертельнаго и опаснаго врага. Тѣмъ не менѣе, разумный правитель, во власти котораго была судьба Марины и ея честолюбивыхъ домогательствъ, не увлекся чувствомъ, недостойнымъ государя. Напротивъ, онъ „приказалъ" какъ объ охранѣ бывшей царицы, имя которой было ненавистно москвичамъ, готовымъ растерзать ее въ клочки, эту, по ихъ мнѣнію, „польскую колдунью", своими чарами наведшую на православную Русь великую смуту и соблазнъ, такъ и о томъ, чтобы она съ своими женщинами ни въ чемъ не нуждалась. Именно въ этихъ видахъ и отвели ей одинъ изъ лучшихъ домовъ Китай-города, домъ опальнаго Власьева; мало того, новый царь, снисходя къ просьбѣ Марины и къ болѣзненному состоянію ея отца, воеводы пана Юрія Мнишка, дозволилъ ему не разлучаться съ дочерью,—милость, на которую не расчитывалъ самъ Мнишекъ.

Афанасій Ивановичъ Власьевъ втеченіе своей многотрудной службы не даромъ правилъ многія посольства къ дворамъ европейскихъ госуда-

рей; дважды дьякомъ и посломъ ѣздилъ къ императору Рудольфу II, къ „крулю“ европейскихъ государей. Такой замѣчательный, выдающійся государственный умъ того времени, такой смѣтливый русскій человѣкъ, какъ Власьевъ, могъ вернуться домой подъ нѣкоторымъ вліяніемъ условій иноземной жизни и не русскихъ нравовъ. Онъ встрѣчалъ принца датскаго Іоанна, жениха царевны Ксеніи Борисовны, и назначенъ былъ въ Москвѣ знакомить его съ русскими обычаями. Поэтому убранство и удобства его дома напоминали нѣсколько иноземные дома. Чистота и опрятность прежде всего бросались посѣтителю въ глаза. Судьба, повидимому, связала Власьева съ Мариной и ея отцомъ нерасторжимыми узами. Власьевъ, великій посолъ Лжедмитрія, просящій отъ его имени руки Марины, обручающійся съ нею за него торжественно въ Краковѣ, пирующій у „молодыхъ“ царя и царицы въ кремлевскомъ дворцѣ, на ихъ свадьбѣ, ссылается Шуйскимъ именно за эту близость свою къ самозванцу, и домъ его, уже послѣ его опалы, укрываетъ Марину съ отцомъ въ ихъ бѣдствіи. Все, что увидѣлъ въ домѣ Дворжицкій, нисколько не напоминало ему о стѣснительномъ плѣнѣ паньи Марины, о которомъ онъ составилъ себѣ понятіе, судя по той строгости, часто возмутительной, съ какою московскія власти, подъ видомъ охраненія королевскихъ пословъ отъ черни, держали ихъ въ почетной неволѣ. Правда, на дворѣ, въ растворенномъ сѣнномъ сараѣ, противъ воротъ валялось съ десятокъ стрѣльцовъ при сабляхъ, и одинъ изъ нихъ, при появленіи Дворжицкаго на дворѣ, рѣшился привстать и, покачивая хмѣльную, всю въ сѣнной трухѣ, голову безъ шишака, лѣниво спросилъ его, зачѣмъ онъ и кого ему надо. Но Дворжицкій не счелъ нужнымъ объяснять разоспавшемуся хмѣльному охранителю Марины Мнишекъ цѣли своего посѣщенія и прямо, не говоря ни слова, пошелъ на крыльцо, а караульный стрѣлецъ, повидимому, вполнѣ удовлетворился и выполненіемъ своей караульной обязанности, и отвѣтомъ въ томъ видѣ, какой получилъ на свой вопросъ. Успѣвъ познакомиться съ нравами москалей, Дворжицкій понялъ, что подобная слабость надзора караульныхъ стрѣльцовъ не такъ, не спроста; что причину ея слѣдуетъ искать всего скорѣе въ щедрости, которою отличается Сандомірскій воевода, да въ избыткѣ хмѣльныхъ напитковъ, которыми онъ угощаетъ своихъ караульныхъ. И Дворжицкій не ошибался, имѣвъ случай удостовѣриться въ основательности своихъ предположеній отъ самого пана Мнишка. Войдя въ большую, ярко раскрашенную масляной краской свѣтлицу, съ крашеннымъ же поломъ, молодой дворянинъ королевской службы не на шутку струсилъ и чуть было не далъ тягу при видѣ размалеванной панны Гонораты, стремительно, съ радостнымъ крикомъ, бросившейся ему на встрѣчу, повидимому, съ расчетомъ очутиться въ его объятіяхъ. Только присутствіе двухъ „дворныхъ хлоповъ“ и „казачка“, низко остриженныхъ, босыхъ, въ казакинахъ изъ грубаго домашняго сукна, дружно подсмѣивавшихся надъ засидѣв-

шеюся въ дѣвицахъ размалеванной красавицей, удержали страстный порывъ, подсказанный ей нѣжнымъ сердцемъ. Приложивъ костлявую руку къ плоской груди, она ограничилась лишь глубокимъ вздохомъ и томнымъ взглядомъ своихъ безцвѣтныхъ глазъ, въ которыхъ легкомысленный юноша прочелъ и тоску женскаго нераздѣленнаго чувства, и упрекъ. Упрекъ, конечно, онъ долженъ былъ принять на свой счетъ. Въ эту минуту старая навязчивая дѣва забыла и ужасъ своего положенія въ варварской Москвѣ, и то важное обстоятельство, которое ея патронесса, панья Марина, имѣла сообщить Дворжицкому.

— Я знаю, почему панъ Пржемиславъ грустенъ, замѣтила она ему прямо, съ эгоизмомъ оскорбленнаго женскаго чувства, съ вѣрнымъ расчетомъ на слабое мѣсто мужскаго сердца. Она боялась упустить благопріятную, какъ ей казалось, минуту свиданія безъ объясненій.

— Отъ того, что не выспался, отшучивался онъ.—Я эту ночь не спалъ, панна.

— Фи! ложь! такой прекрасный кавалеръ, котораго я всѣмъ въ примѣръ ставлю, — лжетъ! Сознайтесь, панъ Пржемиславъ, вы влюблены! Я знаю въ кого—въ русскую красавицу, княжну. А что? вѣдь такъ, панъ? Зачѣмъ панъ краснѣетъ?

— Какое вамъ дѣло, панна Гонората, въ кого я влюбленъ? замѣтилъ онъ ей съ явнымъ раздраженіемъ, окончательно убѣдившимъ ее, что онъ влюбленъ въ русскую красавицу, княжну.

— Мнѣ? Какое дѣло? заговорила многоопытная дѣва.—Вотъ безсовѣстный вопросъ! Только вы, бездушные мужчины, можете предлагать подобные вопросы намъ, любящимъ существамъ, имѣющимъ несчастье отдать свое сердце недостойному мужчинѣ... Чудовище!.. О, я несчастная!.. за всю нашу привязанность—только неблагодарность!..

— Отстаньте, пожалуйста, съ своею привязанностью, на чортъ она мнѣ! нарочно съ грубостью возразилъ Дворжицкій, безпокойно поглядывая на затворенныя въ другую горницу лакированныя яблоновыя двери съ блестящею мѣдною ручкою, въ ожиданіи скоро ли выйдетъ къ нему помощь въ видѣ Марины, или ея отца.—Вы, панна Гонората, неравнодушны ко всему мужскому полу.

Безцвѣтные глаза дѣвственницы, подкаченные подъ прыщеватый лобъ, выразили полное осужденіе цинической грубости, какую молодой панъ позволилъ себѣ сказать ей, благородной дѣвицѣ.

— Ваша русская красавица не для васъ, заговорила почтенная весталка изъ Замѣхова, съ слишкомъ замѣтнымъ желаніемъ досадить предмету своего обожанія и такъ или иначе заставить его высказаться.—Она не для васъ, панъ, она на васъ не глядитъ, за поляка не пойдетъ, и—если хотите—она просватана, панъ!.. Слышите: просватана!

Дворжицкій при словѣ „просватана“ перемѣнился въ лицѣ; кровь отхлынула къ сердцу, онъ поблѣднѣлъ. Злой языкъ престарѣлой дѣвы подсказалъ ему только его собственное подозрѣніе. Почему-то онъ

былъ убѣжденъ, что княжна сосватана и скоро выйдетъ замужъ, конечно, не за поляка, а за знатнаго русскаго.

— Она за новаго царя выходитъ,—для довершенія удара, наслаждаясь смущеніемъ молодаго пана, добавила панна Гонората.

— Можетъ ли быть? чуть слышно прошепталъ Дворжицкій и самъ себѣ отвѣтилъ: „Да; она будетъ царицей“.

Во всеоружіи своей женской тактики, состоящей изъ осторожнаго коварства, соединеннаго съ вѣрно расчитанной минутой и со слабостями противника, панна Гонората торжествовала, добившись хоть косвеннаго признанія отъ предмета своей страсти. Она наказала его за „вѣтренность“, но чувства ея не измѣнились къ нему, къ этому „красивому мальчику“; она была бы не прочь замѣнить ему холодную русскую красавицу и, вѣроятно, не замедлила бы съ краснорѣчіемъ безкорыстной любви объяснить легкомысленному юношѣ, что не всегда молодость и красота прикрываютъ любящее и стоющее любви женское сердце; но обѣ половинки лакированной яблоновой двери съ блестящей мѣдной ручкой распахнулись и изъ внутренняго покоя, къ большому удовольствію Дворжицкаго, неслышными шагами, въ мягкихъ желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ и въ старопольскомъ длинномъ, „помереженномъ“ спереди, кунтушѣ синяго бархата, вошелъ, слегка прихрамывая, бодрый, видный, хотя отяжелѣвшій съ лѣтами старикъ. Его свѣжее, до сихъ поръ красивое и привѣтливое лицо, производило самое пріятное впечатлѣніе. Серебромъ отливавшіе длинные бѣлые усы и бѣлые, кружкомъ подстриженные волосы, по старопольскому обычаю, высоко на затылкѣ, красиво оттѣнялись розовыми щеками, свидѣтельствовавшими о его здоровьи; ясные голубые глаза глядѣли умно и весело, хотя душевное утомленіе отражалось въ нихъ.

— Добрыдень, вельможный панъ Юрій! обратился Дворжицкій къ пану Мнишку въ отвѣтъ на его привѣтливый поклонъ, котораго величавость, напоминавшая стараго царедворца и королевскаго любимца, смягчалась движеніемъ правой руки, исполненнымъ благородства, и доброй, располагающей къ себѣ, улыбкой.

— Добро пожаловать, мою юный другъ! отвѣчалъ панъ Мнишекъ и тѣмъ же благороднымъ, легкимъ жестомъ руки указалъ Дворжицкому на скамью, приглашая его сѣсть, а самъ медленно, съ самоувѣренностью человѣка, воспитаннаго въ лучшемъ обществѣ, прошелся по горницѣ, мягко ступая по блестѣвшему крашеному полу сафьянными сапожками безъ каблуковъ, причемъ мягко же шуршѣли широкіе, подобранные въ сапожки, шелковые алые штаны, красиво отливавшіе своими складками.—Радъ тебя видѣть, панъ Пржемиславъ, тѣмъ болѣе, что имѣю въ тебѣ надобность. Ты ѣдешь къ королевскимъ посламъ?

— Да, панъ воевода.

— Скажи имъ, что я только что получилъ добрыя вѣсти изъ

Польши: кардиналъ Маціовскій извѣщаетъ меня черезъ вѣрнаго человѣка о сочувствіи короля нашему дѣлу. Я разумѣю здѣсь дѣло католичества, неразрывно связанное съ судьбою моей дочери, московской царицы, панны Марины, пояснилъ Мнишекъ.

— Но, вельможный панъ воевода, рѣшился возразить ему Дворжицкій,—какъ тебѣ извѣстно, велемочные паны королевскіе послы, особенно панъ Олесницкій, согласно мнѣнію послѣдняго сейма, не расположены поддерживать домогательства святѣйшаго папы касательно возсоединенія православной Москвы съ римскою церковью, и въ дѣлѣ твоей вельможной дочери, царицы, не усматриваютъ интересовъ польскаго государства, считая ея дѣло—частнымъ дѣломъ.

— Такъ, знаю, мой юный другъ, подтвердилъ Мнишекъ, котораго тонкія, красиваго очертанія губы сложились теперь въ ироническую улыбку.—Но знай, и сообщи это твоимъ панамъ посламъ, что вѣтеръ перемѣнился въ Краковѣ. Король уже иначе посмотрѣлъ на дѣло моей дочери, царицы, и нѣсколько расходится во взглядахъ, высказанныхъ на это дѣло послѣднимъ сеймомъ. На это имѣются важныя причины, конечно. Говорю — и ты запомни мои слова, панъ Пржемиславъ,—что разрѣшена вербунка въ королевскихъ земляхъ; святѣйшій отецъ, черезъ кардинала Маціовскаго, шлетъ свое благословеніе новымъ крестоносцамъ; ксендзы провозглашаютъ въ костелахъ походъ на невѣрныхъ москалей, предательски умертвившихъ въ своей столицѣ столько поляковъ, прибывшихъ къ нимъ друзьями съ оливковою вѣтвію мира...

Панъ Мнишекъ послѣднія слова произнесъ тихо, ослабѣвшимъ отъ сильнаго волненія голосомъ, въ которомъ Дворжицкій услыхалъ слезы. Онъ дѣйствительно прослезился. Слишкомъ еще свѣжа была его душевная рана, которую онъ невольно разбередилъ тяжелымъ воспоминаніемъ. Чтобы скрыть свои стариковскія слезы, панъ Мнишекъ долженъ былъ отвернуться къ окну. Панна Гонората не преминула воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и зарыдала,—впрочемъ, стараясь держать носовой платокъ у глазъ возможно эффектнѣе и изъ-за платка наблюдая—видитъ ли вѣтренный панъ Дворжицкій ея патріотическія слезы, понимаетъ ли ихъ и оцѣниваетъ ли по достоинству? Но къ крайней ея досадѣ, вѣтренный панъ остался совершенно равнодушенъ.

— Польша и Литва требуютъ мѣсти за погибшихъ здѣсь своихъ сыновъ! продолжалъ, оправясь отъ волненія и съ одушевленіемъ, Мнишекъ,—за безчестіе своихъ пословъ, плѣненныхъ этимъ царемъ „шубникомъ"; коронные жолнеры ставятся на военную ногу; мы должны быть отомщены!—Красивые голубые глаза пана Мнишка метнули, при послѣднихъ словахъ его, молнію гнѣвнаго раздраженія, скрывавшагося подъ наружнымъ спокойствіемъ благороднаго царедворца, давно привыкшаго владѣть собою и своими чувствами.

— Передамъ въ точности твои слова, вельможный панъ воевода,

велемочнымъ панамъ посламъ моего короля! сказалъ Дворжицкій, понявъ, что Мнишекъ не все высказалъ ему, что знаетъ, но не рѣшаясь предложить ему вопроса, изъ боязни поставить его и себя въ неловкое положеніе.

— Ты хочешь знать, на что всего болѣе расчитываю я въ столь серьезномъ и опасномъ дѣлѣ, мой юный другъ? обратился къ Дворжицкому панъ Мнишекъ, словно читавшій въ чужой душѣ. — Знай: царь Дмитрій, супругъ моей дочери, царицы, не убитъ—онъ живъ! Это тебѣ подтвердитъ сама царица... Вотъ она на-лицо!

Старый Мнишекъ замолчалъ и встрѣтилъ вошедшую изъ внутренняго покоя дочь глубокимъ, почтительнымъ поклономъ, выказавшимъ всю гибкость его старой шеи и весь многолѣтній навыкъ держать себя въ присутствіи высокихъ вѣнценосцевъ, выработанный имъ при блестящемъ дворѣ послѣдняго изъ Ягеллоновъ. Дворжицкій и панна Гонората послѣдовали примѣру стараго царедворца.

Пана Марина Мнишекъ вошла въ горницу настоящей царицей. Сознаніе своего достоинства, при молодости и красотѣ ея, невольно возвышало ее въ глазахъ присутствующихъ. Эта молодая, стройная красавица, — истая дочь рыцарской Польши и по виду, и по характеру своему, — какъ бы самой судьбой была предназначена играть высокую, выдающуюся роль въ жизни своей и своего народа. Ея драгоцѣнная брилліантовая діадема, подарокъ мужа, царя Дмитрія, имѣвшая форму небольшой изящной короны и подшитая снизу бѣлымъ атласомъ, чрезвычайно граціозно сидѣла на хорошенькой головкѣ, рѣзко оттѣненная темными, густыми, вверхъ зачесанными волосами. Восторженному молодому дворянину показалось, что эта царская діадема своимъ блескомъ освѣтила горницу и что передъ нимъ стоитъ царица изъ волшебной сказки. И точно: въ эту минуту Марина Мнишекъ была поразительно хороша и могла вызвать самое восторженное чувство. Озаренная яркимъ блескомъ майскаго солнца, теплымъ свѣтомъ заливавшаго въ раскрытыя окна горницу, польская красавица затмѣвала собою своихъ камеръ-фрейлинъ, тѣснившихся за нею, несмотря на то, что въ числѣ ихъ стояла и такая красавица, какъ панна Ортанса Стадницкая, скромно украсившая въ этотъ день свою свѣтловолосую какъ ленъ головку роскошнымъ, только что распустившимся, розаномъ. Несмотря на свое горе и на трудность своего положенія, въ которомъ она очутилась такъ неожиданно, Марина Юрьевна и теперь, какъ всегда, появилась безукоризненно одѣтой. Къ ней такъ шелъ гранатовый цвѣтъ ея платья изъ тяжелой, дорогой шелковой матеріи, съ короткими, выше локтя, рукавами, изъ подъ которыхъ, обтягивая полныя руки, бѣлѣлись другіе, атласные рукава, застегивавшіеся у кистей золотыми запонами, сверкавшими большими алмазами. Столь ею любимый и модный въ то время большой, туго накрахмаленный батистовый воротъ—брыжжи—на этотъ разъ не украшалъ граціозную шею молодой красавицы; и она, по правдѣ сказать,

отъ того ничего не теряла. Напротивъ—отсутствіе модныхъ брыжжей нагляднѣе выказывало ея природную стройность. Брилліантовая брошь, въ видѣ большого креста, украшала ея высокую грудь, а съ плечъ спадала тяжелая нитка жемчуга, красиво унизанная драгоцѣнными каменьями. Діадема, брошь, жемчугъ и запоны—подарокъ ея мужа, сдѣланный при торжественномъ обрученіи съ ней,—живо напоминали ей счастливые дни, когда передъ нею открывался безпредѣльный ясный горизонтъ жизни, не омраченный еще ни однимъ мимолетнымъ житейскимъ облачкомъ. Она считала себя счастливою, что среди страшнаго разгрома, оторвавшаго отъ нея ея супруга-царя, погубившаго столько ея соотечественниковъ и друзей, и лишившаго ее почти всего имущества, она сумѣла сохранить при себѣ эти его подарки. Не потому, что они съ изяществомъ соединяютъ большую цѣнность; нѣтъ: онъ возвелъ ее на такую высоту земнаго величія; онъ отличилъ и выбралъ ее изъ всѣхъ молодыхъ, знатныхъ и красивыхъ женщинъ: онъ для нея—все! Вотъ почему она такъ дорожитъ этими женскими украшеніями, не изъ женской суетности, а потому, что они напоминаютъ ей его. Страхъ послѣднихъ дней и безпокойство за мужа, съ которымъ она такъ страстно желала свидѣться скорѣй и навсегда соединиться, за котораго она трепетала и убивалась все время, пока не убѣдилась, что онъ живъ, спасенъ—не согналъ яркаго румянца съ ея молодыхъ щекъ. Радостное убѣжденіе, что мужъ, государь московскій, живъ, придавало улыбкѣ ея маленькаго рта то именно выраженіе, которымъ взрослые любуются въ дѣтской улыбкѣ. Но за этою дѣтскою улыбкою скрывался настойчивый характеръ, предпріимчивость и неумѣрное честолюбіе — врожденныя качества Мнишковъ, впослѣдствіи погубившія ее.

— Да, панъ! подтвердила Марина Юрьевна послѣднія слова своего отца, принявъ почтительный поклонъ присутствующихъ какъ дань уваженія, слѣдуемаго ея высокому сану.—Мой супругъ, московскій государь Дмитрій Ивановичъ, живъ и безопасенъ, хвала Богу! Онъ не замедлитъ вернуться на свое государство — съ вѣрной ратью, чтобы опровергнуть пущенную его врагами молву о его смерти и отомстить имъ за измѣну!

— Государыня! сказалъ Мнишекъ, почтительно поклонясь дочери.— Осмѣлюсь всенижайше доложить вашему величеству, что, согласно вашего личнаго, отданнаго мнѣ вами сего утра приказанія, я уже сообщилъ пану Дворжицкому, дворянину свиты вельможныхъ пановъ пословъ моего короля, извѣстія, полученныя вами изъ Кракова.

— Благодарю васъ, вельможный панъ воевода! отвѣчала Марина отцу и, обратясь къ Дворжицкому, продолжала: — Мнѣ остается къ просьбѣ вельможнаго пана воеводы присоединить и свою просьбу, благородный панъ,—немедленно передать вѣсти изъ Кракова королевскимъ посламъ. Сообщите имъ также, что я расчитываю на ихъ поддержку.

Дворжицкій почтительно поклонился. Почитатель женской красоты, онъ совсѣмъ забылъ въ эту минуту свою отверженную любовь и недоступную русскую княжну. Любезность прекрасной польки легко покорила его себѣ. Несмотря на то, что онъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ своихъ вельможныхъ пословъ на дѣло Марины Мнишекъ, въ эту минуту онъ готовъ былъ, съ саблей въ рукѣ, защищать ея права на московскую корону. Повидимому, сверженная царица поняла настроеніе молодаго человѣка, потому что спросила его:

— Почему благородный панъ служитъ въ свитѣ вельможныхъ пословъ, а не „z panamï przyïacïolmï?"

Выраженіе „съ панами пріятелями" означало въ то время пановъ и родныхъ Мнишка, прибывшихъ въ Москву въ его свитѣ. Чтобы имѣть понятіе о значеніи Мнишка въ Польшѣ и о пышности, съ какою онъ провожалъ дочь, царскую невѣсту, въ Москву, достаточно упомянуть, что „обозъ" его, вступившій въ Москву, состоялъ изъ двухъ тысячъ людей и стольких же лошадей. Въ его блестящей свитѣ находились такія лица, какъ князь Вишневецкій, старосты Красноставскій и Луховскій, Стадницкій, Тарлы, и многіе другіе знатные люди. Отъ этой блестящей свиты въ настоящую минуту остались у Мнишка и его дочери только фрейлины, да босоногіе хлопы. Вопросъ Марины Юрьевны, какъ и слѣдовало ожидать, былъ понятъ Дворжицкимъ въ своемъ настоящемъ смыслѣ, не могшемъ не льстить самолюбію юноши. Красавица царица намекнула о желаніи своемъ видѣть его въ своей свитѣ. Она твердо вѣрила въ скорый оборотъ дѣла въ пользу мужа, царя, и свою.

Дворжицкій поблагодарилъ ее за вниманіе и скромно сказалъ:

— Престарѣлый отецъ мой, котораго я чту, по своей старинной дружбѣ съ паномъ Олесницкимъ, поручилъ меня ему; поэтому, при всемъ моемъ желаніи служить вамъ, государыня, я не могу оставить моей службы королю, не испросивъ на то согласія моего отца.

— Такъ молодъ и такъ разсудителенъ! тихо и одобрительно замѣтилъ панъ воевода.—Почтеніе, оказываемое сыномъ отцу, дѣлаетъ честь сыну.

Затѣмъ Дворжицкій счелъ нужнымъ откланяться Маринѣ и воеводѣ и, подобравъ рукою саблю, чтобы не гремѣла по полу, вышелъ изъ горницы въ сѣни. Воевода любезно его проводилъ и на прощанье, уже на крыльцѣ, поцѣловалъ его, сказавъ: „До видзенья, панъ!"

Только что Дворжицкій сѣлъ въ сѣдло, какъ на крыльцо выбѣжала панна Гонората, видимо „въ растрепанныхъ чувствахъ".

— Не думайте, панъ Пржемиславъ, о русской княжнѣ: она васъ не стоитъ! запищала она ему въ слѣдъ.—Постойте же! Куда вы? Два слова! неблагодарный!..

Онъ поторопился дать шпоры коню и поскакалъ неоглядываясь.

X.

„Wïerze snadż z sejmu naszego
Nie slychamy, nïe dobrego;
Juz to kïlka nïedzïel bają,
A wnïczem jako ï lonï;
Kazdy na swe skrzydlo gonï,
Pewnïe pospolïtej rzeczy,
Zaden tam nïema na pieczy,
Boc ï onï z pusta glową,
Co je rzkomo posly zowa,
Wïęcej tez sobïe folgują
A to co ïm trzeba Kują.“

(Вѣрно о сеймѣ нашемъ мы не услышимъ ничего добраго; вотъ ужъ нѣсколько недѣль балагурятъ и ни въ чемъ не соглашаются, подобно тому, какъ въ прошломъ году; каждый думаетъ только о своихъ выгодахъ, а о республикѣ никто не заботится, потому что и они съ пустыми головами—всѣ эти такъ называемые послы. Думаютъ только о самихъ себѣ и о своихъ замыслахъ).

(Стихотвореніе Николая Рея, польскаго писателя XVI вѣка).

Панъ Пржемиславъ Дворжицкій въѣхалъ въ Кремль, самъ себѣ твердя „что голоденъ какъ песъ“. Несмотря на распоряженіе боярской думы убрать тѣла убитыхъ поляковъ и русскихъ и зарыть ихъ за городомъ,—многіе изъ нихъ еще валялись по улицамъ тамъ, гдѣ ихъ захватила смерть. Рѣшительно всѣ тѣла были обобраны возмутившеюся чернью до-нага, при чемъ алчность не разбирала ни своихъ, ни враговъ, и послѣ смерти сравняла ихъ. Посинѣлые, окоченѣлые, уже разлагавшіеся подъ зноемъ майскаго солнца и нестерпимо вонявшіе, трупы привлекали къ себѣ тучу черныхъ воронъ, мухъ и стаи голодныхъ собакъ, то дико завывавшихъ, то ожесточенно, съ неистовымъ лаемъ оспаривавшихъ другъ у друга лакомую добычу. Съ тяжелымъ чувствомъ, съ понятнымъ отвращеніемъ, съ какимъ жизнь и молодость относятся къ смерти и тлѣнію, мелькомъ взглядывалъ Дворжицкій на этихъ несчастныхъ, погибшихъ на чужбинѣ земляковъ. Нервная дрожь невольно холодила его молодую кровь при воспоминаніи нежданнаго побоища, въ которомъ ему пришлось принять самое дѣятельное участіе. Но среди сценъ ужаса и крови, онъ съ чувствомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ, вспоминалъ мужество, съ какимъ онъ и дворяне посольской свиты спасли двухъ братьевъ Казановскихъ и ротмистра Доморацкаго съ ихъ слугами отъ грозившей имъ вѣрной смерти. Уже чернь ворвалась къ нимъ на дворъ, какъ разъ черезъ улицу, противъ посольскаго двора. Всѣ растерялись, даже храбрецъ панъ Гонсѣвскій. Дворжицкій, не теряя ни минуты, прорубилъ съ гайдуками въ досчатомъ заборѣ своего двора отверстіе, чтобы въ него могъ пролѣзть человѣкъ. Самъ-двѣнадцать Дворжицкій взлѣзъ съ гайдуками на тесовую крышу посольской конюшни, прицѣлясь сверху изъ заряженныхъ ружей въ толпу, бушевавшую на улицѣ. Затѣмъ

онъ взмахнулъ бѣлымъ платкомъ въ знакъ того, что осажденные въ своемъ дворѣ паны могутъ перебѣжать черезъ улицу на посольскій дворъ. Какую ужасную минуту пережилъ онъ! Казановскіе, Домарацкій, а за ними ихъ слуги, опрометью бѣгутъ черезъ улицу; еще минута—и они на посольскомъ дворѣ; но у самаго отверстія въ заборѣ свалка: москали навалились густой толпой, поглотившей вдругъ несчастныхъ бѣглецовъ. Крикъ ужаса за ихъ судьбу вырвался у многихъ на посольскомъ дворѣ. Съ конюшенной крыши грянулъ выстрѣлъ, и мѣткая пуля положила на мѣстѣ смѣльчака москаля, приколовшаго рогатиною у отверстія въ заборѣ слугу пана Доморацкаго. То была мѣткая пуля Дворжицкаго, проворно зарядившаго свою винтовку и громко закричавшаго неистовой толпѣ: „Назадъ! прочь! убьемъ двѣнадцать человѣкъ!“ Двѣнадцать ружей, направленныхъ въ толпу, наглядно подтверждали ей угрозу молодаго пана. Толпа струсила и отшатнулась. Несчастные бѣглые паны, прижатые толпой къ забору, одинъ за другимъ перелѣзли въ прорубленное для нихъ отверстіе на посольскій дворъ, съ проворствомъ, понятнымъ въ ихъ положеніи. Еще панъ Доморацкій, не послѣдній толстякъ среди толстяковъ, разсмѣшилъ всѣхъ, начиная съ пословъ и до послѣдняго конюха. Онъ застрялъ брюхомъ въ щели и, какъ ни бился,—ни взадъ ни впередъ! Спасибо, посольскіе гайдуки протащили его, схватя за руки. Но бѣдному толстяку, конечно, не до смѣха было... Ужасныя воспоминанія: набатъ колоколовъ, вопль неистовой толпы мужиковъ, поляки, падающіе подъ ихъ топорами и рогатинами, зловѣщій дымъ пожаровъ, мрачившій майское небо; а ночью—кровавое зарево, трепетъ за свою жизнь, отчаяніе людей, очутившихся въ западнѣ!

Встрѣчные русскіе, особенно простонародье, провожали молодаго вооруженнаго польскаго пана ненавистными взглядами, грубыми остротами и руганью, не обѣщавшими полякамъ ничего добраго.

— Пёсъ латынскій! озлобленно крикнулъ ему босоногій здоровенный монастырскій служка въ истасканномъ балахонѣ, подвязанномъ обрывкомъ верёвки, придурковатый братъ Зосима, глазѣвшій разиня ротъ на прохожихъ и проѣзжихъ съ паперти Чудова монастыря.— Нажрался человѣчьяго мяся? Напился русской крови? Погоди, нехристь, не то еще вамъ будетъ! Управимся съ вами „глаголи“!—Богатырская ручища брата Зосимы внушительно погрозила королевскому дворянину своимъ огромнымъ кулакомъ. Дворжицкій упорно отмалчивался, избѣгая не только встрѣчи съ простолюдинами, но и взгляда на нихъ. Онъ понималъ, что малѣйшая его неосторожность, заносчивость, даже неумѣстное слово, будетъ стоить ему жизни, тѣмъ болѣе, что паны-послы строго приказали своимъ изб гать всякаго столкновенія съ москалями.

Наконецъ, Дворжицкій остановился у посольскаго двора. Съ самаго разгрома поляковъ въ Москвѣ, высокомочные паны королевскіе послы

съ своею свитою и челядью сидѣли какъ бы въ осадѣ среди враждебнаго себѣ города, крѣпко днемъ и ночью оберегая высокіе досчатые заборы своего обширнаго двора. Они не могли забыть страшнаго избіенія 17-го мая, отмѣченнаго въ ихъ посольскомъ дневникѣ 28-мъ числомъ, когда на той же самой улицѣ, въ своихъ квартирахъ справа, слѣва и напротивъ посольскаго двора, погибли растерзанные пьяною чернью благородные паны царициной свиты, а также ротмистры, помогавшіе Лжедимитрію съ своими пахоликами, „товарищами" и жолнерами воевать съ царемъ Борисомъ. Даже ксендзъ, Плебанъ патеръ Помасскій, капланъ Самборскій, духовникъ царицы Марины Мнишекъ, убитъ въ то время, когда служилъ мессу: священническая одежда не спасла его. Хотя новый царь Василій Ивановичъ и завѣрилъ польское посольство въ его совершенной безопасности въ Москвѣ, лишь бы оно не мѣшалось въ дѣло Сандомірскаго воеводы; хотя, по царскому приказу, сильная стрѣлецкая стража у посольскихъ воротъ охраняла ихъ строго день и ночь; тѣмъ не менѣе послы считали царя Шуйскаго столь же коварнымъ, какъ и московскій народъ, а потому боялись и за свою жизнь, и за жизнь своихъ соотчичей, нашедшихъ у нихъ убѣжище отъ гибели. Когда, на дняхъ, царскіе пристава, явясь на посольскій дворъ, именемъ царскимъ потребовали этихъ пановъ царициной свиты, пріютившихся у пословъ, чтобы размѣстить ихъ по прежнимъ ихъ квартирамъ, обѣщая имъ, царскимъ же именемъ, давать достаточные для нихъ и ихъ людей „кормы" и жалованье,—паны, съ согласія пословъ, на-отрѣзъ отказались оставить посольскій дворъ, предпочитая, какъ они сказали приставамъ, „скудное обильному и не мѣняя вѣрное на невѣрное", то есть, попросту, не вѣря царскому слову. Очень ужъ „насолили имъ москали." Впрочемъ, паны царициной свиты скоро пожалѣли о своемъ упорствѣ и недовѣріи къ царскому слову, узнавъ, что староста Сохачевскій, Тарло, рѣшившійся послѣдовать за приставами, получилъ уже 200 московскихъ рублей или, по польскому счету, 666 злотыхъ 20 грошей! Неудивительно поэтому, что тяжелыя ворота посольскаго двора отворялись только послѣ опроса изнутри польскаго караула: „кто такой?"

Когда усатая рожа въ сѣрой чемаркѣ и съ заряженной винтовкой убѣдилась, черезъ щель въ воротахъ, что „пшіехалъ панъ подкоморій", какъ поляки величали Дворжицкаго, половинка воротъ распахнулась, впустила на дворъ пріѣхавшаго и снова захлопнулась. Четыре хлопа, опоясанные саблями, спѣшно заложили толстый засовъ въ желѣзныя скобы, вбитыя въ огромныя дубовыя вереи. Дворжицкій бросилъ своего взмыленнаго и не менѣе его голоднаго коня подбѣжавшему гайдуку и пошелъ къ „рундуку" посольской избы.

Обширный дворъ, еще недавно весело зеленѣвшій молодой травкой, всегда чисто выметенный, съ дорожками, усыпанными желтымъ пескомъ, теперь занавоженный, напоминалъ тѣсный кавалерійскій бивакъ. Онъ кишѣлъ людьми, заставленъ былъ рядами засѣдланныхъ

разномастныхъ лошадей головами къ досчатымъ заборамъ. За ихъ хвостами, высокими кучами навалено было сѣно, разсыпанъ овесъ; щегольскія панскія нейтычаны съ поднятыми дышлами, жолнерскія ротныя повозки съ ихъ скарбомъ, неуклюжія маркитантскія фуры съ холщевымъ верхомъ и пустыми боченками; тутъ же валялись больные, раненые, мертвецки пьяные.

„Пане маршалокъ двору", Цвирка, низенькій, но зато ужасно пузатый, съ огромной стриженой головой и малиновой, какъ мѣсяцъ круглой, усатой рожей, съ большими на выкатѣ глазищами, въ „жултомъ" кунтушѣ, важно переваливался на своихъ кривыхъ ногахъ пузомъ впередъ. По своему обычаю, пане маршалокъ двору былъ „южъ", то есть „добже уконтентованный". Среди шляхты онъ казался кормнымъ индюкомъ среди тощей птицы. Убогая, кургузая одежда чиншовой шляхты, съ преобладаніемъ овчины, нанки или грубаго домашняго сѣраго сукна, составляла рѣзкій и даже смѣшной контрастъ съ ея самонадѣяннымъ, задорнымъ и дерзкимъ обращеніемъ другъ съ другомъ. Кто похмѣльнѣе, тѣ, конечно, были и позадорнѣе: лихо подбоченясь, крутили „длугій вонсъ", звенѣли шпорами своихъ длинныхъ сапоговъ, вонявшихъ дегтемъ, подымали чистосердечную ругань въ отборныхъ польскихъ выраженіяхъ. На эту пеструю, задорную, хмѣльную толпу жирный и смѣшной карапузъ маршалокъ двору гнѣвно таращилъ свои рачьи на выкатѣ глазища, спозаранка „налитые", и неодобрительно покачивая огромной, ежомъ остриженой головой, онъ то вскрикивалъ хриплымъ басомъ, то чуть не по-дѣтски пищалъ: — Цыцъ, лайдакъ!.. Але-жъ то глупство, панове! Идзь соби, муй пане Жмурко! бо заразъ тебѣ скренцимо, далибукъ! Идзь соби, — теразъ бендешь битый!

Куда ни оглянется Дворжицкій—тѣснота. Какъ слѣдуетъ въ осадѣ, сидятъ вельможные королевскіе послы съ своей свитой. Вонъ, за высокимъ заборомъ двора на улицѣ, блестятъ копья конныхъ стрѣльцовъ, дозоромъ разъѣзжающихъ вокругъ посольскаго двора. Какая скука! Дворжицкій невольно со вздохомъ вспомнилъ свою веселую жизнь въ Краковѣ: Старе място, Свентоянскую фару, ядальни „подъ Еленемъ", цукерню подъ Бялымъ Орлемъ, гдѣ цукерка, пани Рузя, вкуснѣе миндальныхъ пирожковъ. Онъ не безъ труда пробрался сквозь безпокойную толпу туда, откуда слышались меланхолическіе звуки мандолины, сопровождаемые мужскимъ голосомъ. Взрывъ общаго восторга слушателей повидимому былъ заслуженной наградой пѣвцу.

— Итальянскій пѣвецъ, уцѣлѣвшій отъ истребленія! подумалъ Дворжицкій, съ удовольствіемъ присоединяясь къ толпѣ шляхты, окружавшей пѣвца и громко выражавшей свои впечатлѣнія.

— Московски кобеты лѣпе музыки, пане подкоморій! съ лукавою улыбкою замѣтилъ Дворжицкому молодой Ледоховскій, намекая на его страсть къ княжнѣ Марьѣ.

— Нехъ панъ бендзе ласковъ, позволь музыку слухацъ? вѣжливо

сказалъ на это Дворжицкій, нѣсколько смущенный намекомъ товарища.

— Кругъ, панове! цыцъ, лайдакъ! Але-жъ то глупство, муй пане Жмурко! Идзь соби, бо теразъ битый бендешь! Кругъ, панове! музыка!—то грозно хрипѣлъ, то по-дѣтски пищалъ карапузъ маршалокъ двору, тараща рачьи глазища на задорнаго пана Жмурко, съ внушительно приподнятымъ вверхъ короткимъ и толстымъ, какъ обрубокъ, пальцемъ.

Молодые паны и шляхта потѣснились и отступили отъ итальянскаго пѣвца, безпечно поглядывавшаго черными, нѣсколько грустными глазами кругомъ себя. Онъ лѣниво настраивалъ мандолину. Изжелта-смуглое съ рѣзкимъ профилемъ лицо его быстро мѣняло свое выраженіе, отражая то или другое внутреннее движеніе; черные усики и черная, висячая какъ у козла, бородка, кругомъ подбритая, выдавали въ немъ сына теплаго юга; на курчавыхъ, изъ-синя черныхъ, волосахъ красиво держался широкій беретъ зеленаго бархата, плоскій и на шнуркѣ подъ подбородкомъ. Легкія, не лишенныя красоты движенія его рукъ, трогавшихъ струны мандолины, то и дѣло распахивали его коротенькій черный бархатный плащъ, по краямъ обложенный широкимъ посеребренымъ позументомъ. Тогда видна была коричневая шелковая куртка, или спензеръ съ мелкими и частыми серебряными пуговками на груди и глянцевитый кожаный поясъ съ бронзовой пряжкой напереди и кинжаломъ сбоку; узкія бархатныя черныя панталоны обтягивали его стройныя ноги въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ на толстой подошвѣ. Его сухощавая, черномазая фигура выдѣлялась среди свѣтлорусыхъ и рыжихъ, низкостриженыхъ, усатыхъ „сарматскихъ“ лицъ.

— Пѣсню зъ Альцины! требовательно крикнулъ молодой панъ Ледоховскій и за нимъ нѣсколько голосовъ.

Итальянскій пѣвецъ картинно отставилъ ногу, гордо вскинулъ курчавую голову и пріятнымъ теноромъ запѣлъ, аккомпанируя себѣ на мандолинѣ:

„До милосьци! до милосьци!
„Кто въ квитнецей ще млодости
„Зачитъ свита и любосьци“!

То есть: „Пусть любитъ тотъ, кто хочетъ въ цвѣтущей молодости узнать свѣтъ и удовольствія“.

То была пѣсня женщинъ изъ извѣстной тогда итальянской мелодрамы Саралиція—„Избавленіе Ругіера съ острова Альцины“, переведенной Станиславомъ Ягодынскимъ. Затѣмъ итальянецъ пропѣлъ хоръ дѣвъ въ честь Ругіера и Альцины:

„Nïeba obrotne,
„Ptaszeczkï łotne.
„Pïeknych Nimf chory,
„W vody ï gori,
„Z waszej pomocï
„Nïech tu jasnïejsze dnï beela i nocy,

т. е. „вращающіяся небеса, быстрыя птички, хоры прелестныхъ нимфъ, воды и горы, съ вашею помощью пусть будутъ здѣсь дня и ночи яснѣе".

Восторженные крики, рукоплесканія и звонъ сабель, покрыли послѣднюю ноту модной пѣсни. Итальянскій пѣвецъ съ заученною граціозностью приложилъ правую руку къ сердцу и, блестя своими бѣлками глазъ и зубами, открытыми благодарной усмѣшкой, отвѣтилъ на восторгъ слушателей короткими, почти гордыми поклонами артиста, любимца публики, привыкшаго къ ея благосклонности. По звону сабель и по раскраснѣвшимся усатымъ лицамъ сыновъ Марса пѣвцу было понятно, что многіе изъ этихъ почитателей искусства Орфея не забыли своего болѣе веселаго божка — Бахуса и во славу его совершили должныя возліянія. Затѣмъ, снявъ съ головы свой беретъ, итальянецъ протянулъ его къ восхищеннымъ своимъ слушателямъ съ понятнымъ приглашеніемъ оплатить доставленное имъ удовольствіе. Злоты, гроши, талеры, звонко посыпались со всѣхъ сторонъ въ беретъ пѣвца. Дворжицкій вздохнулъ, бросилъ пѣвцу горсть злотыхъ и пошелъ въ посольскую избу. Онъ не забылъ, что ему надо передать панамъ посламъ краковскія вѣсти и просьбу панны Марины, да и нѣжное пѣніе про сладость любви слишкомъ его растрогало, такъ живо напомнивъ ему его нераздѣленное чувство.

Посольское помѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ большихъ избъ, разбросанныхъ по двору. Изба, куда вошелъ Дворжицкій, служила опочивальней и столовой пана старосты Велижскаго Александра Корвина Гонсѣвскаго, секретаря королевскаго и дворянина, старшаго посла въ посольствѣ его королевскаго величества Сигизмунда III. Здѣсь онъ принималъ московскихъ бояръ; здѣсь онъ акуратно писалъ свой дневникъ, который онъ называлъ „скорбнымъ", здѣсь отписывались донесенія королю и обсуждались, совмѣстно съ паномъ Олесницкимъ, депеши, присылаемыя посольству изъ Кракова; здѣсь велась переписка съ боярской думой, о которой пылкій литвинъ Гонсѣвскій не могъ вспомнить безъ гнѣва и отчаянія. Несмотря на неприглядность ветхой сосновой избы, гордый панъ постарался сообщить ей возможно приличный видъ и нѣкоторое удобство. Стѣны отъ потолка до полу были обиты дорогою темнозеленою тканью съ изображеніями фигуръ и звѣрей; лавки, печь и полы также изчезали подъ яркими, мелко-узорными восточными коврами. Постель пана Александра составляла огромная медвѣжья шкура вверхъ бурою шерстью, отливавшею мѣдно-краснымъ цвѣтомъ; въ изголовьѣ лежала большая желтая сафьянная подушка. Страсть къ „благородной охотѣ" была въ то время весьма распространена въ польскомъ обществѣ. Недаромъ польскіе паны славились какъ „упіусы" за столомъ, безстрастные рыцари въ бою и неутомимые охотники въ лѣсахъ, покрывавшихъ тогдашнюю Польшу и Литву. Уваженіе къ такому свободному и невсегда безопасному препровожденію времени, какъ охота, было настолько въ

нравахъ лучшихъ людей эпохи, что ему нечужды были даже почтенные прелаты, не только ксендзы и прекрасный полъ. Охоту панъ Гонсѣвскій могъ только промѣнять на кровопролитный бой. Прекрасный медвѣжій мѣхъ, былъ, конечно, трофей его охоты. Немудрено, что привыкшій къ дѣятельной жизни, больше на открытомъ воздухѣ, вельможный панъ скучалъ въ своей посольской избѣ, со вздохомъ взглядывая на мѣткую въ его рукахъ винтовку, бездѣйствовавшую на стѣнѣ. Онъ томился въ ожиданіи, чѣмъ кончатся переговоры посольства съ коварными боярами, которымъ теперь онъ рѣшительно не вѣрилъ, понимая, что съ ихъ стороны эта медленность въ отпускѣ пословъ въ Польшу—только выигрышъ времени, нужный Шуйскому въ его видахъ. И какъ было вѣрить боярамъ? Окольничій Михайло Игнатьичъ Татищевъ, лицо близкое къ новому царю, по своему званію равнявшійся достоинству польскаго каштеляна, обнадежилъ пословъ царскимъ именемъ, что они въ воскресенье будутъ „у руки государевой", послѣ чего ихъ отпустятъ въ Польшу; но въ сказанное воскресенье оба посла, бывъ во дворцѣ, не видѣли царя и ихъ не пустили дальше посольской палаты, гдѣ они имѣли переговоры съ думными боярами. И наслушались же отъ нихъ вельможные послы! Упрекамъ, хотя, конечно, въ приличной формѣ, конца не было. Упреки сыпались съ обѣихъ сторонъ. Посламъ ясно было, что бояре обвиняютъ польскаго короля, пановъ, раду и польскій народъ въ содѣйствіи пану воеводѣ Сандомірскому Мнишку; что съ помощью Польши и Мнишка, дѣйствующаго не на свой страхъ, а сообща съ Польшей, назвавшійся именемъ царевича Дмитрія Ивановича, „по навожденію бѣсовскому, Гришка Отрепьевъ, чернецъ, дьяконъ, воръ, за чернокнижество осужденный отцомъ отцовъ Вездесущимъ на достойную казнь", при помощи короля и народа польскаго овладѣлъ Сѣверщиной, а послѣ московскимъ престоломъ; что выставленный Польшей Лжедимитрій убитъ за свое „воровство", подтвержденное, между прочимъ, и матерью истиннаго царевича Димитрія Углицкаго; что чернь, раздраженная жолнерами Сандомірскаго воеводы, простиравшими свою наглость до того, что они отнимали женъ у мужей и насильничали дѣвицъ, перебила ихъ, но безъ вѣдома бояръ. Объясняя „неправду" короля и пановъ—раду его, бояре обвиняли ихъ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и мирнаго постановленія; ибо-де еще съ покойнымъ царемъ Борисомъ круль Жигмонтъ, чрезъ своего посла пана Льва Сапѣгу, канцлера великаго княжества Литовскаго, заключилъ съ Москвою миръ на двадцать лѣтъ и миру сему срокъ-де не истекъ. Мало того, Михайло Татищевъ, изъ числа думныхъ бояръ самый дерзкій въ словѣ и дѣлѣ, по мнѣнію пословъ, укорительно отзывался о польскихъ порядкахъ, утверждая, „за ваши-де польскія неправды Богъ васъ караетъ междоусобицей домашней и навѣщаетъ вашу землю то ханомъ крымскимъ, то Каролюсомъ свейскимъ; что-де вы паны

гордые—мятежники и самъ круль вашъ Жигмонтъ пуще всѣхъ боится васъ, своихъ подданныхъ, потому вы вольными панами зоветесь“.

Хотя королевскіе послы, по своей обязанности, и возражали противъ подобныхъ обвиненій и, не оставаясь у бояръ въ долгу, сами ихъ обвиняли въ коварствѣ и неправдѣ; тѣмъ не менѣе, въ душѣ, они сознавали справедливость многаго, что выслушали отъ думныхъ бояръ. Одного не могли послы простить боярамъ: того унижавшаго королевское посольство положенія, походившаго на плѣнъ, въ какое они его поставили, не выпуская изъ Москвы. Послы требовали, „чтобъ ихъ, ради пользы обоихъ государствъ, немедленно отпустили въ отечество, для донесенія его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой, какимъ образомъ все несчастіе (кровопролитіе) по грѣхамъ мірскимъ случилось“. Думные бояре обѣщали слова пановъ пословъ представить царю Василію Ивановичу, отвѣтить посламъ на бумагѣ и съ честію выпроводить ихъ изъ Москвы во свояси; но обѣщанія бояръ остались только обѣщаніями. Письмо написали послы, прося отпускъ домой; нарочно по-русски написали,—отвѣта нѣтъ. Панъ Гонсѣвскій изъ себя выходилъ, тѣмъ болѣе, что сознавалъ безсиліе своего гнѣва. Тутъ онъ, обыкновенно, накидывался на невозмутимаго пана Конюховскаго, помѣщика и второстепеннаго посла.

— Панъ пòсолъ—якъ тѐнъ атенски филозовъ, что чембò мухъ лови, далибукъ! съ раздраженіемъ замѣчалъ обыкновенно дремавшему пану Конюховскому панъ Гонсѣвскій.

Трудно было найти болѣе противоположные характеры, какъ эти два благородные пана. Панъ Конюховскій еще не вышелъ изъ того возраста, въ которомъ мужчина желаетъ нравиться прекрасному полу; но для того, чтобы онъ дѣйствительно могъ нравиться нѣжному полу, природа не надѣлила его соотвѣтствующими внѣшними качествами: при большомъ ростѣ и могучемъ тѣлосложеніи, проказница судьба надѣлила его крошечнымъ, совсѣмъ вдавленнымъ, носомъ, изъ подъ котораго жесткой щеткой торчали огромные рыжіе усы; къ тому же рыжая, какъ огонь, стриженая голова его сидѣла на короткой шеѣ, вовсе не приходившейся къ его широкимъ плечамъ; столь же противорѣчилъ всей его неуклюжей фигурѣ гнусавый голосокъ. Правда, со стороны благороднаго пана принимались всѣ, отъ него зависѣвшія, старанія—щегольствомъ и искусствомъ восполнить въ своей внѣшности недостатки природы. Благодаря косметикамъ, его большой, тщательно выбритый подбородокъ блестѣлъ, словно подъ лакомъ; цвѣтъ усовъ боролся между рыжимъ и каштановымъ; зеленый испанскаго бархата кунтушъ съ серебряными жгутами на груди, сшитый щегольски лучшимъ портнымъ Кракова, переливалъ самымъ живымъ цвѣтомъ, не могшимъ не нравиться самой требовательной красоткѣ; не меньше дорогаго кунтуша претендовали на вниманіе нѣжнаго пола алые бархатные штаны и съ вычурными вырѣзками сапожки изъ лакированной кожи, съ серебряными кисточ-

ками, расшитые красиво бѣлымъ шелкомъ съ мелодически звенѣвшими позолоченными шпорами. Какъ бо́льшая часть мужчинъ, обиженныхъ природой, панъ Конюховскій считалъ себя способнымъ вызывать въ женщинахъ самое нѣжное и страстное къ себѣ чувство и гордился этимъ сознаніемъ. Панъ Гонсѣвскій, при всякомъ подходящемъ случаѣ, трунилъ надъ влюбленнымъ въ себя товарищемъ по посольству и не скрывалъ своего къ нему нерасположенія. Панъ Конюховскій, равнодушный ко всему, что не относилось къ его особѣ и любовнымъ похожденіямъ, принималъ самое поверхностное участіе въ дѣлахъ посольства. Уклончивый и безхарактерный, онъ больше поддакивалъ и поддерживалъ чужія мнѣнія, рѣдко высказывая собственное. Вдобавокъ, онъ былъ порядочный трусъ. Благородный панъ Гонсѣвскій могъ назваться типомъ истаго литвина. Его плотная, коренастая, средняго роста фигура, не отучнѣла только благодаря страсти пана къ охотѣ и частымъ походамъ противъ враговъ Польши, отрывавшимъ его отъ покоя и жирныхъ яствъ роднаго дома; его смугловатое, полное лицо съ небольшими черными усами и умными черными глазами, его черноволосая, еще не посѣдѣвшая голова—производили впечатлѣніе вполнѣ въ его пользу. Смѣлый, быстрый взглядъ, быстрыя движенія, твердая походка, рѣчь короткая, но выразительная, громкій, искреній смѣхъ—все это, съ перваго на него взгляда, обнаруживало въ немъ стараго воина, воспитаннаго бивачною жизнью, полною лишеній и боевыхъ опасностей, и прямодушіемъ военнаго общества. Онъ славился своимъ гостепріимствомъ и „старымъ“ литовскимъ хлѣбосольствомъ столько же, сколько отвагою, доходившею часто до безразсудства. Хорошо знали его московскіе воеводы и крымскіе огланы. Но и въ интригѣ онъ былъ искусенъ; и это качество послужило основаніемъ, почему король назначилъ его своимъ посломъ въ Москву. Правду сказать, онъ былъ душою этого посольства. На него всего болѣе разсчитывали въ Краковѣ. Панъ Николай Олесницкій изъ Олемицы, каштелянъ Малогосскій, ученый аріанинъ, слишкомъ ужь былъ преданъ философіи вообще и философіи богословія въ особенности, чтобы принимать дѣятельное участіе въ достиженіи тѣхъ цѣлей, которыя были указаны посольству въ Краковѣ. Если, благодаря своему замѣчательному краснорѣчію, панъ Олесницкій былъ языкомъ посольства, отъ имени его говоря въ торжественные пріемы привѣтствія царю, то головою посольства оставался все-таки Гонсѣвскій. Олесницкій ограничивался больше ролью оратора и, возвращаясь изъ кремлевскаго дворца къ себѣ въ посольскую избу, предавался любимому занятію: чтенію книгъ и составленію трактатовъ о вавилонской блудницѣ, какъ онъ называлъ римскую церковь. И въ это утро, уединясь въ сторонкѣ, почтенный панъ углубился въ чтеніе толстой книги, которую терпѣть не могъ панъ Гонсѣвскій. Онъ косился на ненавистную ему книгу, отрывавшую отъ него единственнаго умнаго собесѣдника, оставленнаго ему судьбой и, зѣвая со скуки,

обращалъ взглядъ на милые ему предметы, напоминавшіе ему болѣе веселое время. Надъ постелью его висѣла дамасская кривая сабля, собственноручно отбитая имъ у турецкаго паши; пара пистолетовъ, охотничій рогъ, сумка съ пороховницей и дробницей, и дорогая по тому времени длинная нѣмецкая винтовка. Какъ ему надоѣлъ этотъ большой столъ въ углу, подъ краснымъ сукномъ, на которомъ стояло католическое распятіе и въ порядкѣ были разложены латинскій молитвенникъ и принадлежности письма. Пуританскій видъ пана Олесницкаго возбуждалъ въ немъ досаду, въ порывѣ которой панъ Гонсѣвскій былъ непрочь наговорить пану Николаю всякихъ непріятностей. Но онъ помнилъ, что панъ Николай—не панъ Конюховскій, что мнѣніе пана Николая уважается королемъ и сенатомъ, и что въ наукѣ онъ, панъ Александръ, годится въ ученики къ нему, пану Николаю.

Панъ Гонсѣвскій любилъ вкусно покушать и „знатно" выпить, а потому ему оставалось только почаще садиться за столъ и подольше изъ-за него не вставать, что̀ онъ и дѣлалъ. Спасибо, новый царь не забывалъ ежедневно присылать посламъ запасы всякой провизіи и вина. И нынче утромъ посольскіе пристава—князь Григорій Петровичъ Волконскій, да Андрей дьякъ, по обыкновенію, передавъ панамъ посламъ вопросъ о ихъ „здравіи" и милостивое царское слово, сдали имъ „кормы," щедро отпущенные изъ царскихъ кладовыхъ: „кусъ", т. е. мясо, „баранью тушку, пару гусей и кухонные кормы всякіе; вина три боченка, да сулею аликантскаго". При этомъ князь Григорій замѣтилъ посламъ, они-де, посольскіе пристава, должность свою завтра сдаютъ новымъ приставамъ: князю Ивану Михайловичу Барятинскому и дьяку Дорофею Брохнѣ; царь-де назначилъ ихъ, князь Григорья съ дьякомъ Андреемъ, править свою царскую службу—послами къ ихнему крулю Казиміру велѣлъ ѣхать немѣшкотно.

— Когда же вы насъ, королевскихъ пословъ, изъ неволи выпустите? раздражительно воскликнулъ панъ Гонсѣвскій.

Князь Григорій только многозначительно усмѣхнулся себѣ въ густую темную бороду, имѣвшую видъ четырехугольной лопаты, а потому давшей князю прозвище „Лопаты", и замѣтилъ съ осторожностью человѣка, расположеннаго къ посламъ, но отвѣтственнаго передъ царемъ, волю котораго исполняетъ:

— Поживете, должно, у насъ, вольные паны.

— Нехъ ихъ вшисци дзябли везьмонъ! запальчиво воскликнулъ панъ Гонсѣвскій, ударивъ кулакомъ по столу такъ, что зазвенѣли стоявшіе на немъ бутылки и стаканы;—свинство! не отвѣтить даже на письмо королевскихъ пословъ! Дорого заплатите вы, москали, Польшѣ за такое безчестье королевскихъ пословъ! Какъ одинъ человѣкъ встанетъ посполитое рушенье, кровь прольется и запылаютъ города отъ вашего рубежа до самой вашей столицы! Мы за себя умѣемъ мстить!

Панъ староста Велижскій въ сильномъ волненіи всталъ съ своей скамьи и, дрожа отъ гнѣва, быстрыми шагами прошелся по избѣ, бросая на смущеннаго, ни въ чемъ неповиннаго князя Волконскаго угрожающіе и вызывающіе взгляды. Онъ былъ горячъ и нетерпѣливъ, особенно смолоду. Бурно и весело прошла его молодость. Онъ, бывало, поддерживалъ внутреннія смуты, составлялъ „рокоши" противъ своего короля и даже противъ законовъ своей страны, только потому, что скучалъ бездѣйствіемъ во времена затишья въ королевствѣ, что, впрочемъ, рѣдко случалось; то ополчался за короля и шелъ на „рокошанъ". Татарскія степи онъ зналъ не хуже своихъ литовскихъ лѣсовъ. „Перебѣсясь" въ полномъ смыслѣ этого слова, панъ Гонсѣвскій теперь, за пятьдесятъ лѣтъ, вспыхивалъ по-прежнему; но онъ уже выработалъ себѣ характеръ, прочно опредѣлившійся, онъ уже себя вполнѣ зналъ, а потому его могли вполнѣ знать и другіе; онъ могъ на себя надѣяться, а потому могли на него надѣяться и другіе. Король и паны-рада, куда бы его ни посылали, были увѣрены, что и невозможное онъ сдѣлаетъ возможнымъ по своей настойчивости. Важность настоящаго порученія обусловливалась затруднительными обстоятельствами, въ какихъ очутилось московское государство, столь близкое Польшѣ во многихъ отношеніяхъ. Польша не забыла тѣхъ земельныхъ весьма значительныхъ уступокъ своихъ Россіи, которыя она была вынуждена сдѣлать, начиная еще съ собирателя русской земли Ивана Васильевича III, и—понятно—разсчитывала теперь возвратить себѣ то, что не переставала считать отнятымъ у себя Москвой.

Молодой Дворжицкій засталъ пана Гонсѣвскаго, вмѣстѣ съ послами и панами, нашедшими у пословъ убѣжище, за столомъ за завтракомъ. Сбросивъ съ плечъ кунтушъ и оставаясь въ бѣлой ткацкой сорочкѣ и синихъ штанахъ, забранныхъ въ голеница сапогъ съ огромными шпорами, онъ предавался важному дѣлу насыщенія съ удовольствіемъ, живо выражавшемся на его лицѣ. Наклонясь надъ посеребреною тарелкою, онъ уписывалъ „штуку менса", мастерски изготовленнаго его панскимъ кухаремъ. Вкусный запахъ горячаго мяса, изготовленнаго въ закрытой кострюлѣ съ пряностями, между прочимъ съ чеснокомъ и перцемъ, плававшими въ густомъ соусѣ на пивѣ, распространялся по избѣ и невольно возбуждалъ аппетитъ очень проголодавшагося Дворжицкаго.

— Садись, панъ, берись за ножъ и вилку; аппетитъ, надѣюсь, ты съ собой принесъ! съ солдатскою простотою, отличавшею Гонсѣвскаго въ его обращеніи съ молодежью, сказалъ онъ своему подчиненному дворянину на его „Добры день, панове!" Онъ даже не взглянулъ на Дворжицкаго, не отрываясь отъ своего любимаго кушанья.— Знаю, любовью сытъ не будешь; а въ твои лѣта, панъ Пржемиславъ, любовь, какъ она ни сильна, все же не одолѣетъ голода. Ну-ка, коллега, пособи намъ покончить съ мясомъ; чудесно притомилъ его нынче Дорошъ: пальцы оближешь!

Дворжицкій не заставилъ пана посла повторить свое приглашеніе и присѣлъ между потѣснившимися для него панами. Послѣ невольнаго поста, выдержаннаго имъ эту ночь и это утро, послѣ такого продолжительнаго напряженія его молодыхъ силъ, онъ за завтракомъ оказался достойнымъ сотрудникомъ вельможнаго посла.

— Вижу, панъ Пржемиславъ, что тамъ, гдѣ ты пропадалъ все это время, тебя плохо кормили! весело замѣтилъ Гонсѣвскій, не только любившій ѣсть, но требовавшій, чтобы у него ѣли.

Послѣ завтрака, Дворжицкій обстоятельно передалъ посламъ подробности своего посѣщенія панны Марины и ея отца и вѣсти, только что полученныя ими изъ Кракова. Панъ Гонсѣвскій слушалъ хмурясь, покручивая кончики своихъ маленькихъ красивыхъ усовъ и упорно глядя въ полъ, чтò у него означало досаду. Потомъ проворно надѣлъ свой кунтушъ и быстрыми шагами, звеня шпорами, прошелся по избѣ. Видно было, что онъ силится сдержать свое негодованіе и что это ему трудно. Его подвижное лицо и черные глаза, глубоко проникавшіе человѣка, на котораго онъ глядѣлъ, выражали нескрываемое презрѣніе.

— Далибукъ! Эти Мнишки вотъ гдѣ у меня сидятъ! горячо сказалъ онъ, на ходу обращаясь къ строго глядѣвшему на него пану Олесницкому.—Кто такой этотъ Мнишекъ? Отецъ бѣжалъ изъ Чехіи въ Польшу съ нищенской сумкой за плечами, а сынъ — панъ Юрій Мнишекъ, воевода Сандомірскій, староста Самборскій, коронный крайчій, начальникъ королевской стражи и любимецъ послѣдняго Ягеллона!

— Этого мало, разсудительно замѣтилъ панъ Олесницкій. — Послѣдній Ягеллонъ, въ сущности, не Сигизмундъ, а панъ Юрій Мнишекъ.

— Vivat! со смѣхомъ единодушно подтвердили прочіе паны.

— Мнишекъ казнокрадъ и на королевскіе милліоны злотыхъ вздумалъ купить себѣ зятя-бродягу и посадить дочь, Маринку, на московскій престолъ! съ прежнимъ раздраженіемъ продолжалъ Гонсѣвскій. — А изъ-за нихъ, дзябли ихъ везьмонъ, мы тутъ въ плѣну сидимъ, послы!

— То вѣдомо: два милліона злотыхъ покойнаго короля прикарманилъ панъ Мнишекъ, снова съ своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ замѣтилъ панъ Олесницкій.—Такъ его, „бѣдачка", обобралъ, что его королевское тѣло одѣть не во что было. Не только казной покойнаго короля распоряжался панъ Мнишекъ, но и его королевскими амурами: панъ Мнишекъ, въ женскомъ платьѣ, досталъ изъ бернардинскаго кляштора панну Гижанку; съ ея-то помощью и обдѣлывалъ свои подлыя дѣла...

— Стыдно коронному маршалу Фирлею, да пану Тарло: они его отстояли на варшавскомъ сеймѣ, когда мы пана Юрія къ отвѣту потянули,—вмѣшался въ разговоръ, влюбленный въ свою собственную особу, панъ Конюховскій.

— Если бы въ это время я не представлялъ своимъ лицомъ особу моего наияснѣйшаго короля и, прибавлю, друга, Сигизмунда,—я показалъ бы этому искателю приключеній, какъ ссорить между собою два сосѣдніе, въ мирѣ жившіе, народа! снова кипятясь продолжалъ панъ Гонсѣвскій.—Краковскія вѣсти Мнишка мы знаемъ раньше его. Новость для насъ одна, и немаловажная: будто бы зять его, самозванецъ, живъ, а не убитъ, какъ это досконально всѣмъ намъ извѣстно. Стало быть, панъ Юрій уже выдумываетъ новаго зятя-самозванца, котораго попытается вновь посадить на московское государство. Хитро! Но панъ воевода играетъ въ опасную игру. Ужъ если сажать намъ кого на московское государство—такъ не бродягу. Довольно и одного. Мы посадимъ на московское государство нашего королевича Владислава, межъ нами, панове, будь сказано. Вотъ этой вѣсти, увѣренъ, Мнишекъ изъ Кракова не получилъ. Старый дурень понять не хочетъ, что король и Рѣчь Посполитая имѣютъ теперь свои виды на нынѣшнія московскія замѣшательства,—закончилъ Гонсѣвскій, обращаясь къ Дворжицкому и какъ бы отвѣчая ему на его сообщеніе, сдѣланное имъ по просьбѣ Мнишковъ:—Польша должна заботиться объ интересахъ своей короны, нисколько не заботясь, идетъ ли московская корона къ хорошенькой головкѣ панны Марины. Поляки были всегда рыцарями, но не сказочными, и за призраки не сражались. Мнишки просто съ ума спятили! Но что это? Если мои старыя уши, привыкшія больше къ свисту пули и вою вѣтра, чѣмъ къ музыкѣ, не ошибаются,—у насъ на дворѣ пѣвецъ. Я слышу звукъ мандолины.

— Да, итальянскій пѣвецъ зашелъ на дворъ и наши въ восторгѣ отъ его пѣнія, панъ вельможный посолъ,—объяснилъ Дворжицкій пану Гонсѣвскому, съ недоумѣніемъ глядѣвшему въ окно на толпу шляхты и хлоповъ, стѣснившуюся кругомъ пѣвца.

— Вотъ неудачный выборъ времени и мѣста для проявленія такого благороднаго искусства, замѣтилъ, ни къ кому не обращаясь, панъ Гонсѣвскій.—Впрочемъ, добавилъ онъ, подумавъ и взглянувъ на строгое лицо пана Олесницкаго, — мы здѣсь такъ скучаемъ, что маленькое развлеченіе и удовольствіе, которое можетъ намъ доставить этотъ пѣвецъ, думаю, не будетъ лишнимъ?.. Панъ Пржемиславъ, приведи его сюда...

XI.

„Грамота ему въ наукъ пошла,
Посадила его—(мать), перомъ писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала она пѣть учиться,—
Пѣнье Василью въ наукъ пошло".
(Василій Буслаевичъ, пѣсня).

Въ приходѣ „Николы Дербенскаго" (дербь, дебрь, т. е. лѣсная глушь) хоромы боярина, князя Шаховскаго, съ наглухо закрытыми ставнями, мрачно темнѣлись, со всѣхъ сторонъ окруженныя огромными плакучими березами, свѣшивавшими свои густолиственныя вѣтви на высокую тесовую крышу. Боярская усадьба „сидѣла" въ густомъ, далеко во всѣ стороны расходившемся лѣсу, въ той самой дебри, что сообщила свое названіе этой глухой тогда части Москвы. „Дворы" здѣсь были разбросаны рѣдко, и если бы не грустный звонъ колокола на деревянной колокольнѣ „у Миколы", свидѣтельствовавшій, что церковный сторожъ не спитъ, запоздалый прохожій, незнакомый съ этими мѣстами, могъ легко подумать, что онъ заблудился и очутился гдѣ-то въ лѣсной трущобѣ, далеко отъ Москвы. Отдаленные звуки колоколовъ „сорока сороковъ" московскихъ церквей и монастырей, смягченные пространствомъ, медленно, съ какою-то торжественною печалью плыли съ разныхъ сторонъ, ближе и дальше, въ тихомъ тепломъ воздухѣ чудесной майской ночи, темнота которой, слегка озаряемая хороводами ярко горѣвшихъ въ небѣ звѣздъ, сообщала таинственность этимъ ближнимъ и дальнимъ звукамъ. Давно уже боярская челядь разошлась кто куда, на свой обычный почлегъ, послѣ ужина съ хмѣльной брагой. Изрѣдка у боярскихъ кладовыхъ, заднею стѣною выходившихъ на узкую, извилистую улицу, глухо завывала чугунная доска подъ палкой дремавшаго и громко позѣвывавшаго ночнаго сторожа, да изъ отворенныхъ ради прохлады дверей длинной боярской конюшни слышалось конское ржаніе и глухой шумъ отъ множества лошадей, жевавшихъ овесъ. Боярская усадьба спала.

Но въ хоромахъ, въ угловой опочивальнѣ, освѣщенной восковой свѣчей въ мѣдномъ поставцѣ, бояринъ князь Григорій не думалъ еще ложиться. Придвинувъ къ себѣ свѣчу, онъ внимательно разбиралъ письмо у стола, досадуя про себя, что плохо сталъ видѣть. По волненію, овладѣвавшему имъ по мѣрѣ знакомства его съ содержаніемъ письма, была понятна вся важность для него этого посланія.

Окончивъ чтеніе и бережно спрятавъ письмо въ карманъ суконнаго кафтана, сшитаго, скорѣе, на подобіе польскаго кунтуша, и по-польски спереди „помереженнаго", т. е. со шнурами шелковыми, въ родѣ петель, и съ шелковыми кистями по груди, князь Шаховской не на шутку задумался. Нѣсколько минутъ онъ неподвижно глядѣлъ въ уголъ свѣтлицы на большой образъ Спасителя въ сереб-

ряной ризѣ, отражавшей на себѣ блескъ свѣчи, но не видѣлъ его. Потомъ безпокойное выраженіе его лица и нетерпѣливое движеніе плечъ обнаружили сомнѣніе и боязнь, охватившія его душу. Онъ видимо колебался принять рѣшеніе, на которое вызывало его письмо.

Князь Григорій Петровичъ Шаховской былъ изъ числа бояръ, не участвовавшихъ въ заговорѣ, окончившемся воцареніемъ Василія Ивановича Шуйскаго. Напротивъ, онъ, какъ тогда говорили, „тянулъ по разстригѣ". Вмѣстѣ съ старикомъ Бѣльскимъ, Рубцомъ-Масальскимъ и Салтыковымъ, онъ стоялъ во главѣ боярской партіи, расположенной къ тому новому распорядку, что внесъ въ Москву назвавшійся царемъ Дмитріемъ. Въ ту грозную минуту, когда среди смятенія и свалки, при набатѣ колоколовъ, боярскій сынъ Григорій Валуевъ, выстрѣломъ поразилъ Лжедмитрія, крикнувъ: „Вотъ я благословлю польскаго свистуна!" — разрѣшилось колебаніе возставшей толпы. Народъ вымѣстилъ свое озлобленіе на убитомъ еретикѣ, „прельстившемъ его своимъ латинскимъ вѣдовствомъ и смутившемъ русское царство" и издѣваясь надъ голымъ трупомъ „безвременнаго царька", потащилъ его на веревкѣ, вмѣстѣ съ голымъ же трупомъ его любимца Басманова, на площадь. Убѣдясь, къ своему огорченію, что съ Лжедмитріемъ покончено, Шаховской не принималъ участія въ усиліяхъ Шуйскаго и его сторонниковъ бояръ,—спасти царскія сокровища, скопленныя въ царскихъ чертогахъ вѣками и поколѣніями московскихъ государей, Рюриковичей. Мятежъ, погубившій Лжедмитрія—какъ зналъ это Шаховской,—былъ дѣломъ Шуйскаго съ Голицынымъ, и этого одного уже достаточно было для того, чтобы онъ въ немъ не участвовалъ. Но Шаховской съумѣлъ воспользоваться безпорядкомъ во дворцѣ, который бояре съ великимъ трудомъ и даже съ опасностью жизни отстояли отъ ломившейся для грабежа черни. Онъ „прикарманилъ" царскую печать и успѣлъ перемолвиться съ своимъ „подлокотникомъ", дворяниномъ Мишкой Молчановымъ, тѣмъ самымъ, который вмѣстѣ съ другими убилъ несчастнаго юношу, ни въ чемъ неповиннаго сына Бориса Годунова, Ѳедора.

— Намъ съ тобою, князюшка, должно, здѣсь дѣлать теперь нечего, многозначительно кивнувъ на распоряжавшагося Шуйскаго, шепнулъ Шаховскому Молчановъ.—Видишь?

— Вижу, Миша.

— А видѣлъ, кого на веревкѣ голаго потащили?

— Видѣлъ. Дѣло наше дрянь, Миша.

— А дѣло наше дрянь—поправлять его надо, князюшка. Вася Шуйскій, гляди, недаромъ на насъ съ тобой косится. Знаю его, голубчика красноглазаго; припомнитъ онъ намъ съ тобою, Григорій Петровичъ, и Годуновскую семью, и ласку къ намъ самозванца. Бѣжать надо, пока время. Прощай, князюшка!

— Куда жъ ты, Миша?

— Далече, князь, на литовскій рубежъ. Мы о себѣ скоро вѣсточку

матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной подадимъ. Украинская вольница — наша. Украинскій вѣтеръ вѣдь съ одной все стороны дуетъ. Авось опять намъ самозванца надуетъ. Попутный вѣдь самозванцамъ тотъ украйный вѣтеръ—прямо съ рубежа на Москву ихъ гонитъ. Ты не хмурься, князюшка. Пойми: царь Дмитрій здѣсь на Москвѣ убитъ, а на украйнахъ онъ живъ!

— Кого жъ ты, отвага, на мѣсто убитаго Дмитрія выставишь? изумленный, но въ то же время несказанно обрадованный такимъ смѣлымъ и успѣхъ обѣщающимъ оборотомъ дѣла, заговорилъ Шаховской, оглядываясь, впрочемъ, боязливо, чтобъ ихъ не подслушали.

— Кого? Мишка Молчановъ разсмѣялся и, чтобы не захохотать и не обратить на себя вниманія, схватился грязною рукой за свой алый съ постояннаго хмѣля носъ.—Себя, князюшка! Чѣмъ я не царь?

Шаховской только смогъ отступить отъ дерзкаго, худороднаго, малопомѣстнаго дворянина на шагъ и смѣрить строгимъ, недовольнымъ взглядомъ невзрачную фигуру его, въ отрепанномъ старенькомъ кафтанишкѣ сѣрой нанки и въ сбитыхъ, дырявыхъ сапожонкахъ. Не только насмѣшку, но и порицаніе своей дерзкой выходкѣ понялъ Молчановъ въ остановившемся на немъ взглядѣ князя, взглядѣ какъ бы стальномъ, холодномъ, безпощадномъ. Мишка Молчановъ пуще разсмѣялся.

— Вишь-во! и не любъ я тебѣ, князь Григорій, и на смѣшки меня поднялъ, и чортомъ глядишь на меня, какъ бы я словно съума своего спятилъ,—только заикнулся, что-де на царстворуссійское, великое, возсѣсть желаніе имѣю. Чѣмъ же, скажи, тотъ-то бродяга лучше меня, у кого мы съ тобою, князь прегордый, руку цѣловали? Я, по крайности, свой-таки, русакъ буду, и православія своего на латыню не промѣнялъ... Испужался ажно ты, князь прегордый; а еще своимъ милостивцемъ я тебя почитаю! Ну, не хмурься: шутку одну сшутилъ. Весельчакъ Михайло, самъ знаешь: краснобай! а за дѣло возмется—не вырвется изъ Михайлиныхъ рукъ никакое дѣло, и это долженъ ты знать, распрегордый князь! Себя, слышь, стану выдавать царемъ Дмитріемъ, чудесно спасшимся въ Москвѣ; такую молву пущу, бѣжавши къ Литвѣ, путемъ дорогою, въ селахъ и градахъ, и весяхъ, и на переправахъ, и на торжищахъ, и при стеченіи народномъ. Молъ, на Москвѣ подставнаго крамольные бояре убили поляка, а меня, истиннаго сына Грознаго Ивана, прирожденнаго русскаго царя Дмитрія, сохранилъ Господь Богъ, его святые угодники, да вѣрность слугъ, отъ лютой смерти, боярской крамолой мнѣ уготованной... А прибѣжавъ на Литву, къ вольнымъ панамъ, заразъ самозванца купимъ. Вы только тутъ, именитые люди, на Москвѣ слухъ такой пущайте, народушко въ смущеніи держите, да казну намъ на Литву шлите не скупо; а то, слышь, Михайла на чистоту обдѣлаетъ дѣло. Не радуйся, Васька Шуйскій, не зарься на царскій столъ! Такъ ли сказываю, князь? Коли не такъ, не по твоему, скажи. Что молчишь? Молчать не время!

— Такъ, чуть слышно подвердилъ Шаховской, хитрый, изворотливый умъ котораго успѣлъ уже сообразить, что ему дѣлать.

— Ну, а какъ тронемся мы съ самозванцемъ съ Литвы на Русь, вы въ ту пору не выдайте насъ, други-пріятели. Поможешь намъ, князь,—первымъ по царѣ будешь. Утремъ Васькѣ носъ. Прощай, князь!

Мишка Молчановъ торопливо юркнулъ въ толпу.

— Панъ Хвалибогъ! проходя дворцовыми сѣнями, чтобы ѣхать домой, обратился Шаховской къ любимому слугѣ убитаго царя, польскому шляхтичу, горько плакавшему.—Убили твоего господаря?

— Ни-ни, брунь Боже, ласковый пане княже! быстро отирая глаза рукавомъ своего кунтуша, возразилъ слуга съ убѣжденіемъ, невольно удивившимъ князя:—я своими собственными очами видѣлъ убитаго, выдаваемаго за моего наияснѣйшаго господаря и царя. Мой панъ Дмитрій есть изъ себя худый; на вискахъ кудрявый, якъ у студіозуса кудри маленьки; на грудкѣ ни еднего влоса. А убитый бардзо тлустый чловѣкъ, лобъ бритый, космата грудь; самъ видѣлъ, ласковый княже! то не мой господарь, далибукъ.

— О чемъ же плачешь ты? не утерпѣлъ спросить пытливый князь, вовсе не изъ пустаго любопытства или участія къ печали слуги бывшаго царя, а ради тѣхъ цѣлей, которыми онъ задался послѣ разговора съ Молчановымъ.

— О, мой ласковый пане! снова зарыдавъ съ непритворнымъ отчаяніемъ, заговорилъ слуга.— Весь мой майонтекъ, вшиска рухоба, гардеробъ—пограбили пшекленты москали! А нимамъ еднего гроша! бѣдачка естемъ, пане!

Шаховской молча вышелъ изъ сѣней и не безъ труда пробрался сквозь густую, бушевавшую по всей Кремлевской площади, толпу къ своему верховому коню и своимъ вершникамъ и поѣхалъ домой.

Проѣзжая „гостинымъ дворомъ", длиннымъ рядомъ довольно безобразно выстроенныхъ лавокъ на Красной площади, гдѣ валялся голый трупъ Лжедимитрія, Шаховской прислушался къ громкому спору, происходившему въ толпѣ купцовъ и сидѣльцевъ.

— Врете вы, малоумные! возвысилъ свой голосъ старикъ купецъ почтеннаго вида, съ большой сѣдой бородой и очками на носу, сидя у своей лавки съ толстою церковною книгою на колѣняхъ.— Боярскимъ злоухищреніемъ убитъ не полякъ, а истинный сынъ Ивана Васильевича Грознаго, Дмитрій Ивановичъ, государь; и вы бы тому, глупые, не радовались, а скорбѣли сердцемъ вашимъ; потому—младъ былъ государь, да зѣло наученый, и не еретикъ, а къ Божьему дѣлу усердный и къ государственному строенію прилежный, и церковную печать соблюдалъ, яко же и его предки. Вотъ, глядите, книга, еже „Апостолъ" нарицаема.—Старый купецъ развернулъ послѣсловіе и твердымъ, хотя дрожавшимъ, старымъ голосомъ медленно, чуть не по складамъ, прочелъ: „Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго и христолюбиваго,

исконнаго государя всея Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Дмитрія Ивановича". А вы толкуете: басурманъ-де онъ! продолжалъ убѣжденно старый купецъ, поправивъ свои очки въ мѣдной оправѣ, ущемлявшіе большой носъ. — Дурачье! нешто басурманъ божественную книгу, библію, велитъ печатать? Быть ему басурманомъ, коли они его обасурманили, сердеку! Вотъ тѣ-то бояре, да пьяная голытьба, что своего законнаго государя убили—басурмане!

Теперь Шаховской убѣдился, что дѣло самозванца на Москвѣ, а стало быть и на Руси православной, не погибло; что за именемъ царя Димитрія, подымись только оно, опять встанутъ многія тысячи русскихъ людей.

Послѣ всего сказаннаго, будетъ понятно тревожное раздумье, въ какое впалъ князь Шаховской, прочтя письмо съ литовскаго рубежа отъ Мишки Молчанова, встрѣтившагося съ „нѣкіимъ человѣкомъ, Болотниковымъ". Этотъ Болотниковъ вызвался доставить въ Москву князю письмо и принести отъ него отвѣтъ и деньги. Молчановъ кратко извѣщалъ князя, что царь Дмитрій, спасенный божескимъ изволеніемъ и вѣрностью слугъ, стоитъ на рубежѣ; что съ каждымъ днемъ къ нему стекаются его вѣрные подданные; что вольные паны шумятъ и подымаются къ нему на помощь; что онъ, Михайло, съ согласія царицы Марины и ея родителя воеводы, направляется дальше, въ Самборъ; что князь можетъ положиться на Болотникова и снабдить его деньгами и московскими вѣстями; что Болотниковъ сей „человѣче разума необычнаго и въ иностранныхъ земляхъ обученъ воинской хитрости"; что царь Дмитрій назначаетъ его надъ своими царевыми полками на́большимъ воеводой. „И ты бы, князь Григорій,—заканчивалъ свое письмо Молчановъ,—того Болотникова отпустилъ безъ мотчаянія (т. е. безъ медленности); тянулъ бы ты по нашему дѣлу съ московскими именитыми людьми; а сѣверщина, и украйны, и казачина вольная царемъ русскимъ Дмитрія хотятъ, а Ваську Шуйскаго не хотятъ царемъ;—потому, толкуютъ: Шуйскій—боярскій царь, а Дмитрій нашъ царь. И мы съ вольными панами за-одно, да съ сѣверщиной, да съ вольной казачиной, да съ украинскими охочими воинскими людьми совокупясь, пойдемъ заразъ съ Дмитріемъ царемъ добывать его государскую отчину и дѣдину, московское государство; а старателей и доброхотовъ у царя Дмитрія здѣсь, на украйнахъ царевыхъ, и за рубежомъ, довольно обыскалось".

Шаховской вздохнулъ всею своею грудью и этимъ вздохомъ словно порѣшилъ свое колебаніе. Его полное, пріятное лицо, хотя съ неправильными чертами, но съ нѣжнымъ для мужчины румянцемъ, съ голубыми глазами и свѣтлою небольшою бородкою, въ эту минуту выражало радостное чувство человѣка, наконецъ достигшаго того, что̀ ему нужно. Это была улыбка завистливаго, до крайности самолюбиваго и въ себѣ увѣреннаго человѣка, улыбка вообще не могшая нравиться постороннему, безпристрастному наблюдателю. Въ ней

слишкомъ живо говорила злоба и даже месть. Что князь Шаховской не былъ чуждъ подобныхъ чувствъ,—это хорошо знали его сотоварищи по думѣ и всѣ, кто, по родству или по пріязни, имѣли къ нему ближнія или дальнія отношенія. Надмѣнный характеръ князя и его неуживчивость справедливо заслужили ему прозванье „спесиваго". Трудно было найти въ Москвѣ человѣка, равнаго съ нимъ по положенію, съ которымъ бы онъ не поссорился въ своемъ прошедшемъ или настоящемъ. „Кастрика! уколешься"!—обыкновенно замѣчали другъ другу бояре при появленіи „спесиваго князя", и явно избѣгали съ нимъ встрѣчи. Но если Шаховской не ладилъ съ своимъ братомъ, бояриномъ, изъ какого-то упорнаго чванства и самомнѣнія, наталкивавшаго его на выходки противъ людей ему равныхъ, выходки часто дерзкія и ничѣмъ не вызванныя со стороны обиженныхъ имъ,— то, напротивъ, человѣкъ мало-мальски отъ него зависимый, ниже его стоящій на ступени общественной лѣстницы, всякій „худородный", бѣдный, въ родѣ Мишки Молчанова, видѣлъ въ немъ добродушнаго, снисходительнаго „милостивца", благодѣтеля, готоваго всегда помочь ему словомъ и дѣломъ. Само собой, что князь, какъ вообще такіе характеры, былъ неравнодушенъ къ лести, потворству, всяческому передъ собой людскому приниженію. Люди, изучившіе его, имѣвшіе въ немъ надобность, конечно пользовались его слабостями и легко добивались отъ князя, чего хотѣли. Онъ былъ довѣрчивъ именно тамъ, гдѣ не слѣдовало, дѣлалъ часто не то, чего самъ хотѣлъ, и гордо думая, что достигъ своихъ цѣлей, что другихъ заставляетъ служить себѣ и своимъ планамъ, своему возвышенію, хлопоталъ, въ сущности, для другихъ, способствуя другимъ достигать ихъ цѣлей. Шаховскаго, прежде всего, грызло сознаніе, что князья Шуйскій и Голицынъ заслоняютъ его собою и знатностью своихъ старыхъ родовъ, и правительственными способностями. Шуйскій считалъ себя потомкомъ великаго князя Александра Невскаго, стало быть Рюрика; Голицынъ происходилъ изъ знаменитой фамиліи Патрикѣевыхъ. Оба они заправляли дѣломъ низверженія Лжедмитрія; одинъ изъ нихъ „выкрикнутъ" народомъ на русское царство государемъ, и въ этомъ достоинствѣ признанъ боярами. Этого не могъ никакъ забыть Шаховской. Съ минуты избранія въ цари Шуйскаго, онъ его возненавидѣлъ всею ненавистью, къ какой только былъ способенъ. Къ соперничеству тутъ прибавился и разсчетъ: потерявъ въ Лжедмитріи своего „благодѣтеля", онъ въ Шуйскомъ видѣлъ врага, неспособнаго забыть оскорбленія, нанесенныя ему, еще боярину, разновременно Шаховскимъ. Такъ, еще недавно Шуйскій, съ связанными за спиною руками, безъ шапки, поставленный на Лобномъ мѣстѣ, готовъ былъ сложить свою боярскую голову подъ топоромъ палача. Шаховской шепнулъ Лжедмитріеву клеврету, Басманову, яко бы князь Василій распускаетъ въ народѣ молву о самозванствѣ молодаго царя. На соборѣ изъ людей всѣхъ сословій, на судъ коего царь отдалъ вину

князя Василія, Шаховской рѣзче другихъ бояръ высказался противъ князя и первый сказалъ, что „онъ повиненъ смертной казни“. Это, разумѣется, зналъ князь Василій. Ставъ государемъ, онъ завтра же могъ возвести Шаховского на Лобное мѣсто, подъ топоръ того же самаго палача. Чувство самосохраненія указывало теперь Шаховскому путь, какимъ онъ долженъ идти. Недаромъ же царь Василій Ивановичъ послалъ его воеводствовать на украйну, въ Путивль-городъ. Тутъ, казалось ему, сама судьба вмѣшивается въ жизнь его, Шаховскаго. Какъ воевода мятежной сѣверщины, Шаховской подыметъ ее за новаго Лжедмитрія и, съ грозной ратью подступивъ къ Москвѣ, сведетъ свои старые и новые счеты съ выскочкой Шуйскимъ;—„ѣшь меня собака, да невѣдомая“! закончилъ вслухъ свои разсужденія самъ съ собою князь Григорій и всталъ: „рѣшено—или панъ, или пропалъ; по мнѣ, князь-Григорью, не мочно быть подъ Василья князя царскою рукою. Не царь онъ мнѣ, не слуга я ему“. Шаховской нетерпѣливо надѣлъ шапку и, взявъ въ руку саблю, хотѣлъ выйти въ сѣни. Передъ нимъ, освѣщенная слабо горѣвшею на столѣ свѣчею, въ темнотѣ другой горницы стояла бѣлая женская фигура, которой неожиданное появленіе въ эту минуту невольно заставило князя вздрогнуть и отступить въ какомъ-то безотчетномъ страхѣ. Онъ присѣлъ на скамью и, самъ не помня что̀ дѣлаетъ, бросилъ шапку вмѣстѣ съ саблей на столъ. Прежнее колебаніе, съ которымъ, ему казалось, онъ только что покончилъ, вдругъ овладѣло имъ съ новою силою. Онъ молча ждалъ, пристально вглядываясь въ бѣлую женщину, представлявшуюся въ темнотѣ призракомъ. Сухой, болѣзненный женскій кашель, напрасно сдерживаемый, незамедлилъ обнаружить въ призракѣ живую женщину. Она сдѣлала нѣсколько медленныхъ, неслышныхъ шаговъ и подошла къ столу. Отблескъ восковой свѣчи отразился на ея исхудаломъ, мертвенно-блѣдномъ лицѣ, котораго правильный носъ, большіе, грустные каріе глаза и ласковая улыбка безкровныхъ губъ, свидѣтельствовали о ея былой красотѣ. Густыя пряди темныхъ волосъ въ безпорядкѣ выбивались изъ подъ почнаго бѣлаго чепчика; почной бѣлый шушунъ сверхъ длинной бѣлой женской рубашки облегалъ молодое, стройное, но выболѣвшее, совсѣмъ исхудалое женское тѣло. Она, дѣйствительно, имѣла видъ мертвой въ саванѣ, вставшей изъ гроба. Совсѣмъ плоская грудь и учащенное, глубокое дыханье открытаго рта свидѣтельствовали вмѣстѣ съ сухимъ кашлемъ о ея разрушенномъ здоровьѣ. Не было сомнѣнія, что молодая женщина пришла къ мужу, какъ лежала въ постели, обувшись только на босую ногу въ касимовскіе сафьяные башмаки. Ея страдальческій видъ невольно внушалъ жалость, но не мужу. Онъ съ нескрываемою досадою, смѣшанною даже съ нѣкоторымъ чувствомъ отвращенія, косился не нее изподлобья. Его презрительно-сжатыя губы и стальной, холодомъ пронизывающій взглядъ какъ бы спрашивали ее: зачѣмъ она тутъ, незваная, нелюбая? Мѣшать ему?

Казалось, бѣдная молодая женщина поняла смыслъ его взгляда и значеніе того строгаго молчанія, ничего добраго ей не сулившаго, которымъ онъ ее встрѣтилъ. Ея большіе, тепло свѣтившіеся глаза, впавшіе, окруженные темноватыми кругами, признакомъ тяжкой болѣзни, глядѣли на него съ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ укоромъ: сердце въ нихъ заговаривало; оно—это любящее женское сердце—говорило ему, любимому мужу, что онъ къ ней несправедливъ, платя холодностью и отвращеніемъ за ея любовь; что она, хотя и незваная, и не любимая—все же ему законная жена, вѣрная ему подруга въ его счастіи и несчастіи; что не мѣшать ему пришла она въ эту минуту, а узнать: что̀ у него на душѣ? Отчего онъ эти дни сумраченъ?

— Князь Григорій! Обратилась она къ нему тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ, заглушаемымъ сухимъ, рѣдкимъ кашлемъ. — Прости, пришла я къ тебѣ—спать не могу: страхъ меня одолѣлъ! Все мнѣ, глупой, сдается, недоброе ты дѣло затѣваешь, грѣхъ на душу берешь... Не таись отъ меня, глупой! не мучь меня, горькую, князь! Сказываетъ челядь:—ѣдешь ты?

Молодая женщина должна была скрыть свои, вдругъ заплакавшіе горючими слезами, глаза въ рукавъ бѣлаго полотнянаго шушуна и прислонилась своимъ изболѣвшимъ тѣломъ къ столу, чтобъ не упасть отъ слабости, увеличиваемой волненіемъ.

Даже гордое, холодное сердце князя Григорія не смогло не отвѣтить на этотъ сердечный призывъ больной женщины, требовавшей отъ любимаго мужа довѣрія во имя права любящей жены и въ такую важную минуту его жизни, отъ которой зависѣла его судьба. Отъ нелюбимой жены Шаховской всегда скрывалъ свои шашни; любовь подсказала женскому сердцу важность этой минуты для мужа и опасность задуманнаго имъ дѣла. Шаховской готовъ былъ, по своему обыкновенію, „оборвать дохлую бабу,“ какъ онъ ее называлъ, но почему-то смолчалъ.

— Ѣхать—ѣду, подтвердилъ онъ, какъ могъ спокойнѣе, но съ своею всегдашнею въ спошеніяхъ съ женою грубостью. — Государь Василій Ивановичъ указалъ мнѣ свою государеву службу на Украйну. Въ Путивль-городъ воеводой шлетъ... Завтра чтобъ выѣхалъ.

— Такъ далече! прошептала она, глубоко вздохнувъ и отирая рукавомъ шушуна глаза.

— Государская на то воля, княгиня Апраксія, продолжалъ Шаховской, по своему усмѣхаясь тѣмъ же наружно спокойнымъ, холоднымъ голосомъ, въ которомъ бѣдная женщина, какъ ни обманывала себя, не находила ни искры чувства, способнаго ее радовать. Она пришла къ мужу, заговорила съ мужемъ,—а передъ ней чужой ей человѣкъ, слышитъ она—чужаго ей человѣка; и такъ давно, сейчасъ-же послѣ медоваго мѣсяца; гдѣ-жъ тотъ дорогой ей, родной ея душѣ человѣкъ, котораго она хотѣла видѣть въ своемъ мужѣ? когда

же онъ ее приласкаетъ? И въ эту минуту, какъ всегда, нѣтъ у него для нея ласки! нѣтъ у него слова привѣтнаго, взгляда нѣжнаго для опостылѣвшей ему жены!

Зарыдала бѣдная, покачнулась на слабыхъ ногахъ, крѣпче за столъ схватилась слабою рукою...

— Аль слезы непокупныя? уже теряя свое наружное спокойствіе, заговорилъ Шаховской, голосъ котораго грубѣлъ по мѣрѣ того, какъ досада на неумѣстное появленіе больной жены усиливалась въ немъ при мысли, что она задерживаетъ его попусту отъ ночнаго свиданія съ людьми, ему нужными.—Легла бы ты лучше, княгиня Апраксія, въ постельку, не студила бы себя, раздѣтая ночью... не по твоему то здоровью. Глянь на себя—извелась ни на что не похожа. Покойницу краше въ гробъ кладутъ...

Выслушавъ слова мужа, молодая женщина постаралась скорѣе отереть свои слезы и взглянула на него съ покорностью жены, привыкшей выносить оскорбленія. Глубокое отчаяніе выражалось въ ея большихъ карихъ глазахъ, какъ бы еще увеличившихся въ эту минуту подъ давленіемъ несносного горя. Всю ее забилъ частый, сухой кашель. Она хотѣла говорить и не могла.

— Заперхала, какъ овца отъ пьявокъ! грубо потѣшаясь надъ страданіемъ жены, замѣтилъ Шаховской.

— Князь Григорій! начала, наконецъ, бѣдная женщина, справясь съ своимъ кашлемъ, чуть слышнымъ, упавшимъ голосомъ, въ которомъ теперь звучала рѣшимость высказаться вполнѣ.—Знаю—мужъ любитъ жену здоровую. Немила я тебѣ; то давно сказало мнѣ сердце: на второй уже мѣсяцъ послѣ вѣнца нашего. Да и женился ты на мнѣ, князь, знаю, не по мнѣ, а по достатку моему, по моему награжденью родительскому. Но я тебя,—Богъ видитъ и самъ ты знаешь—любила и любить не переставала...

Опять сильный приступъ частаго кашля помѣшалъ ей говорить. Держась одною рукою за столъ, а другою придерживая надорванную кашлемъ грудь, какъ бы боясь, чтобъ ее не разорвало, — бѣдная женщина явно избѣгала въ эту минуту встрѣчаться съ взглядомъ мужа, въ которомъ, кромѣ насмѣшки, отвращенія къ себѣ, да желанія поскорѣе отъ нея отдѣлаться—ничего не находила.

— Князь Григорій! каковъ ты былъ мнѣ мужъ—Богъ тебѣ судья и добрые люди! продолжала, оправясь отъ кашля, слабымъ голосомъ княгиня.—Не мнѣ тебя упрекать, и не теперь: стою я, грѣшная, одной ногой въ сырой могилѣ. Ѣдешь ты завтра на Украйну, далече; долго-ли, коротко-ли проживешь тамъ, вернешся — меня не застанешь въ живыхъ. Скоро отойду я, грѣшная, туда, гдѣ всѣхъ насъ судить будетъ Отецъ нашъ небесный судомъ своимъ праведнымъ! Пришла я съ тобою проститься, съ милымъ своимъ супругомъ Григоріемъ Петровичемъ, совсѣмъ проститься, на вѣки! Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ... Не гляди-жъ ты на меня такъ, супругъ мой, князь Григорій

Петровичъ, не пронзай мнѣ сердца моего холодными очами! Виновата въ чемъ я, глупая, передъ тобою, князь,—прости меня, Христа-ради! но... но, князь, хоть разъ... хоть въ послѣднiй разокъ, глянь на меня, свою жену законную, не темной тучей — яснымъ солнышкомъ!

Грубый смѣхъ, больно повернувшiй растерзанное женское сердце, былъ отвѣтомъ мужа, отвѣтомъ, достойнымъ характера „спесиваго князя.“ Бѣдная женщина въ какомъ-то изступленiи сдѣлала шагъ ближе къ жестокому мужу.

— Нѣтъ, нѣтъ! вырвался у нея изъ глубины оскорбленной и изстрадавшейся души страдальческiй вопль, на который, видимо, потратился послѣднiй остатокъ ея жизненной силы. — Не взойдетъ для меня солнышко!

И, какъ стояла, безъ чувствъ упала къ ногамъ мужа. Шаховской на нее даже не взглянулъ, не только не поднялъ ее. Не заботясь удостовѣриться, жива ли она, или умерла, онъ преспокойно поднялся со скамьи, надѣлъ шапку, взялъ въ руку саблю и вышелъ на дворъ. „Спесиваго князя“ не смущало сознанiе своей великой вины передъ этою страдалицей женщиной, оставленной имъ безжизненно-распростертой на полу. Ненасытное честолюбiе, постоянно толкавшее его „въ заводчики“ боярскихъ шашенъ и боярскихъ „подыскательствъ“, то другъ противъ друга, то противъ царя Бориса, и теперь, противъ царя Василья—очерствило и безъ того не нѣжное его сердце. Молодая княгиня Апраксiя въ одиночку коротала свою грустную жизнь, которой теремное однообразiе нарушалось только „надругательствами“ князя Григорiя, да жестокостью истязанiй, какимъ онъ ее подвергалъ собственноручно, часто угрожая ей, пущаго страха ради, „отодрать ее на конюшнѣ конюхами“, хотя такой угрозы князь Григорiй ни разу не приводилъ въ исполненiе, ужъ изъ одной своей княжеской гордости. Онъ на этой кроткой, любившей его безхитростно, женщинѣ „срывалъ сердце“, вымѣщалъ свои неудачи. Ни за что, ни про што, онъ привязывалъ безотвѣтную страдалицу за длинную шелковистую косу къ ножкѣ кровати и лежащую на голомъ полу держалъ ее голодную, холодную, избитую и съ надрывающимся сердцемъ по нѣскольку дней взаперти; безчеловѣчно сѣкъ ее плетью и во гнѣвѣ своемъ княжескомъ проказывался ей, что-де для него, князя Григорья, дворовая сука „Арапка“ дороже ему, чѣмъ она, жена его дохлая, княгиня Апраксiя. И все-таки она его любила, по своему объясняя себѣ его жестокое съ нею обращенiе. Никогда никто изъ ея кровныхъ родныхъ, не только знакомыхъ, не слыхалъ отъ нея жалобы на мужа, на свою долю горькую. Знала родня и добрые люди, какъ горько житье „сердешной княгини Апраксѣюшки“—только не отъ нея. Шесть лѣтъ пытки, не жизни, сломили ее. Шла она за него молода, хороша, здорова, счастлива, богата; да вѣдь прекрасный цвѣтокъ требуетъ солнца, ухода, и гибнетъ отъ мороза и бури.

Она заскучала, захирѣла. Къ ея счастью, дѣтей у нея не было. Она молилась Богу, сначала, чтобы онъ обратилъ сердце холоднаго къ ней мужа, а потомъ, чтобы Богъ прибралъ ее. Она съ радостью убѣждалась въ томъ, что Богъ услышалъ ея мольбу, посѣтилъ ее, и таяла. Злая чахотка грызла ея молодую, еще недавно пышно подымавшуюся грудь. Не ошиблась двадцатипятилѣтняя княгиня и несчастная жена: она простилась съ злымъ мужемъ навсегда; она упала къ его ногамъ не для того, чтобы встать; не для нея взошло на другой день ясное майское солнышко! но ласки нѣжной, но минутнаго раскаянія за все зло, что онъ ей сдѣлалъ, за ея преждевременную смерть, — она все-таки и передъ своею смертью не добилась отъ суроваго мужа и „строптиваго князя“.

На дворѣ Шаховскаго встрѣтила радостнымъ визгомъ та самая дворная собака „Арапка“, что для него была дороже жены, какъ онъ не разъ ей высказывался, конечно желая терзать ея убитое горемъ сердце. Если бы онъ зналъ, что больше уже нѣтъ въ живыхъ этой несчастной,—быть можетъ, и Арапка дождалась-бы не ласки княжеской, а добраго удара острой сабли...

Провожаемый собакой и пробираясь въ тѣни плакучихъ березъ, съ желаніемъ не встрѣтиться съ ночнымъ сторожемъ, Шаховской миновалъ дворъ и слѣдовалъ тропой, спускавшейся по склону горы въ густомъ лѣсу. Онъ остановился у своей боярской бани, прятавшейся въ чащѣ надъ рѣкой. Свѣтъ, пробивавшійся въ щель ставня, убѣдилъ его, что въ банѣ ждетъ его тотъ, кто доставилъ ему письмо Мишки Молчанова.

— Прождался тебя, князь! встрѣтилъ Шаховскаго сидѣвшій въ предбанникѣ на лавкѣ тотъ самый пѣвецъ, котораго искусство такъ понравилось полякамъ на посольскомъ дворѣ. Его южная, смуглая физіономія и странный для москвичей костюмъ бродячаго артиста— короткій плащъ, обшитый позументами, и узкія панталоны, казалось, не соотвѣтствовалъ бойкой русской рѣчи съ хохлацкимъ выговоромъ, съ какою онъ обратился къ Шаховскому. Мандолина съ широкою голубою тесьмою лежала возлѣ него, повидимому, забытая имъ теперь. Въ боярскомъ предбанникѣ онъ предавался менѣе поэтическому, зато болѣе существенному препровожденію времени: на столѣ передъ нимъ стояла сулея вина и недопитый стаканъ; пѣвецъ заиривалъ вкусный пирогъ съ начинкой и жареную утку, отъ которой на глиняномъ блюдѣ остались только кости. Видно, по вкусу бродячаго пѣвца пришлись боярскіе харчи.

— Прочелъ письмо, князь? Какой на него отвѣтъ дашь? нетерпѣливо спросилъ пѣвецъ.

Шаховской, не говоря ни слова, опустился на лавку противъ пѣвца и внимательно взглянулъ ему въ глаза, какъ человѣкъ, привыкшій не торопиться въ важныхъ дѣлахъ.

— Письмо прочелъ, сказалъ онъ, подумавъ и не спуская съ пѣвца

своего стальнаго, холоднаго взгляда.—Но отвѣтъ на него дамъ послѣ того, какъ самъ ты, любезный, отвѣтишь на мои вопросы.

— Спрашивай, князь, готовъ тебѣ отвѣчать все, что знаю, — съ спокойною твердостью сказалъ пѣвецъ, повидимому, не расположенный лгать, и допилъ вино въ своемъ стаканѣ.

— Прежде скажись: кто ты, и почему, будучи итальянцемъ, ты на рѣчахъ хохолъ? Дивно то мнѣ не мало.

Смуглая физіономія пѣвца выразила живое удовольствіе, что ему приходится отвѣчать именно на этотъ вопросъ, который онъ самъ предчувствовалъ; точно, князь долженъ былъ предложить ему этотъ вопросъ, чтобъ выйти изъ сомнѣнія на счетъ его личности; чтобъ знать князю, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ и можно ли довѣриться столь загадочному, въ глазахъ москвичей, пѣвцу?

— Я такой же итальянецъ, какъ и ты, князь! смѣясь сказалъ пѣвецъ съ искренностью, не вѣрить которой Шаховской не имѣлъ въ эту минуту основанія.—Я хохолъ, родомъ съ сѣверщины и, надѣюсь, языкъ, на которомъ я съ тобою говорю, лучше всего удостовѣряетъ тебя въ томъ, что это правда. Почему я свободно владѣю итальянскимъ языкомъ и умѣю по-итальянски пѣть — на это есть причины, независящія отъ моего происхожденія. Я говорю еще и по-татарски, и по-турецки даже; о польскомъ языкѣ и упоминать нечего, по его сходству съ нашимъ, русскимъ... Дивишься, вижу, моимъ словамъ, князь?

— Нельзя не дивиться, замѣтилъ Шаховской, въ подозрительной головѣ котораго вдругъ возникло сомнѣніе: ужъ не лазутчикъ ли это, подосланный Шуйскимъ на пагубу его, князя Шаховскаго?—Ты или самохвалъ, какъ большая часть твоей братьи, промышляющей скоморошествомъ; или иного ты полета птица!

— Вотъ это вѣрно сказано, князь! Точно: иного полета я птица. Клювъ и когти у меня вострые, коршунячьи; нарочито спряталъ я ихъ въ голубиныхъ перушкахъ... Не голубь я—коршунъ хищный, ты то знай, князь; обманывать тебя ни въ чемъ не стану...

— Стало, ты и не пѣвецъ? съ новымъ изумленіемъ спросилъ Шаховской.

— Повторяю: я хищный коршунъ, нарядился голубемъ, пою соловушкой. Такъ надо. Ну, проявись коршунъ хищный да межъ орловъ? Орлы задерутъ коршуна, даромъ что хищный; а мелкую пташку орелъ не тронетъ. Аль непонятно, князь?

— Вотъ чего не пойму: языки тебѣ эти иновѣрческіе почему дались? или похваляешься?

— Похваляться мнѣ нечѣмъ, князь, а то, можетъ, и похвалился бы съ-дуру! Слушай мой сказъ: чудна моя судьбина, на сказку похожа; но что̀ о себѣ сказывать стану, вѣрь князь, сущая то правда.

— Сказывай—послушаемъ. Авось отъ небылицы быль отличимъ, по простотѣ нашей боярской.

Шаховской, скрестивъ на груди руки, приготовился слушать. На его сжатыхъ губахъ играла улыбка, въ которой недовѣріе мѣшалось съ затаенной угрозой по-своему раздѣлаться съ этимъ „ряженымъ" бродягой, если бы только „спесивый князь" заподозрилъ въ разсказѣ его желаніе „морочить" князя и разсчитывать на его простоту. Свою саблю князь сжалъ между колѣнами. Пѣвецъ, казалось, нисколько не смутился такимъ нелестнымъ для него отношеніемъ князя къ нему и его ожидаемому разсказу, и началъ:

— Ивашка мнѣ имя, прозванье Болотниковъ, потому что издавна родъ мой на болотѣ сидѣлъ жительствомъ, вблизи Десны-рѣки. Отца моего Гаврилой звали, и по сей день родители мои въ холопствѣ у князя Андрея Телятевскаго, что въ Черниговѣ воеводствуетъ.

— Стало, и ты, Ивашка, холопъ князя Телятевскаго? почему-то счелъ нужнымъ добавить Шаховской.

— Я не холопъ! Я вольный человѣкъ, такой же, какъ и ты, князь, какъ всѣ божіи люди, пока ихъ не закабалили сильные міра сего! возразилъ назвавшійся Ивашкой Болотниковъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ въ голосѣ, съ такимъ зловѣщимъ огнемъ въ черныхъ глазахъ, что невольно и безотчетно дрогнула смѣлая душа Шаховскаго.—Судьба избавила меня отъ холопства не для того, конечно, чтобъ кто нибудь смѣлъ назвать меня холопомъ! Самъ разсуди, князь: мнѣ тридцать лѣтъ; двадцати лѣтъ я попался въ полонъ татарскій, и только что на родину вернулся—холопъ ли я? и кто такой господинъ мой?

— Сказывай дальше! заторопилъ Ивашку Шаховской.

— По государеву указу, вышла рать украинская на татаръ, въ поле, за Десною-рѣкою, продолжалъ, успокоясь Ивашка.—Самъ знаешь, князь, царское войско—то же стадо барановъ; потому воеводы царскіе, ничему не обученые, жрать да дрыхнуть горазды, а имъ чинить надъ непріятелемъ воинскій промыселъ—байдуже! Брюханы туполобые, ну и бьютъ ихъ, развѣ лѣнивый не бьетъ. Ударили на нашихъ отъ черной сохи воевъ татары налетомъ, съ ужаснымъ гиканьемъ—наши дрогнули, побѣжали. Брюханы-воеводы, разумѣется, впередъ всѣхъ удирали—примѣръ показывали полкамъ. Догналъ меня ногай-старичище, саблей руку мнѣ просѣкъ, въ полонъ меня взялъ мурзакъ Асанъ, въ свой улусъ ногайскій отвелъ. Признаться, князь, полюбился я ханымъ Айшѣ, мурзаковой женкѣ,—неволя мнѣ моя въ полъ-горя стала. Даже, коли правду говорить, тосковалъ я по ней, не видаючись долго. Молодая была ханымъ, красавица изъ себя: косы—ночи темнѣе, глаза—что звѣзды на небѣ горятъ, разгораются, щеки полныя—что твой спѣлый, наливной персикъ на солнцѣ. А мурзакъ Асанъ—старикъ, въ дѣды ей гожъ. Слюбились мы съ нею вотъ какъ! О матери родной больше не плакалъ, о своемъ болотѣ позабылъ... А есть у татаръ „бродники", полоняники давнишніе изъ русскихъ, да изъ литовцевъ, да изъ молдаванъ; какой въ ихніе ма-

гометы пошелъ, на татаркѣ оженился—такъ отъ нихъ помѣсь эта: ни татаринъ онъ, ни христіанинъ, ихъ еще „тумами"называютъ. Тоже за-одно съ татарами въ улусахъ живутъ, въ „наѣзды" ходятъ съ огланами. Открылся я двумъ пріятелямъ „бродникамъ", тоже молодымъ ребятамъ, „бѣжать, молъ, на свою сторону хочу". Обѣщались оба помочь, научили, чтобъ ждалъ наѣзда, скоро-де объявится. Пойдешь, учили они меня, съ кошемъ—уйдешь. Не зналъ старый мурзакъ Асанъ про свою ханымъ; ловко она его надувала, веревки изъ него вила. Ко мнѣ старика расположила: нукеромъ своимъ сдѣлалъ меня, по-русски—конюхъ. Правда: кликнули бирючи кличъ по улусамъ, „газаватъ", т. е. войну священную на Польшу объявили ханскимъ именемъ. Магометовъ байракъ, зеленое знамя, провезли во славу Магомета; поднялся и мой мурзакъ-старичина. Саблю мнѣ далъ, ружье, жеребца съ сѣдломъ. Собрался кошъ многотысячный, самъ ханъ Огланъ пошелъ, кошъ за собою повелъ. Жаль мнѣ съ ханымъ-красавицей разстаться. То бѣжать совсѣмъ изъ орды хотѣлъ, а какъ пришлось съ ханымъ прощаться—бѣда! не оторвался бы отъ нея. Пошли. Зашелъ кошъ въ степи далеко, а мнѣ все не мочно бѣжать. Пристигла насъ гроза весенняя, залила дождемъ кошъ. Остановились, сбатовали коней, стреножили; сами попрятались подъ бурки, подъ потники, кто какъ могъ; одному хану шатеръ раскинули. Темная ночь—хоть глазъ выколи. Буря по степи завыла. Ну, думаю, твоя ночка, Ивашка, надо бѣжать. Веду за чумбуръ жеребца, опасаюсь не заржалъ бы, на спящаго не наткнуться бы; выбрался изъ коша, поскакалъ. Да недолго. На всемъ скаку вмѣстѣ съ жеребцомъ полетѣлъ въ глубокую балку; дно и бока—каменные, словно сложенныя стѣны; какъ пришелся я объ эту стѣну головой—память потерялъ. Долго ли, коротко ли я тутъ лежалъ, очнулся—заря, день занялся. Гляжу: жеребецъ издохъ, повисъ, передними ногами за камни зацѣпился, меня сѣдломъ придавилъ. Нога—мочи нѣтъ больно! Попробовалъ ее высвободить—не моя нога: вывихнута, пропалъ! Лучше не бѣжалъ бы,—голодною смертью умереть придется, вороны живому глаза выклюютъ. Пригорюнился, слышу—лай собачій. Въ жаръ и ознобъ меня бросило: татары по моему слѣду собакъ пустили: сыщутъ. Что мурзаку скажу? Зачѣмъ въ балку верхомъ ночью попалъ? Собаки со всѣхъ сторонъ балки лаютъ, назадъ оглядываются. Татарская собака такъ пріучена,—чуть не говоритъ, а понимаетъ все. „Атуй!" татарскіе голоса слышу. Вотъ они сами. Наѣхали. Старый мурзакъ впереди. Стащили съ меня мертваго жеребца, онъ дальше зашумѣлъ въ пропасть, только камни за нимъ полетѣли, гремя, да сарыга—коршунъ—упалъ на падлу, прямо съ поднебесья. Высвободили меня. Костоправъ ногай живо вправилъ мнѣ ногу. Больно, а идти могу. А какъ мурзакъ влѣпилъ мнѣ ногайкой между лопатокъ, побѣжалъ я, съ конемъ его равнялся. Онъ, къ тому-же, волосянымъ арканомъ прихватилъ меня за шею, упадешь—тащитъ. Обругалъ меня

мурзакъ „шайтаномъ русскимъ", альни зубами скрипитъ, озлился на меня. Скверно. Наткнись на насъ кошкараимы—купцы: на верблюдахъ товаръ везли въ арбахъ своихъ высокихъ. Продалъ меня съ двухъ словъ мурзакъ караиму пучеглазому за сорокъ червонцевъ. Караимъ меня сперва приковалъ къ арбѣ длинною цѣпью съ ошейникомъ, а потомъ накормилъ до-сыта и виномъ изъ бурдюка напоилъ до-пьяна. На барышъ кормилъ и поилъ. Караимъ, пріѣхавъ къ себѣ домой, въ приморскій городъ Ахтіаръ, перепродалъ меня турецкому купцу, что человѣчьимъ мясомъ торгуетъ. Турокъ въ большой кочермѣ повезъ меня моремъ въ Стамбулъ, по нашему Царьградъ, — потому сей градъ превеликъ и преславенъ отъ вѣковъ древнихъ, всѣмъ градамъ міра есть царь, и древняя это столица Ѳеодосія Великаго и Константина и прочихъ императоровъ греческихъ; а нынче турецкій салтанъ, повоевавши греческую державу, повелѣваетъ въ Царѣ-градѣ; и храмъ дивный, лѣпоты неизреченной святой Софіи-премудрости обратилъ въ магометову мечеть и минареты магометовы-же кругомъ того огромнаго храма поставилъ, и полумѣсяцъ свой турецкій за мѣсто нашего креста воздвигъ на главахъ. А Царьградъ при водѣ глубокой морской стоитъ, на три страны свѣта глядя, тремя же и повелѣваетъ: Европой, Азіей и Африкой; и на базарахъ всякаго цвѣта люди, даже мѣдные и черные эфіопы, въ рабство продаются и красавицы черкешенки и прочихъ народовъ дѣвки молодыя на постель продаются: выбирай, кому какая нужна. Потому на это магометовъ законъ простъ: держи женъ сколько кто можетъ. Запрета нѣтъ.

— Вонъ житье-то кому—туркамъ! замѣтилъ Шаховской, усмѣхаясь съ видомъ степеннаго, твердаго въ православіи и предковскомъ обычаѣ русскаго человѣка; но въ душѣ онъ сочувствовалъ этому магометову закону, допускавшему мужчинѣ покупать, а слѣдовательно—мѣнять женъ. Будь онъ не православный бояринъ, а турецкій паша, онъ, конечно, давнымъ-давно избавился бы отъ этого „кошечьяго воскресенія", какъ онъ называлъ свою жену, княгиню Апраксію, только что оставленную имъ, безъ чувствъ, на полу; тогда бы двѣ молодыя красавицы, одна черноволосая, другая свѣтловолосая, по его княжескому выбору, своими нѣжными женскими ласками коротали бы ночь спесиваго князя, согрѣвали бы его широкую княжескую постель. Разсказъ Болотникова до того увлекъ Шаховского, что прежняя недовѣрчивая усмѣшка сжатыхъ княжескихъ губъ, предупреждающая разказчика, чтобъ онъ не вралъ передъ своимъ важнымъ слушателемъ, давно уже замѣнилась любопытствомъ и напряженнымъ вниманіемъ.

— Ну, дальше что? говори, Ивашка! неутерпѣлъ сказать Шаховской.

— Вывели и меня на базаръ, князь; да, спасибо, на мое счастье пришли нѣмецкіе купцы, выкупили меня своей казной изъ неволи. Моремъ перевезли меня изъ магометовой турещины въ Италію, хри-

стіанскую землю. Въ Веницейскомъ градѣ прожилъ я семь лѣтъ. Градъ тотъ зѣло чуденъ; вмѣсто улицъ—водяные каналы, а вмѣсто повозокъ—лодки, называются по ихнему „гондолы". Каменные огромные дворцы, по ихнему „палаццо", прямо на водѣ стоятъ и гондолы къ крыльцу подплываютъ. А градомъ тѣмъ славнымъ Веницейскимъ правитъ „дожъ", все едино—государь. И того дожа граждане выбираютъ изъ благороднаго сословія разумнѣйшаго, потому называется „Веницейская республика". Тутъ я обучался наукамъ всякимъ и языку итальянскому; а какъ къ пѣнью я былъ охочъ и голосъ у меня изрядный—выучился пѣть по итальянскому маперу, и могу спѣть канту совсѣмъ какъ итальянецъ. Вотъ, князь, почему принимаютъ меня за итальянца тѣ, отъ кого я скрываю, что я русскій. Я игралъ на театрѣ маріонетокъ главныя роли, именно—Петронпилло и Кассандрино. Но, знаю, князь, ты незнакомъ съ театральными представленіями и многаго не поймешь изъ того, что бы я могъ разсказать про обычаи и нравы благороднаго итальянскаго народа. Рабовъ тамъ нѣтъ, ибо рабство противно ученію Христа. Вы здѣсь, на Москвѣ, именитые люди, живете во тьмѣ и невѣжествѣ сущими варварами; а за вами и народъ весь русскій слѣпотствуетъ. Живете, какъ жили еще при царѣ Горохѣ, когда людей было трохи; себѣ подобныхъ людей вы насильно въ холопей обратили своихъ — и тиранствуете, и за ваше тиранство и невѣжество ваши сосѣди, образованные народы, надъ вами смѣются и васъ презираютъ. И по дѣломъ, князь, вамъ то!

— Не позабудь, Ивашка съ болота, кому ты говоришь, и обдумай свои слова прежде, чѣмъ ихъ скажешь мнѣ! счелъ Шаховской нужнымъ строго и внушительно замѣтить Болотникову, заговорившему неуважительно о сословіи, къ которому принадлежалъ князь. — Еще мнѣ скажи: гдѣ жъ и когда ты пріобрѣлъ свѣдѣнія, дающія тебѣ право на званіе главнаго воеводы царя Дмитрія? Чтобъ быть полководцемъ и умѣть побѣждать — надо поучиться военному дѣлу, и не въ школѣ, а въ полѣ.

— Такъ, князь! согласился съ нимъ Ивашка,—не ставя въ попы обѣдни не служатъ. Изъ Веницейскаго града приморскаго, соскучась по своей родинѣ, подался я въ цесарскую землю, а оттоль въ польское королевство... Здѣсь два года я сражался подъ знаменами коронныхъ гетмановъ противъ турецкихъ полчищъ и татарскихъ кошей, и самъ начальствовалъ... Опытенъ я въ ратномъ дѣлѣ, да и повѣрь: воеводъ царскихъ не трудно бить, была бы охота, а она у меня есть. Я прямо съ Украйны. Тамъ духа московскаго не терпятъ. Нашъ разсчетъ вѣрный: мы подымемъ голоднаго на сытаго, бѣднаго на богатаго, забитаго на сильнаго, худороднаго на вельможу, холопа на его господина. Такая рать страшна и побѣдить ее нельзя, если ею начальствуетъ воевода, у кого, какъ у меня, ничего, кромѣ жизни, нѣтъ; мнѣ нечего терять. Самая жизнь мнѣ не дорога, ибо не даетъ мнѣ того, чего хочу. Ты, гордый князь, считаешь меня, какъ и другіе, „холопомъ" и передъ мною величаешься, а ты,

во истину, больше холопъ чѣмъ я. Ужъ потому не холопъ я, что возмущаетъ меня холопство, что хочу не только холопство, самое слово это мнѣ ненавистное безслѣдно вывести на Руси православной. И не будетъ холоповъ, ибо не отъ Божескаго правосудія они, а отъ человѣческой неправды суть! Ненавижу боярство! Все мнѣ едино—истинный ли царь Дмитрій, самозванецъ ли. Ополчаюсь не за него, а за всю тьму темъ безправнаго, обездоленнаго русскаго крестьянства, котораго самъ я — кость отъ кости, и плоть отъ плоти. Какъ я мню—мнитъ все крестьянство; я токмо его истолкователь, токмо борецъ я по немъ безстрашный. Мнѣ ли не довѣрить въ нынѣшнюю московскую смуту тотъ, кто, подобно тебѣ, князь, хочетъ ею воспользоваться? Пойми: путь нашъ съ тобой одинъ—возстаніе; но цѣли и надежды наши, мои и твои, различны, какъ различно положеніе мое и твое. Ты самъ за себя возстаешь—я возстаю за народъ, тебѣ надо возвыситься—мнѣ надо уравнять высокое съ низкимъ, смерда съ бояриномъ... Удобнѣйшаго случая, чѣмъ теперешнее возстаніе народное за истиннаго царя Дмитрія—не сыщемъ, князь... Я вырѣжу боярство и замѣню его казачиной. Дмитрій будетъ царь не по боярскому капризу, а по народному хотѣнью!.. Да будутъ на Руси—Богъ, царь, народъ!

Шаховской, слушавшій внимательно Болотникова, невольно былъ пораженъ силою убѣжденія и основательностью доводовъ, съ какими онъ говорилъ. Только теперь, когда Ивашка Болотниковъ, увлекаемый внутреннимъ жаромъ, отражавшимся въ его разгорѣвшихся черныхъ глазахъ, высказался вполнѣ, Шаховской понялъ, какого сильнаго духомъ и волей человѣка видитъ передъ собой. Поднявшись со скамьи, весь дрожа отъ волненія, Болотниковъ выразительнымъ движеніемъ руки сопровождалъ свою рѣчь, исполненную душевнаго порыва и отчаянной рѣшимости.

— Исполать тебѣ, лихой молодецъ! сказалъ Шаховской, вставая во весь свой ростъ и кланяясь Болотникову:—во истину ты большой воевода нашего государя Дмитрія Ивановича, да продлитъ ему Богъ живота на многая лѣта! Признаю тебя царскимъ воеводой, Иванъ Гаврилычъ. Снеси мой боярскій вѣрноподданическій поклонъ моему государю Дмитрію и скажи: готовъ бояринъ Григорій Шаховской за него, государя, свою кровь пролить.

— Снесу твой поклонъ, князь Григорій, и могу завѣрить тебя въ милости къ тебѣ нашего государя, отвѣчалъ Болотниковъ.

Звякъ сабли и конское ржанье вдругъ заставили обоихъ вздрогнуть, обмѣняться взглядами и прислушаться.

— Безопасны ли мы здѣсь, князь? какъ бы спрашивали Шаховскаго черные, еще горѣвшіе глаза Болотникова, безпокойно прислушивавшагося.

Сабельный звякъ и конское ржанье послышались ближе.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Марковъ.

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ПУШКИНЪ.

(Біографическій очеркъ).

I.

РОДНОЙ дядя геніальнаго нашего поэта Александра Сергѣевича Пушкина, небезъизвѣстный также въ свое время поэтъ Василій Львовичъ Пушкинъ родился 27-го апрѣля 1770 года въ Москвѣ [1]) и былъ старшимъ изъ двухъ сыновей подполковника артиллеріи Льва Сергѣевича Пушкина. Послѣдній, при восшествіи въ 1762 г. на престолъ императрицы Екатерины II, попалъ въ крѣпость, и выпущенный оттуда черезъ два года, не поступалъ уже вновь на службу [2]), а владѣя 3000 душъ, жилъ большимъ бариномъ то въ Москвѣ, то въ деревняхъ своихъ, преимущественно въ с. Болдинѣ (Лукъяновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи [3]). Левъ не только по имени, но и нравомъ, онъ, женатый дважды, съ обѣими женами обходился крайне круто: первую изъ нихъ, урожденную Воейкову, онъ едва ли не уморилъ въ одиночномъ заключеніи изъ ревности къ бывшему учителю его сыновей, французу, котораго безъ суда и слѣдствія повѣсилъ у себя на черномъ дворѣ. Вторую же жену свою Ольгу Васильевну, урожденную Чичерину, мать Василья и Сергѣя Львовичей, онъ насильно повезъ въ гости, когда та чувствовала уже приближеніе родовъ, такъ что бѣдная женщина дорогою, въ каретѣ, подарила его сыномъ, и затѣмъ, полу-

---

[1]) „Отечественныя Записки“ 1853 г., № 11-й. „Родъ и дѣтство Пушкина“. Статья П. Бартенева, стр. 11.

[2]) „Соч. А. С. Пушкина“, изд. 1855 г., т. V. „Записки“ А. С. Пушкина, стр. 4.

[3]) „Отечественныя Записки“ 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева, стр. 11.

живая привезенная домой, такъ и была уложена въ постель въ нарядѣ и брилліантахъ [1]. Надо было бы ожидать, что въ такой деспотической обстановкѣ и дѣти проникнутся духомъ отца; на дѣлѣ вышло нѣсколько иное: Левъ Александровичъ озаботился дать обоимъ сыновьямъ тонкое и блестящее, по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. домашнее французское воспитаніе, и характеръ старшаго сына сложился—безпечный, общительный и мягкій, тогда какъ у младшаго сына, Сергѣя Львовича, унаслѣдованное отъ отца самодурство, при искусственно-привитой безалаберности, нерѣдко брало верхъ надъ природнымъ добродушіемъ.

II.

Прослуживъ нѣкоторое время, подобно брату своему, въ Екатерининской гвардіи, Василій Львовичъ женился на Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцевой, но въ 1802 году, 32-хъ лѣтъ отъ роду, уже развелся съ нею [2]) и поспѣшилъ укатить за-границу. Тамъ, въ водоворотѣ европейской жизни, могъ онъ забыться отъ семейной своей разладицы; тамъ собственноручно могъ срывать самые свѣжіе цвѣты всякихъ модъ и новостей. Другъ и пріятель его, Ив. Ив. Дмитріевъ, подтрунивая надъ его ожиданіемъ предстоящихъ впечатлѣній, написалъ стихотворную шутку, напечатанную имъ впослѣдствіи (въ 1807 г.) для раздачи знакомымъ: „Путешествіе г. Пушкина въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія". Начало шутки такое:

„Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ.
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ лицеѣ, пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью моему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье..."

Ожиданія, однако, не обманули Василія Львовича. Начитанность, свѣтскій лоскъ и прирожденное остроуміе открыли ему въ Парижѣ доступъ въ міръ тамошнихъ литераторовъ, которые приняли его въ среду свою тѣмъ охотнѣе, что видѣли въ немъ одного изъ своихъ. Зная въ совершенствѣ французскій языкъ, онъ помѣстилъ въ журналѣ графа Сегюра—„Archives littéraires", въ переводѣ, нѣсколько

[1]) „Соч. А. С. Пушкина", изд. 1855 г., т. V. Примѣч. къ „Запискамъ", стр. 103.
[2]) „Русскій Архивъ" 1879 г., № 4-й. Примѣч. къ письмамъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, стр. 509.

народныхъ русскихъ сказаній и сказокъ, которыя извѣстный Сенъ-Пьеръ сравнивалъ съ пѣснями Гомера; о заслугахъ же своихъ на россійскомъ Парнасѣ Василій Львовичъ, конечно, не преминулъ при случаѣ ввернуть словцо-другое. Заграничная поѣздка, впрочемъ, принесла ему и осязаемый плодъ: вернувшись въ 1803 году въ Москву, онъ привезъ съ собою цѣлую библіотеку избранныхъ книгъ [1]). Поселившись теперь почти безвыѣздно въ Москвѣ, онъ, какъ человѣкъ одинокій послѣ своего неудачнаго супружества, усвоилъ себѣ всѣ привычки холостяка-бонвивана. Со времени своего „вояжа" еще болѣе ярый поклонникъ всего иностраннаго, онъ щеголялъ разными новинками и первый, напр., еще до нашествія французовъ, завелъ у себя обычай разносить передъ ужиномъ „consommé" — бульонъ въ чашкахъ [2]). Игривый и занимательный, большой охотникъ и мастеръ писать „bouts rimés" (стихи на заданныя риѳмы) и декламировать, онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Сергѣемъ Львовичемъ, спеціалистомъ по части домашнихъ спектаклей и салонныхъ игръ (jeux d'esprit), были душою и представителями цѣлаго круга высшаго московскаго общества.

На бѣду свою, Василій Львовичъ, состоя на дружеской ногѣ съ такими корифеями литературы, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Дмитріевъ, Батюшковъ, которыхъ ввелъ и въ семью своего брата, вообразилъ себя также первоклассньмъ стихотворцемъ,—чѣмъ приготовилъ себѣ въ жизни немало горькихъ минутъ. Наибольшую извѣстность пріобрѣлъ онъ своею сатирическою поэмою—„Опасный сосѣдъ"; но поэма эта, какъ говорятъ, была дѣломъ не исключительно его рукъ: болѣе талантливые друзья его, особенно Жуковскій, дали ей окончательную отдѣлку [3]). Въ изданное княземъ Шаликовымъ въ 1834 г., уже послѣ смерти Василія Львовича, собраніе стихотвореній послѣдняго вошли: 1) Посланія (къ В. А. Жуковскому, Д. В. Дашкову, князю П. А. Вяземскому, брату и др.); 2) Басни; 3) Сказки; 4) Смѣсь (элегіи, пѣсни, романсы, эпиграммы, альбомные стихи, экспромты). Многіе изъ стиховъ этихъ плавны и легки; но по внутреннему содержанію и по поэтическому вдохновенію, ни одна піеса не выходитъ за уровень посредственности. Пріятели, относясь къ музѣ Василія Львовича вообще снисходительно, не упускали, однако, всякаго удобнаго и неудобнаго случая изощрять на немъ свое остроуміе. А. Ѳ. Воейковъ въ своемъ сатирическомъ „Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ" [4]) благодушно аттестуетъ его:

---

[1]) „Отеч. Записки" 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева, стр. 11—12.

[2]) „XIX Вѣкъ". Кн. 2-я. „Старая записная книжка" (князя П. А. Вяземскаго). Стр. 270.

[3]) „Алекс. Серг. Пушкинъ въ Александровскую эпоху". П. Анненкова, стр. 8.

[4]) „Парнасскій Адресъ-Календарь, или роспись чиновныхъ особъ, служащихъ при дворѣ Феба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями

„В. Л. Пушкинъ, при водяной коммуникаціи, имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра, съ надписью: „за Буянова“.

Зато литературные враги задѣвали его куда больнѣе. Въ появившемся въ № 12-мъ „Цвѣтника“ 1810 г. посланіи Василія Львовича къ Жуковскому съ нѣкоторою неумѣренностью перечислялись разные древніе писатели:

„Виргилій и Омеръ, Софоклъ и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллустій, Ѳукидидъ—
Знакомы стали намъ“...

Вдругъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ недруговъ его (А. С. Шишковъ) громогласно въ академіи наукъ отзывается объ немъ такъ:

„Сіи судьи и стихотворцы въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Ѳукидидамъ, затвердя одни только имена ихъ, и— что̀ всего удивительнѣе—научась благочестію въ „Кандидѣ“ и благонравію и знаніямъ въ парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи.“ [1])

Василія Львовича взорвало—и во 2-мъ посланіи своемъ къ Дашкову онъ отвелъ ударъ довольно мѣтко:

„...Не улицы однѣ, не площади и домы,—
Сенъ-Пьеръ, Делилль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился русскимъ быть, и русскій былъ прямой.....
Что съ восхищеніемъ читалъ я Ѳукидида,
Тацита, Плинія и—признаюсь, Кандида...
...За что-жъ мы на костеръ съ тобой осуждены?...
За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по-славянски знаемъ.“

Въ другомъ посланіи, къ ***, онъ высказывается о себѣ еще съ бо̀льшимъ самосознаніемъ:

„Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ.“

объ ихъ жизни и заслугахъ. Собрано изъ достовѣрныхъ источниковъ, для употребленія въ благошляхетномъ Арзамасскомъ Обществѣ“. „Русская Старина“ 1874 г. № 3-й. Стр. 614.

[1]) „Стихотворенія В. Л. Пушкина“. „Предувѣдомленіе“ ко 2-му посланію къ Д. В., Дашкову.

III.

Придавая себѣ такое высокое литературное значеніе, Василій Львовичъ къ начинающимъ литераторамъ относился вообще по-меценатски благосклонно и приглашалъ ихъ къ себѣ на чай, на обѣдъ [1]). Только въ племянникѣ своемъ онъ долгое время не хотѣлъ признавать поэтическаго дара, чуя, быть можетъ, безотчетно, что будущая свѣтозарная звѣзда племянника совершенно затмитъ его собственный слабый свѣточъ. Онъ не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать, какъ на литературныхъ вечерахъ брата его, Сергѣя Львовича, скромный кудрявый мальчикъ, прижавшись къ стулу, на которомъ помѣстился тотъ или другой декламаторъ, жадно, съ блещущими глазами, ловилъ съ устъ декламирующаго каждый звучный стихъ, каждое острое слово. Онъ не придавалъ значенія находчивости ребенка, который на замѣчаніе Дмитріева относительно его африканскаго типа: „Посмотрите, какой арапчикъ!"—не затруднился отвѣтомъ: „Арапчикъ, да не рябчикъ!" (Дмитріевъ, какъ извѣстно, былъ рябоватъ). Наконецъ, онъ игнорировалъ и первые творческіе опыты мальчугана, по большей части на французскомъ языкѣ, тогда какъ молодыя барышни наперерывъ уже подносили ему свои альбомы, чтобы имѣть отъ мальчика-поэта на память хоть одинъ „катренъ" [2]). Все вниманіе Василія Львовича къ племяннику ограничилось тѣмъ, что въ 1811 году, когда онъ, вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, повезъ его въ Петербургъ и Царское Село для опредѣленія въ лицей, онъ занялъ у него безъ отдачи 100 р., какъ узнаёмъ мы изъ слѣдующей юмористической приписки Александра Сергѣевича къ письму своему къ князю П. А. Вяземскому, отъ 15 августа 1825 года, изъ села Михайловскаго:

„При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

„1811 года, дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассиг., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей, Варварой Васильевной Чичериной, и покойной тетушкой, Анной Львовной [3]). Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1875 г. № 1-й. „Изъ старой записной книжки." Стр. 56.

[2]) „Современникъ" 1843 г. Т. XXIX. „Алекс. Серг. Пушкинъ въ дѣтствѣ." Статья Макарова, стр. 379—383.

[3]) Варвара Васильевна Чичерина—сестра родной бабушки Александра Сергѣевича, Ольги Васильевны Пушкиной, урожденной Чичериной; Анна Львовна Пушкина—сестра Василья и Сергѣя Львовичей, по поводу смерти которой племянникъ написалъ извѣстные стихи:

„Ахъ, тетушка! ахъ Анна Львовна!
Василья Львовича сестра!"

прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ, что̀ составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородіе, милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

„Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ“ [1]).

Въ эту же поѣздку свою въ Петербургъ, Василій Львовичъ напечаталъ тамъ (въ типографіи Шнора) особою брошюркою два посланія свои: къ Жуковскому и вышеупомянутое 2-е къ Дашкову [2]).

Въ слѣдующемъ, 1812 году, надъ Василіемъ Львовичемъ стряслась такая гроза, что ему было уже не до племянника: убѣжавъ безъ оглядки передъ французами изъ Москвы въ Нижній, онъ узналъ уже здѣсь о полномъ разгромѣ дорого̀й ему бѣлокаменной и о гибели своей, не менѣе дорогой ему, библіотеки. О нравственномъ состояніи его и общемъ настроеніи московскихъ бѣглецовъ Батюшковъ пишетъ къ кн. Вяземскому изъ Нижняго, отъ 3-го октября 1812 г.:

„Здѣсь я нашелъ всю Москву... Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ [3]) плачетъ неутѣшно: онъ все потерялъ, кромѣ жены и дѣтей. Василій Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына; книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ сбирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы—и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ французовъ по-французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: point de paix!“ [4]).

Самъ Василій Львовичъ, два слишкомъ мѣсяца спустя, отъ 14-го декабря 1812 г., все еще не успокоясь, въ письмѣ къ тому же кн. Вяземскому изливаетъ свое горе такъ:

„Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека—все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности. Что дѣлать? Я благодарю теперь Бога, что Онъ осѣнилъ щитомъ своимъ храбрыя наши

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стран. 159—160.

[2]) „Московск. Вѣдомости“ 1854 г., № 117-й. „Ал. Серг. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи“. Статья П. Бартенева.

[3]) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, переводчикъ Мольера,—родной племянникъ Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, урожд. Пушкиной (бабушки Александра Сергѣевича) и двоюродный братъ Надежды Осиповны Пушкиной, урожд. Ганнибалъ (матери Александра Сергѣевича).

[4]) „Русскій Архивъ“ 1866 г. „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива“. Письма къ кн. П. А. Вяземскому. Стр. 224.

войска, поражающія бѣгущаго злодѣя. Аттила нашего вѣка покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ...

„Ты спрашиваешь, что̀ я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша... Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго-Новгорода“ [1]).

Начало стиховъ было неособенно удачно:

„Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители бреговъ!“

Зато конецъ былъ очень эффектенъ:

„Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ сильна!
Погибнетъ онъ! Богъ русскій грянетъ!
Россія будетъ спасена!“ [2])

Тѣмъ не менѣе, острякъ Дмитріевъ не преминулъ сравнить друга-поэта съ колодникомъ, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, дразнящимъ его [3]).

Между тѣмъ, талантъ укрытаго въ стѣнахъ царскосельскаго лицея племянника росъ и крѣпъ. Но Василій Львовичъ и по возвращеніи своемъ на старое пепелище, въ Москву, на покоѣ принявшись исподволь возстановлять свою сгорѣвшую библіотеку, все еще не могъ помириться съ молодымъ дарованіемъ. Напротивъ, задѣтый за живое эпиграммами Александра Сергѣевича, отъ него же, дяди, перенявшаго страсть къ этимъ стихотворнымъ шалостямъ, онъ въ 1814 г. втиснулъ и его, племянника, въ эпиграмму, которую считалъ, конечно, убійственною:

„Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розо-желтой облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ:
„Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
И оды громкія давно ли сочиняетъ?“
— Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.
„Пятнадцать только лѣтъ?“—Не болѣе того.
„Такъ розгами его!“

Отвѣтная эпиграмма была, однако, еще злѣе. Но такъ какъ въ печати она появилась только въ 1830 году (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“), то надо думать, что Александръ Сергѣевичъ, хотя и напи-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 г. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафевскаго Архива. Письма къ кн. П. А. Вяземскому. Стр. 241—242.

[2]) Тамъ же. Стран. 243.

[3]) Тамъ же. Подстрочное прим. кн. Вяземскаго.

салъ ее еще въ 1814 г., но пожалѣлъ тогда дядю; впослѣдствіи же ее только нѣсколько исправилъ, какъ это дѣлалъ онъ съ большею частью своихъ юношескихъ произведеній. Вотъ она:

„Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
— „Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?“
— Пятнадцать.—„Только-то? Эй, розгу!“
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.“

Какая разница въ хлесткости и сжатости стиха! Въ четырехъ первыхъ строкахъ своихъ племянникъ съумѣлъ изложить то, на что дядѣ потребовалось 12 болѣе длинныхъ строкъ.

По крайнему добродушію своему, впрочемъ, Василій Львовичъ сердился на племянника не долго. Въ 1815 году онъ довольно благосклонно уже отзывался объ немъ одному знакомому (Макарову):

„Mon cher, ты знаешь, что я люблю Александра; онъ поэтъ, поэтъ въ душѣ; mais je ne sais pas, il est encore trop jeune, trop libre, и, право, я не знаю, установится ли онъ когда, entre nous soit dit, comme nous autres?“ [1]).

Въ 1816 году состоялось, наконецъ, полное примиреніе дяди съ племянникомъ, когда тотъ, въ полустихотворномъ, полупрозаическомъ письмѣ, не безъ лукавства призналъ превосходство дяди „на Парнасѣ“:

„Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный „Вотъ!“
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

„Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

„Я несовсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ риѳмъ бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:

---

[1]) „Современникъ“ 1843 г. Т. XXIX. „Алек. Серг. Пушкинъ въ дѣтствѣ“. Статья Макарова, стр. 382.

Вы дядя мнѣ и на Парнасѣ"...

. . . .

„О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренне: ужели
Вы не умѣете прощать?" [1])

IV.

Теперь обратимся къ самому „Арзамасу", какъ къ кульминаціонной точкѣ „парнасской" жизни Василія Львовича.

Первымъ, невольнымъ виновникомъ образованія этого литературнаго кружка долженъ почитаться Н. М. Карамзинъ, хотя самъ онъ лично никогда никакого участія въ немъ и не принималъ. Своими „Письмами русскаго путешественника", написанными легкимъ, почти разговорнымъ языкомъ, онъ сразу завоевалъ себѣ симпатіи бо̀льшей части русскаго образованнаго общества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступилъ въ открытую борьбу и съ стариннымъ слогомъ. Новаторство въ родной рѣчи отождествлялось тогда вообще съ свободомысліемъ. Глава совершенно новаго литературнаго направленія, онъ возстановилъ противъ себя не только синклитъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, въ настоящее время давно уже забытыхъ, но и цензуру. Съ 1791 по 1803 годъ онъ выпустилъ цѣлый рядъ сборниковъ и журналовъ. По поводу затрудненій, представлявшихся ему по изданію „Пантеона иностранной словесности", онъ, отъ 27-го іюля 1798 года, пишетъ Дмитріеву: „Я перевелъ нѣсколько рѣчей Демосѳена, которыя могли бы украсить „Пантеонъ"; но цензоры говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ и что такихъ авторовъ переводить не должно, и Цицерона также, и Саллустія также... Grand Dieu! Что же выйдетъ изъ моего „Пантеона"? Планъ издателя разрушился. Я хотѣлъ для образца перевести что нибудь изъ каждаго древняго автора" [2]). Въ августѣ того же года онъ жалуется тому же Дмитріеву: „Только цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается..."; а въ письмѣ отъ 11-го октября: „Я, какъ авторъ, могу исчезнуть заживо..." [3]).

Изъ числа же литературныхъ противниковъ противъ него всего враждебнѣе выступилъ Шишковъ, написавшій въ 1803 году цѣлую книгу: „О старомъ и новомъ слогѣ". По неотступному настоянію Дмитріева, Карамзинъ заготовилъ пространную отвѣтную статью, которою Дмитріевъ и остался очень доволенъ; но когда чтеніе статьи окончилось, Карамзинъ сказалъ: „Ну, вотъ видишь, я сдержалъ свое

---

[1]) „Соч. А. С. Пушкина", изд. 1855 г., т. II, стр. 126—127.
[2]) „Ник. Мих. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи". М. Погодина. Стр. 281.
[3]) Тамъ же, стр. 280.

слово: я написалъ, исполнилъ твою волю. Теперь ты позволь мнѣ исполнить мою"—и бросилъ тетрадь въ каминъ [1]).

Странный поступокъ этотъ объясняется просто тѣмъ, что Карамзинъ навсегда уже покончилъ свои счеты съ текущею литературою. Именнымъ указомъ отъ 31-го октября 1803 года онъ былъ назначенъ исторіографомъ и въ этомъ званіи, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго", стяжалъ такую же славу, какъ передъ тѣмъ въ качествѣ преобразователя русскаго литературнаго языка.

Журналистика наша послѣ него снова на нѣкоторое время пала, и въ 1805 году, напримѣръ, было возможно такое объявленіе одного журнала—„Дамскаго": „Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ россійскимъ дамамъ, въ слѣдующемъ 1806 году будетъ издаваться ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ „Дамскій Журналъ". Главнымъ предметомъ будетъ нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью" [2]).

Сторонники „стараго слога" также подняли голову и въ 1811 г., въ видахъ поддержки его, основали въ Петербургѣ „Бесѣду любителей россійскаго слова". Засѣданія общества отличались большою торжественностью и происходили ежемѣсячно въ квартирѣ Державина. Въ нихъ принимали участіе: Шишковъ, Озеровъ, Крыловъ, князь Шаховской, Гречъ, Востоковъ, Глинка, Каченовскій, графъ Хвостовъ.

Но послѣ Карамзина осталась цѣлая школа задорныхъ новобранцевъ, поборниковъ „новаго слога": Дмитріевъ, Воейковъ, Гнѣдичъ, Блудовъ, Дашковъ, А. И. Тургеневъ, Жихаревъ, князь Вяземскій, Батюшковъ и, впереди всѣхъ, Жуковскій. Живымъ протестомъ противъ безжизненной, ходульной „Бесѣды" возникъ изъ петербургскихъ протестантовъ веселый до ребячества „Арзамасъ". Ближайшимъ поводомъ къ образованію его, по словамъ г. Анненкова, послужилъ шутливый разсказъ—„Видѣніе во градѣ": „Въ разсказѣ переданъ былъ анекдотъ о нѣкоторыхъ скромныхъ людяхъ, собравшихся разъ на обѣдъ въ бѣдный арзамасскій трактиръ. Столъ ихъ былъ покрытъ скатертью бѣлизны несовсѣмъ безпорочной и нисколько не былъ отягощенъ изобиліемъ брашенъ. Въ срединѣ бесѣды прислужникъ возвѣстилъ имъ, что какой-то проѣзжій остановился въ трактирѣ и, повидимому, находится въ магнетическомъ снѣ. Хотя любопытство приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья „Арзамаса" доказали противное. Они отправились наблюдать новаго ясновидящаго у дверей и увидѣли высокаго, толстаго человѣка, который ходилъ безпрестанно по комнатѣ, произнося непонятныя тирады и афоризмы. Послѣдніе они тутъ же записали, но скрыли всѣ собственныя имена, потому что незлобивость и добродушіе составляли и со-

---

[1]) „Ник. Мих. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи". М. Погодина. Стр. 394—395.

[2]) „Записки современника съ 1805 по 1819 годъ". Ч. I. Дневникъ студента (С. П. Жихарева). Стр. 92.

ставляютъ отличительную черту „Арзамаса". Едва разнеслась эта шутка, въ которой не трудно было отгадать всѣ тонкіе намеки ея, какъ авторъ получилъ приглашеніе отъ одного изъ своихъ друзей на первый арзамасскій вечеръ [1]), который и состоялся 14-го октября 1815 года [2]). Секретаремъ общества былъ избранъ Жуковскій,—не только „гробовыхъ дѣлъ мастеръ", какъ величали его пріятели по балладамъ, но и „шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ", по мѣткому выраженію князя Вяземскаго [3]). Каждый изъ членовъ общества получилъ тутъ же прозвище изъ балладъ Жуковскаго, которыя подвергались особеннымъ нападкамъ „бесѣдчиковъ". Дашковъ былъ названъ „Чу!", Блудовъ (впослѣдствіи графъ) — „Кассандрою", Жихаревъ — „Громобоемъ", Северинъ—„Рѣзвымъ котомъ", Гнѣдичъ—„Гнѣдко", по стиху изъ „Овсянаго киселя":

„Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ."

Самъ Жуковскій былъ окрещенъ „Свѣтланою".

Впрочемъ, въ „Арзамасѣ" не ограничивались одними этими кличками: Дашкова, державшаго себя всегда сдержанно и важно, неимѣвшаго въ правильныхъ и строгихъ чертахъ своихъ рѣшительно ничего женственнаго, Жуковскій назвалъ „Дашенькою", а Батюшкова, напротивъ, за его птичій носъ, „Попенькою" [4]).

Изъ юмористическаго письма Д. В. Дашкова, отъ 25-го ноября 1815 года, къ князю Вяземскому въ Москву мы узнаёмъ любопытныя подробности объ обычаяхъ арзамасцевъ: „...Изъ великодушія и чистѣйшей любви къ ближнимъ (хотя ближніе сіи часто бываютъ черезчуръ глупы), мы положили, чтобы каждый вновопринимаемый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ покойниковъ „Бесѣды" или академіи заимообразно и напрокатъ, и говорилъ бы ему похвальную надгробную рѣчь. До сихъ поръ такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и перепѣтаго Хлыстова. То-то была рѣчь! То-то протоколы! Зачѣмъ васъ нѣтъ съ нами! Очередной предсѣдатель у насъ всякую недѣлю новый и по именному указу, какъ въ академіи, отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, „въ которомъ искусно мѣшаетъ похвалы ему съ похвалами усопшему" (выраженія церемоніала). Опять новое торжество для Свѣтланы! Ей пришлось принимать Громобоя-Жихарева, который, бывши прежде сотрудникомъ „Бесѣды", долженъ былъ, по общему постановленію, отпѣвать самъ себя. Поле было, конечно, богатое, но исполненіе превзошло ожиданія

---

[1]) „Соч. А. С. Пушкина" (изд. 1855 г.). Т. I. „Матеріалы для біографіи". Стр. 50.

[2]) „Москов. Вѣдомости" 1854 г., № 119-й. „Ал. Серг. Пушкинъ. Матеріалы для біографіи". Ст. П. Бартенева.

[3]) „Русскій Архивъ" 1876 г., № 1-й. „Изъ старой записной книжки" (князя Вяземскаго). Стр. 63.

[4]) „Русскій Архивъ" 1866 г. „Выдержки изъ стар. бумагъ Остафьевскаго Архива". Примѣч. князя Вяземскаго на стр. 490.

наши. Атрей [1]) представленъ былъ въ видѣ нѣкоего царственнаго волдыря на лицѣ бывшаго поганаго бесѣдчика, а остальные 27 трагедій, комедій, трагикомедій, драмъ, оперъ и водевилей, сочиненные и переведенные имъ, представлены волдырями и сыпью, окружающими большой наростъ. Словомъ, было чего послушать. Неоцѣненный секретарь нашъ недаромъ жилъ такъ долго съ Плещеевымъ [2]) и удивительно навострился въ галиматьѣ. Любимое его выраженіе: „Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ". Судите о прочемъ. Пріѣзжайте скорѣе къ намъ хоть недѣли на двѣ. Выберите себѣ по сердцу покойника и похороните его съ миромъ въ стеклянномъ гробѣ нашемъ" [3]). Въ этомъ же письмѣ Дашковъ увѣдомляетъ князя Вяземскаго, что тотъ выбранъ въ сочлены „Арзамаса" „par acclamation" въ самое первое собраніе. Присвоенное новому члену прозвище было „Асмодей".

Изъ литературныхъ шалостей „Арзамаса" приведемъ здѣсь кстати двѣ:

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Се—Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ птицъ царь, несъ звукъ [4]) на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хвостова [5]),
Кой поле испестрилъ россійска красна слова.

ДОЖДЬ.

П р и т ч а [6]).

Однажды
Шелъ дождикъ дважды...
Гласитъ мужикъ:
„О, Зевсъ великъ!
Подчасъ и я не прочь, чтобъ дождикъ шелъ на время,
Но если два дождя, то ужъ несносно бремя."
Зевесъ ему въ отвѣтъ на то гремитъ:
— Послушай, братъ! ты жидъ;
Но христіанинъ будь, спроси лягушекъ племя.
Я зрю, что мочится твое плѣшиво темя,
Но зрю, что и съ засухъ у нихъ спина болитъ.—

* * *

Когда бъ Зевесу внять, что вопіютъ нѣмчурки,
Французы, итальянцы, турки,
Пришлось ему играть бы въ жмурки [7]).

---

[1]) Жихаревъ перевелъ трагедію Кребильона „Атрей".

[2]) Плещеевъ, родственникъ Карамзина и позднѣе пріятель Жуковскаго, который живалъ у него въ орловской деревнѣ, мастеръ былъ импровизировать всякую чепуху и представлять въ лицахъ смѣшныхъ провинціаловъ, старыхъ женщинъ и т. п. Къ тому же онъ былъ хорошій музыкантъ, переложилъ на музыку многіе романсы Жуковскаго, былъ отличный актеръ и превосходный чтецъ, особенно драматическихъ произведеній (Примѣч. князя Вяземскаго).

[3]) „Русскій Архивъ" 1866 г. „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива". Стр. 499—500.

[4]) Варіантъ: „Какъ птичъ царь, порхъ верхъ".

[5]) Варіантъ: „Графова".

[6]) Притчи писаны въ подражаніе притчамъ графа Хвостова, которыя были настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ. Жуковскій всегда держалъ ее при себѣ и черпалъ въ ней нерѣдко свои арзамасскія вдохновенія. (Примѣчаніе Вяземскаго).

[7]) „Русскій Архивъ" 1866 г., стр. 473—474.

Чести принятія въ составъ „Арзамаса“ удостоились и оба Пушкина: дядя уже два мѣсяца послѣ открытія общества, племянникъ же спустя два года.

V.

Едва лишь до Василья Львовича въ Москвѣ донеслась вѣсть объ основаніи новаго общества, которое должно было смѣхомъ и шуткой сбить дутую важность съ „бесѣдчиковъ“, а въ числѣ ихъ и съ осмѣявшаго его самого Шишкова, какъ онъ тогда же, въ декабрѣ 1815 г., поскакалъ въ Петербургъ [1]. Но недаромъ онъ выразился разъ о пріятеляхъ своихъ:

„Ихъ дружество почти на ненависть похоже“.

Его встрѣтили, правда, съ распростертыми объятіями; но увѣрили при этомъ, что всякій вновь вступающій въ „арзамасское“ общество членъ долженъ предварительно подвергнуться извѣстному искусу. Будучи, подобно большинству тогдашней интеллигенціи, масономъ, Василій Львовичъ, пройдя уже въ масонствѣ чрезъ цѣлый рядъ испытаній и мытарствъ, въ простодушіи своемъ не заподозрилъ искренности друзей и съ покорностью далъ совершить надъ собою всѣ таинства посвященія.

На крестины новорожденнаго барыня-Арзамасъ первымъ дѣломъ потребовала весь туалетъ—и заочно дремавшіе кругомъ члены „Бесѣды“ очнулись и вскочили съ креселъ [2]. Ему повязали глаза и, какъ „бѣдные читатели блуждаютъ въ мрачномъ лабиринтѣ славенскихъ періодовъ, отъ страницы до страницы вялые свои члены простирающихъ, какъ досточудные внуки сѣдой Славены добровольно ниспускаются въ бездны безвкусія и безсмыслицы“,—такъ онъ, „съ непроницаемою повязкою на глазахъ, блуждалъ по опустѣвшимъ чертогамъ“, „такъ ниспускался въ глубокія пропасти между гіеннами, онаграми, между халдеями „Бесѣды“ и академіи“ [3]. Наконецъ, его повалили на диванъ и накрыли всѣми наличными шубами, изображавшими „Расхищенныя шубы“ кн. Шаховскаго, и надъ задыхающимся подъ ними секретарь „Свѣтлана“ (Жуковскій) произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Какое зрѣлище передъ очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичъ, который снисшелъ съ своею музою, чистою дѣвою Парнаса, въ обитель нечистыхъ барышенъ покушенія, и вывелъ ее изъ сего

[1] При этомъ, впрочемъ, нелишне указать здѣсь, для характеристики Василія Львовича, что самъ онъ принималъ передъ тѣмъ нѣкоторое участіе въ „Бесѣдѣ“ и сотрудничествовалъ въ „Академическихъ Извѣстіяхъ“, какъ будетъ видно ниже.

[2] „Русскій Архивъ“ 1876 г. № 1-й. „Изъ Старой записной книжки“. Стр. 63—64.

[3] Тамъ же. Стр. 65.

вертепа не осрамленною, хотя и „близокъ былъ сундукъ“ [1]); тотъ Василій Львовичъ, который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки, но г. Фонтаня и г. Делиля [2]); тотъ Василій Львовичъ, который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку [3]). Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же говорятъ мнѣ мои очи? Увы! Я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудою существо друга моего, орошенное хладнымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его, какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей Василій Львовичъ есть Энцеладъ: онъ славно вооружился противъ Зевеса—Шутовскаго [4]) и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій ему чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшешествующаго къ „Арзамасу“, мятель „Расхищенныхъ шубъ“. И не спасла его дѣвственная муза, матерь „Буянова“. И лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ. Очи его постигла курячья слѣпота „Бесѣды“; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его пакость „Академическихъ Извѣстій“, издаваемыхъ г. Шишковымъ. О, другъ нашъ! Скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: „терпѣніе, любезный!“ Сіе испытаніе, конечно, есть мзда справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту арзамасскаго гуся, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилище „Арзамаса“; но ты еще скверенъ; еще короста „Бесѣды“, покрывающая тебя, несовсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, Василій Львовичъ. Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ вѣтхій Василій Львовичъ! Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный „Вотъ!“. Разсыпьтесь, шубы! Возстань, другъ нашъ! Гряди къ „Арзамасу“! Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. „Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй“ ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиѳона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ арзамасскаго гуся, и онъ войдетъ въ святилище желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ онаго безъ натуги“ [5]).

Новокрещенному „Воту“ былъ врученъ „лукъ Іонафана“. Таинственная дверь раскрылась и очамъ испытуемаго предстало „чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй“, иначе: чучело „съ блѣднымъ, изсохшимъ ликомъ славенофила“. Натянувъ тетиву, онъ пустилъ стрѣлу—и чучело упало; но въ то же мгновеніе стоявшій за чучеломъ мальчикъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета—конечно, холостымъ зарядомъ. Неприготовленный къ такому сюрпризу, Василій Львовичъ грохнулся на земь и, воображая себя уже убитымъ, такъ и остался недвижимъ [6]).

Тутъ „Рѣзвый котъ“ (Северинъ) сказалъ надъ поверженнымъ прочувствованное слово, въ которомъ, сравнивая его съ „предкомъ его Дантомъ, ведомымъ божественнымъ Виргиліемъ въ подземные

---

[1]) Изъ поэмы „Опасный сосѣдъ“.

[2]) Намекъ на вышеприведенный отзывъ объ немъ Шишкова и 2-е посланіе къ Дашкову.

[3]) Василій Львовичъ въ баснѣ „Соловей и Малиновка“ сравнивалъ Крылова съ малиновкою.

[4]) Шутовскій—Шаховской.

[5]) „Русскій Архивъ“ 1876 г. № 1-й. Стр. 63—64.

[6]) „А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія“, изд. 1864 г. Стр. 25—26.

подвалы царства Плутона и Прозерпины", совѣтовалъ ему не страшиться и смѣлыми шагами продолжать свой путь.

Василій Львовичъ, ободрившись, приступилъ къ дальнѣйшимъ таинствамъ—цѣлованію лиры и совы, „сей вѣрной подруги арзамасскаго гуся, въ которой истинные арзамасцы чтятъ изображеніе сокровенной мудрости", а затѣмъ, съ замороженнымъ „благолѣпнымъ" гусемъ, симъ „истиннымъ символомъ Арзамаса" въ рукахъ, окунулся въ „потокъ Липецкій", т. е. въ „Липецкія Воды" кн. Шаховскаго, или, по-просту, въ лохань, дабы „омыть остатки бесѣдныя скверны". Цѣлованіе сопровождалось неизбѣжною рѣчью, именно члена „Чу!" (Дашкова), а омовеніе—рѣчью „Кассандры" (Блудова). Послѣднее слово принадлежало, по окончаніи всѣхъ испытаній, младшему члену—„Асмодею" (князю Вяземскому), сказавшему, между прочимъ, слѣдующее:

„Непостижимы приговоры Провидѣнія! Я, юный ратникъ на полѣ жизни, младшій на поляхъ „Арзамаса", пріемлю кого? Героя, посѣдѣвшаго въ буряхъ житейскихъ, прославившагося давно подъ знаменами вкуса, ума—и „Арзамаса"! Того, который первый водрузилъ хоругвь независимости на башняхъ халдейскихъ, первый прервалъ безмолвіе робости, первый вырвалъ перо изъ крыла безвѣстнаго еще тогда арзамасскаго гуся, и пламенными чертами написалъ манифестъ о войнѣ съ противниками подъ именемъ посланія къ „Свѣтланѣ", и продолжалъ послѣ вызывать враговъ на частыя битвы, битвы трудныя, но навсегда увѣнчавшія сына арзамасской крѣпости новою славою, новыми трофеями, новыми залогами побѣды... Приди, о мой отче! О, мой сынъ, побѣдившій всѣ испытанія, переплывшій бурныя пучины водъ... Судьба, отворившая тебѣ двери святилища послѣ всѣхъ и, такъ сказать, замыкающая тобою торжественный рядъ арзамасскихъ гусей, хотѣла оправдать знаменитое предсказаніе, что нѣкогда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми. Сердце мое и разсудокъ удостовѣряютъ меня въ справедливости моей догадки. Такъ! Ты будешь староста „Арзамаса"...

Смиренно подчинившись всѣмъ вступительнымъ искусамъ, неофитъ нашъ съ тою же искренностію произнесъ и свою отвѣтную рѣчь, которую мы приводимъ также въ извлеченіи:

„Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣваютъ мнѣ, любезнѣйшіе арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе [1]); но я не считаю себя умершимъ. Напротивъ того, я воскресъ, ибо нахожусь посреди васъ; я воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами. Не мертвъ ли духомъ и умомъ тотъ, который почитаетъ Омира и Виргилія скотами, который не позволяетъ переводить Тасса и въ публичномъ, такъ-называемомъ ученомъ, собраніи ругаетъ Горація? Не мертвъ ли чувствами и тотъ, который прекрасныя баллады почитаетъ твореніемъ уродливымъ, а самъ пишетъ уродливыя оды и не понимаетъ того, что ему предстоятъ не рукоплесканія, но свистки и Мидасовы уши...

„Къ сожалѣнію моему, я исполню сердца любезныхъ арзамасцевъ чувствительною горестію. Я возвѣщу вамъ кончину юноши [2]), въ дѣтствѣ ума и дѣтствѣ тѣлесномъ пребывающаго, юноши достойнѣйшаго, питомца великаго

---

[1]) За то, что онъ принадлежалъ прежде къ „бесѣдчикамъ".

[2]) Новый арзамасецъ выбралъ себѣ для отпѣванія изъ здравствовавшихъ членовъ „Бесѣды" моряка князя Шихматова.

патріарха халдеевъ [1]), утверждающаго, что тротуары должны называться пѣшниками, а жареный гусь—печенною; юноши, которому кортикъ не препятствовалъ держать въ рукѣ перо на безславіе литературы, но во славу досточестной „Бесѣды"...

„Горящія свѣщи, обернутыя въ „Письма схимника", освѣщаютъ воздвигнутый усопшему катафалкъ. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ" служитъ ему возглавіемъ, „Разсужденіе объ одахъ"—въ десницѣ его, „Бдѣнія Тассовы", „Похвальныя слова" и переводы „Андромахи", „Ифигеніи", „Гамлета" и „Китайской сироты" лежатъ у подножія гроба. Патріархъ халдеевъ изрыгаетъ корни словъ въ ужасной горести своей. Онъ, уныло преклонивъ сѣдожелтую главу свою, машетъ надъ лежащимъ въ гробѣ „Извѣстіями академическими" и кадитъ въ него „Прибавленіемъ" къ „Прибавленіямъ". Онъ не чувствуетъ, что тѣмъ лишь умножаются печаль, скука и угрюмость друзей, хладный трупъ окружающихъ. Плодовитый творецъ безчисленныхъ и безсмысленныхъ одъ, палачъ Депрео и Расина [2]), стоитъ смиренно надъ гробомъ и, осыпая умершаго грязью и табакомъ, бормочетъ стихи въ похвалу его. Увы! Онъ еще сплелъ ихъ до кончины несчастнаго, успѣлъ напечатать, ибо любитъ „писать стихи и отдавать въ печать", раздаетъ ихъ сотоварищамъ своимъ—и сотоварищи его не читаютъ ихъ! Секретарь „Бесѣды", ничего никогда не сочинившій и едва знающій грамотѣ, бѣснуясь топаетъ ногами и стучитъ крючковатою тростію. Толсточреватый сочинитель „Липецкихъ Водъ" кропитъ ими въ умершаго и тщится согрѣть его овчинными „Шубами" своими. Но все тщетно: онъ лежитъ бездыханенъ! Давно ли я, дерзновенный, воспѣвалъ невиннаго юношу, именуя его „варягороссомъ", и „кумомъ славенофила"? И се успе! Длинныя уши его повисли, уста охладѣли, ноги протянулись. Стихотворенія пѣснопѣвца, въ которыхъ столь мало глаголовъ и столь много пустоглаголанія, останутся навсегда въ подвалахъ Глазунова и Заикина, останутся на съѣденіе стихожаднымъ крысамъ, и даже самъ патріархъ халдейскій забудетъ о нихъ! О, vanitas vanitatum et omnia vanitas!

„Почтеннѣйшіе сограждане Арзамаса! Я не буду исчислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ васъ приводитъ сочлена „Бесѣды" въ содроганіе, точно такъ, какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится!.. Пусть сычи вѣчно останутся сычами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плакать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться нѣжностію ихъ сатиръ и колкостію ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю, и чего вы, любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести Арзамаса" [3]).

Предъ такою блистательною рѣчью новаго члена, и слогомъ и содержаніемъ вполнѣ отвѣчавшей традиціямъ „Арзамаса", старые члены по-неволѣ должны были сложить оружіе, и Василій Львовичъ, названный выше въ рѣчи кн. Вяземскаго „старостою Арзамаса", такъ и сохранилъ за собою этотъ титулъ, на ряду съ кореннымъ прозвищемъ своимъ „Вотъ!"

Пріемъ молодаго племянника почтеннаго „старосты" въ число арзамасцевъ послѣдовалъ уже по выходѣ Александра Сергѣевича изъ лицея, въ октябрѣ 1817 года. Вступительную рѣчь свою разрѣшено

---

[1]) Т. е. Шишкова.

[2]) Озеровъ.

[3]) „Рус. Архивъ" 1876 г., № 1-й. Стр. 64—70.

было ему, въ видѣ исключенія, прочесть стихами, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, дошли до насъ только слѣдующіе:

„Вѣнецъ желаніямъ! Итакъ, я вижу васъ,
О, други смѣлыхъ музъ, о, дивный Арзамасъ!
. . . .
Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель [1]) и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра [2])...

Имя новому члену было дано „Сверчекъ“ изъ 5-й строфы „Свѣтланы“:

„Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчекъ,
Вѣстникъ полуночи“...

въ виду того, что онъ, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, „въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда свой звонкій голосъ“ [3]).

Именемъ же „Сверчка“ или, точнѣе: „Св..ч.к.“ была подписана его пьеса: „Мечтателю“, напечатанная въ 1818 г. въ „Сынѣ Отечества“ [4]). Подъ другою пьесою: „къ Жуковскому“, написанною еще въ 1817 г., но появившеюся въ печати только послѣ смерти поэта, въ 1840 году, въ рукописи имѣется подпись: „Арзамасецъ“ [5]). Начинается это стихотвореніе прямымъ указаніемъ на пріемъ поэта въ арзамасскій кружокъ:

„Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни“...

Далѣе слѣдуютъ поэтическіе громы и молніи противъ „бесѣдчиковъ“:

„Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ...
...Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ—врагъ отечества, онъ—сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата...
...Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму“.

---

[1]) „Овсяный кисель“.

[2]) „Блудовъ-„Кассандра“, при пріемѣ своемъ въ общество, хоронилъ малодаровитаго писателя Захарова, члена „Бесѣды“, и нѣсколько дней спустя, тотъ, дѣйствительно, былъ похороненъ.

[3]) „Московскія Вѣдомости“ 1855 г., № 142-й.

[4]) „Соч. А. С. Пушкина“, изд. 1855 г. Т. I. „Матеріалы для біографіи“. Стр. 49.

[5]) „Соч. Пушкина“, изд. 1855 г., т. II. Примѣч. къ стих. 1817 г., стр. 184.

Слова юнаго поэта—увы! вполнѣ оправдались. Самъ онъ хотя участвовалъ въ засѣданіяхъ общества всего одинъ разъ—при вступленіи; само общество хотя и распалось вскорѣ вслѣдствіе того, что многіе самые вліятельные изъ его членовъ уѣхали изъ Петербурга: Жуковскій и Тургеневъ—въ Москву, вмѣстѣ съ переселившимся туда дворомъ, Дашковъ и Блудовъ, въ дипломатической миссіи,—въ Константинополь и Лондонъ; но „Арзамасъ“ сдѣлалъ свое дѣло: свѣжимъ дуновеніемъ своимъ пошатнулъ въ глазахъ общества авторитетъ ревнителей „стараго слога“.

VI.

Для одного Василія Львовича, быть можетъ, упраздненіе „Арзамаса“ было особенно ощутительно. Собственная пѣсня его какъ-бы была вмѣстѣ съ тѣмъ спѣта. Геніальный племянникъ безвозвратно уже оттѣснилъ его, дядю, на задній планъ; если говорили о Пушкинѣ, то разумѣли не его, почтеннаго „старосту арзамасскаго“, а маленькаго „Сверчка“, Александра Сергѣевича. Самъ стихотворецъ, онъ не могъ въ душѣ не понимать того всеобщаго восторга, который, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе вызывался музою молодаго поэта; онъ отчасти, вѣроятно, и самъ невольно восхищался ею, на сколько то позволяло ему его затронутое авторское самолюбіе. Что оставалось ему, какъ не искать утѣшенія въ сладостяхъ жизни—въ ѣдѣ и питьѣ, которыхъ онъ всегда былъ завзятымъ поклонникомъ? И вотъ, на пятидесятомъ году жизни у него проявляются неизбѣжные припадки подагры, которая десять лѣтъ спустя, въ 1830 году, и свела его въ могилу. О послѣднихъ минутахъ его Александръ Сергѣевичъ разсказываетъ въ письмѣ къ одному пріятелю:

„Бѣдный дядя Василій! Знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня; погоревалъ, потомъ, помолчавъ: „какъ скучны статьи Катенина“! [1]) И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche! [2])

Къ этому прибавляютъ, что самъ Александръ Сергѣевичъ, послѣ приведенныхъ словъ умирающаго, вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, сказавъ шепотомъ окружающимъ: „Господа, выйдемте; пусть это будутъ послѣднія его слова“ [3]).

Другіе передаютъ дѣло иначе: будто Василій Львовичъ, уже при смерти больной, дотащился черезъ силу съ постели до одного изъ

---

[1]) Въ „Литературной газетѣ“ барона Дельвига, въ 1830 году, помѣщался рядъ статей Катенина объ исторіи словесности подъ заглавіемъ: „Размышленія и разборы“.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1870 г. Стр. 1369.

[3]) Тамъ-же. Замѣтка П. Бартенева.

своихъ книжныхъ шкаповъ, досталъ пѣсни любимца своего Беранже, перебрался на диванъ залы и здѣсь, съ дорогою ему книжкою въ рукахъ, испустилъ послѣдній вздохъ [1]).

Похоронили Василія Львовича въ Донскомъ монастырѣ, куда несъ его племянникъ отъ самаго дома покойнаго на Басманной [2]).

Какое же мѣсто принадлежитъ В. Л. Пушкину въ исторіи русской литературы?

Стихотворенія его, давно забытыя, сами по себѣ никакого эстетическаго значенія для насъ уже не представляютъ. Но самъ онъ, какъ особенно рельефный и любопытный типъ извѣстнаго направленія русской литературы своего времени, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Еще бо́льшій интересъ, однако, пріобрѣтаетъ онъ для насъ тѣмъ, что, благодаря именно его обширнымъ литературнымъ связямъ, знаменитый впослѣдствіи племянникъ его, уже въ домѣ отца лично ознакомясь съ лучшими представителями тогдашней нашей литературы, съ малолѣтства попалъ въ поэтическую колею; причемъ живой примѣръ дяди-стихотворца, естественно, долженъ былъ постоянно поощрять начинающаго поэта на стихотворномъ полѣ; и, дѣйствительно, многія изъ его лицейскихъ произведеній (особенно посланія) носятъ еще на себѣ довольно явственный отпечатокъ полушутливой, полувыспренней музы Василія Львовича.

В. Авенаріусъ.

---

[1]) „Ал. Серг. Пушкинъ въ Александровскую эпоху". П. Анненкова. Стр. 8.
[2]) „Отеч. Записки" 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева. Стр. 13.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

XIX.

Первыя политическія телеграммы въ русскихъ газетахъ.—Телеграфныя агентства.

Хотя электрическій телеграфъ былъ ранѣе другихъ государствъ устроенъ въ Россіи, именно въ 1834 году, барономъ Шиллингомъ фонъ-Канштатъ, а въ Англіи появился годомъ позже, однако только Крымская война доказала намъ крайнюю необходимость подобнаго ускоренія въ доставленіи извѣстій. Вслѣдствіе того и частныя телеграфическія извѣстія появились въ русскихъ газетахъ только послѣ Парижскаго мира 1856 года, когда въ Лондонѣ существовало уже телеграфное агентство Рейтера, въ Берлинѣ Вольфа, а въ Парижѣ Гаваса. Первая политическая телеграмма изъ-за-границы появилась 20-го ноября 1856 года, въ № 255 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Она начиналась такъ: „Берлинъ, 29-го (17) ноября. Сегодня король открылъ палаты", и т. д. Одновременно она появилась и въ „Journal de St.-Pétersbourg" и, какъ оказалось впослѣдствіи, получена была министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, и передана была имъ въ означенную французскую газету, сообщившую ее и „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ", выходившимъ подъ редакціею Амплія Николаевича Очкина, при „непосредственномъ" участіи въ ихъ изданіи А. А. Краевскаго. Эта телеграмма напечатана была чрезъ двое сутокъ по полученіи въ Петербургѣ. Въ то время не существовало еще желѣзной дороги къ

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ". Т. VII стр. 346—362.

прусской границѣ, а потому такое промедленіе въ обнародованіи депеши не отняло у нея интереса новизны.

Въ объявленіяхъ объ изданіи петербургскихъ газетъ на 1857 годъ ни слова не было сказано о томъ, что въ нихъ будутъ помѣщаться телеграфныя извѣстія; но въ № 283 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (25-го декабря 1856 г.) появилось слѣдующаго рода объявленіе: „Редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" устроила сношенія съ главными телеграфными станціями въ Европѣ и съ 1857 года будетъ получать телеграфическія депеши. Это нововведеніе, на которое не рѣшалась еще ни одна русская газета". Дѣйствительно, съ 1-го января 1857 года стали появляться въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", одновременно съ „Journal de St.-Pétersbourg", телеграммы тождественнаго содержанія. Оказалось, что редакціи этихъ двухъ газетъ вошли между собою въ соглашеніе для раздѣленія расходовъ, сопряженныхъ съ полученіемъ телеграфическихъ депешъ. Въ то время телеграммы обходились очень дорого, особенно въ Россіи, отдѣленной отъ Европы пространствомъ въ тысячу верстъ. До телеграфной конвенціи 5 (17-го) мая 1865 года, понизившей цѣну двадцатисловной телеграммѣ въ Лондонъ до 3 р. и 2 р. 88 к., она обходилась подателю въ 6 руб. Телеграфныхъ агентствъ въ Россіи еще не существовало, а потому и облегченія въ расходахъ на телеграммы для русскихъ газетъ не могло и быть.

Увидавъ появленіе въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" политическихъ частныхъ телеграммъ, я убѣдилъ Н. И. Греча ввести подобную новизну и въ „Сѣверной Пчелѣ", доказавъ невозможность дальнѣйшаго ея существованія при такой конкуренціи. Онъ послушался моего совѣта и немедленно написалъ къ тогдашнему корреспонденту „Сѣверной Пчелы" въ Берлинъ, г. Луи Шнейдеру (чтецу и библіотекарю короля), съ просьбою устроить передачу политическихъ телеграммъ для газеты. Г. Шнейдеръ вошелъ въ соглашеніе съ тамошнимъ агентствомъ Вольфа (тогдашнимъ издателемъ „Національной Газеты"), и первая депеша появилась въ „Сѣверной Пчелѣ" 8-го января 1857 года (въ № 6-мъ), присланная изъ Берлина, отъ 6-го (18) января. Такъ какъ полученіе одною редакціею всѣхъ телеграммъ изъ-за-границы, при тогдашней высокой цѣнѣ ихъ, было обременительно, то редакція „Сѣверной Пчелы" въ 1857 году соединилась для того съ редакціею „Русскаго Инвалида". Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ появленія въ петербургскихъ ежедневныхъ газетахъ заграничныхъ политическихъ телеграммъ, эти періодическія изданія раздѣлились на двѣ группы: къ одной принадлежали „С.-Петербургскія Вѣдомости" и „Journal de St.-Pétersbourg", къ другой—„Сѣверная Пчела" и „Русскій Инвалидъ". По мѣрѣ появленія во всѣхъ четырехъ газетахъ политическихъ телеграммъ, становилось очевиднымъ для каждаго, что газеты получаютъ ихъ изъ одного источника—телеграфнаго агентства Вольфа въ Берлинѣ. Объ „устройствѣ сношеній съ главными телеграфными станціями въ Европѣ", возвѣщенномъ редакціею „С.-Пе-

тербургскихъ Вѣдомостей", не было и рѣчи и доказывало только незнаніе ею телеграфнаго дѣла. Агентство Вольфа воспользовалось недостаткомъ единогласія между петербургскими редакціями и ловко эксплуатировало ихъ впродолженіе 1857 года. Сверхъ стоимости депеши за передачу по телеграфу, оно брало комиссіоннаго вознагражденія за каждую телеграмму, сообщавшую извѣстія изъ самаго Берлина, по 5 талер., а съ извѣстія извнѣ Берлина—по 10 талер. (4 р. 50 к. и 9 р. метал.). Недовольствуясь этимъ барышомъ, агентство платило по тарифу за передачу только одной телеграммы, напримѣръ, на имя Греча, и приказывало выдать съ нея копію редакціи „Journal de St.-Pétersbourg", съ которой получало, однако, плату сполна, какъ бы депеша была передана ей одной въ Петербургѣ. Агентство получало поэтому 10 или 20 талер. вознагражденія за каждую телеграмму, съ присовокупленіемъ цѣны телеграммы, слѣдовавшей по тарифу.

Ознакомившись въ 1857 году со способомъ полученія телеграммъ, устройствомъ телеграфныхъ агентствъ и ихъ взаимными отношеніями, я успѣлъ убѣдить редакціи соединиться вмѣстѣ для полученія депешъ изъ-за-границы и не давать болѣе возможности агентству Вольфа наживаться на ихъ счетъ. Лишь только оно узнало о такомъ соединеніи и о желаніи петербургскихъ редакцій дѣйствовать въ этомъ отношеніи единодушно, то немедленно значительно понизило свое комиссіонное вознагражденіе. Результатомъ соглашенія было нотаріальное условіе, явленное у биржеваго нотаріса Хольма, 21-го января 1858 года, между дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гречемъ, статскимъ совѣтникомъ Очкинымъ и петербургскимъ второй гильдіи купцомъ Генрихомъ Гларнеромъ. Въ первомъ его параграфѣ было сказано: „Я, Гречъ, получая изъ чужихъ краевъ телеграфическія депеши о политическихъ событіяхъ, обязуюсь передавать эти депеши, немедленно по полученіи, статскому совѣтнику Очкину, для помѣщенія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", и купцу Гларнеру, для помѣщенія въ „Journal de St.-Pétersbourg". По второму параграфу каждый изъ договаривавшихся обязывался уплачивать Гречу, по полученіи отъ него счета по доставкѣ телеграммъ изъ-за-границы, четвертую часть причитающейся за то суммы. Хотя контрактъ былъ подписанъ только тремя редакторами, но въ немъ принимала участіе и газета „Русскій Инвалидъ", редакторъ которой, полковникъ П. С. Лебедевъ, не нашелъ возможнымъ подписать это условіе по оффиціальному положенію своего изданія. Въ третьемъ параграфѣ условія было сказано: „Гларнеръ, съ своей стороны, обязывается передавать гг. Гречу и Очкину, съ разрѣшенія министерства иностранныхъ дѣлъ, телеграфическія депеши, получаемыя имъ отъ своихъ агентовъ и сообщаемыя ему, Гларнеру, для помѣщенія въ „Journal de St.-Pétersbourg", не требуя за то никакой платы, и притомъ такъ, чтобы эти депеши могли быть помѣщены въ „Сѣверной Пчелѣ" и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" въ одинъ день съ „Journal de St.-Pétersbourg".

Этотъ параграфъ относился до телеграммъ, которыя, полученныя непосредственно министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, могли быть переданы имъ для напечатанія въ „Journal de St.-Pétersbourg“, изданіемъ котораго тогда завѣдывалъ купецъ Гларперъ, участникъ въ книжной торговлѣ Дюфура (бывшей до него Беллизара, а нынѣ Мелье). Въ то время политическія телеграммы, полученныя для газетъ изъ-за-границы, отправлялись немедленно съ главной телеграфной станціи въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ и уже разрѣшенныя къ печати директоромъ ея, В. И. Вестманомъ, передавались тому редактору, на имя котораго были адресованы. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ въ 1866 году „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, министерство иностранныхъ дѣлъ устранилось отъ непосредственнаго просмотра политическихъ заграничныхъ телеграммъ, адресованныхъ въ газеты, и обязанность эта возложена была, при тогдашнемъ министрѣ почтъ и телеграфовъ, графѣ Иванѣ Матвѣевичѣ Толстомъ, на особыхъ чиновниковъ изъ числа цензоровъ, просматривающихъ въ почтамтѣ заграничныя газеты, передъ выдачею ихъ въ публику. Перемѣну эту могъ произвести только Ив. М. Толстой, пользовавшійся въ то время сильнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Появленіе въ петербургскихъ газетахъ политическихъ телеграммъ въ 1857 году обратило на себя вниманіе преимущественно коммерческаго сословія, по дѣламъ его съ заграничными государствами и по сознанію имъ выгодъ отъ быстраго полученія свѣдѣній о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ. Главныя торговыя фирмы въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, уже пользовались услугами телеграфа для своихъ оборотовъ и сношеній, но дороговизна телеграммъ дѣлала ихъ доступными только наиболѣе богатымъ домамъ. Читая въ газетахъ политическія телеграммы, многія лица коммерческаго сословія стали выражать желаніе имѣть телеграфныя свѣдѣнія о цѣнахъ на товары, о требованіи на нихъ и проч. Узнавъ о такомъ желаніи, я рѣшился сдѣлать попытку удовлетворить его. Такъ какъ въ то время главные интересы русской товарной торговли были сосредоточены на лондонской биржѣ, то я обратилъ преимущественно на нее вниманіе. Добывъ себѣ адресъ одного лондонскаго маклера и корреспондента нѣкоторыхъ русскихъ фирмъ въ Петербургѣ, по имени Гарботель, я, сославшись на рекомендацію послѣднихъ, предложилъ ему разъ въ недѣлю посылать мнѣ пространную телеграмму съ лондонскими цѣнами на главные русскіе товары. Г. Гарботель жилъ прежде въ Россіи, зналъ русскій языкъ и понималъ, какого рода свѣдѣнія интересуютъ нашъ торговый міръ. Онъ немедленно исполнилъ мое порученіе и уже 19-го февраля (3-го марта) 1857 года я получилъ первую коммерческую телеграмму изъ Лондона отъ того же числа. Я ее разослалъ въ видѣ пробы всѣмъ торговымъ фирмамъ въ Петербургѣ. Эта телеграма разослана была на половину писанная моею рукою, потому что

печатныя рубрики не соотвѣтствовали вполнѣ содержанію присланной депеши. Видя на опытѣ замедленіе въ разсылкѣ телеграммъ при воспроизведеніи ихъ подобнымъ образомъ, я рѣшился ихъ печатать, тѣмъ болѣе, что немедленно послѣ разсылки первой депеши оказалось около 60 подписчиковъ. Но для печатанія телеграммъ необходимо было разрѣшеніе на изданіе соотвѣтственной тому газеты. Въ это время отецъ мой, профессоръ сельскаго хозяйства въ петербургскомъ университетѣ, пріостановилъ изданіе своей еженедѣльной газеты „Посредникъ", въ программу которой входилъ, сверхъ сельскаго хозяйства и естественныхъ наукъ, отдѣлъ биржевыхъ цѣнъ на разные товары на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ. Заручившись его согласіемъ на передачу мнѣ „Посредника", я отправился къ цензору Николаю Васильевичу Елагину и откровенно объяснилъ ему цѣль предпринятаго мною дѣла, неотложность для того газеты и необходимость обойти нѣкоторыя формальности, а именно—выпускъ газеты только съ содержаніемъ по одному отдѣлу программы, появленіе въ свѣтъ изданія послѣ его непродолжительнаго прекращенія безъ предварительнаго оповѣщенія о томъ публики и заявленія цензурному комитету и проч. Что касается до имени редактора, то тогда не требовалось цензурнымъ уставомъ непремѣнно подписей издателя и редактора подъ періодическими изданіями [1]), слѣдовательно, до испрошенія разрѣшенія установленнымъ порядкомъ, газета „Посредникъ" могла числиться за моимъ отцомъ.

Цензоръ Елагинъ, съ которымъ я былъ давно знакомъ по ежедневнымъ сношеніямъ по „Сѣверной Пчелѣ", выслушавъ мое объясненіе, отвѣчалъ, что онъ не находитъ препятствія взять на себя пропускъ газеты „Посредникъ", хотя и не уполномоченъ на то цензурнымъ комитетомъ, но съ условіемъ, чтобы я немедленно подалъ надлежащее прошеніе. Дѣйствительно, № 1-й „Посредника" вышелъ 27-го февраля съ телеграммою изъ Лондона, отъ 26-го февраля. Н. В. Елагинъ, возвращая мнѣ корректуру этого нумера, писалъ 27-го февраля: „Посредникъ" одобренъ къ печатанію и возвращается при семъ. Разсылайте его съ Божіею помощію".

Цензоръ Н. В. Елагинъ не пользовался расположеніемъ въ литературномъ и журнальномъ мірѣ. Дѣйствительно, очень часто онъ просматривалъ и одобрялъ къ печати статьи и отдѣльныя сочиненія неумолимо строго, что для многихъ казалось придирчивостью и стѣсненіемъ. Но такой образъ дѣйствія вызывался усвоенными имъ себѣ принципами, отъ которыхъ онъ не отступалъ и которые не совпадали съ воззрѣніями литераторовъ и журналистовъ. Съ другой стороны, Н. В. Елагинъ переставалъ быть строгимъ формалистомъ, когда вопросъ шелъ о полезномъ дѣлѣ, особенно въ примѣненіи

[1]) Только съ 8-го апрѣля 1864 года, по высочайшему повелѣнію, предписано было цензурнымъ комитетомъ непремѣнно выставлять на каждомъ нумерѣ изданія имя отвѣтственнаго его редактора.

его въ Россіи. Убѣдившись, что изданіе „Посредника“ принесетъ пользу русской торговлѣ, русскимъ купцамъ, удешевивъ для нихъ полученіе коммерческихъ телеграммъ, онъ смѣло перешагнулъ формальности и подписалъ разрѣшеніе на выпускъ газеты въ свѣтъ.

Дѣло не обошлось, однако, безъ бури, хотя бы и цензурной. Первоначально потребовали въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія моего отца, а потомъ и меня, когда узнали отъ него, что телеграфную газету, небывалую еще въ Россіи, затѣялъ я. Между тѣмъ, прошеніе, поданное мною въ цензурный комитетъ объ измѣненіи програмы газеты „Посредникъ“, о передачѣ ея изданія мнѣ и объ учащеніи выхода ея до пяти разъ въ недѣлю, немедленно по полученіи телеграммъ изъ-за-границы, представлено было уже 1-го марта 1857 года комитетомъ въ главное управленіе цензуры. Директоръ канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Берте, встрѣтилъ меня рѣзкимъ замѣчаніемъ, что я началъ изданіе новой газеты безъ надлежащаго разрѣшенія. Я ему подробно разъяснилъ, что газета „Посредникъ“ дозволена, что нѣтъ закона, по которому въ каждомъ нумерѣ газеты помѣщались бы статьи по всѣмъ предметамъ програмы, что это предпріятіе общеполезное, что вышедшіе уже два нумера не содержатъ въ себѣ ничего противозаконнаго и, наконецъ, что надлежащее прошеніе подано въ цензурный комитетъ. Результатъ свиданія былъ въ мою пользу. Хотя съ № 4-го газеты она передана была отъ Н. В. Елагина другому цензору для просмотра, именно г. Мацкевичу, но цѣль была достигнута и новое изданіе получило право гражданства. Коммерческій міръ принялъ газету „Посредникъ“ съ полнымъ расположеніемъ. Въ немъ составилось о цѣли ея изданія и о вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, благопріятное мнѣніе, которое, сдѣлавшись извѣстнымъ въ правительственныхъ сферахъ, доставило полное разрѣшеніе просимымъ мною измѣненіямъ въ програмѣ. Съ № 14-го (24-го мая) я могъ уже начать выпускать газету пять разъ въ недѣлю, утромъ и вечеромъ, такъ какъ въ торговомъ мірѣ потребовали у меня телеграммъ съ лондонской биржи ежедневно (за исключеніемъ субботъ и воскресеній). Такимъ образомъ, я получилъ право на изданіе новой ежедневной газеты, что въ то время было несовсѣмъ легко, только благодаря тому, что, одновременно съ просьбою о разрѣшеніи мнѣ ея изданія, выказалъ на практикѣ ея пользу и необходимость для русскаго торговаго міра. Въ этомъ отношеніи Н. В. Елагинъ оказалъ мнѣ очень существенную помощь, повѣривъ моимъ объясненіямъ.

Съ учащеніемъ выхода „Посредника“, цѣна ему за годовое изданіе назначена была 100 руб., вмѣсто 10 руб. Всѣ подписчики охотно приплатили до новой цѣны, которая считалась за годъ съ 18-го мая. Иногороднымъ газета разсылалась въ штемпельныхъ почтовыхъ конвертахъ, вслѣдствіе чего газета получалась своевременно, не терялась на почтѣ, и за что провинціальные подписчики безъ стѣсне-

нія платили стоимость подобной пересылки, усматривая для себя пользу отъ ускоренія полученія вѣрныхъ торговыхъ свѣдѣній. Съ октября я сталъ печатать свою газету на синей почтовой бумагѣ, въ восьмую долю листа, но выпускалъ часто въ двойномъ форматѣ. Къ телеграммамъ и другимъ заграничнымъ коммерческимъ извѣстіямъ я присоединилъ, съ 20-го мая, ежедневные отчеты объ оборотахъ товарами на петербургской биржѣ. Такія ежедневныя свѣдѣнія, отличавшіяся свѣжестью данныхъ, привлекли также подписчиковъ не только изъ провинціи, но и въ самомъ Петербургѣ, потому что въ „Посредникѣ“ помѣщались не однѣ цѣны, но и сопровождавшія торговые обороты обстоятельства. Издававшаяся тогда „Коммерческая газета“, при министерствѣ финансовъ, не только не выходила ежедневно, но и отличалась запоздалыми, скудными свѣдѣніями собственно объ оборотахъ русской торговли. Совершенствуя свое изданіе, я завелъ корреспондентовъ внутри России, изъ главныхъ центровъ ея торговли, вѣрность сообщаемыхъ которыми свѣдѣній усилила достоинство изданія.

Между тѣмъ, шесть лѣтъ тому назадъ, цензура мнѣ запретила сообщать въ „Сѣверной Пчелѣ“ торговыя и товарныя свѣдѣнія. Въ 1851 году, съ 6-го іюня, во время лѣтняго отсутствія изъ Петербурга Ѳ. В. Булгарина, я сталъ писать по средамъ еженедѣльный фельетонъ. Въ концѣ одного изъ нихъ, въ августѣ, я помѣстилъ услышанныя мною отъ купцовъ свѣдѣнія объ урожаѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, сало, пеньку и проч., съ обстоятельными причинами повышенія или пониженія. Тогдашній цензоръ „Сѣверной Пчелы“, Александръ Лукичъ Крыловъ, зачеркнувъ весь конецъ моего фельетона, положилъ слѣдующую резолюцію: „Свѣдѣнія о цѣнахъ на биржевые товары помѣщаются въ „Коммерческой газетѣ“, издаваемой при министерствѣ финансовъ, которое располагаетъ вѣрными данными. Биржевое купечество можетъ обидѣться, если цѣны, сообщаемыя въ „Сѣверной Пчелѣ“, окажутся невѣрными, и войти съ жалобою къ надлежащему начальству. Поэтому цѣны о товарахъ могутъ быть помѣщаемы въ „Сѣверной Пчелѣ“ только заимствованныя изъ „Коммерческой газеты“, чтобы не причинять неудовольствія биржевому купечеству“. Нынѣ не повѣрятъ возможности подобныхъ цензорскихъ рѣшеній!

На русскихъ биржахъ обороты въ тѣ времена сосредоточивались преимущественно на товарахъ отпускныхъ и привозныхъ. Фондовая биржа почти не существовала. Обороты фондами, при ограниченномъ числѣ тогда правительственныхъ займовъ, сосредоточивались не на биржѣ, а въ знаменитомъ тогда банкирскомъ домѣ Штиглица и комп., представителемъ котораго въ 1857 году былъ сынъ его учредителя, баронъ Александръ Лудвиговичъ, недавно произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники. Цѣны фондамъ устанавливались этимъ банкиромъ, равно какъ и вексельные курсы, по вторникамъ и пятницамъ. Баронъ Штиглицъ носилъ почетный титулъ „придворнаго бан-

кира", который, по закрытіи его банкирскаго дома, сколько помнится, съ 1-го января 1861 года, ни на кого болѣе не былъ возлагаемъ. Число акціонерныхъ обществъ въ то время было также ограниченное, а потому количество этого рода бумагъ не могло еще создать массы посредниковъ, въ видѣ банкирскихъ конторъ, мѣняльныхъ лавокъ, присяжныхъ маклеровъ, иностранныхъ агентовъ и зайцевъ (неприсяжныхъ маклеровъ). Фондовая биржа, съ арміею спекулянтовъ, биржевыхъ и изъ публики, всякихъ націй и изъ всѣхъ классовъ общества, создалась въ Петербургѣ собственно въ 1865 году, послѣ выпуска перваго 5% выигрышнаго займа (1864 г.), придуманнаго и предложеннаго нашему правительству однимъ берлинскимъ финансистомъ-спекулянтомъ. Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, акціи котораго положили начало игры на биржѣ съ желѣзнодорожными цѣнностями, явившись впервые удобною для того международною арбитражною бумагою, было основано только въ 1857 году. На основаніи всего сказаннаго, и отчеты о дѣлахъ на петербургской биржѣ, появлявшіеся въ „Посредникѣ", ограничивались вначалѣ только товарными оборотами. Первыя извѣстія о цѣнахъ на фонды 5% займовъ 1854 и 1855 годовъ на петербургской биржѣ, сообщенныя въ „Посредникѣ", не по свѣдѣніямъ конторы Штиглица, а изъ собственныхъ достовѣрныхъ источниковъ, появились съ № 85-го (10-го октября) 1857 года. Я не посѣщалъ лично петербургской биржи, а всѣ свѣдѣнія о ней получалъ какъ отъ лучшихъ, наиболѣе свѣдущихъ, маклеровъ по каждой части, такъ и отъ другихъ лицъ, или занимавшихся въ коммерческихъ конторахъ, или ведшихъ самостоятельно ту или другую отрасль торговли. Иногда я попадалъ разомъ на вѣрный источникъ свѣдѣній, иногда постепенно, опытомъ, доходилъ до того. Впослѣдствіи, въ концѣ 1857 года и съ 1858 года, репутація газеты „Посредникъ", какъ достовѣрнаго источника свѣдѣній о торговлѣ, до того утвердилась, что трудъ мой въ этомъ отношеніи значительно облегчился.

Но когда, въ октябрѣ 1857 года, появились впервые газетныя свѣдѣнія о цѣнахъ на фонды, то многіе удивились подобной дерзости съ моей стороны. Я нарушилъ тѣмъ монополію многихъ лѣтъ, принадлежавшую, въ силу привычки и биржеваго обычая, банкирскому дому Штиглица. Съ разныхъ сторонъ мнѣ стали говорить и намекать, что всемогущій банкиръ можетъ уничтожить меня и мою газету и чтобы я прекратилъ сообщеніе цѣнъ на фонды, ограничившись цѣнами на товары. „Посредникъ," подрывая монополію вѣрныхъ свѣдѣній и дѣлая ихъ гласными, былъ, дѣйствительно, бѣльмомъ на глазу для многихъ, но, съ другой стороны, нашелъ и многихъ друзей въ числѣ людей безпристрастныхъ, сочувствовавшихъ всякому стремленію и дѣлу на общую пользу. На основаніи послѣдняго убѣжденія, я чувствовалъ, что стою на твердой почвѣ, и потому не уступилъ угрозамъ и совѣтамъ, несмотря на то, что предостереженія шли и отъ

лицъ, ко мнѣ дружески расположенныхъ. Дѣйствительно, ничего непріятнаго или вреднаго для моего изданія не произошло отъ того, что я вторгнулся въ монополію сильнаго банкира по фондовой и курсовой части.

Въ первой половинѣ августа 1857 года, пріѣхалъ въ Петербургъ г. Юліюсъ Рейтеръ, основатель и глава телеграфнаго агентства въ Лондонѣ, съ намѣреніемъ завести сношенія съ Россіею. Онъ привезъ рекомендательныя письма изъ-за-границы къ Н. И. Гречу. Послѣдній прямо сказалъ ему, что въ телеграфномъ дѣлѣ ничего не понимаетъ, и указалъ на меня, какъ уже начавшаго въ Россіи первую попытку устройства телеграфнаго агентства. Я познакомился съ Рейтеромъ въ тотъ же день въ кабинетѣ Греча. Рейтеръ, небольшого роста, бѣлокурый, невзрачный, но съ умными глазами, оказался нѣмцемъ (сколько помнится, пруссакомъ). Н. И. Гречъ не говорилъ по-англійски, а потому нашъ разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ то время Рейтеръ говорилъ по-англійски съ иностраннымъ акцентомъ и предпочиталъ объяснятся на своемъ родномъ языкѣ. Обширная собственноручная его корреспонденція со мною втеченіе шести лѣтъ велась исключительно по-нѣмецки, наши условія были заключены на нѣмецкомъ языкѣ и только письма, изложенныя его секретарями и подписанныя Рейтеромъ, составлялись на англійскомъ языкѣ. Послѣ двухъ свиданій, въ которыя обсуждались его предложенія, мы подписали взаимное условіе 23-го августа (4-го сентября) 1857 года, на три года, съ 19 сентября (1 октября), слѣдовательно, по это число 1860 года, Рейтеръ обязался по нашему условію высылать мнѣ ежедневно телеграммы съ коммерческими свѣдѣніями (кромѣ воскресеній) изъ Лондона, Ливерпуля, Гамбурга, Любека, Амстердама и Роттердама и изъ другихъ городовъ Европы по моему востребованію. Я обязался ему уплачивать ежегодное вознагражденіе въ 3000 рублей (иностранцы тогда довѣряли еще нашимъ рублямъ и не заключали своихъ денежныхъ условій съ нами на металическую заграничную валюту или на золотую), сверхъ платы, причитающейся за передачу телеграмъ по телеграфнымъ линіямъ.

Въ то время агентство Рейтера въ Лондонѣ называлось „Континентальнымъ телеграфомъ, подъ управленіемъ г. Юліюса Рейтера“ (Continental Telegraph, under the direction of M-r. Julius Reuter), и помѣщалось въ темной маленькой квартирѣ въ зданіи королевской биржи (Royal Exchange Buildings). Когда впослѣдствіи Рейтеръ обратилъ свое агентство въ акціонерное предпріятіе, то оно получило названіе „Компанія телеграммъ Рейтера“ (Reuter's telegramm company). „Телеграфное же агентство Вольфа“ въ Берлинѣ, превратившись впослѣдствіи въ общество на акціяхъ, назвалось „Континентальною телеграфною компаніею“ (Continental telegraphen Companie).

Изъ разговоровъ съ Рейтеромъ я узналъ, что онъ первоначально занимался книжною торговлею въ Германіи, затѣмъ устроилъ контору

телеграфнаго агентства кажется, въ Кельнѣ, передавалъ извѣстія, при неимѣніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ телеграфныхъ линій, при помощи голубиной почты, увидалъ невозможность существованія тогда въ Германіи другаго агентства, когда возникло Вольфово въ Берлинѣ, и переселился въ Англію, гдѣ и сталъ постепенно развивать свое дѣло. Въ 1857 году, во время пребыванія его въ Петербургѣ, я видѣлся съ нимъ ежедневно. Въ 1862 году онъ пріѣзжалъ вторично въ нашу столицу по дѣлу, которое утаилъ отъ меня, хотя наши отношенія въ то время были прежнія, но онъ уже имѣлъ отличныя рекомендаціи къ нѣкоторымъ банкирамъ, особенно къ г. Капгеру, послѣ ликвидаціи дома Штиглица, старавшемуся тщетно замѣнить его и добиться званія „придворнаго банкира.“ Въ 1862 году, Рейтеръ выросъ уже значительно въ мнѣніи о себѣ и держался иначе, чѣмъ въ 1857 году. Въ послѣднемъ году онъ занималъ небольшую комнату въ верхнемъ этажѣ гостиницы „Клее“ (нынѣ „Европейская“) и разсчитывалъ каждый рубль. Когда я, по подписаніи съ нимъ 23-го августа условія, предложилъ ему немедленно дать по телеграфу приказаніе въ Лондонъ, чтобы мнѣ, на мой счетъ, присланы были, въ видѣ пробы, нѣсколько телеграммъ, чтобы я могъ по нимъ судить о достоинствѣ ихъ и о скорости передачи, то Рейтеръ сталъ доказывать мнѣ излишіе подобныхъ затратъ, когда съ его стороны онѣ составляли всего 6 рублей. Вставая и принимаясь за работу въ семь часовъ утра, какъ того требовало изданіе „Посредника,“ между тѣмъ какъ занятія по „Сѣверной Пчелѣ“ давали мнѣ возможность ложиться спать только въ часъ ночи, а впослѣдствіи и гораздо позже, я приходилъ къ Рейтеру рано утромъ и уже находилъ, что онъ написалъ болѣе десятка дѣловыхъ писемъ. Онъ велъ въ первые годы всю свою обширную корреспонденцію самъ лично и вставалъ ежедневно для того въ три часа утра. По своей дѣятельности и неутомимости, Рейтеръ невольно обращалъ на себя вниманіе. Вотъ одно изъ доказательствъ моихъ словъ.

24-го іюля (5-го августа) 1858 года, благополучно кончено было проложеніе чрезъ Атлантическій океанъ перваго телеграфнаго кабеля (впослѣдствіи испортившагося и брошеннаго) изъ Ирландіи къ сѣверной Америкѣ, извѣстіе о чемъ было передано оттуда въ Лондонъ. Уже 23-го августа (4-го сентября) Рейтеръ писалъ мнѣ изъ Лондона: „Я заключилъ контрактъ съ компаніею атлантическаго телеграфа и на основаніи сего могу вамъ сообщать американскія извѣстія за половину той цѣны, которая уплачивается въ дѣйствительности за ихъ передачу по кабелю. По слухамъ, телеграмма въ 20 словъ будетъ стоить $2^1/_2$ фунт. стер., но тарифъ окончательно еще не установленъ. Я обязался контрактомъ уплачивать ежегодно атлантической компаніи по 5.000 фун. стер.“ Отъ 28-го августа (9-го сентября) того же 1858 года, Рейтеръ писалъ вновь мнѣ: „Множество заказовъ, полученныхъ мною со всѣхъ сторонъ на американскія депеши, побудили меня устроить центральное бюро въ Нью-Іоркѣ съ его отдѣленіями

во всѣхъ главныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, центральной и южной Америки. Сверхъ 5.000 фун. стер., которые я обязался ежегодно уплачивать компаніи атлантическаго телеграфа, на это мое предпріятіе потребуется значительный капиталъ, не менѣе 15.000 или 20.000 фун. стер. (по тогдашнему курсу до 150.000 руб.), большая часть котораго уже у меня въ распоряженіи. Желая предоставить вамъ участіе въ моемъ предпріятіи, я почтительнѣйше предлагаю вамъ войти въ это дѣло съ 3.000 фун. стер. такимъ образомъ, что я вамъ буду посылать безплатно американскія депеши. Вашъ капиталъ въ 3.000 фун. стер. останется вашею собственностью, а вмѣсто процентовъ на него, я обязуюсь вамъ ежедневно посылать безплатно по одной телеграммѣ съ американскими извѣстіями. Одна телеграмма стоитъ 2 ф. 10 ш., слѣдовательно за 360 депешъ составится сумма въ 900 фун. стер., или 30% на капиталъ въ 3.000 фун. стер. Вашъ капиталъ вы можете взять всегда обратно, предувѣдомивъ о вашемъ намѣреніи за годъ впередъ и, сверхъ того, я его вамъ обезпечу еще инымъ образомъ."

Въ іюнѣ 1859 года, во время войны Франціи и Италіи противъ Австріи, Рейтеръ получилъ ранѣе всѣхъ въ Лондонѣ телеграмму о сильномъ пораженіи австрійской арміи и о предложеніи мира Наполеону III со стороны императора Франца-Іосифа. Когда Рейтеръ лично привезъ эту телеграмму тогдашнему первому министру Англіи, лорду Пальмерстону, (министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ лордъ Джонъ Россель), то Пальмерстонъ не повѣрилъ извѣстію и объявилъ его невѣрнымъ, такъ какъ британское правительство не получало еще о томъ никакого извѣстія. Нѣсколько часовъ спустя, пришла и оффиціальная телеграмма. Этотъ случай поднялъ значеніе Рейтера въ Лондонѣ въ оффиціальномъ, журнальномъ и коммерческомъ мірѣ. Разумѣется, все это возможно было дѣлать въ Англіи даже нѣмцу, а не природному британцу, гдѣ частная телеграмма не задерживалась потому только, что она сообщала извѣстія ранѣе оффиціальной или правительственной, и гдѣ она не залеживалась по часамъ въ цензурахъ и въ разныхъ канцеляріяхъ. Точно также цюрихскій трактатъ о мирѣ между Франціею, Италіею и Австріею, подписанный 29-го октября (10-го ноября) 1859 года, былъ прежде другихъ обнародованъ агентствомъ Рейтера въ лондонскихъ газетахъ. Газета „Times", встрѣтившая съ недовѣріемъ учрежденіе телеграфнаго агентства Рейтера, втеченіе продолжительнаго времени абонировалась на его телеграммы, но не помѣщала ихъ на своихъ страницахъ, а провѣряла ихъ достовѣрность и свѣжесть и только послѣ многомѣсячнаго опыта рѣшилась, наконецъ, ихъ печатать. Въ виду войны Англіи и Франціи съ Китаемъ, когда еще не было окончено сооруженіе телеграфа въ Остъ-Индію, Рейтеръ сумѣлъ устроить быстрое оттуда полученіе телеграммъ въ 23 дня, по имѣвшимся уже до нѣкоторыхъ мѣстъ проводамъ, такъ что газета „Times" признала, что такъ скоро извѣстія еще не получались изъ

этой части свѣта. Рейтеръ получилъ концессію отъ императора Наполеона III на сооруженіе телеграфнаго кабеля между Брестомъ и Сѣверною Америкою и отъ короля ганноверскаго на проложеніе его между Англіею и Эмденомъ, на берегу Германіи. Пока онъ двигалъ постоянно впередъ развитіе телеграфныхъ сношеній для ускоренія передачи публикѣ всякаго рода извѣстій, всѣ его усилія увѣнчивались успѣхомъ. Но онъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу съ концессіею, полученную имъ отъ персидскаго правительства на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, разработку минеральныхъ богатствъ въ Персіи, для чего онъ не могъ реализировать необходимаго капитала. Въ это время онъ уже былъ барономъ Рейтеромъ,—титулъ, который онъ получилъ отъ одного изъ мелкихъ нѣмецкихъ государей.

По заключеніи условія съ Рейтеромъ, 23-го августа 1857 года, и имѣя на основаніи его право сноситься со всѣми его агентами, въ Европѣ и Америкѣ, чрезъ посредство его лондонскаго учрежденія, я расширилъ изданіе „Посредника“ и возвысилъ ему цѣну, съ 15-го октября, до 240 руб. для желающихъ получать англійскія, голландскія и германскія депеши, и оставилъ прежнюю цѣну въ 100 р. для однѣхъ англійскихъ телеграммъ. Въ Москвѣ, въ Ригѣ и въ провинціи подписчики приплачивали, по 6 р. въ годъ за каждый почтовый день, за пересылку газеты въ штемпельныхъ конвертахъ. Цѣна эта въ то время возбудила много толковъ. Надо мною смѣялись, говоря, что не за что платить такую сумму, но достовѣрность свѣдѣній заставляла вносить эту плату за мою газету. Число подписчиковъ стало увеличиваться, а я сталъ умножать количество телеграммъ, присоединивъ къ прежнимъ депеши изъ Парижа, Берлина, Марсели, Дунди, Нью-Орлеана (въ то время главнаго рынка по хлопку для Россіи) и проч. Нужно отдать Рейтеру полную справедливость. По первому письму отъ меня, онъ распоряжался немедленно высылкою телеграммъ или почтовыхъ корреспонденцій даже изъ второстепенныхъ торговыхъ центровъ, каковы Гавръ, Бреславль и проч.

Успѣху „Посредника“ содѣйствовали еще два особыя обстоятельства. До послѣдняго десятилѣтія Россія служила для Европы, особенно для Англіи, главною поставщицею сала, шедшаго на приготовленіе свѣчъ, на мыловареніе, на смазку машинъ. Главная расторжка саломъ происходила на лондонскомъ рынкѣ и отъ количества привоза русскаго сала зависѣли цѣны этому товару, даже американскаго и австралійскаго происхожденія. Пользуясь прекращеніемъ зимою навигаціи въ Балтійскомъ морѣ, неимѣніемъ пароходныхъ сообщеній въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ на континентѣ Европы, спекулянты скупали осенью и зимою запасы сала въ Лондонѣ, особенно если они не были велики, и повышали ему цѣны до крайняго предѣла. Многіе при этомъ банкротились, немногіе наживали. Наиболѣе замѣчательныя спекуляціи саломъ происходили въ 1838, 1848, 1854 — 1855 и 1857 годахъ. Сильный англійскій торго-

вый домъ Лодеръ и комп., имѣвшій свои конторы въ Лондонѣ и Петербургѣ, удачно спекулировалъ саломъ и нажилъ большіе барыши въ 1838 году (при запасѣ сала въ Лондонѣ, 23-го марта, въ 4.570 бочекъ) и въ 1848 году (при запасѣ того же числа 6.638 бочекъ). Во время Крымской войны, когда отпускъ сала изъ Россіи моремъ прекратился, извѣстный и въ Петербургѣ, отважный, умный спекулянтъ, Александръ Николаевичъ Бетлингъ (братъ академика по санскритской каѳедрѣ императорской академіи наукъ, Оттона Николаевича Бетлинга), несмотря на значительные запасы сала въ Лондонѣ (18-го февраля (2-го марта) въ 1854 году 35.702 бочки, а въ 1855 году 36.610 бочекъ), повелъ сильную спекуляцію на повышеніе цѣнъ сала въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, разсчитывая на продолжительность войны со стороны Россіи, и основываясь въ этомъ отношеніи на стойкости характера императора Николая Павловича. Въ Англіи тогда было много сторонниковъ подобной рѣшимости императора Россіи и потому г. Бетлингъ орудовалъ вмѣстѣ съ другими, скупая въ Лондонѣ и Ливерпулѣ все сало, которое туда везли отовсюду, благодаря непомѣрно высокимъ цѣнамъ. Изъ Петербурга повезли его сухимъ путемъ, на подводахъ, до прусской границы. Тогдашнее движеніе на шоссе между Петербургомъ и Ковно было необычайное. Такъ, въ 1855 году лѣтомъ на каждую версту приходилось слишкомъ 40 подводъ, или на всемъ пути около 28,000 возовъ. Цѣна салу въ Англіи уже подходила къ 100 шилл. за центнеръ (около 10 р. за пудъ), когда извѣстіе о болѣзни императора Николая I и кончина его, 18-го февраля (2-го марта) 1855 г., разомъ уронила цѣну на половину. Спекулянты на повышеніе, естественно, разорились. Подобную же спекуляцію устроили, въ началѣ 1857 года въ Лондонѣ, кажется, греческія фирмы, скупивъ на конецъ марта сало при небольшомъ его запасѣ (14.893 боч.) и дѣйствительно довели разсчеты по запродажамъ до 80 шилл. „Посредникъ“ въ 1857 году началъ издаваться именно во время этой послѣдней спекуляціи, интересовавшей значительное число торговыхъ лицъ въ Россіи по ихъ оборотамъ саломъ. Втеченіе всего 1857 года цѣны на сало стояли вообще высокія; русскіе торговцы расторговались имъ въ Петербургѣ съ большимъ барышемъ, приступили къ раннимъ покупкамъ этого товара на нашихъ внутреннихъ рынкахъ, а потому для нихъ телеграммы съ лондонской биржи имѣли первостепенное значеніе.

Другое обстоятельство, содѣйствовавшее успѣху „Посредника“, былъ сильный денежный и товарный кризисъ, начавшійся въ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ, перешедшій сперва въ Англію, съ 19-го (31-го) августа, а затѣмъ въ Гамбургъ и Германію. Я сталъ сообщать въ „Посредникѣ“, иногда два раза въ день, депеши изъ Гамбурга, гдѣ этотъ кризисъ произвелъ сильное потрясеніе въ торговлѣ. Петербургская биржа, заинтересованная въ томъ, узнавала большую часть новостей объ этомъ кризисѣ изъ моихъ телеграммъ. Мнѣ

неоднократно высказывалась благодарность за быстрое сообщеніе этихъ телеграфныхъ извѣстій.

На скорой передачѣ депешъ и былъ устроенъ успѣхъ дѣла. Рейтеръ въ этомъ отношеніи не упускалъ изъ вида ни одного моего къ нему письма, ни малѣйшаго замѣчанія на запозданіе депешъ. Вслѣдствіе моихъ настойчивыхъ требованій объ ускореніи передачи телеграммъ, что́ въ то время не было облегчено послѣдовавшими усовершенствованіями и приспособленіями въ устройствѣ электрическихъ телеграфовъ, онъ отправилъ, на половинныхъ со мною издержкахъ, особаго агента, которому поручено было прослѣдить ходъ депешъ ко мнѣ, посылаемыхъ изъ Лондона, Амстердама, Гамбурга, какъ начальныхъ пунктовъ ихъ отправки. Поѣздка дала Рейтеру необходимыя данныя для принятія мѣръ къ устраненію существовавшихъ препятствій къ быстрой передачѣ телеграммъ. Онѣ стали приходить до того скоро, что утромъ въ девять часовъ сообщенныя въ „Посредникѣ“ съ канунныхъ заграничныхъ биржъ, особенно изъ Лондона, предупреждали телеграммы торговыхъ фирмъ. Нынѣ, двадцать пять лѣтъ спустя, не повѣрятъ, что телеграммы изъ западной Европы шли иногда, при нормальномъ состояніи погоды и при отсутствіи поврежденій на проводахъ, по двое сутокъ.

Въ началѣ моихъ сношеній съ Рейтеромъ, въ октябрѣ 1857 года, я получилъ въ промежутокъ двухъ—трехъ дней около тридцати телеграммъ, присланныхъ ко мнѣ изъ Кенигсберга позже полученія писемъ по почтѣ. Такъ какъ за нихъ уплачено было телеграфнымъ управленіямъ за мой счетъ нѣсколько сотъ рублей, то я сталъ хлопотать о возмѣщеніи мнѣ израсходованной моими агентами суммы. Телеграфное вѣдомство входило въ то время въ составъ главнаго управленія путей сообщенія, во главѣ котораго находился генералъ-адъютантъ Чевкинъ. Директоромъ телеграфовъ былъ генералъ-маіоръ Гергардъ, помощникомъ его подполковникъ Людерсъ (нынѣ тайный совѣтникъ, директоръ телеграфнаго департамента), а начальникомъ телеграфной станціи въ Петербургѣ былъ, сколько помнится, подполковникъ Мейеръ. Эта станція помѣщалась въ небольшихъ низкихъ комнатахъ въ домѣ графини Борхъ (нынѣ С. С. Полякова), въ Галерной улицѣ, подлѣ сената. Нынѣ главная телеграфная станція въ Петербургѣ помѣщается въ роскошномъ собственномъ зданіи, съ обширными залами, въ Почтамтской улицѣ, гдѣ также подлѣ находится нарочно устроенный домъ съ квартирою директора телеграфовъ, тайнаго совѣтника Людерса. Я не былъ ни разу у г. Гергарда, потому что онъ часто, по болѣзни, отлучался за-границу, и не имѣлъ въ томъ надобности, но когда я отправился къ г. Людерсу, то нашелъ, что онъ жилъ на Фурштатской улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ на дворѣ дома, принадлежащаго и нынѣ лютеранской церкви св. Анны. Этотъ флигель уже, кажется, не существуетъ.

Я получилъ отъ тогдашняго телеграфнаго управленія письменное увѣдомленіе, что моя жалоба вполнѣ основательна, такъ какъ депеши получены были позже почтовыхъ писемъ, но что вина въ томъ лежитъ не на русскихъ телеграфныхъ линіяхъ. Тогда я обратился съ одинаковою жалобою въ управленіе королевско-прусскихъ телеграфныхъ линій въ Берлинъ, откуда получилъ вскорѣ отвѣтъ, но съ извиненіями, что претензія моя совершенно справедлива, хотя замедленіе въ передачѣ и не можетъ быть отнесено къ винѣ прусскихъ линій; словомъ, оба управленія, на линіяхъ которыхъ произошло необычное замедленіе въ передачѣ телеграммъ, признали справедливость моего требованія, но возвратъ денегъ былъ отклоненъ обоими. Я оставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе этого дѣла, потому что мои просьбы и справедливость моихъ требованій имѣли послѣдствіемъ ускореніе передачи моихъ депешъ на прусскихъ линіяхъ. При этомъ мнѣ также было сообщено, что главноуправляющій путями сообщенія, генералъ-адъютантъ Чевкинъ, безъ всякой просьбы съ моей стороны, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мои телеграммы и на мое имя передавались по русскимъ линіямъ ранѣе другихъ частныхъ телеграммъ, предоставляя надъ собою первенство только правительственымъ депешамъ. Эта мѣра была весьма важна въ то время. Одновременно К. В. Чевкинъ приказалъ, чтобы телеграммы и для другихъ газетъ въ Петербургѣ передавались прежде частныхъ депешъ. Мнѣ это извѣстіе сообщено было на словахъ офиціально тогдашнимъ начальникомъ главной телеграфной станціи въ Петербургѣ. Впослѣдствіи такое предпочтеніе оказывалось чуть ли не вопросомъ государственнаго значенія.

Но когда, въ 1858 или въ 1859 году, одна или двѣ телеграммы мои запоздали, по случаю замедленія передачи ихъ по подводному телеграфу между Англіею и Голландіею, и я о томъ написалъ въ правленіе компаніи, владѣвшей этимъ сообщеніемъ, то секретарь его немедленно меня увѣдомилъ, что, вслѣдствіе вины компаніи, деньги, уплаченныя за мой счетъ г. Рейтеромъ за передачу телеграммъ, возвращены ему, что̀, дѣйствительно, и было имъ подтверждено.

Годовой опытъ показалъ мнѣ, чѣмъ надобно дополнить телеграммы, сообщаемыя „Посредникомъ", и въ чемъ ихъ сократить. Вмѣсто двухъ изданій газеты я сдѣлалъ одно и сталъ печатать въ немъ, съ 20 мая 1858, всѣ получаемыя депеши, за 150 р. въ годъ. Въ такомъ видѣ изданіе продолжалось въ 1858, 1859 и 1860 годахъ, по объемъ его былъ увеличенъ, начиная съ 1859 года. При этихъ перемѣнахъ цѣны подписки, содержанія и числа депешъ, я обыкновенно объѣзжалъ предварительно всѣ конторы, русскія и иностранныя, подписывавшіяся на газету, и заручался ихъ согласіемъ. При этомъ я посѣщалъ и тѣ торговыя фирмы, которыя еще не состояли абонентами на мои телеграммы, и объяснялъ имъ цѣль моего изданія. Такія поѣздки доставляли мнѣ знакомство въ биржевомъ и коммерческомъ мірѣ, указанія

на необходимыя измѣненія въ программѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, а также и указанія на источники добыванія извѣстій. Случались и курьезныя встрѣчи. Глава одного извѣстнаго въ то время коммерческаго дома объявилъ мнѣ, что онъ никогда не подпишется на „Посредникъ", потому что, сдѣлавъ черезъ него доступными телеграфическія извѣстія русскимъ купцамъ, я повредилъ ему лично и многимъ другимъ, которые считали своею монополіею имѣть коммерческія телеграммы изъ-за-границы. Немногіе торговые дома торговались въ цѣнѣ, прося сдѣлать имъ уступку въ подписной платѣ; но большинство, несмотря на національность, поддерживали меня въ моемъ предпріятіи. Пріѣзжаю однажды въ контору барона Штиглица, встрѣчаюсь съ нимъ самимъ и предлагаю подписаться на „Посредникъ".

— Я въ немъ не нуждаюсь, былъ отвѣтъ банкира.—Я имѣю всѣ эти телеграммы непосредственно отъ своихъ корреспондентовъ.

Однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, контора барона Штиглица подписалась на „Посредникъ", и если по утрамъ газета опоздывала, отъ задержки телеграммъ, то ко мнѣ являлся артельщикъ изъ конторы, спрашивая о причинѣ замедленія нумера.

— Баронъ утромъ, — говорилъ артельщикъ, — первымъ дѣломъ требуетъ телеграфную газету.

Въ редакціи газеты „Посредникъ" сформировалось ходомъ дѣлъ телеграфное агентство, которое и было первымъ въ Россіи. Ко мнѣ обращались съ просьбою о сообщеніи по телеграфу изъ Петербурга важнѣйшихъ коммерческихъ новостей въ разные внутренніе города торговымъ фирмамъ, которыя интересовались тѣмъ или другимъ товаромъ. Напримѣръ, въ Москву посылались одному русскому дому, торговавшему мѣдью (въ то время значительною статьею нашего заграничнаго отпуска, тогда какъ потомъ мѣдь стали привозить къ намъ изъ Австраліи и другихъ мѣстъ), цѣны на нее въ Гамбургѣ, Лондонѣ и проч.; въ Ростовъ на Дону и Таганрогъ—цѣны на сало и хлѣба и т. под. Агентства Рейтера и Вольфа, въ Лондонѣ и Берлинѣ, получали отъ меня русскія политическія телеграммы. Въ 1862 году, я посылалъ политическія телеграммы за-границу такого содержанія, которое не было сообщено еще русскими газетами, между прочимъ, о назначеніи великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ въ Польшу и проч. Матеріалъ для такихъ депешъ мнѣ былъ сообщаемъ изъ офиціальныхъ источниковъ для передачи за-границу. Въ самомъ Петербургѣ ко мнѣ обращались съ порученіями: узнать отъ моихъ заграничныхъ корреспондентовъ объ обстоятельствахъ торговли тѣмъ или другимъ товаромъ, особенно во время сильной спекуляціи саломъ на здѣшней биржѣ, напримѣръ, въ 1860 году. Нумеръ „Посредника", прочитанный въ Петербургѣ его подписчикомъ, пересылался въ подлинникѣ другому купцу въ Москву, а тотъ отправлялъ его далѣе. Здѣшніе коммиссіонные дома (только нѣкоторые), въ письмахъ къ своимъ довѣрителямъ внутри Россіи, занимались перепиской свѣдѣній, сообщае-

мыхъ въ „Посредникѣ". Отчасти ихъ и винить нельзя было, потому что довѣрители ихъ предписывали имъ такія инструкціи. Иностранцамъ, жившимъ за-границею и знавшимъ по-русски, „Посредникъ" посылался отсюда ихъ корреспондентами, вслѣдствіе вѣрныхъ свѣдѣній его о видахъ на урожай хлѣбовъ и на сборъ для отпуска тѣхъ или другихъ товаровъ. Переплетенныя годовыя изданія „Посредника" я находилъ въ нѣкоторыхъ купеческихъ конторахъ лѣтъ пятнадцать спустя. Они сохранялись для справокъ.

Средства, которыя доставляло мнѣ изданіе „Посредника", дало мнѣ возможность взять на себя изданіе, съ 1-го января 1860 года, ежедневной газеты „Сѣверная Пчела" и купить право на половину ея отъ Ѳ. В. Булгарина.

Въ концѣ 1860 года, вслѣдствіе изъявленныхъ съ разныхъ сторонъ желаній торговаго сословія, особенно изъ внутреннихъ мѣстъ Россіи, о пониженіи подписной цѣны на „Посредникъ", чтобы сдѣлать его доступнѣе, а также съ цѣлью распространить „Сѣверную Пчелу" въ кругу купечества, я объявилъ, что, съ 1-го января 1861 года, буду разсылать „Посредникъ" безплатно всѣмъ подписчикамъ „Сѣверной Пчелы", то есть двѣ ежедневныя газеты давать за 16 руб. Дѣйствительно, число подписчиковъ на „Сѣверную Пчелу" очень значительно увеличилось, но въ результатѣ для моей кассы оказался огромный дефицитъ. Съ 1-го января 1862 года я раздѣлилъ вновь обѣ газеты, назначивъ каждой особую плату по 16 руб. и по 15 руб. Но 1.200 подписчиковъ на „Посредникъ", по 15 руб., дали мнѣ въ 1862 году менѣе, чѣмъ я получалъ въ 1859 и 1860 годахъ отъ 180 подписчиковъ по 150 р., тѣмъ болѣе, что печать и бумага 1.200 экземпляровъ стоили дороже, чѣмъ двухъ сотъ. Поэтому, съ 1-го января 1864 года, я принужденъ былъ прекратить изданіе „Посредника", а съ нимъ и закрыть существовавшее только въ силу изданія этой газеты телеграфное агентство. Желая сдѣлать свою дорогую газету доступнѣе для небогатыхъ торговыхъ фирмъ, я самъ „убилъ курицу, которая несла мнѣ золотыя яица". Эти потери повлекли за собою и прекращеніе въ концѣ 1864 года изданія „Сѣверной Пчелы".

Въ обществѣ и въ журнальномъ мірѣ тогда говорили, что я прекратилъ изданіе „Посредника" и вообще потерялъ значительный капиталъ, вслѣдствіе спекуляцій на биржѣ. Нѣкоторые изъ моихъ сотрудниковъ по „Сѣверной Пчелѣ" распространили эти слухи. Это невѣрно. Я никогда не участвовалъ ни въ какихъ биржевыхъ спекуляціяхъ, тѣмъ болѣе въ то время. Во время изданія „Посредника" я даже изъ любопытства ни разу не былъ въ зданіи петербургской биржи, хотя лучше многихъ ея посѣтителей зналъ въ тотъ же вечеръ, что̀ на ней происходило днемъ. Такъ какъ у меня въ редакціи можно было получить „Посредникъ" очень рано, то нѣкоторые маклера заѣзжали по утрамъ за своими экземплярами, не дожидая ихъ разноса, особенно если выходъ газеты запаздывалъ, противъ обыкновенія, отъ

замедленія въ передачѣ депешъ. Ко мнѣ заѣзжали многіе купцы, особенно иногородные, получавшіе „Посредникъ“, при бытности ихъ по дѣламъ въ Петербургѣ; я по нѣскольку разъ въ день получалъ записки о торговыхъ дѣлахъ, или ко мнѣ заходили маклера и словесно сообщали о сдѣланныхъ ими операціяхъ. Такая дѣятельность, присущая моему изданію и бывшая наяву предъ другими посѣтителями и сотрудниками, и дала поводъ къ толкамъ о моемъ участіи въ спекуляціяхъ. Сверхъ того, если бы я дѣйствительно принималъ въ нихъ участіе, то „Посредникъ“ не имѣлъ бы къ себѣ довѣрія, потому что моя спекулятивная дѣятельность была бы извѣстна на биржѣ, слѣдовательно газета не имѣла бы столько подписчиковъ. Я не думаю, чтобы у нынѣшняго „Международнаго Телеграфнаго Агентства“, послѣ его десятилѣтняго существованія, есть столько же подписчиковъ въ средѣ торговаго міра въ Петербургѣ, сколько ихъ было у „Посредника“, двадцать два года тому назадъ, при подписной цѣнѣ въ 150 руб.

Соединившись, какъ выше сказано, въ одну группу, въ 1858 году, для полученія политическихъ телеграммъ, ежедневныя петербургскія газеты продолжали получать ихъ отъ агентства Вольфа. Рейтеръ, въ письмѣ отъ 23-го августа (4-го сентября) 1858 года, предложилъ мнѣ получать отъ него политическія телеграммы для петербургскихъ газетъ, такъ какъ онъ могъ доставлять ихъ дешевле, чѣмъ Вольфъ изъ Берлина. Письмо свое Рейтеръ написалъ по возвращеніи своемъ изъ поѣздки на континентъ Европы, когда онъ вошелъ въ новыя соглашенія для того въ Парижѣ и Амстердамѣ. Вольфу были извѣстны мои сношенія съ Рейтеромъ и наши взаимныя условія. Онъ мнѣ нѣсколько разъ предлагалъ бросить Рейтера, обѣщая выгоды для меня отъ такого перехода. Но, по сосредоточіи въ то время всего товарнаго движенія въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, мнѣ необходимо было имѣть дѣла съ англійскимъ телеграфнымъ агентствомъ. Сверхъ того, Рейтеръ былъ подвижнѣе, дѣятельнѣе сонливаго, апатичнаго берлинскаго агентства. Узнавъ о предложеніи Рейтера высылать петербургскимъ газетамъ политическія телеграммы, Вольфъ немедленно вновь понизилъ свое комиссіонное вознагражденіе и довелъ его до 1 таллера за телеграмму изъ Берлина и до 2 таллеровъ за депешу извнѣ Берлина. Редакціи петербургскихъ газетъ остались при агентствѣ Вольфа. Но зато послѣднее заключило условіе съ другими подобными учрежденіями въ Европѣ, какъ то: парижскимъ, вѣнскимъ, лондонскимъ, и въ силу этого контракта ни одно изъ нихъ не имѣло права посылать телеграммы въ Россію, или получать ихъ оттуда, помимо агентства Вольфа. Въ этомъ контрактѣ означенныя агентства раздѣлили между собою Европу, предоставивъ каждому извѣстный районъ дѣятельности. Такимъ образомъ, Германія и Европа къ востоку отъ Берлина, то есть Россія, предоставлена была эксплуатаціи агентства Вольфа. Но такое раздѣленіе не относилось до моего условія съ Рейтеромъ относительно коммерческихъ телеграммъ, которое онъ сохранялъ въ силѣ, хотя оно было заключено между

нами простымъ обмѣномъ писемъ. Вольфъ поспѣшилъ заручиться относительно Петербурга контрактомъ съ г. Дюфуромъ (книгопродавцемъ), тогдашнимъ издателемъ здѣшней французской газеты „Journal de St.-Pétersbourg". Вообще, ея редакція, какъ тогда, такъ и затѣмъ, всегда тяготѣла къ агентству Вольфа и настаивала передъ другими редакціями на сохраненіи съ нимъ связи. Отъ 24 октября (5 ноября) 1859 года, Рейтеръ писалъ мнѣ изъ Лондона, что „г. Дюфуръ заключилъ условіе съ г. Вольфомъ, къ которому и я приступилъ въ томъ отношеніи, что предоставилъ г. Вольфу отправку телеграммъ въ Россію. Я долженъ былъ поступить такимъ образомъ потому, что вступилъ съ г. Вольфомъ въ другаго рода обязательныя отношенія. Если же вы непремѣнно желаете получать отъ меня политическія телеграммы, то я съ удовольствіемъ приму на себя это порученіе и для того войду въ особое соглашеніе съ г. Вольфомъ".

Вообще, оба агентства, Рейтера и Вольфа, вели между собою упорную конкуренцію, даже когда, около 1865 года, превратились въ акціонерныя компаніи, первоначально лондонское, а затѣмъ и берлинское. Г. Вольфъ къ тому времени уже не находился во главѣ основаннаго имъ телеграфнаго предпріятія, между тѣмъ какъ Рейтеръ, только немного лѣтъ тому назадъ, передалъ управленіе дѣлами своему сыну. Во время этой конкуренціи, Вольфъ открылъ свое собственное агентство въ Лондонѣ, а Рейтеръ въ Берлинѣ, въ 1868 году. Во главѣ берлинскаго агентства Рейтера, какъ самостоятельнаго учрежденія (прусское правительство не желало имѣть у себя подобныхъ иностранныхъ агентуръ), былъ поставленъ прусскій чиновникъ Альбертсъ. Несмотря на сильныя связи агентства Альбертса съ дипломатическимъ міромъ и правительственными сферами Берлина, оно не выдержало конкуренціи съ континентальною телеграфною компаніею (Вольфа) и закрылось. Агентство же Вольфа въ Лондонѣ просуществовало еще менѣе. 21-го іюня (3-го іюля) 1862 года, Рейтеръ писалъ мнѣ, что „для возможности достиженія свободной конкуренціи въ Россіи, я сдѣлалъ г-ну Вольфу значительныя уступки и мы дружелюбно согласились считать Россію общею почвою для посылки туда телеграммъ". Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ предлагалъ русскимъ газетамъ, чрезъ меня, необыкновенно выгодныя условія, какихъ нынѣ никто уже не предложитъ, для полученія политическихъ телеграммъ, если все это дѣло будетъ сосредоточено въ его рукахъ при моемъ участіи. Предложеніе его не могло быть осуществлено вслѣдствіе сильнаго сопротивленія тогдашняго редактора „Journal de St.-Pétersbourg" г. Каппельманса, принявшаго на себя его изданіе отъ Дюфура (съ февраля 1862 года), и отстаивавшаго необходимость имѣть дѣло съ Вольфомъ.

Во время соперничества съ другими телеграфными агентствами, Рейтеръ неоднократно пытался учредить отдѣленіе своего предпріятія въ Парижѣ, понимая все значеніе имѣть въ своихъ рукахъ такіе два центра умственнаго, промышленнаго и спекулятивнаго движенія,

каковы столицы Франціи и Англіи. Однажды онъ добился аудіенціи у императора Наполеона III, какъ онъ мнѣ сообщалъ, и изложилъ ему планъ свой на случай, если ему дозволено будетъ открыть свое собственное агентство въ Парижѣ. Наполеонъ III внимательно слушалъ его, но когда Рейтеръ заговорилъ о томъ, что онъ ранѣе всѣхъ будетъ сообщать всѣ телеграммы императору, послѣдній возразилъ:

— Все это очень хорошо, но я и безъ вашей помощи буду знать ранѣе васъ всѣ телеграммы, которыя къ вамъ будутъ поступать въ Парижѣ. Я и теперь ихъ всѣ знаю, слѣдовательно ваше агентство мнѣ не нужно. Вы не можете сообщить мнѣ ничего такого, чего бы я не зналъ уже ранѣе.

Когда, въ 1861 году, наше правительство, расширяя телеграфную сѣть, перешло чрезъ Уралъ и довело ее до Тюмени, Рейтеръ отправилъ особаго агента въ Пекинъ и устроилъ еженедѣльную разсылку особыхъ курьеровъ между этимъ городомъ и ближайшею телеграфною станціею въ западной Сибири для ускоренія полученія телеграммъ изъ Китая. Въ письмѣ, отъ 10-го (22-го) февраля 1862 года, Рейтеръ сообщалъ мнѣ, что посланный имъ агентъ находится уже на пути въ Пекинъ.

Прекращеніе съ 1-го января 1864 года изданія „Посредника" лишило русскій торговый міръ коммерческихъ телеграммъ. Выходившія тогда русскія ежедневныя газеты не сообщали ихъ, хотя въ числѣ подобныхъ изданій существовали „Биржевыя Вѣдомости", К. В. Трубникова, слившаго для того свой собственный „Журналъ для акціонеровъ" съ изданіемъ министерства финансовъ—„Коммерческою газетою". „Биржевыя Вѣдомости", переставъ быть органомъ министерства финансовъ по питейно-акцизному дѣлу, сдѣлались органомъ вновь образованнаго министерства почтъ и телеграфовъ, во главѣ котораго сталъ графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой. Желаніе биржеваго купечества имѣть вновь коммерческія телеграммы на подобіе „Посредника", заявляемое съ разныхъ сторонъ, побудили г. Горна (нынѣшняго редактора-издателя „Journal de St.-Pètersbourg", а тогда главнаго помощника г. Каппельманса) разослать, въ началѣ декабря 1865 года, объявленіе по торговымъ конторамъ, съ предложеніемъ подписки на коммерческіе телеграфные бюллетени. Удовлетвореніе г. Горномъ насущной тогда потребности торговаго міра встрѣтило слѣдующій отзывъ въ № 270 „Биржевыхъ Вѣдомостей" (11-го декабря 1865 г.): „Надняхъ нѣкто г. А. Е. Горнъ, агентъ г. Вольфа, разослалъ въ особыхъ пакетахъ на имя извѣстныхъ лицъ объявленія, съ приглашеніемъ подписки на предположенное съ будущаго января изданіе „Листка биржевыхъ телеграфныхъ извѣстій", которое принимаетъ на себя берлинская контора г. Вольфа. Цѣна этому листку назначена по сту рублей (100 р.) въ годъ. Имѣя въ виду, что берлинская контора г. Вольфа находится въ связи съ тамошними банкирами и что открытіе путей для иностраннаго вліянія, посредствомъ

торговыхъ телеграммъ, на нашъ рынокъ рѣшительно неудобно, во-первыхъ, потому, что подписная цѣна, опредѣленная въ 100 р., дѣлаетъ доступнымъ полученіе торговыхъ телеграммъ только для богатыхъ фирмъ; во-вторыхъ, что такимъ образомъ монополія въ полученіи торговыхъ извѣстій, которую хочетъ водворить у насъ контора Вольфа, послѣдуетъ къ явному вреду для торговли вообще и для интересовъ недостаточныхъ купеческихъ фирмъ въ особенности,—мы признаемъ нашею обязанностію своевременно предупредить вмѣшательство такого рода иностранцевъ въ наши торговыя дѣла, и съ этою цѣлію, а также, чтобы воспользоваться значительнымъ пониженіемъ тарифа на телеграфныя депеши по новой телеграфной конвенціи, которая осязательно указываетъ на вопіющую несообразность подписной цѣны за „Листокъ" г. Вольфа, мы не замедлимъ обратиться къ нашимъ корреспондентамъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, о сообщеніи для „Биржевыхъ Вѣдомостей" торговыхъ телеграммъ".

Вслѣдствіе ли подобной выходки противъ г. Горна, произведшей въ журнальномъ мірѣ невыгодное для „Биржевыхъ Вѣдомостей" впечатлѣніе, или по малочисленности подписки, только г. Горнъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе и возвратилъ подписавшимся внесенныя ими деньги. Дѣйствительно, первыя коммерческія телеграммы появились, 19-го декабря 1865 г., въ № 277 „Биржевыхъ Вѣдомостей", но онѣ были, что называется, жидки и не удовлетворяли дѣйствительнымъ потребностямъ въ томъ торговаго міра. При встрѣчахъ съ банкирами, купцами, маклерами, я неоднократно былъ привѣтствуемъ слѣдующею фразою, даже много лѣтъ спустя послѣ прекращенія „Посредника":

— Вашего „Посредника" никто не замѣнилъ; начните его вновь.

— Обезпечьте его изданіе,—былъ мой отвѣтъ,—взаимною подпискою; иначе не начну; 1861 годъ меня проучилъ.

— Начинайте только; подписчиковъ будетъ болѣе прежняго.

Но, въ началѣ 1866 года прибылъ, въ Петербургъ изъ Берлина уполномоченный континентальной телеграфной компаніи (Вольфа), подполковникъ прусской службы, фонъ-Конрингъ. Образованный, свѣтскій, дипломатически воспитанный, снабженный вліятельными рекомендаціями, онъ получилъ немедленно доступъ въ придворныя, правительственныя, биржевыя сферы. Конрингъ подалъ министру почтъ и телеграфовъ прошеніе о разрѣшеніи ему основать въ Петербургѣ телеграфное агентство. Я познакомился съ нимъ слѣдующимъ образомъ.

Въ началѣ марта 1866 года, я получилъ приглашеніе отъ банкира Кап герa придти къ нему по одному дѣлу въ его контору, которая тогда помѣщалась въ Кадетской линіи, на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ Риттера (нынѣ Лампе). Сыновья Кап гера были моими школьными товарищами; я былъ принятъ въ его семействѣ. Старикъ Кап геръ былъ въ числѣ тѣхъ банкировъ и негоціантовъ, которые содѣйствовали успѣху

моего „Посредника“ сообщеніемъ мнѣ свѣдѣній о биржевыхъ дѣлахъ, всегда достовѣрныхъ и по содержанію своему часто исключительнаго интереса. При его участіи были реализированы первыя (послѣ выпуска 4½% облигацій главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ) облигаціи частной желѣзной дороги, именно 5% московско-рязанскія, гарантированныя правительствомъ, на сумму 5 милліоновъ рублей, причемъ, кажется, Капгеромъ и была указана возможность получать этимъ путемъ деньги для постройки нашихъ рельсовыхъ путей, выпуская облигаціи въ заграничной валютѣ. Московско-рязанскія облигаціи были обозначены цѣною въ 200 прусск. тал. Также, кажется, при посредствѣ Капгера, была найдена возможность реализировать первый выпускъ закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ январѣ 1868 года, на 10.000,000 р. мет., для чего и былъ заключенъ извѣстный контрактъ съ франкфуртскимъ домомъ Ротшильда. По тогдашнимъ слухамъ, Капгеръ нажилъ отъ этихъ двухъ операцій, равно скупомъ акцій московско-рязанской дороги во время ихъ самаго сильнаго пониженія (до 1861 года), большое состояніе, которое позволило ему ликвидировать затѣмъ свои дѣла, закрыть свою контору и удалиться на спокойное жительство въ Дрезденъ, гдѣ онъ даже пріобрѣлъ себѣ баронское достоинство [1]).

Старикъ Капгеръ встрѣтилъ меня вопросомъ: желаю ли я стать во главѣ управленія телеграфнымъ агентствомъ въ Петербургѣ, которое будетъ учреждено при его участіи съ берлинскими банкирами, съ которыми онъ находится въ дѣлахъ, и для чего присланъ сюда г. Конрингъ, съ которымъ онъ меня сегодня же познакомитъ, такъ какъ онъ явится чрезъ полчаса? Капгеръ мнѣ сказалъ, что онъ указалъ на меня, какъ на доказавшаго свои знанія въ этомъ дѣлѣ изданіемъ „Посредника“, какъ на знающаго иностранные языки, и что остановка только за моимъ согласіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не скрылъ отъ меня, что берлинскіе банкиры, товарищи его въ этомъ дѣлѣ, принимаютъ также участіе въ составленномъ ими акціонерномъ капиталѣ континентальной телеграфной компаніи. Въ этотъ же день я познакомился у Капгера съ Конрингомъ. Послѣдній велъ уже переговоры съ министрами и желалъ продолжать ихъ лично, а потому мнѣ оставалось только ждать ихъ результата.

Такъ какъ вслѣдъ за г. Конрингомъ и г. Трубниковъ, вмѣстѣ съ другими лицами, подалъ прошеніе министру почтъ и телеграфовъ объ основаніи „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, то, по тогдашнимъ слухамъ, по высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ особенный ко-

---

[1]) Услугами Капгера пользовалось неоднократно и министерство финансовъ. Чрезъ него продана была за-границу старинная мѣдная монета (екатерининская и другая); въ его конторѣ, въ августѣ 1860 года, выдавалось мелкое серебро (при исчезновеніи серебра изъ обращенія, за вывозомъ за-границу), въ обмѣнъ на кредитные билеты, до 10 руб. въ однѣ руки,—заводчикамъ, фабрикантамъ, но не мѣняламъ и проч.

митетъ для обсужденія этого дѣла. Въ составъ комитета вошли три министра: иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ, внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, и почтъ и телеграфовъ, И. М. Толстой. Комитетомъ постановлено было въ принципѣ устранить основаніе въ Петербургѣ и въ Россіи иностраннаго телеграфнаго агентства, дозволить учрежденіе „Русскаго Телеграфнаго Агентства" и только въ случаѣ, если оно не въ состояніи будетъ сформироваться, допустить иностранное агентство. Эти слухи подтверждаются письмами г. Конринга ко мнѣ и сообщенными имъ мнѣ свѣдѣніями отъ 31-го марта 1866 г., въ Петербургѣ. Онъ писалъ мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ: „Позвольте мнѣ вамъ сообщить, что министръ внутреннихъ дѣлъ, несмотря на данное имъ обѣщаніе, до сихъ поръ оставляетъ безъ всякаго отвѣта присланное имъ на заключеніе министромъ почтъ и телеграфовъ прошеніе о моемъ предпріятіи, а г. Толстой мнѣ объявилъ, что онъ, вслѣдствіе того, не можетъ внести этого дѣла въ комитетъ министровъ". 15-го апрѣля г. Конрингъ увѣдомилъ меня, что онъ получилъ отвѣтъ отъ И. М. Толстаго и просилъ меня навѣстить его въ гостинницѣ Клея (въ Михайловской улицѣ), гдѣ онъ жилъ. При свиданіи онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее полученное имъ увѣдомленіе, на французскомъ языкѣ, „изъ кабинета (cabinet) министра (такъ стояло въ заголовкѣ) почтъ и телеграфовъ", отъ 13-го (25) апрѣля 1866 года, за № 112: „Милостивый государь. Въ отвѣтъ на ваше письмо, отъ 9-го сего апрѣля, честь имѣю вамъ сообщить, что я не имѣлъ еще случая получить мнѣніе министровъ, моихъ товарищей, по поводу вашего проекта основанія въ Петербургѣ телеграфнаго агентства. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ вамъ, милостивый государь, сообщить, что подобныя прошенія уже поданы мнѣ многими русскими компаніями. Впрочемъ, вы можете надѣяться, что если какая нибудь иностранная компанія явится конкуренткою русскимъ компаніямъ, уже учрежденнымъ, то вамъ будетъ дано преимущество. Примите и проч. И. Толстой" [1]).

Между тѣмъ, высочайшимъ повелѣніемъ 14-го апрѣля 1866 г., по всеподданнѣйшему докладу министра почтъ и телеграфовъ, дозволено было учредить „Русское Телеграфное Агентство". Конрингъ, разумѣется, уѣхалъ въ Берлинъ; отъ 13-го (25-го) мая того же года, онъ писалъ мнѣ изъ Берлина, что проектъ учрежденія имъ агентства въ Петербургѣ вовсе не оставленъ, что онъ возникнетъ вскорѣ въ другомъ видѣ, но что тогдашнія политическія обстоятельства не дозволяютъ ему заняться этимъ дѣломъ. Онъ сообщалъ мнѣ въ письмѣ подробныя свѣдѣнія о предстоящей войнѣ между Австріею и Пруссіею, которая, дѣйствительно, и вспыхнула. Затѣмъ о г. Конрингѣ и его проектахъ я ничего болѣе не слыхалъ. Г. Кап-

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Толстой возведенъ былъ въ графское достоинство 16-го апрѣля 1866 года.

геръ, который могъ бы сильно содѣйствовать осуществленію предпріятія, если бы не ограничился только денежнымъ въ немъ участіемъ и если бы не надѣялся на рекомендаціи, имѣвшіяся у Конринга, также замолчалъ о дѣлѣ, которое не имѣло успѣха.

Печатный циркуляръ „Русскаго Телеграфнаго Агентства", возвѣстившій объ его учрежденіи, съ приглашеніемъ къ подпискѣ на его телеграммы, разосланъ былъ въ концѣ мая и въ началѣ іюня (одобренъ къ печати цензурою 26-го мая 1866 г.). Агентство начало свою дѣятельность въ іюлѣ. Учредителями агентства были названы въ циркулярѣ: торговый домъ Густавъ А. Гауфъ и комп., коммерціи совѣтникъ И. А. Глазовъ, банкирскій домъ Лепенау и комп., титулярный совѣтникъ К. Трубниковъ и с.-петербургскій негоціантъ Карлъ Шпигель. Отвѣтственнымъ лицомъ за содержаніе телеграммъ передъ правительствомъ назначенъ былъ г. Трубниковъ. „Русское Агентство" стало получать свои телеграммы отъ Рейтера, отъ агентства Дамнеса (Гаваса тожъ) въ Парижѣ, отъ телеграфнаго бюро Леопольда Поппе [1]) (въ Гамбургѣ и Берлинѣ), отъ вѣнскаго телеграфнаго агентства („Correspondenz bureau", полуофиціальнаго учрежденія) и отъ телеграфнаго агентства Стефани (тогда находившагося во Флоренціи, а затѣмъ перебравшагося въ Римъ, по занятіи его итальянцами). Цѣна бюллетенямъ агентства была назначена 100 руб. въ годъ для абонента.

Петербургскія ежедневныя газеты, получавшія по прежнему сообща свои политическія телеграммы изъ Берлина отъ континентальной телеграфной компаніи, на предложеніе „Русскаго Телеграфнаго Агентства" пользоваться его матеріаломъ, отвѣчали отказомъ. Началась война 1866 года между Австріею и Пруссіею, союзницею которой была Италія. Телеграммъ о побѣдахъ австрійцевъ надъ итальянцами, при Кустоццѣ и Лиссѣ, берлинское агентство, прекратившее тогда свои долголѣтнія сношенія съ вѣнскимъ полуофиціальнымъ агентствомъ, не передало въ Петербургъ и наша публика узнала объ этихъ событіяхъ изъ телеграммъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства". Редакціи петербургскихъ газетъ, лишенныя такой важной новости, обидѣлись на континентальную телеграфную компанію. Онѣ отказались получать телеграммы отъ послѣдней и приняли предложенія русскаго агентства. Поэтому, осенью 1866 года, по заключеніи мира между Австріею и Пруссіею, въ Вѣнѣ собралась своего рода конференція уполномоченныхъ четырехъ телеграф-

---

[1]) Послѣ неудачной конкуренціи въ Германіи съ континентальною телеграфною компаніею, г. Поппе перенесъ, въ 1871 году, свою дѣятельность изъ Гамбурга въ Парижъ, откуда сталъ посылать телеграммы въ разныя газеты, гдѣ основалъ двѣ коммерческія газеты, „Pariser Boersenblatt" и „La côte Européenne" и вошелъ въ связь съ берлинскимъ агентствомъ Гирша. Въ Гамбургѣ же образовалось солидное акціонерное телеграфное агентство „Boersenhalle" (биржи) при поддержкѣ тамошней биржи. Рейтеръ также закрылъ въ Гамбургѣ свое агентство, но оставилъ его въ Амстердамѣ.

ныхъ агентствъ: гамбургскаго, берлинскаго, парижскаго и вѣнскаго, для выясненія ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ другимъ агентствамъ, преимущественно вслѣдствіе возникновенія въ Россіи самостоятельнаго телеграфнаго учрежденія. Конференція эта не имѣла никакого особеннаго результата.

Въ исходѣ 1867 года, редакціи шести петербургскихъ ежедневныхъ газетъ заявили свое желаніе, съ 1-го января 1868 года, вновь получать телеграммы отъ континентальной телеграфной компаніи изъ Берлина, но съ 1-го апрѣля 1868 года вновь обратились къ услугамъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства". Въ 1870 году, онѣ снабжались телеграммами вновь изъ Берлина и въ войну 1870—1871 года Германіи съ Франціею быстрота и свѣжесть извѣстій были на сторонѣ континентальной компаніи, а не русскаго агентства.

Къ немногимъ заслугамъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства", въ 1871 году существовавшаго почти только номинально, а въ 1872 г. закрывшагося, принадлежитъ устройство полученія телеграммъ изъ Персіи (изъ Тавриза), гдѣ агентомъ его былъ одинъ чиновникъ персидскаго телеграфнаго вѣдомства, и полученіе телеграммъ изъ Константинополя помимо турецкой цензуры. Корреспондентомъ агентства въ Константинополѣ былъ покойный баронъ Штейгеръ, главный тамошній уполномоченный русскаго общества пароходства и торговли. Г. Штейгеру содѣйствовалъ его помощникъ, г. Цедербаумъ. Составленная въ Константинополѣ телеграмма посылалась съ пароходомъ въ Одессу (тогда еще не существовало подводнаго телеграфнаго кабеля между этимъ городомъ и столицею Турціи), гдѣ немедленно отдавалась на телеграфную станцію для передачи въ Петербургъ. Такимъ путемъ извѣстія изъ Константинополя приходили въ остальную Европу тремя сутками ранѣе практиковавшагося до того способа передачи ихъ съ пароходами, ходившими между Стамбуломъ и Тріестомъ. Телеграммы, передаваемыя барономъ Штейгеромъ (часто отлучавшимся по своимъ занятіямъ изъ Константинополя), или его помощникомъ, отличались достовѣрностью и свѣжестью извѣстій, потому что получались ими изъ вполнѣ компетентнаго источника, раскрывать который теперь, можетъ быть, неблаговременно. Персидскія и турецкія телеграммы „Русскаго Телеграфнаго Агентства" передавались имъ чрезъ заграничныя агентства въ иностранныя газеты и охотно ими принимались по серьезности своего политическаго содержанія и значенія. „Русское Телеграфное Агентство" также учредило своего корреспондента въ Китаѣ, такъ что осада тамошняго города Тіенцзина была возвѣщена Европѣ и Америкѣ прежде всего телеграммою этого агентства.

Лѣтомъ 1871 года, я получилъ приглашеніе, чрезъ А. А. Краевскаго, принять участіе въ сформированіи новаго телеграфнаго агентства, съ тѣмъ чтобы управлять имъ. А. А. Краевскій въ самомъ началѣ сказалъ мнѣ, что въ образованіи этого агентства онъ не будетъ принимать участія и что необходимый для дѣла основной капиталъ будетъ

данъ русскими капиталистами. Затѣмъ оказалось, что во главѣ предпріятія стоитъ коммерціи совѣтникъ Я. Я. Фейгинъ. Онъ, дѣйствительно, осенью ѣздилъ въ Москву для приглашенія къ участію въ новомъ агентствѣ тамошнихъ капиталистовъ, но не встрѣтилъ у нихъ сочувствія къ этому дѣлу. Нѣкоторые изъ московскихъ капиталистовъ-купцовъ отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ сдѣланъ былъ выговоръ отъ высочайшаго имени, за ихъ участіе капиталами въ изданіи прекращенной передъ тѣмъ газеты „Москва".

— Пособить дѣлу деньгою, да получить за то выговоръ,—слуга покорный. Давая деньги, мы не знали, что газету „Москву" запретятъ. Трудно знать поэтому впередъ, что̀ выйдетъ изъ агентства.

Передаю такъ, какъ слышалъ въ то время.

Въ октябрѣ 1871 года, я лично подалъ управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (за отсутствіемъ генералъ-адъютанта Тимашева), статсъ-секретарю князю Лобанову-Ростовскому (нынѣ послу въ Лондонѣ), прошеніе о дозволеніи учредить въ Петербургѣ „Международное Телеграфное Агентство". Названіе было предложено мною. Прошеніе было подписано двумя учредителями, коммерціи совѣтникомъ Фейгинымъ и мануфактуръ-совѣтникомъ Сазиковымъ. Послѣдній подписывая прошеніе, сказалъ мнѣ, что онъ никакого участія, ни денежнаго, ни другаго, въ агентствѣ принимать не будетъ и что онъ входитъ въ дѣло только по просьбѣ Я. Я. Фейгина. Князь Лобановъ-Ростовскій принялъ меня въ томъ же самомъ помѣщеніи министерскаго дома (у Александринскаго театра), гдѣ, за десять лѣтъ передъ тѣмъ [1]), я имѣлъ свиданіе съ С. С. Ланскимъ по поводу предстоявшаго знаменательнаго дня 19-го февраля 1861 года, но голубаго кабинета бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ уже не существовало.

Высочайшее утвержденіе „Международнаго Телеграфнаго Агентства" состоялось 5-го ноября 1871 года. Я былъ назначенъ его управляющимъ и отвѣтственнымъ редакторомъ его телеграммъ. Для переговоровъ съ заграничными телеграфными агентствами, г. Фейгинымъ былъ посланъ чиновникъ телеграфнаго департамента, Николай Ѳедоровичъ Крапухинъ, отправлявшійся, по порученію своего начальства, въ Римъ на тогдашній международный телеграфный конгрессъ. Онъ нашелъ возможнымъ заключить нотаріальный контрактъ только съ континентальною телеграфною компаніею въ Берлинѣ. По этому контракту всѣ главныя агентства въ Европѣ, входя въ обязательство

[1]) Въ 1876 году, учредилось въ Петербургѣ еще особое телеграфное агентство г. Поггенполя („Agence Générale Russe"), съ ежегодною правительственною субсидіею въ 25.000 руб. Подобныхъ субсидій не получало прежде ни одно агентство въ Россіи. Я передавалъ правительственныя сообщенія въ 1862 году за-границу безвозмездно, расходуя свои средства на оплату телеграммъ, по временамъ, безвозвратно. Всѣ агентства въ Россіи (кромѣ г. Поггенполя) усиливали только доходы государственнаго казначейства, а не истощали ихъ, увеличивая число передаваемыхъ телеграммъ. Агентство г. Поггенполя оказалось на дѣлѣ безполезнымъ учрежденіемъ.

доставлять свои телеграммы „Международному Телеграфному Агентству“, обязались съ тѣмъ вмѣстѣ не имѣть ни съ кѣмъ въ Россіи подобныхъ сношеній. За такую монополію, однако, берлинская компанія потребовала ежегоднаго вознагражденія въ 10.000 прусскихъ талеровъ, сверхъ уплаты за телеграммы по тарифу. Я нашелъ это требованіе чрезмѣрнымъ, невозможнымъ для агентства въ Россіи, зная, по предшествовавшему опыту, что наше отечество не Англія и не Франція или Германія, относительно спроса со стороны публики и торговаго міра на телеграммы. Мой голосъ не могъ одолѣть голоса г. Крапухина и контрактъ былъ заключенъ. Это была фундаментальная ошибка, которая нанесла значительные убытки „Международному Агентству“.

Континентальная телеграфная компанія, доставлявшая политическія телеграммы русскимъ газетамъ, потребовала, до подписанія контракта съ нимъ, письменнаго увѣдомленія отъ уполномоченнаго здѣшнихъ редакцій, г. Мейера (тогдашняго редактора „Petersburger Zeitung“), что онѣ отказываются отъ полученія отъ нея телеграммъ и будутъ ихъ получать отъ „Международнаго Телеграфнаго Агентства“. Всѣ редакціи согласились на мое предложеніе по этому предмету и перешли къ послѣднему агентству.

„Международное Телеграфное Агентство“ открыло свои дѣйствія съ 1-го января 1872 года, слѣдовательно существуетъ уже десять лѣтъ. Въ началѣ 1872 года, дѣла коммерціи совѣтника Фейгина разстроились и только тогда права его и г. Сазикова, какъ учредителей, перешли къ А. А. Краевскому. Въ то время онъ тяготился этимъ бременемъ, что̀ неоднократно высказывалъ мнѣ письменно и словесно, во время моего управленія агентствомъ, до 3-го іюня 1875 года, когда я принялъ на себя редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Отвѣтственнымъ редакторомъ телеграммъ „Международнаго Агентства“ былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ А. А. Краевскій еще въ маѣ того же года [1]). Съ того времени „Международное Телеграфное Агентство“ постепенно утратило прежній свой характеръ нейтральнаго учрежденія въ средѣ петербургскихъ газетъ, чѣмъ и навлекло на себя ихъ неудовольствіе. До іюня 1875 года этихъ неудовольствій не существовало.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) См. „Мои воспоминанія“, „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 107.

ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССІИ ВЪ 1674 ГОДУ.

I.

Несмотря на заключенный въ 1661 году, въ Кардисѣ, миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, между Россіей и Швеціей продолжали существовать непріязненныя отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли, и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ. Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани, и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей, шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника, графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тизенгаузена, лифляндскаго ландрата Готарда Будберга, и ассесора комерцъ-коллегіи Іоанна Лиліенгофа.

Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой артиллерійскій капитанъ Эрикъ Пальмквистъ, имѣвшій всего 23 года отъ рожденія, но уже успѣвшій обратить на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведенными имъ работами по укрѣпленію Риги.

Во время пребыванія своего въ Россіи вмѣстѣ съ посольствомъ, Пальмквистъ велъ дневникъ, который представилъ по возвращеніи въ Швецію королю. Дневникъ этотъ, хранящійся въ шведскомъ государственномъ архивѣ и лишь недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ, носитъ слѣдующее заглавіе: „Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des Wäger, Pass medh Fästningar

och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist.“ (Нѣсколько замѣчаній о Россіи, о ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ, во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю. Составлены Эрикомъ Пальмквистомъ.) Къ рукописи приложены 28 листовъ рисунковъ, картъ и плановъ in-folio, рисованныхъ самимъ Пальмквистомъ. Въ своемъ обращеніи къ королю, которое служитъ

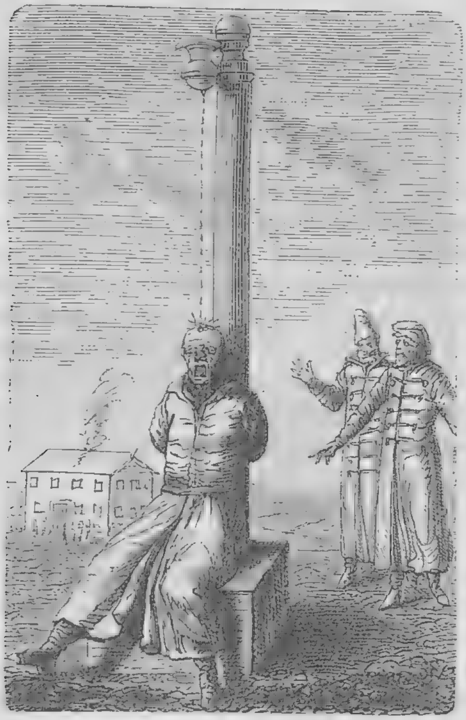
Поѣздъ знатной русской боярыни XVII столѣтія.

предисловіемъ къ дневнику, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „я самъ въ разныхъ мѣстахъ тайно наблюдалъ и рисовалъ, рискуя собой, а также получалъ за деньги нѣкоторыя свѣдѣнія отъ русскихъ подданныхъ.“ Къ Россіи Пальмквистъ относится вообще неблагосклонно. Онъ называетъ русскихъ „націей недовѣрчивой, несговорчивой, робкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменной, много о себѣ воображающей и съ презрѣніемъ относящейся ко всему иностранному.“ „Русскіе,—говоритъ Пальмквистъ,—обладаютъ необыкновенной физической крѣпостью, очень способны къ труду, но при этомъ крайне лѣнивы и охотнѣе всего предаются разгулу, до тѣхъ поръ, пока нужда не заставитъ ихъ взяться за дѣло. Ничто не идетъ болѣе къ русскому характеру, какъ торговать, барышничать, обманывать, потому что честность русскаго рѣдко можетъ устоять передъ деньгами; онъ такъ жаденъ и корыстолюбивъ, что считаетъ всякую прибыль честной. Русскій не имѣетъ понятія о правдивости и видитъ во лжи только прикрасу; онъ столь искусно умѣетъ притворяться, что большею частью нужно употребить много усилій, чтобы не быть имъ обманутымъ. Русскій по природѣ очень способенъ ко всѣмъ ремесламъ и можетъ изворачиваться при самыхъ скудныхъ средствахъ. Купецъ, или солдатъ, отправляясь въ дорогу, довольствуются тѣмъ, что берутъ съ собой сумку съ овсяной мукой, изъ которой они и приготовляютъ себѣ обѣдъ, взявъ нѣсколько ложекъ муки и смѣшавъ её съ водой; такая смѣсь служитъ имъ и напиткомъ и кушаньемъ.“ На основаніи

свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи, Пальмквистъ, какъ бы пророчески указывая на будущее пораженіе русскихъ подъ Нарвой, считалъ себя вправѣ предсказывать шведскому королю, что „подданные Карла XI, подъ его предводительствомъ, какъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ въ особенности въ восточной странѣ (т. е. Россіи) найдутъ достаточно мѣста и матерьяла, чтобъ воздвигнуть въ вѣчную славу его величества видный трофей.“

Въ прошломъ году, въ иллюстрированной шведской газетѣ „Illustrerad Tidning“ появилось небольшое извлеченіе изъ дневника Пальмквиста, сопровождаемое четырьмя, заимствованными оттуда же, политипажами. Полагая, что читателямъ „Историческаго Вѣстника“ будетъ небезъинтересно познакомиться съ этими цѣнными не только для шведовъ, но и для насъ, рисунками, мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ уменьшенной, но точной копіи.

Первый рисунокъ изображаетъ зимній поѣздъ знатной русской боярыни. Тяжелый, массивный возокъ тянется по глубокому снѣгу шестью лошадьми, запряженными „гусемъ“. Толпа раболѣпныхъ слугъ окружаетъ экипажъ, или помогая лошадямъ, или готовясь исполнить по первому знаку приказанія своей госпожи; встрѣчные люди еще издалека сворачиваютъ въ сторону и, почтительно снявъ шапки, пропускаютъ мимо себя поѣздъ.

Пытка водой.

На второмъ рисункѣ представлена практиковавшаяся тогда въ Россіи „пытка водой“. На первый взглядъ, повидимому, безвредная, она была страшно мучительна. Надъ преступникомъ, крѣпко привязаннымъ къ столбу, утверждался на извѣстной вышинѣ сосудъ особаго устройства, непрерывно выпускавшій изъ себя крупныя капли холодной воды, которыя, съ математическою точностью падая на обнаженное темя несчастнаго, производили нестерпимыя страданія.

Третій рисунокъ изображаетъ тогдашній Николо-Угрѣшскій монастырь, находившійся въ 10—15 верстахъ отъ Москвы, гдѣ обыкно-

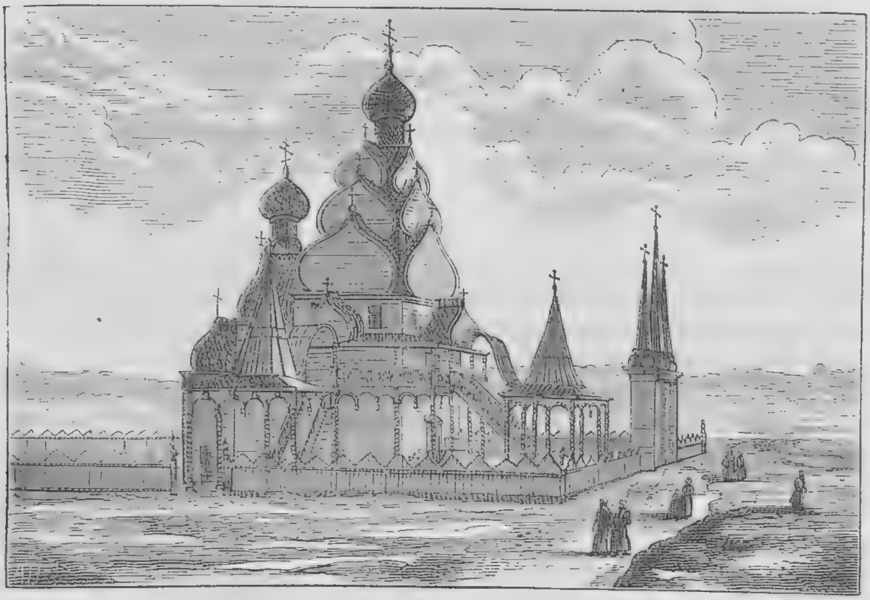
венно иностранныя посольства останавливались для небольшого отдыха передъ въѣздомъ въ столицу, а четвертый представляетъ пріемъ шведскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ частности, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ нѣсколько погрѣшностей, такъ какъ Пальмквистъ рисовалъ его, разумѣется, на память, по возвращеніи съ аудіенціи (напр., рынды, окружающіе тронъ, представлены, вмѣсто собольихъ, въ горностаевыхъ шапкахъ), но въ общемъ—онъ вѣренъ и характеренъ.

II.

Шведское посольство отправилось изъ Стокгольма 21-го августа 1673 года, на военномъ кораблѣ „Uttern“ и, четыре дня спустя, прибыло въ Фурусундъ, куда въ наше время пароходы совершаютъ свои рейсы въ четыре часа. Простоявъ здѣсь около недѣли по случаю противнаго вѣтра, „Uttern“ лишь 14-го сентября вошелъ въ Ревельскую гавань. Отдохнувъ въ Ревелѣ, посольство двинулось далѣе уже въ экипажахъ и 18-го ноября достигло русской границы, гдѣ было встрѣчено царскими приставами, назначенными сопровождать его по Россіи. Переѣздъ черезъ границу совершенъ былъ въ торжественной процессіи, которую замыкала „собственная его королевскаго величества карета“. На каждой станціи для посольскаго поѣзда заготовлялось 440 лошадей. Въ Новгородѣ возникло неожиданное затрудненіе, едва не принудившее Оксенширна вернуться обратно. До сихъ поръ ни одно шведское посольство не брало съ собой „собственной его королевскаго величества кареты“ и въ данномъ случаѣ присутствіемъ ея дѣлалась русскимъ „особая честь“. Но оказалось, что ворота, черезъ которыя долженъ былъ совершиться въѣздъ посольства въ Новгородъ, были слишкомъ низки для кареты и потому новгородскій воевода Шереметевъ предложилъ Оксенширну оставить въ предмѣстьи ихъ громоздкій экипажъ и совершить въѣздъ въ царской каретѣ. Послы обидѣлись такимъ предложеніемъ, сочтя его „подрывомъ репутаціи шведскаго короля“, и ни за что не хотѣли разстаться съ своей каретой, хотя ширина и высота воротъ ясно показывала, что она никакъ не можетъ протиснуться черезъ нихъ. Послѣ долгихъ споровъ и объясненій, Шереметевъ приказалъ, наконецъ, разломать ворота настолько, чтобы черезъ нихъ могла свободно пройти „собственная его королевскаго величества карета“. Въѣхавъ съ обычной церемоніей въ Новгородъ, послы прожили въ немъ до 2-го декабря и затѣмъ продолжали дальнѣйшій путь уже безпрекословно въ царской каретѣ „со сводчатымъ балдахиномъ, четырьмя вызолоченными шарами по угламъ, позолотой снаружи и обитой внутри краснымъ бархатомъ“.

Наканунѣ Рождества, посольство достигло Николо-Угрѣшскаго монастыря, построеннаго, по словамъ Пальмквиста, „въ пестромъ стилѣ,

составляющемъ отличительную черту русско-восточныхъ зданій". Приведя себя здѣсь въ порядокъ, послы двинулись къ Москвѣ. Въ пяти верстахъ отъ столицы началась живая изгородь изъ войска, доходившая до самаго города. По лѣвую сторону были расположены 24 полка пѣхоты съ 200 орудій, а по правую кавалерія. Передъ каждой ротой стояли трубачи и музыканты съ бубнами и свирѣлями, производившіе, по словамъ Пальмквиста, „страшный шумъ". Хотя день былъ очень морозный, посольству пришлось, однако же, двигаться впередъ шагъ за шагомъ и оно только въ сумерки добралось до Москвы.

Николо-Угрѣшскій монастырь въ XVII столѣтіи.

У самаго города его встрѣтили три царскихъ пристава, которые вышли изъ своихъ саней, чтобы привѣтствовать прибывшихъ отъ имени государя, такъ что посламъ пришлось также вылѣзти изъ кареты и выслушивать любезности и отвѣчать на нихъ подъ открытымъ небомъ, на морозѣ.

3-го января 1674 года, назначена была торжественная аудіенція посламъ, но въ этотъ самый день между шведами и русскими возникъ споръ по одному церемоніальнему вопросу, сдѣлавшій аудіенцію невозможной. Русскіе требовали, чтобы послы вступили въ тронную залу безъ тростей и шпагъ и съ обнаженной головой. Послы согласились оставить трости и шпаги, но отказались обнажить головы, такъ какъ не имѣли на этотъ счетъ инструкцій. Напрасно пристава убѣждали и доказывали, что „даже послы римскаго цезаря не явля-

ются передъ царемъ на аудіенціи съ покрытыми головами". Оксенширнъ упорствовалъ, выражая сожалѣніе, что „изъ всего дѣла ничего не выходитъ", ибо пословъ не хотятъ допустить къ аудіенціи „съ должнымъ его королевскому величеству решпектомъ и почетомъ". Такимъ образомъ, въ этотъ день аудіенція не состоялась. На слѣдующій день послы стали просить дозволенія послать въ Швецію гонца, чтобы „повергнуть дѣло на усмотрѣніе короля". Но русскіе, раздраженные упорствомъ Оксенширна, были „просто грубы" и не только не разрѣшили отправки гонца, но приказали стражѣ никого не выпускать изъ посольскаго помѣщенія и никого не впускать туда. Эта мѣра, которая обыкновенно примѣнялась въ Россіи къ иностраннымъ посламъ до полученія ими аудіенціи, обрушилась весьма непріятно на шведскаго резидента въ Москвѣ, Адольфа Эбершёльда, который случайно находился у пословъ; задержанный вмѣстѣ съ другими, онъ принужденъ былъ провести ночь на голой скамьѣ.

Раздоры между русскими и шведами продолжали усиливаться, и 6-го числа посламъ было объявлено царское приказаніе—на слѣдующій день готовиться къ отъѣзду.

— Это мы готовы сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Оксенширнъ и велѣлъ укладывать вещи.

Тогда русскіе сдѣлались уступчивѣе и разрѣшили послать гонца въ Швецію. Переводчикъ Самуилъ Эосандеръ посланъ былъ 15-го января съ письмомъ къ Карлу XI; онъ возвратился въ Москву 19-го марта съ отвѣтомъ, что король согласенъ исполнить требованіе царя.

30-го марта, аудіенція, наконецъ, состоялась. Цѣлыхъ три мѣсяца пропали напрасно изъ-за пустыхъ формальностей, которыя играли столь важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между двумя рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королемъ, а царицѣ—вдовствующей королевой Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два; они состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (умывальникъ, сосуды для воды, ваза для конфектъ, корзины, кубки, стаканы и т. п.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: „большая художественно сдѣланная люстра съ десятью подсвѣчниками изъ массивнаго серебра", „искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собой". Вдовствующая королева дарила царицѣ различные предметы изъ „благоуханнаго дерева-алоэ", между прочимъ, шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоцѣнными камнями, шесть „необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ вѣеровъ", часы золотые, „прекрасную ночную юбку", „вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную кофту" и „всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты". За подарками ѣхалъ маршалъ посольства Германъ фонъ-Ферзенъ, потомъ слѣдовали

слуги, канслисты, пасторъ, переводчики, лекарь, гофъ-юнкеръ, секретари, несшіе кредитивные грамоты пословъ на голубой тафтѣ, пажи, потомъ сами послы въ царской каретѣ, везомой парой вороныхъ коней, и, наконецъ, „собственная его королевскаго величества карета", окруженная драбантами.

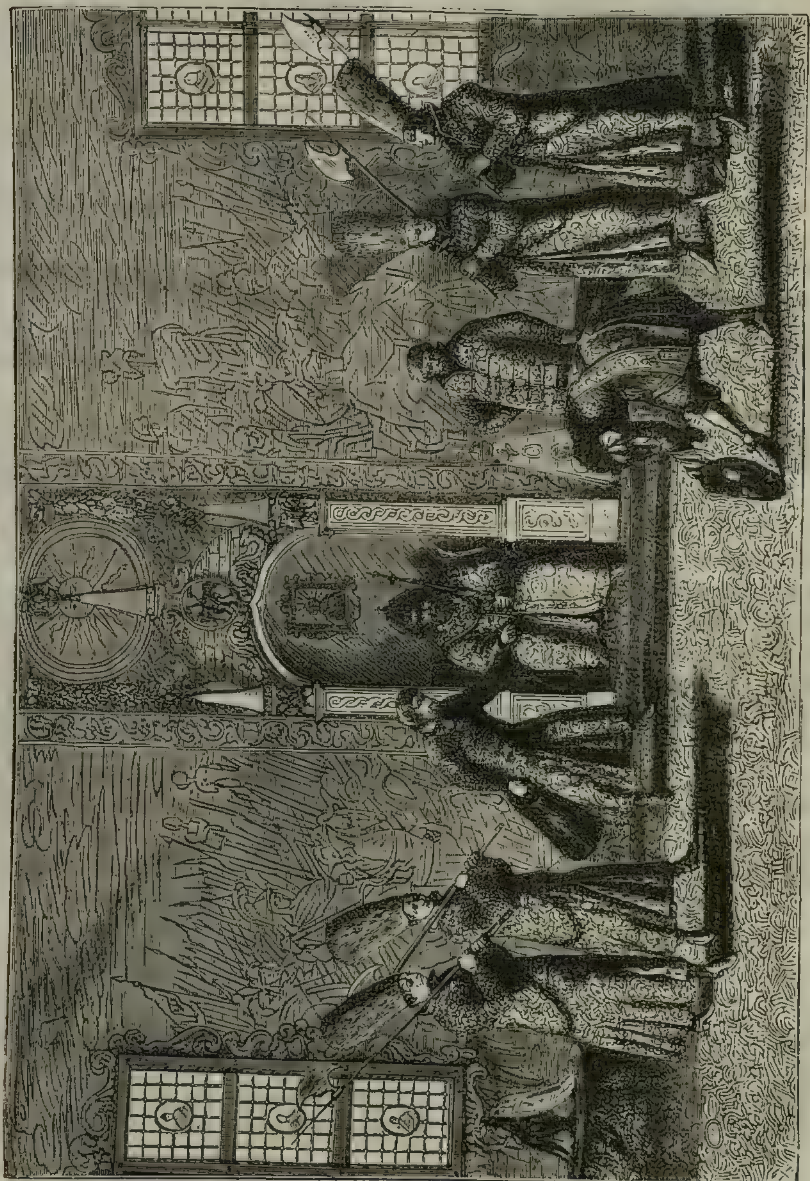
Въ пріемной комнатѣ, гдѣ толпились царедворцы, пословъ встрѣтилъ князь Андрей Хилковъ (Kiltov), проводившій ихъ въ тронную залу. Пальмквистъ, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлалъ довольно точный рисунокъ этой залы. По стѣнамъ висѣли дорогіе тканые обои, на которыхъ были изображены сцены изъ миѳологіи и исторіи; рѣшетчатыя окна были украшены нарисованными на стеклѣ портретами въ видѣ медальоновъ; золотые и серебряные сосуды блистали на покрытыхъ бархатомъ поставахъ. Царь сидѣлъ на тронѣ, украшенномъ двуглавымъ орломъ, подъ богатымъ балдахиномъ; онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, а на головѣ имѣлъ небольшую шапку-корону. Въ сторонѣ, на особомъ поставѣ, лежала держава. По обѣимъ сторонамъ трона стояли рынды въ одеждахъ, затканныхъ серебромъ и подбитыхъ мѣхомъ, и въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксеншириъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ „подойти къ своей рукѣ". Оксеншириъ изложилъ цѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьи пословъ. Потомъ окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царь поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьи, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

На другой день послѣ царской аудіенціи, между шведами и русскими открылись переговоры. Со стороны русскихъ ихъ вели Матвѣевъ и бояре князья Юрій Алексѣевичъ и Михаилъ Юрьевичъ Долгорукіе.

— Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ,— началъ Оксеншириъ,—и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ. Да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ турецкій, наступилъ войною на королевство польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостью Каменецъ-Подольскомъ овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложитъ, а король противъ этого непріятеля будетъ всегда помогать.

Затѣмъ Оксенширнъ принялся излагать жалобы на неисполненіе со стороны русскихъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора.

Пріемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Шведскаго посольства 1674 году.

Начался споръ, о чемъ прежде разсуждать—о союзѣ, или неисполненныхъ статьяхъ Кардисскаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.

— Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора, такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры,—твердили бояре.

Шведы поспорили, но уступили, стали говорить о союзѣ противъ турокъ и объявили, что король ихъ обѣщалъ послать полякамъ на помощь 5.000 человѣкъ войска.

Бояре отвѣчали, что 5.000 очень мало; „великій государь желаетъ, чтобы король шведскій стоялъ противъ турка всѣми силами за-одно, а изъ-за 5.000 и союза заключать не для чего.

— Но поляки сами больше у насъ не просили,—возражали послы.

— Чего у васъ поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре,—а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами за-одно.

Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться не показано; для заключенія подобнаго союза пусть царь отправляетъ къ королю своихъ пословъ.

— Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали? спрашивали бояре и продолжали:—намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200.000 войска; наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменцомъ-Подольскимъ, или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ.

Въ такомъ родѣ переговоры продолжались около двухъ съ половиной мѣсяцевъ совершенно безплодно. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ пререканій, укоровъ и жалобъ, пришли къ неясному соглашенію и заключили слѣдующій странный договоръ: „Если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно. Также, если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно". Переговоры о торговыхъ пошлинахъ и другихъ вопросахъ, возбужденныхъ послами, были отложены на неопредѣленное время, и 19-го іюня 1674 года посламъ была дана царемъ „прощальная аудіенція".

Такимъ образомъ, дорого стоившее шведскому правительству посольство Оксеншпрна возвратилось, вмѣстѣ съ „собственной его королевскаго величества каретой", домой, не достигнувъ въ сущности никакихъ результатовъ и не принеся никакой пользы, за исключеніемъ развѣ „Дневника" Пальмквиста, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и для настоящаго времени и изданіе котораго въ полномъ видѣ было бы весьма желательно.

С. Шубинскій.

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ МИНУВШИХЪ ТРЕХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ [1].

(Графъ П. Д. Киселевъ).

III.

Киселевъ—военачальникъ и предсѣдатель дивановъ въ Молдавіи и Валахіи.

Отношеніе императора Николая I къ Киселеву.—Участіе Павла Дмитріевича въ турецкой кампаніи 1828—1829 гг.—Переправа черезъ Дунай. — Кипучая дѣятельность Киселева въ военное время.—Извѣстіе о заключеніи мира.—Дѣятельность Павла Дмитріевича въ должности предсѣдателя дивановъ въ придунайскихъ княжествахъ.—Результаты этой дѣятельности.—Гуманность Киселева.—Признательность Валахскаго княжества.

СЛУЖЕБНАЯ дѣятельность П. Д. Киселева въ новое царствованіе началась подъ дурными предзнаменованіями. Кончина императора Александра I обнаружила существованіе тайнаго общества, ибо въ бумагахъ государя, въ Таганрогѣ, нашлись доносы Шервуда и Майбороды съ именами членовъ этого общества. Киселева винили враги его въ бездѣйствіи власти, не принимавшей мѣръ къ раскрытію преступныхъ замысловъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, 9-го января 1826 г., ему пришлось убѣдиться лично въ немилости государя и необходимо было, слѣдовательно, выяснить прежде всего свое положеніе. Киселевъ написалъ письмо къ императору Николаю Павловичу, прося у него „лишь суда, чтобы быть оправданнымъ или наказаннымъ“; но отвѣтъ государя былъ успокоительный. Графъ Витгенштейнъ, представлявшій означенное письмо,

[1]) Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, Т. VII, стр. 128—155.

увѣдомилъ своего начальника штаба, что государь не сохранилъ противъ него ни малѣйшаго неудовольствія. „Онъ долженъ былъ его показать вамъ при вашемъ пріѣздѣ сюда, въ виду того, что значительная часть главной квартиры была замѣшана въ гнусномъ заговорѣ...“ Киселевъ, такимъ образомъ, могъ, по обыкновенію, отдаться текущимъ дѣламъ 2-й арміи. И дѣйствительно, конецъ 1826 и весь 1827 годъ онъ занимался осмотромъ арміи и подготовленіемъ ея къ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Турціей.

Эта война дала возможность Павлу Дмитріевичу выдвинуться на видъ передъ государемъ. Наружное неудовольствіе его смѣнилось явнымъ благоволеніемъ и довѣріемъ къ Киселеву, когда послѣдній проявилъ чрезвычайную энергію и распорядительность въ военныхъ дѣйствіяхъ. Чтобы судить о мѣрѣ личнаго участія Киселева въ этой войнѣ, приведемъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ, разсказанный имъ въ „Дневникѣ“. Государь поручилъ совершить переправу черезъ Дунай 26-го мая съ наименьшею потерею людей. „Нахожу“— пишетъ Киселевъ—„на разсвѣтѣ Сухтелена и Рудзевича на переправѣ; послѣдній отводитъ меня (въ сторону) и увѣряетъ, что переправа невозможна и не исполнится; Сухтеленъ подтверждаетъ безнадежность успѣха и что не хотятъ. Стараюсь дать движеніе; угрюмость многихъ, готовность Горчакова и Берга. Запорожцы. Пріѣздъ и скорый отъѣздъ адъютантовъ. Ядра въ колонну и корабли. Отплытіе первыхъ лодокъ; удаленіе ихъ по теченію. Я ѣду на ту сторону... взявъ, (не разобрано) и пригласивъ кн. Мадатова, поднимаюсь вверхъ къ непріятельской батареѣ. Вельяминовъ впереди меня отыскиваетъ мѣсто для выгрузки. Минута нерѣшительности. Еще 100 саженъ впередъ и мѣсто отыскано. Патаніоти пріѣзжаетъ ко мнѣ за приказаніемъ; подвигаю его флотилію выше себя для дѣйствія картечью; ружейной стрѣльбы непріятельской не слышу и не вижу; наши въ лѣсу стрѣляютъ; на батареяхъ одно орудіе еще продолжаетъ стрѣлять,—но непріятель отступилъ и храбрецы Б. Г. и прочіе впередъ, а я къ флотиліи и на батарею нашу обратно, гдѣ нашелъ Витта. Усталый отъ 10-часоваго крика и разныхъ впечатлѣній, ѣду къ государю и тамъ остаюсь 2 часа; послѣ чего обращаюсь къ Бергу для начатія распоряженій о мостѣ и плотинѣ; возвращаюсь вечеромъ въ Сатуновъ и поздравленъ генералъ-лейтенантомъ“.

Въ дополненіе къ этой запискѣ Киселева, вотъ еще нѣкоторыя подробности изъ разсказа Лакруа:

„Киселевъ, считая, что на его отвѣтственности лежитъ успѣхъ предпріятія, увидѣлъ, что суда съ войсками быстрымъ теченіемъ рѣки относило къ мѣсту, гдѣ пристать къ берегу было невозможно; онъ замѣтилъ, что на другой сторонѣ рѣки четыре донскіе казака, переправившіеся съ вечера и проведшіе ночь на непріятельскомъ берегу, подавали знаки пристать къ нимъ; бросившись въ лодку съ нѣсколькими офицерами, приказалъ везти себя на другой берегъ къ мѣсту, кото-

рое онъ считалъ болѣе удобнымъ къ высадкѣ; князь Горчаковъ и еще нѣсколько офицеровъ послѣдовали за нимъ; лодки ихъ остановились на другой сторонѣ на отмели; чтобъ достигнуть берега, Киселевъ, не останавливаясь ни минуты, бросился по поясъ въ воду и достигъ берега; его примѣръ увлекъ начальниковъ и солдатъ; всѣ бросились за нимъ, идя въ грязи, съ опасностью въ ней потонуть, прокладывая себѣ дорогу среди камышей и кустарниковъ, до тѣхъ поръ, пока достигли твердой земли. Когда мокрый и покрытый грязью Киселевъ возвратился къ императору, онъ закричалъ издали:

— Я знаю твои новости: ты первый пришелъ и показалъ дорогу другимъ.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Киселевъ,—это наши четыре казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная.

„Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ".

Павелъ Дмитріевичъ участвовалъ неразъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ и выказывалъ при этомъ личную храбрость, присутствіе духа и распорядительность. Объ этомъ участіи, содѣйствовавшемъ отраженію внезапныхъ нападеній турокъ, читатель найдетъ свѣдѣнія у Лукьяновича—„Описаніе турецкой войны 1828 и 1829 годовъ". Несмотря на военное время, Киселевъ не переставалъ заниматься текущими дѣлами. 12-го февраля 1829 г., онъ писалъ Закревскому: „Я вчера представилъ фельдмаршалу годовой отчетъ за 1828 г. Это — десятый моего служенія и, несмотря на войну, заботы и многоначаліе, показалъ, что 31 тыс. номеровъ въ одинъ годъ выпущены изъ моихъ управленій и всѣ журналы заключены, счеты кончены и, какъ бы въ мирное время, ни одна входящяя бумага не оставлена безъ разрѣшенія или отмѣтки." 1-го мая 1829 г., Дибичъ, распредѣливъ армію на три главныя части, поручилъ Киселеву войска, составлявшія правый флангъ. Дѣйствія этого фланга составляли какъ бы отдѣльный эпизодъ войны. Фланговое движеніе, начатое по иниціативѣ Киселева, охранившее русскую армію отъ нападенія турокъ на ея тылъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. „Для честолюбія военачальника"—говоритъ его біографъ—„недоставало только блеска побѣды, котораго единственно желалъ и ожидалъ Павелъ Дмитріевичъ." Киселевъ, дѣйствительно, былъ недоволенъ заключеніемъ мира, какъ то видно изъ слѣдующаго его письма къ П. Ѳ. Желтухину отъ 13-го сентября:

„Съ удовольствіемъ — не скрою, что и съ огорченіемъ—получилъ я извѣстіе о заключеніи мира. Казаки мои были въ двухъ маршахъ отъ Софіи, и чрезъ три дня я занялъ бы сей замѣчательный и для насъ важный городъ. Признайтесь, почтенный Петръ Ѳедоровичъ, что при всемъ патріотизмѣ позволительно сѣтовать на судьбу, которая, послѣ преодолѣнія многихъ и многихъ затрудненій, не допустила воспользоваться справедливымъ воздаяніемъ, котораго я вправѣ былъ ожи-

дать. Но дѣлать нечего; покоряюсь той волѣ, которая нами распологаетъ, и уже не гоняюсь за счастіемъ, котораго достигнуть не могу.

„Я уже былъ въ горахъ и въ краѣ прелестномъ. Болгары насъ встрѣчали пріятелями и большая часть турокъ оставались въ домахъ своихъ или возвращались домой, и все исполнялось по желаемому. Какъ вдругъ блистательный миръ опечалилъ весь безъ изъятія корпусъ. Паша Скодрскій съ 10 т. выбирался уже изъ Софіи, и мнѣ оставалось бы подобрать хвостъ его и приспѣть въ Адріанополь. По всей дорогѣ насъ ожидали, и 40 т. русскихъ съ голода не умерли бы— такъ отзывались жители. Я воротился съ 20 казаками, два разъ почевалъ въ полѣ и былъ охраняемъ болгарами, домы и имущество коихъ никѣмъ не были тронуты"...

Но и послѣ тягостныхъ военныхъ трудовъ Киселеву не пришлось отдыхать. Въ виду вступленія нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію, предстояло опредѣлить образъ управленія этими княжествами. Оба господаря, Стурдза и Гика, были устранены отъ управленія, которое предоставлялось предсѣдателю дивановъ. Первымъ предсѣдателемъ былъ недолго графъ Паленъ, за нимъ, также лишь нѣкоторое время, предсѣдательствовалъ П. Ѳ. Желтухинъ, а 14-го сентября 1829 г. назначенъ былъ Киселевъ. Здѣсь Павлу Дмитріевичу открывалось обширное поле трудной дѣятельности. Придунайскія княжества находились въ бѣдственномъ положеніи; реформы были необходимы, и предшественники Киселева ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи. Вотъ что писалъ онъ отъ 26-го ноября 1829 г. Закревскому, по пріѣздѣ въ княжества, о первыхъ своихъ дѣйствіяхъ тамъ:

„Признаюсь тебѣ, что предвидѣть не могъ тотъ хаосъ, въ коемъ нашелъ здѣшнее управленіе; съ іюня мѣсяца Желтухинъ дѣлами почти не занимался и вообще, кажется, не постигъ характеръ мѣста, ему довѣреннаго; вознамѣрился княжествами управлять, какъ губерніею, и противупоставилъ себѣ все и всѣхъ. Присовокупи къ сему, что остальныя лица всѣ, можно сказать, безъ изъятія — или съ малымъ весьма изъятіемъ—берутъ взятки, а иныя грабятъ безстыдно, и что съ пріѣзда моего, я замѣтилъ во всѣхъ старшихъ и младшихъ одну цѣль, одно желаніе — затмить истину и поперечить всему, что̀ клонится къ введенію порядка и систематическаго устройства.

„Вотъ что до сихъ поръ замѣтить могъ и что̀ долженъ и хочу преодолѣть. Съ пріѣзда моего преобразовалъ чумный лазаретъ, учредилъ общій въ княжествахъ осмотръ и общія противу чумы мѣры, понизилъ въ городѣ цѣны на продукты, а вскорѣ удвою откупа на соль, таможни и проч. Все это не нравится моимъ сотрудникамъ, которые теряютъ доходы свои и меня проклинаютъ; но въ княжествахъ меня приняли чрезмѣрно благосклонно и всѣ отъ меня ожидаютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; ибо здѣсь трудно переобразовывать закоренѣлыя злоупотребленія при общей конфузіи текущихъ дѣлъ. Я опять хлопотами и ежедневными непріятностями обратился къ занятіямъ моимъ

1819 года, но съ тою разницею, что въ сорокъ два года силы изнурены и не отвѣчаютъ желанію быть дѣятельнымъ и точно полезнымъ."

Въ слѣдующемъ году, 20-го февраля, онъ писалъ къ Закревскому изъ Бухареста о томъ же предметѣ слѣдующее:

„Покуда силы не исчезли, я тружусь и, кажется, не безъ пользы. Внутреннее гражданское управленіе и военная администрація принимаютъ ходъ систематическій; довѣріе въ жителяхъ возрождается; откупныя статьи и вообще доходы возвышаются; воровство, какъ дѣло сродное въ этомъ краѣ, часъ отъ часу уменьшается, и низшій классъ начинаетъ отдыхать. Полиція въ городахъ и пагубныя квартирныя комиссіи преобразовываются; отчетность въ вистіаріи (министерствѣ финансовъ), госпиталяхъ и комиссіяхъ учреждается на правилахъ строгихъ и одинаковыхъ; засѣвы съ пособіемъ правительства будутъ обширные; карантинная линія по Дунаю, какъ дѣло для Россіи важное, учреждается со всею дѣятельностію и вниманіемъ; земское войско будетъ формироваться и комитетъ преобразованій [1]) не перестаетъ трудиться, хотя съ желаніемъ сохранить зловредныя привилегіи бояровъ, противу коихъ я дѣйствую, какъ исполнитель воли государя и какъ христіанинъ. Много остается дѣлать тому, кто краемъ симъ будетъ управлять; но главнымъ дѣломъ почитаю пріобрѣсти для Россіи богатство онаго торговлею и покорить молдаванъ и валаховъ на будущее время нашимъ воспитаніемъ и введеніемъ нашихъ обычаевъ и нравовъ. Для сего нужно: 1) облегчить торговый нашъ тарифъ и замѣнить австрійскія издѣлія русскими и 2) размѣстить въ военныя и гражданскія наши учебныя заведенія 200 молодыхъ людей и столько же дѣвицъ въ монастыри. Симъ образомъ, безъ переворотовъ Европы, безъ издержекъ на содержаніе здѣсь военной силы, наша граница будетъ на Дунаѣ и съ земскими отъ заразы охраненіями".

Еще черезъ мѣсяцъ:

„Пребываніе мое здѣсь часъ отъ часу мнѣ становится тошнѣе; занимаюсь цѣлый день дѣлами, нѣтъ ни минуты отрады и отдыха. Бумаги и я, я и бумаги—вотъ и вся жизнь; лѣта проходятъ и наслажденія жизнію потухаютъ. Но такъ и быть, до послѣдней возможности не измѣню правиламъ своимъ и, сколько могу, буду полезенъ государю и согражданамъ, хотя здѣшніе того мало достойны". Дѣятельность Киселева въ качествѣ администратора въ княжествѣ имѣла весьма плодотворные результаты. „Чтобы дать понятіе"—писалъ онъ уже въ 1831 г. графу Нессельроде— „о злоупотребленіяхъ, которыя намъ удалось отстранить, достаточно указать на то, что небольшое число чиновниковъ (показанныхъ въ приложенномъ Киселевымъ спискѣ) дѣлили между собою 2.368.000 піастровъ, упадавшихъ всею своею тяжестію на средніе и низшіе классы, а въ настоящее время жало-

---

[1]) Киселевъ такъ называетъ здѣсь комитетъ, занимавшійся составленіемъ органическаго регламента.

ванье этимъ чиновникамъ опредѣлено въ 631.200 піастровъ. Изъ другаго списка видно, что 120 т. семействъ крестьянъ, которыми располагали 2.000 привилегированныхъ фамилій, поступили теперь въ общій податной классъ". Далѣе, точное указаніе обязанностей, налагаемыхъ на управляемыхъ съ одной стороны, упрощеніе и отмѣна натуральныхъ повинностей съ другой—уничтожили произволъ и злоупотребленія. Полиція получила достаточную организацію и общественный порядокъ поддерживался во всей странѣ, муниципальныя учрежденія введены въ разныхъ городахъ, замѣтно стало стремленіе къ учрежденію начальныхъ школъ. Очеркъ всей дѣятельности Киселева по управленію Молдавіею и Валахіею изложенъ въ отчетѣ, представленномъ имъ государю въ началѣ 1834 г. и цѣликомъ напечатанномъ въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго. Здѣсь Киселевъ обнаруживаетъ высокія способности администратора, не только обнимавшаго общія цѣли государственнаго устройства, но и не оставлявшаго безъ вниманія ни одной изъ частностей въ немъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что своему гуманному, человѣколюбивому характеру Киселевъ никогда не измѣнялъ. Достаточно указать на его предложеніе административному совѣту въ княжествахъ заняться немедленно обсужденіемъ мѣръ къ смягченію участи содержавшихся въ тюрьмахъ. „Я считаю,—писалъ онъ,—это дѣло—дѣломъ совѣсти и религіи; я надѣюсь, что мои сотрудники дадутъ мнѣ средства къ тому, чтобы я могъ исполнить эту святую обязанность прежде, чѣмъ оставлю страну, и чтобы я могъ оставить ее безъ упрека себѣ въ небреженіи, котораго я себѣ не простилъ бы никогда". Насколько Киселевъ успѣлъ этой дѣятельностью возбудить къ себѣ уваженіе самого населенія находившихся подъ его управленіемъ княжествъ, показываетъ признательность, выраженная ему валахскимъ княжествомъ въ поднесеніи акта о предоставленіи ему правъ гражданства Валахіи и въ постановкѣ ему памятника въ Бухарестѣ.

IV.

Дѣятельность Киселева по крестьянскому дѣлу.

Аудіенція у императора Николая I по возвращеніи Киселева въ Петербургъ.—Его назначеніе въ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу.—Разговоръ государя съ Киселевымъ объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ.—Письмо Киселева къ государю объ учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ.—Что сдѣлано имъ для казенныхъ крестьянъ.—Благодарность Киселеву представителей крестьянъ.

8-го мая 1834 г., Киселевъ былъ уже въ Петербургѣ, а на другой день вечеромъ имѣлъ полуторачасовую аудіенцію у императора. Николай Павловичъ благодарилъ за услуги, оказанныя имъ Россіи, и заявилъ, что представленный Киселевымъ отчетъ по управленію при-

дунайскими княжествами весьма заинтересовалъ его. „Я — сказалъ императоръ—посвятилъ три вечера на это чтеніе, отмѣтилъ страницы, наиболѣе обратившія на себя мое вниманіе, и просилъ великую княжну Марію сдѣлать мнѣ извлеченіе... Вотъ оно, прибавилъ государь, открывая папку съ бумагами.—Меня въ особенности заинтересовало одно мѣсто: это то, въ которомъ ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда нибудь; я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, продолжалъ государь, указывая рукою на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета;—здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи".

Государь не замедлилъ воспользоваться знаніями и опытностью Павла Дмитріевича въ этомъ дѣлѣ. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ, графомъ Канкринымъ, Дашковымъ и Васильчиковымъ въ секретный комитетъ, учрежденный „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій". Вскорѣ, однако, самъ государь призналъ болѣе цѣлесообразнымъ выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, такъ какъ общій вопросъ не могъ быть разрѣшенъ въ непродолжительное время. Не надѣясь на Канкрина, государь пожелалъ поручить это дѣло Киселеву. 17-го февраля 1836 г., онъ имѣлъ объ этомъ аудіенцію во дворцѣ, о которой записано въ „Дневникѣ" слѣдующее:

„Я имѣлъ честь обѣдать у его императорскаго величества съ графами Головкинымъ и Бенкендорфомъ. Послѣ обѣда, по отъѣздѣ сихъ господъ, государь приказалъ мнѣ остаться и, посадивъ меня противу своего стула, началъ слѣдующій разговоръ: „Мнѣ съ тобою нужно объясниться по дѣлу, которое тебѣ извѣстно, ибо ты, кажется, въ комитетѣ съ Васильчиковымъ. Дѣло объ устройствѣ крестьянъ (казенныхъ). Я давно убѣдился въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ (Канкринъ), отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю, и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально, и увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ.

„Я желаю прежде всего сдѣлать испытаніе на петербургской губерніи и, какъ во всякомъ преобразованіи надо прежде всего имѣть ясное понятіе о томъ, что есть, то размежеваніе земель, которое Канкринъ всегда представляетъ невозможнымъ, должно быть первоначальнымъ дѣйствіемъ этого занятія. Я приказывалъ Сперанскому объясниться по сему съ Шубертомъ [1]) и получилъ въ отвѣтъ, что онъ

[1]) Бывшимъ тогда директоромъ военно-топографическаго депо.

имѣетъ возможность дать на сей предметъ свое пособіе; вотъ начало,— но тутъ много подробностей, которыми и некогда мнѣ заниматься, и которыя, признаюсь, мнѣ мало знакомы. Посему мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое попеченіе и заняться со мною предварительнымъ, примѣрнымъ устройствомъ этихъ крестьянъ, послѣ чего мы перейдемъ въ другія губерніи и мало-по-малу кругъ нашего дѣйствія расширится. Канкринъ самъ уже убѣдился, что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента успѣха ожидать не можно, а я ему доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ, и что все дѣло идетъ безъ толку. Поручить же преобразованіе петербургскихъ крестьянъ Эссену [1],—кромѣ вздора ничего не будетъ. А потому не откажи мнѣ и прими на себя трудъ этотъ въ помощь мнѣ".

„Я всталъ и сказалъ государю, что готовъ съ душевнымъ удовольствіемъ посвятить всѣ свои силы и усердіе на дѣло столь важное и тѣмъ болѣе для меня лестное, что я почитаю устроеніе крестьянъ какъ дѣло великое его царствованія и какъ дѣло необходимое для будущаго спокойствія государства; что я готовъ быть его секретаремъ, лишь бы я могъ имѣть ту силу нравственную въ дѣлахъ, которая необходима для успѣха; что министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ это новое учрежденіе не будутъ видѣть съ удовольствіемъ; что борьба была бы неравная для меня, если все дѣло не будетъ совершаться подъ его, государевымъ, личнымъ вліяніемъ; что, наконецъ, я на этотъ предметъ совершенно полагаюсь на его величество и благодарю за довѣріе, которое потщусь оправдать всѣми силами, доколѣ ихъ не утрачу, ибо...

— Да ты хотѣлъ ѣхать въ Карлсбадъ,—но насколько тебѣ нужно?

— О здоровьи уже думать не должно, государь, когда дѣло идетъ о службѣ столько важной. Я желалъ ѣхать на три мѣсяца, но поѣздка моя можетъ быть отложена до удобнѣйшаго времени.

— Нѣтъ, безъ здоровья ничего не дѣлается, а три мѣсяца нисколько не повредятъ нашему предпріятію.

— Впрочемъ, государь, объ этомъ предметѣ я вамъ доложу въ свое время; но для устройства части, мнѣ ввѣряемой, надо нѣкоторое основаніе: надо чиновниковъ, немного, но хорошихъ, и нужно предварительно дѣло это обдумать.

— Повидайся съ Сперанскимъ; я ему говорилъ о моихъ намѣреніяхъ и прошу тебя сообразить все это съ нимъ, дабы представить мнѣ общее ваше предположеніе объ устройствѣ этого дѣла. Я увѣренъ, что оно пойдетъ хорошо, потому что мы другъ друга пони-

---

[1]) Графъ Эссенъ былъ въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ.

маемъ. Ты будешь мой начальникъ штаба по крестьянской части. Еще разъ спасибо. Съ Божьей помощью, дѣло наше устроится; я увѣренъ".

Киселевъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній послѣ этой аудіенціи сначала съ Сперанскимъ, а затѣмъ съ Васильчиковымъ; результатомъ ихъ было учрежденіе V-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, куда были переданы дѣла объ управленіи казенными крестьянами изъ вѣдомства министерства финансовъ. Вторымъ шагомъ въ передачѣ этого дѣла въ главное завѣдываніе Киселева было назначеніе временнаго совѣта, которому поручалось управленіе департаментомъ государственныхъ имуществъ, отчислявшимся отъ того же министерства. На Киселева возлагалось докладываніе государю дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію совѣта, и одновременно съ этимъ ему поручено было составить соображеніе объ учрежденіи особаго министерства государственныхъ имуществъ. Необходимость этого министерства вытекала изъ всего хода исторіи государственныхъ крестьянъ, прекрасно изложенной въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ концѣ 1837 года, проектъ учрежденія новаго министерства былъ одобренъ государемъ, и управленіе предполагалось ввѣрить Павлу Дмитріевичу. Киселевъ сознавалъ всѣ трудности своей новой дѣятельности, выразивъ ихъ въ письмѣ къ императору 26 ноября, гдѣ, между прочимъ, говорится:

„Всякая власть, установляемая вновь на ряду съ другими, уже существующими и временемъ усвоенными, естественно порождаетъ неудовольствія многихъ; но въ дѣлѣ, высочайшею вашею довѣренностію на меня возложенномъ, сливаются, сверхъ того, столь различные и многосложные интересы, что неприязненность должна быть почти общая.

„Такъ, государь, отдѣленіе важной части отъ министерства финансовъ противопоставляетъ новому учрежденію всѣхъ, которые имѣли вліяніе на источники государственнаго богатства. Присоединеніе къ новому управленію нѣкоторыхъ частей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ также не оскорбить честолюбія многихъ. Переходя къ властямъ второстепеннымъ или губернскимъ, нельзя не ожидать отъ нихъ еще бо̀льшаго неблагорасположенія къ установленіямъ, долженствующимъ лишить выгодъ, донынѣ въ удѣлъ ихъ безотчетно оставленныхъ.

„Въ самомъ сословіи поселянъ первое впечатлѣніе будетъ невыгодно: привыкнувъ къ необузданной свободѣ и искупая пороки и безправіе пожертвованіемъ своего избытка, люди сіи почтутъ стѣснительнымъ для себя всякое дѣйствіе попечительной власти. Сдѣлавшись равнодушными къ улучшенію своего быта, погруженные въ грубое невѣжество, они предпочитаютъ удовлетвореніе привычныхъ страстей всѣмъ обѣщаніямъ лучшаго состоянія.

„За симъ, обращаясь къ массѣ помѣщиковъ, слѣдуетъ сознаться, что и ихъ интересы тѣсно связаны съ общимъ неустройствомъ по управленію государственными имуществами. Земли и лѣса, мало охраняемые, составляли какъ бы часть ихъ достоянія; а неуравнительность натуральныхъ повинностей между казенными и владѣльческими крестьянами содѣлалась обычною, и едва ли не почитается правомъ, котораго при устройствѣ новаго управленія они должны лишиться.

„Участвующіе въ откупахъ капиталами или службою, залогами или поставкою вина, единственно обращеніемъ вниманія вашего величества на сію

часть начинають питать негодованіе къ новому управленію, какъ противопоставляемому незаконно пріобрѣтаемымъ ими выгодамъ.

„Не распространяясь дальнѣйшимъ исчисленіемъ всѣхъ лицъ, которыя по сродному побужденію собственнаго интереса будутъ и должны быть противниками всякаго улучшенія, я знаю, что нареканія ихъ не будутъ имѣть предметомъ ни устройство полицейское или хозяйственное, ни охраненіе казенной собственности или другія административныя мѣры; но осужденіе обратится къ предметамъ не существеннымъ, а потому для пререканій не ограниченнымъ. Опасенія, нововведенія, потрясеніе обычаевъ и предсказанія горестныхъ отъ того послѣдствій, составляютъ общій гулъ всѣхъ тѣхъ, которые, взирая равнодушно на государственное устройство, ищутъ и находятъ его въ извлеченіи лишь собственныхъ выгодъ, или удовлетвореніи своихъ страстей. Такимъ образомъ, подъ разными видами, изъ разныхъ источниковъ, будутъ восходить, подъ личиною общественнаго спокойствія, разносвойственныя опасенія, могущія при первомъ взглядѣ имѣть призракъ вѣроятія, но которыя, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, ни малѣйшей основательности не представляютъ.

„Для сего достаточно будетъ вникнуть въ существо самыхъ проектовъ: въ нихъ измѣненія крестьянскаго быта не предполагается, законы существующіе приняты въ основаніе проектовъ, и лишь необходимыя дополненія, въ духѣ сихъ законовъ, допущены въ сельскихъ уставахъ для связи и полноты. Посему всѣ пререканія могутъ только заключать въ себѣ сокровенное желаніе сохранить существующіе безпорядки, не постигая, что въ подобныхъ дѣлахъ бездѣйствіе правительства бываетъ причиною другихъ, болѣе важныхъ опасеній, которыя проявлялись тамъ, гдѣ, не оцѣняя достаточно потребности времени, допускаемы были исправленія неустройствъ не по собственному внушенію власти, но по требованіямъ снизу восходящимъ.

„Не такъ, однако жъ, дѣйствовали осторожные правители; Австрія въ семъ случаѣ можетъ служить примѣромъ: въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, предусматривая необходимость обстоятельствъ, она, не взирая на всѣ затрудненія со стороны духовенства и дворянъ, обратила дѣятельное вниманіе на устройство сельскаго сословія въ наслѣдственныхъ провинціяхъ, и даровавъ оному законную и сообразную съ выгодами государственными самостоятельность, утвердила преданность народа къ престолу и отвратила у себя всѣ плачевныя событія, постигшія сосѣдственныя государства въ смутную эпоху.

„Итакъ, если принять за истину, что опытъ предшествующихъ временъ долженъ быть поученіемъ для будущаго, я по совѣсти убѣжденъ, что предупредительныя мѣры, отъ правительства зависящія, необходимы, и что вашему императорскому величеству предназначено свыше довершить дѣло, августѣйшими предками вашими начатое.

„Каковы бы ни были пререканія насчетъ предпринимаемаго преобразованія, я нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ онаго подъ высочайшимъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь, руководствомъ. Оскорбленныя самолюбія или потрясенные личные интересы всѣми возможными извилистыми путями будутъ стремиться достигнуть до васъ. Сколько я ни равнодушенъ къ подобнымъ проискамъ, я не могу, однако жъ, безъ содроганія мыслить, что цѣль ихъ будетъ потрясти или умалить довѣріе ко мнѣ вашего императорскаго величества, довѣріе, которое оправдать и сохранить я долженъ, какъ единственный способъ доказать вашему величеству, что, высоко оцѣняя милости, вами на меня изліянныя, я умѣю глубоко чувствовать признательность, коею предъ вами обязанъ".

Въ проектѣ новаго административнаго механизма Киселеву принадлежали, главнымъ образомъ, соображенія, касающіяся сельской общины у государственныхъ крестьянъ на юридическихъ опредѣле-

піяхъ. Различными фискальными мѣрами стественныя основы сельской общины были разрушены; Киселевъ возстановилъ ихъ; всѣ допущенныя до того времени частныя подраздѣленія селеній на участки были отмѣнены; въ каждомъ сельскомъ обществѣ были соединены всѣ предметы управленія: раскладка и сборъ податей, рекрутская повинность, запасные магазины; каждому обществу предоставлено право вѣдать свои хозяйственныя дѣла чрезъ посредство своего мірскаго схода и имѣть свой судъ. Киселевъ съ первыхъ приступовъ къ дѣлу преобразованія высказался въ томъ смыслѣ, что крестьяне прежде всего нуждаются въ покровительствѣ; эту мысль, подъ словомъ „попечительство", онъ провелъ во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ. Цѣлью попечительства поставлено улучшеніе благосостоянія государственныхъ крестьянъ; для достиженія ея на министерство возлагалась прежде всего забота о нравственномъ образованіи крестьянъ и объ огражденіи дарованныхъ сельскому населенію правъ. 1-го января 1848 года послѣдовало открытіе новаго министерства и Киселеву поручено управленіе имъ. Не будемъ слѣдить за дѣятельностью его въ этой сферѣ непрерывно втеченіе двадцати лѣтъ. Она слишкомъ общеизвѣстна, чтобы на ней останавливаться. Въ 1856 году, когда Павелъ Дмитріевичъ назначенъ былъ посломъ въ Парижъ, волостные старшины государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, прибывшіе въ Москву на коронацію, явились къ нему 31-го августа, чтобы выразить чистую, безкорыстную признательность бывшему своему начальнику. „Благодаримъ тебя, батюшка, благодаримъ; не забудемъ во вѣки ни милостей царя, ни твоихъ объ насъ попеченій", говорили головы и старшины. Напутствуя своими молитвами графа на новое поприще служенія родной странѣ, они поднесли ему хлѣбъ-соль и на память благословляющій образъ Спасителя съ слѣдующею на серебряной доскѣ надписью: „Аминь глаголю вамъ, понеже сотворите единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотворите". Въ этихъ немногихъ словахъ меньшей братіи высказана вся жизнь того, кто, по словамъ императора Александра II, положилъ „прочныя начала къ будущему преуспѣянію и дальнѣйшему развитію благосостоянія многочисленнаго сословія русскаго народа".

V.

Киселевъ-дипломатъ.

Киселевъ не желаетъ быть дипломатомъ. — Отношенія его къ тюльерійскому двору. — Прямодушіе Киселева и дипломатическая недальновидность. — Недовѣріе императора Александра II къ политикѣ Людовика-Наполеона.—Записка Киселева о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи.—Двусмысленное положеніе Киселева.—Польскія дѣла.—Бесѣда о принцѣ Наполеонѣ съ княземъ Рейсомъ.—Размолвки въ императорской семьѣ. — Отставка Киселева. — Его аудіенція у Наполеона III и Евгеніи.—Характеристика Наполеона III.—Мысли Киселева о будущемъ Европы.

На дипломатическое поприще Киселеву пришлось вступить на 70-мъ году. Павелъ Дмитріевичъ не желалъ этого назначенія, хорошо понимая, что и состояніе здоровья, и преклонность лѣтъ, наконецъ, неподготовленность къ новой дѣятельности, могли легко помѣшать успѣхамъ службы, которая въ это время представлялась особенно затруднительной въ виду политическаго состоянія Европы. „Безъ грусти не могу думать объ этомъ крупномъ поворотѣ въ моей жизни — пишетъ Павелъ Дмитріевичъ къ брату въ Римъ.—Достанетъ ли меня? Буду ли я настолько счастливъ, чтобы выполнить мое назначеніе? Или я долженъ пасть и кончить мою 50-ти-лѣтнюю карьеру — par un fiasco?..“ „Мое положеніе—въ туманѣ, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, — который я не могу разсѣять. Затѣмъ, меня страшитъ эта дѣятельная жизнь, которая не по моимъ лѣтамъ“. Вѣсть о новомъ назначеніи Киселева была встрѣчена русскимъ обществомъ съ надеждою на успѣхъ, а въ Парижѣ произвела благопріятное впечатлѣніе. 14-го октября 1856 года, онъ прибылъ въ Парижъ и скоро успѣлъ внушить къ себѣ симпатіи тюльерійскаго двора, въ особенности императрица Евгенія выказывала благосклонность нашему послу. Она нерѣдко вступала съ нимъ въ бесѣды, стараясь или вывѣдать взглядъ русскаго правительства на какую нибудь изъ дипломатическихъ затѣй, свою и своего супруга, или же внушить ему косвенно довѣріе къ разнаго рода торжественнымъ заявленіямъ о миролюбіи французскаго императора, которыя, какъ извѣстно, дѣлались часто на словахъ и невсегда оправдывались на дѣлѣ. Въ первомъ случаѣ Павелъ Дмитріевичъ умѣлъ быть осторожнымъ, но зато во второмъ—его честная душа была мало доступна для тѣхъ дипломатическихъ пріемовъ, которые требуютъ говорить одно, а думать и дѣлать другое, и потому нерѣдко обманывался насчетъ настоящаго смысла дѣйствій Наполеона III, который иногда интриговалъ даже противъ оффиціальной дѣятельности собственнаго своего министерства иностранныхъ дѣлъ. Объ этихъ бесѣдахъ Киселевъ доносилъ петербургскому кабинету, сообщая и свои мнѣнія по каждому поводу; только нѣкоторыя изъ нихъ онъ имѣлъ обыкновеніе заносить въ свой дневникъ.

Біографу пришлось пользоваться лишь послѣдними, ибо архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ остался для него закрытымъ, и потому трудно составить себѣ полное понятіе о дипломатическихъ взглядахъ Киселева. Можно сказать только, что факты нерѣдко не оправдывали его мнѣній, составленныхъ подъ вліяніемъ довѣрчивости къ словамъ французскихъ политиковъ. Немудрено, что при своемъ характерѣ, какъ онъ самъ выражался, „уклончивомъ для сношеній дипломатическихъ", онъ не былъ дальновиденъ. Такъ, изъ записки его о внутреннемъ состояніи Франціи и значеніи для нея Наполеона, записки, представленной имъ государю въ 1857 г., видно, что Киселевъ считалъ „удержаніе Людовика-Наполеона во главѣ Франціи не только желательнымъ, но для Европы настоятельно необходимымъ". Столько же недальновиднымъ представляется довѣріе его къ миролюбивому настроенію тюльерійскаго кабинета. Въ 1859 году, когда уже война съ Австріей готовилась, Киселевъ былъ увѣренъ въ томъ, что „дѣла склоняются на миръ". Только три недѣли спустя послѣ бала во дворцѣ, гдѣ онъ сказалъ это Гюбнеру, когда Валевскій передалъ (28-го февраля) Павлу Дмитріевичу собственноручную ноту, въ которой говорилось, что война будетъ объявлена лишь въ случаѣ достаточно законнаго повода, и когда на вопросъ, сдѣланный графомъ Киселевымъ, кто будетъ судьей достаточной законности, редакторъ ноты отвѣтилъ, что судьею будетъ онъ, Валевскій,—только тогда Павелъ Дмитріевичъ убѣдился въ лживости миролюбиваго настроенія тюльерійскаго кабинета и съ горечью записалъ: „Можно расшатать весь міръ, когда рычагомъ служитъ собственная смышленость, а точкою опоры—глупость другихъ". А между тѣмъ, политика Наполеона III внушала недовѣріе самому государю. Въ бытность свою въ Варшавѣ, 26-го октября, Киселевъ имѣлъ аудіенцію у государя и записалъ объ этомъ его слова: „Довѣріе мое—сказалъ государь—къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона очень поколеблено; les allures ne sont pas correctes; нужно быть внимательнымъ, чтобъ не поддаться обману. Я читалъ вашу записку. Къ мысли вашей о заключеніи оборонительнаго договора можетъ быть приступлено только послѣ заключенія мира, или послѣ конгресса. До тѣхъ поръ слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ мнѣ мало довѣрія".—Тутъ было сказано нѣсколько словъ о секретномъ сообщеніи принца Наполеона, который, находясь въ Варшавѣ, говорилъ именемъ императора Наполеона, что онъ рѣшился вести войну до Вѣны (qu'il est résolu de pousser la guerre jusqu'à Vienne), чтобъ принудить Австрію заключить миръ прочный и окончательный; „и вотъ", продолжалъ государь, „ни съ того, ни съ сего, онъ предлагаетъ миръ, не предупредивъ никого и проч. Дѣйствія эти не могутъ внушить довѣрія и, въ виду такой неопредѣленной политики, заставляютъ быть на-сторожѣ".

Желая вызвать новое объясненіе касательно высказаннаго государемъ недовѣрія, Киселевъ, по словамъ его біографа, занялся приготовленіемъ записки о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи. Въ бумагахъ его не найдено этой записки, но въ „Дневникѣ“ сохранилась слѣдующая замѣтка, подъ 26-мъ октября, выражающая, вѣроятно, сущность его записки:

„Я докладывалъ государю и говорилъ кн. Горчакову о неограниченномъ, хотя довольно умѣренномъ (quoique modéré), управленіи Людовика-Наполеона во Франціи. Враждебныя ему партіи безсильны. Мечта объ утвержденіи династіи (la marotte dynastique)—слабая струна двора—пріобрѣтаетъ, съ помощью очевиднаго вліянія императрицы, все болѣе и болѣе шансовъ; но въ концѣ-концовъ она опирается на крайне шаткомъ основаніи (elle ne repose que sur un point d'aiguille); одинъ ударъ кинжала—и все можетъ рухнуть. Послѣдствіе такой развязки можетъ взволновать всю Европу.

„Людовикъ-Наполеонъ—полиціймейстеръ, котораго полезно сохранить хотя бы для того, чтобъ предотвратить потрясенія, къ сожалѣнію, неразлучныя съ его исчезновеніемъ. Но надо его связать при помощи трактатовъ, которые обуздывали бы его склонность къ опаснымъ предпріятіямъ.

„Французы легко воспламеняются; если станутъ раздразнивать ихъ извнѣ, то они горячо стоять будутъ за своего избранника—императора. Революція во Франціи вызвала бы мятежи во всей Европѣ. Можно ли рисковать этимъ? Республиканскій соціализмъ стоитъ наготовѣ, чтобъ принять такое наслѣдіе. Поэтому сохраненіе существующаго порядка во Франціи есть лучшая гарантія спокойствія Европы; пусть истинные консерваторы поразмыслятъ объ этомъ“.

Киселевъ сознавалъ затруднительность своего положенія. Петербургскій кабинетъ, сколько можно судить по книгѣ г. Заблоцкаго-Десятовскаго, склоненъ былъ заподозривать Киселева въ слишкомъ большомъ сочувствіи французскому правительству, а послѣднее, въ свою очередь, приписывало его вліянію недружелюбное настроеніе Россіи. Вотъ замѣтка Павла Дмитріевича, записанная послѣ бала въ Тюльери, 19-го февраля 1860 г., могущая характеризовать эту двусмысленность положенія нашего посла:

„Императоръ подходилъ ко мнѣ два раза; въ первый разъ онъ спросилъ о состояніи моего здоровья, не безпокоитъ ли меня жара въ залѣ, и затѣмъ спросилъ, ожидаю ли я завтра курьера изъ Петербурга, какъ ему о томъ сказали? Я отвѣчалъ, что надѣюсь. Во второй разъ онъ черезъ весь залъ подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ, что его продолжаютъ увѣрять, что недружелюбное расположеніе (les dispositions facheuses) къ нему не прекращается въ Петербургѣ. „Мнѣ сказали также—продолжалъ онъ—что въ такомъ же настроеніи къ намъ здѣсь вы и ваши“. Мнѣ показалось, что я не разслышалъ и не хорошо понялъ, и тотчасъ же отвѣчалъ:—относительно того, какъ на-

строены въ Петербургѣ, мы узнаемъ, когда прибудетъ курьеръ, и я надѣюсь, что извѣстія будутъ вполнѣ благопріятны; что жъ касается того, какое настроеніе здѣсь, у меня, то едва ли такія злыя инсинуаціи заслуживаютъ опроверженія.—Далѣе онъ говорилъ, что страстями, разжигаемыми фанатиками, стараются воспользоваться другіе люди не изъ преданности папѣ или церкви, а изъ желанія способствовать ожесточеннымъ, хотя безсильнымъ, проискамъ противъ его правительства".

Слова Наполеона затронули за живое графа Павла Дмитріевича и онъ записалъ далѣе:

„Въ первую минуту я не хорошо понялъ, что̀ хотѣлъ сказать Наполеонъ, и не обратилъ большого вниманія на его слова; но, вернувшись домой, припоминая все происходившее въ этотъ вечеръ, мнѣ показалось, что намекъ, пущенный императоромъ, съ улыбкою на устахъ, заслуживалъ болѣе мѣткаго отвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что въ то время, когда меня обвиняютъ въ чрезмѣрной симпатіи къ правительству императора, послѣдній жалуется, что я на него нападаю. Мнѣніе первыхъ могло найти основаніе въ нѣкоторыхъ наружныхъ признакахъ, потому что втеченіе 3½ лѣтъ, которыя я нахожусь здѣсь, я ни разу не позволилъ себѣ сказать враждебнаго слова ни противъ самого императора, ни противъ его политики, и если мнѣ случалось раздѣлять высказываемыя въ присутствіи моемъ, направленныя противъ нихъ, мнѣнія, то я или сохранялъ глубокое молчаніе, или старался дать разговору иное направленіе; напротивъ, при всѣхъ нападкахъ, которые позволяли себѣ въ присутствіи моемъ противъ существующаго правительства, le gouvernement de fait, какъ они выражаются, когда нападки сіи казались мнѣ несправедливыми,—то я откровенно выражалъ противное мнѣніе, которое и поддерживалъ съ твердостью. Во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ петербургскимъ кабинетомъ, я не умалчивалъ ни о чемъ, что доходило до меня изъ источниковъ, заслуживающихъ вѣры, и въ большинствѣ случаевъ исправляя и смягчая то, что казалось мнѣ несправедливымъ или преувеличеннымъ. Впрочемъ, я успѣлъ убѣдиться, втеченіе многолѣтней своей жизни, что, постоянно гоняясь за правотою и справедливостью, всегда остаешься въ дуракахъ: пріобрѣтаешь друзей бездушныхъ и враговъ непримиримыхъ. Но, не взирая на все, я останусь при своихъ правилахъ и до конца жизни, во что бы ни стало, стоять буду за истину и справедливость".

Весь слѣдующій годъ прошелъ въ переговорахъ съ французскимъ правительствомъ о польскихъ дѣлахъ. Въ Парижѣ, подъ негласнымъ покровительствомъ принца Наполеона, образовалось скопище польскихъ эмигрантовъ, которые, мечтая о возрожденіи Польши, высылали въ наши польскія и литовскія провинціи зажигательныя воззванія и эмиссаровъ съ обѣщаніемъ поддержки Франціи. Эти подстрекательства и обнадеживанія не прекращались и послѣ офиціальнаго объя-

сненія русскаго посла съ императоромъ и принцемъ Наполеономъ. Сама императрица Евгенія употребляла все свое вліяніе на Людовика-Наполеона, чтобъ побудить его оказать поддержку замысламъ поляковъ. Принцесса Матильда въ разговорѣ съ Павломъ Дмитріевичемъ, между прочимъ, сказала ему 31-го августа: „императоръ совершенно здоровъ и говоритъ, что ему надоѣдаютъ только домашнія непріятности. Императрица Евгенія противорѣчитъ постоянно политическимъ его видамъ. Она горячо стоитъ за Римъ и Польшу и постоянно вступаетъ съ нимъ въ неприличные споры, отстаивая мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ и не хочетъ усвоить себѣ". Французская печать также не переставала относиться враждебно къ Россіи и сулить Польшѣ несбыточныя надежды.

„Графъ де-Віель- Кастель" [1]), пишетъ Киселевъ въ дневникѣ подъ 6-мъ ноября, „заходилъ ко мнѣ и сказалъ, что наши опроверженія и поправки (rectifications), которыя посылаются въ редакціи журналовъ, принимаются ими не такъ охотно, какъ это бывало прежде. Онъ увѣряетъ, что одинъ изъ редакторовъ журнала „Constitutionel" сказывалъ ему, что министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи внушилъ редакторамъ газетъ не печатать ничего, что враждебно полякамъ, и ничего, что сочувственно Россіи. „Если это справедливо,—размышляетъ Павелъ Дмитріевичъ,—то оно служитъ доказательствомъ явной перемѣны въ политическомъ настроеніи къ Россіи, или по крайней мѣрѣ оно можетъ считаться предвозвѣстникомъ политическаго поворота, который желательно разъяснить для соотвѣтственнаго веденія дѣлъ". Послѣ визита Віель-Кастеля, Убри предлагалъ мнѣ написать объ этомъ въ Петербургъ, но я не согласился съ его мнѣніемъ, такъ какъ напередъ слѣдуетъ удостовѣриться въ справедливости сказаннаго, не полагаясь на слова какого-то анонимнаго редактора".

Небезъинтересно при этомъ привести записанный подъ 19-мъ ноября разговоръ Киселева съ княземъ Рейсомъ о принцѣ Наполеонѣ: „Принцъ Наполеонъ—сказалъ князь Рейсъ—находится теперь въ Компіэнѣ; онъ найдетъ случай возстановить свои интимныя отношенія съ императоромъ, который имѣетъ къ нему несомнѣнную и нескрываемую слабость; несмотря на нерѣдко выказываемое отвращеніе къ принцу Наполеону, императрица Евгенія также, въ концѣ концовъ, плѣняется иногда его умомъ и оригинальностью, въ которой проглядываетъ подчасъ и искренность; это заставляетъ ее забывать, что онъ заклятый врагъ ея и въ особенности ея сына. Когда я замѣтилъ князю, что Франція никогда не согласится имѣть такого человѣка своимъ императоромъ, Рейсъ отвѣчалъ, что французы такъ легкомысленны, что согласятся и на это, если принцъ съумѣетъ взяться за дѣло; что нѣсколько французовъ сказывали ему, что имъ все равно, какой Бона-

---

[1]) Comte de-Viel Castel, писатель довольно извѣстный во Франціи своими беллетристическими сочиненіями.

партъ будетъ властвовать надъ ними, лишь бы онъ умѣлъ править государствомъ". Тутъ графъ Павелъ Дмитріевичъ приписалъ въ скобкахъ: „между роялистами въ ходу другой варіантъ этой послѣдней фразы; они говорятъ—лишь бы онъ далъ себя прогнать (pourvu qu'il se laisse chasser)".

Принцъ Наполеонъ не измѣнялъ своей тактикѣ. Въ 1862 г., онъ поднялъ цѣлую бурю въ февральскихъ засѣданіяхъ сената и законодательнаго собранія своими рѣчами. Говорили даже, что принцъ прочитъ себя кандидатомъ на императорскій престолъ. Выходки его постоянно порождали неудовольствія въ семейномъ быту тюльерійскаго двора. Объ этихъ неудовольствіяхъ даетъ понятіе любопытный разговоръ Киселева съ принцессою Матильдою:

„Принцесса Матильда предложила пріѣхать сегодня утромъ (8-го апрѣля) ко мнѣ, чтобъ поболтать (causailler) о дѣлахъ. И точно, въ два часа мнѣ доложили о ея пріѣздѣ, и я сошелъ внизъ, чтобы принять ее въ первомъ залѣ нижняго этажа, откуда мы съ нею перешли въ садъ. Обойдя два раза мой небольшой садикъ, мы усѣлись, чтобы продолжать нашъ разговоръ. Сначала мы говорили о нынѣшнемъ пребываніи въ Парижѣ маркиза Лавалетта, котораго она очень хвалила, какъ человѣка высокаго ума и пріятнаго характера. Она помянула объ интригахъ, замышляемыхъ противъ него, подъ руководствомъ неразсудительной императрицы Евгеніи, которая въ дѣлахъ не имѣетъ никакого смысла (qui n'est qu'une buse dans les affaires) и которая тянетъ къ католицизму единственно для того, чтобы угодить Испаніи и въ особенности королевѣ Изабеллѣ, относящейся, впрочемъ, ко всему этому весьма равнодушно. Независимо отъ сего, у императрицы самый несносный характеръ, и императору, который самъ по себѣ кротокъ и имѣетъ ангельское терпѣніе, приходится много переносить отъ нея. Недавно, въ присутствіи ребенка (императорскаго принца), она сдѣлала ему самую грубую сцену, такъ что императоръ, чтобы прекратить споръ, взялъ малютку за руку и повелъ его изъ комнаты, гдѣ эта битва происходила; тогда ребенокъ, понимая огорченіе отца, сказалъ ему: „неправда ли, папа, что мама говорила глупости (n'est ce pas, papa, que maman a dit des bêtises)". Разсказывая мнѣ объ этомъ случаѣ, императоръ присовокупилъ, что „этотъ ангельчикъ" (ce petit ange) хотѣлъ этимъ вопросомъ утѣшить меня, и цѣль его была достигнута, потому что я былъ глубоко тронутъ".

— Да какъ же это,—спросилъ я,—императоръ, при своемъ превосходствѣ ума, позволяетъ такимъ образомъ господствовать надъ собою?

— По лѣности,—отвѣчала она;—онъ лѣнивъ во всемъ, что относится до домашней жизни; я нѣсколько разъ выговаривала ему это, но у него всегда одинъ отвѣтъ:—лучше уступить, чѣмъ продолжать споръ о пустякахъ; притомъ, поясняетъ онъ,—таковъ уже мой характеръ; я не могу переиначить его, потому я даю ей говорить, сколько хочетъ, а самъ молчу.

„Переходя затѣмъ“, говоритъ графъ, „отъ этой картины домашняго очага императорской четы къ политикѣ, я спросилъ принцессу, насколько справедливы слухи о сближеніи съ Австріею?—Не вѣрьте этому, отвѣчала она; императоръ мало говоритъ, но много думаетъ. Онъ не скрываетъ отъ себя, что недовѣріе къ нему и къ его правительству все ростетъ и что необходимо возсоздать довѣріе. Онъ сдѣлалъ починъ въ этомъ направленіи, начавъ съ наиболѣе зараженныхъ недовѣріемъ, и намѣревается слѣдовать по этому пути. Императоръ говоритъ, что всѣми этими непріятностями онъ обязанъ Италіи, что онъ радъ бы былъ душою отдѣлаться отъ нея, но, разъ дѣло затѣяно, надо его кончить (le vin étant tiré il faut le boire)“.

— Это правда,—отвѣчалъ я,—но, принимаясь за окончаніе начатаго дѣла (mais avant de le boire), должно остерегаться дурныхъ совѣтовъ, которые подсказываютъ со всѣхъ сторонъ и слѣдуя которымъ онъ можетъ зайти слишкомъ далеко“.

— Вы говорите о принцѣ Наполеонѣ,—перебила она меня; — къ несчастію, это правда; мой братъ большой проказникъ (mauvais drôle), ему не надо довѣряться; онъ одержимъ всѣми дурными наклонностями; но, по нерѣшительности его характера, онъ вовсе не такъ опасенъ: императоръ хорошо его знаетъ, и если братъ мой имѣетъ на него нѣкоторое вліяніе, то единственно благодаря своему гибкому уму, въ которомъ, конечно, ему отказать нельзя. Многіе думаютъ,—продолжала она,—что онъ имѣетъ за собою партію; я этому не вѣрю; но если бъ даже это было справедливо, то предпріятія, затѣваемыя имъ лично, никакого значенія имѣть не могутъ, потому что сторонники его не довѣряютъ ему и пользуются только его личнымъ положеніемъ при дворѣ, для распространенія нелѣпыхъ слуховъ, вѣроятность которымъ придаютъ потому, что они будто бы исходятъ отъ двоюроднаго брата императора. Братъ мой даетъ имъ волю распускать слухи и новости, будто бы слышанныя отъ него, единственно изъ желанія еще болѣе утвердить свой кредитъ. Повидимому, онъ добился этого даже въ кругу министерскомъ (dans le cénacle ministèriel), въ средѣ котораго бо̀льшая часть этихъ полновластныхъ рѣшителей судебъ (potentats) усидчиво ухаживаютъ за ними.

„Потому,—добавила она,—что всѣ эти министры ненавидятъ другъ друга и стараются повредить одинъ другому; каждый изъ нихъ силится передать, черезъ посредство моего брата, свои виды и разныя о своихъ сотоварищахъ сплетни, не заботясь о томъ, справедливы онѣ или нѣтъ, лишь бы дошли по назначенію. Эти глупцы не знаютъ, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ болѣе хитрымъ, чѣмъ они сами, и что этотъ воображаемый покровитель и пособникъ ихъ, которому они довѣряютъ свои затаенные замыслы, передаетъ въ формѣ разсказовъ, которые всегда нравятся императору, только то, что ему самому на руку и согласно съ его интересами и личными видами“.

1862 годъ былъ послѣднимъ для дипломатической карьеры Кисе-

лева. Онъ подалъ въ отставку, немедленно послѣ того, какъ въ Парижъ присланъ ему былъ въ помощь Будбергъ, что̀ графъ „принялъ за намекъ, что ему пора оставить мѣсто посла". 16-го октября ему назначена была аудіенція у императора, для представленія отзывныхъ грамотъ. „Императоръ меня принялъ"—записалъ Киселевъ—„весьма дружественно и удержалъ у себя полчаса, а императрица болѣе часу и очаровала меня своимъ разговоромъ, серьезнымъ и вмѣстѣ веселымъ"...

„Во время всей этой аудіенціи", говоритъ графъ, „я не замѣтилъ въ императорѣ ни заботливаго, ни болѣзненнаго вида, о которомъ говорятъ въ публикѣ. Наполеонъ былъ, какъ всегда, сосредоточенъ, серьезенъ и иногда веселъ. Его тусклый взглядъ въ иныя минуты дѣлается выразительнымъ, его физіономія оживляется и бываетъ иногда не безъ пріятности; онъ всегда владѣетъ собою, ему чужды вспышки гнѣва или живости; всегда спокойный, даже когда онъ чувствуетъ себя сильно раздосадованнымъ, онъ никогда не возвышаетъ голоса, никогда не скажетъ слова оскорбительнаго или неупотребительнаго въ обыкновенномъ разговорѣ. Я говорилъ со многими близкими къ нему лицами и всегда получалъ одинъ отвѣтъ: х о т я о н ъ и н о г д а и с е р д и т с я, н о н и к о г д а н е в ы х о д и т ъ и з ъ с е б я. Одинъ изъ этихъ господъ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ его сердитымъ только одинъ разъ,—это по дѣлу генерала Монтобана. О пораженіи, которое потерпѣло его предложеніе назначить пенсію генералу, онъ говорилъ съ нѣкоторою язвительностью и горячностью, ему не обычными. Въ отношеніяхъ своихъ самыхъ интимныхъ съ своими близкими, не исключая и императрицы, онъ предпочитаетъ скорѣе уступить, чѣмъ заставить исполнять его волю. Одинъ изъ его семейства упрекалъ его въ холодности; онъ отвѣчалъ, что весьма достаточно спорить о дѣлахъ серьезныхъ; но „если дѣло идетъ о домашнихъ пустякахъ, то я люблю лучше уступить, хотя бы чувствовалъ личную досаду, чѣмъ тратить свою жизнь для поддержанія этого рода борьбы, которая меня утомляетъ и наводитъ невыразимую скуку".

„Когда о моемъ приходѣ доложили императрицѣ, она вышла ко мнѣ на встрѣчу и приняла меня съ обыкновенною своею любезностію. Она пригласила меня въ свой кабинетъ и, садясь на кресло, указала мнѣ мѣсто. Послѣ сожалѣній о моемъ удаленіи и моихъ обычныхъ объясненій, императрица Евгенія мнѣ сказала, что я теперь могу ей сказать безъ дипломатическихъ осторожностей, каковъ характеръ моего преемника. „Мнѣ говорили—сказала она—что Будбергъ человѣкъ сухой и сдержанный (raide et peu expansif); мнѣ это было бы досадно, потому что—вы знаете—мой характеръ совершенно противоположный. „Я поспѣшилъ ее разувѣрить въ этомъ невѣрномъ мнѣніи (fausse appréciation), котораго нельзя допустить, отдавая справедливость г. Будбергу въ его умѣ и знаніи людей; сверхъ того, я вкратцѣ указалъ на его служебную карьеру и на назначеніе, которыхъ онъ, несмотря на свои молодые годы, удостоился отъ императора Николая;

обязанности посланника въ Вѣнѣ и Берлинѣ онъ исполнялъ къ общему удовольствію; конечно, онъ постарается достигнуть того же и въ Парижѣ и, какъ я увѣренъ, онъ заслужитъ милостивое благоволеніе ея величества... Я кончилъ, сказавъ, что сухость и несообщительность характера, въ которыхъ его обвиняютъ, не могутъ быть допущены, ибо онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ опытенъ, чтобы въ Парижѣ отклонить отъ себя успѣхи въ отправленіи дипломатическихъ дѣлъ.

„Я счелъ долгомъ сказать ей также нѣсколько словъ объ ея успѣхахъ въ отношеніи оборота, который послѣдовалъ въ положеніи дѣлъ папы. Партія лѣвыхъ радуется, партія правыхъ—тоже, хотя съ меньшею откровенностію, но всѣ, за исключеніемъ упорныхъ вольтеріянцевъ, одобряютъ новое направленіе дѣлъ Италіи.—Всѣ знаютъ, что этимъ обязаны вашему величеству и вамъ благодарны; я съ своей стороны этому чрезвычайно обрадовался и весьма счастливъ, что могу выразить вамъ мое искреннее поздравленіе съ успѣхомъ. Я хотѣлъ бы сдѣлать то же относительно другаго успѣха, вамъ же приписываемаго, именно въ дѣлахъ мексиканскихъ; но желалъ бы—позвольте сказать откровенно,—чтобы этотъ успѣхъ не принадлежалъ вамъ.—Императрица прервала меня, сказавъ, что дѣйствительно она сдѣлала все, что могла, чтобы исправить ложное направленіе, данное переговарамъ касательно папства; это сдѣлать было тѣмъ удобнѣе, что императоръ думалъ всегда такъ же, и что слогъ депешъ измѣнилъ первоначальную мысль, въ ущербъ интересамъ Франціи и католицизма, который надо принимать въ разсчетъ, когда управляютъ около 40 милл. Французовъ.

„Что касается до Мексики, то долгъ чести обязывалъ Францію не идти на буксирѣ тѣхъ, которые отстали; сверхъ того, эта отдаленная экспедиція имѣетъ свою причину, кромѣ жестокостей революціонеровъ въ этой странѣ въ отношеніи католической религіи. Франція не можетъ и не должна оставить своихъ единовѣрцевъ въ угнетеніи.

„Затѣмъ она меня спросила—утихаетъ ли волненіе въ Польшѣ? На мой отвѣтъ она лишь сказала: „если бы спросили меня, то я посовѣтовала бы оставить поляковъ самимъ себѣ, предоставя имъ выбрать себѣ короля. Россія, при своемъ могуществѣ, всегда будетъ стоять выше, будетъ сильнѣе и у себя, и въ отношеніи другихъ; всякія другія мнимыя примиренія, которыя выдумаютъ, не установятъ прочнаго спокойствія, столь желаемаго Европою и котораго тоже должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ то же время въ интересахъ Россіи и Европы“.

„Я отвѣчалъ, что понимаю ея заключительную мысль. Всѣ выиграютъ, кромѣ Россіи, которая не можетъ отказаться отъ царства ни въ интересахъ поляковъ, ни въ интересахъ западныхъ державъ. Чтобы это уяснить, надо разсмотрѣть общее положеніе дѣлъ. Поляки и рус-

скіе, двѣ вѣтви одного славянскаго племени, борются втеченіе шести вѣковъ; поляки имѣли успѣхи; она господствовали въ Москвѣ, какъ теперь русскіе господствуютъ въ Варшавѣ; жалобы папы отчасти справедливы по причинѣ строгихъ, иногда произвольныхъ, мѣръ въ предпрошедшее царствованіе; но ненадо терять изъ виду, что всѣ эти строгости были послѣдствіемъ духа пропаганды католическаго духовенства, которое считало православныхъ за язычниковъ и старалось ихъ обратить въ лоно истинной, по ихъ мнѣнію, церкви; отъ этого произошли преслѣдованія, на которыя жалуется св. отецъ. Пусть оставятъ прозелитизмъ, и они избѣгнутъ мѣръ предупредительныхъ, къ которымъ насъ заставляютъ прибѣгать. Что касается до уніатовъ, то возвращеніе ихъ къ церкви ихъ отцовъ было дѣломъ ихъ духовенства, которое просило возсоединиться съ первоначальною своею церковію. Только 52 священника не хотѣли подписать общую просьбу о возсоединеніи. Эта просьба не могла быть законнымъ образомъ отвергнута, потому что просители были іезуитами насильно обращены въ унію; Литва и Украина испытали то же насиліе".

Оффиціальное значеніе Киселева кончилось. Павелъ Дмитріевичъ послѣдніе годы жизни провелъ во Франціи, поддерживая постоянныя сношенія съ Россіей и слѣдя за всѣми вопросами, назрѣвавшими въ его время. Свои мысли подъ впечатлѣніемъ фактовъ и чтенія онъ заносилъ въ свой дневникъ. Уже въ тогдашнемъ положеніи Европы, графъ Киселевъ видѣлъ задатки грядущихъ великихъ переворотовъ.

„Я убѣжденъ", пишетъ онъ, подъ 9 ноября (1866) г. „что наступятъ большіе перевороты въ свѣтѣ и что соціальное возрожденіе измѣнитъ вътеченіе XX вѣка настоящее положеніе дѣлъ. Мудрая, осторожная и либеральная Англія, на свободные принципы которой безпрестанно ссылаются, находится на пути къ соціальной и политической революціи, несмотря на утвержденіе одного изъ ея самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей (Каннингъ), который говорилъ, что пока кучеръ королевы сохранитъ на головѣ своей напудренный парикъ, англійская конституція сохранится и будетъ управлять Англіею. Утвержденіе этого государственнаго человѣка живописно, но не положительно. Надо бы знать, сколько времени парикъ будетъ держаться на головѣ кучера... Во Франціи нѣкоторые журналисты поставили своею задачею преобразовать міръ съ помощію того, кто, съ высоты похищеннаго имъ трона, имѣлъ дерзость провозгласить себя выскочкою (parvenu), чтобы угодить тогдашней всемогущей демагогіи. Но, разъ выкинувъ эту штуку, онъ одумался и сдержалъ страсти, которыми воспользовался для своего возвышенія, чтобъ утвердить наслѣдство своему сыну и сдѣлаться главою новой династіи. Эта мечта, которую лелѣялъ Наполеонъ I, и которая скоро улетучилась; то-же самое будетъ и съ Наполеономъ III".

Приведенныя выдержки изъ книги Заблоцкаго-Десятовскаго, при всей своей неполнотѣ, кажется, достаточно опредѣляютъ характеръ

государственной дѣятельности графа П. Д. Киселева. Это былъ человѣкъ дѣйствія, жизни, фактовъ, чуждый увлеченіямъ одними теоріями, какъ бы ни были онѣ прекрасны съ виду; это былъ горячій и энергичный инициаторъ тамъ, гдѣ опытъ и практика оправдывали неотложность нововведенія, или же выжидающій наблюдатель, какъ скоро обстоятельства слагались для того неблагопріятно. Стремленіе поставить всякое нововведеніе въ уровень съ требованіями жизни составляетъ одну изъ главныхъ отличительныхъ чертъ его долголѣтней и полезной дѣятельности. Отсюда эта практичность ея, эта успѣшность. Отсюда въ лицѣ Киселева мы видимъ организатора строго выдержанной и ясно выраженной системы, не той строгости въ системѣ, которая хочетъ ломать жизнь, а именно той, какая вызывается запросами самой дѣйствительности. Другая, неменѣе важная черта въ дѣятельности Киселева заключается въ томъ, что всѣ учрежденія, обязанныя его инициативѣ, проникнуты чувствомъ гумманности и неизмѣнной заботливостью водворить законность на мѣстѣ произвола. Наконецъ, еще достойная вниманія сторона всѣхъ его преобразованій и нововведеній: какъ настоящій государственный человѣкъ, графъ Киселевъ не ограничивался настоящимъ; онъ заглядывалъ въ будущее. Успѣхи, имъ достигнутые, онъ не считалъ вершающими дѣло, не обольщался ими настолько, чтобы не видѣть, что болѣе полное и совершенное ихъ достиженіе принадлежитъ новому поколѣнію.

Ѳ. Булгаковъ.

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ [1])

II.

Жизнь каждаго народа распадается на общественную и государственную. Первая одушевляетъ вторую. Отсюда мнѣніе, что каждый народъ стоитъ своего правительства. „Въ политикѣ—говоритъ Милль—какъ въ механикѣ, надо искать внѣ машины силу, которая сообщаетъ машинѣ движеніе; а если ея нѣтъ, или она недостаточна, чтобъ превзойти могущія оказаться препятствія, то дѣло не пойдетъ на ладъ“. Итакъ, общественная жизнь должна окрашивать собою политическую. Элементы общественной жизни слишкомъ разнообразны; но все же нѣкоторые изъ нихъ можно указать. Это—энергія народа, его готовность воплощать свои міровоззрѣнія въ государственныя формы и даже страдать за торжество этихъ міровоззрѣній. Этотъ элементъ самый важный въ общественномъ прогрессѣ. За нимъ идетъ экономическое обезпеченіе народа, равновѣсіе труда и капитала; далѣе,—умственное образованіе и равномѣрное его распредѣленіе. Наконецъ, такъ называемая нравственная жизнь, состоящая для инаго народа въ религіи, для другаго—во внѣшнемъ патріотизмѣ, въ личной храбрости, въ вѣрноподданнической преданности, въ личной безупречности, въ семейной добродѣтели и въ эстетическомъ употребленіи своего досуга. Для третьяго народа, лишеннаго этихъ нравственныхъ элементовъ, единственнымъ выходомъ для душевныхъ силъ представляется революція или соціализмъ. Что бы ни говорили, но борьба за отдаленнѣйшій идеалъ въ настоящее время замѣнила для „дѣтей“ всѣ тѣ нравственные интересы и побужденія, которыми жили наши „от-

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, т. VII, стр. 396.

цы“, люди сороковыхъ годовъ. Такимъ образомъ, экономическое развитіе, интеллектуальное, нравственное, и личная энергія, со многими другими элементами, составятъ то, что̀ мы называемъ общественной жизнью. Отъ степени ея развитія зависитъ удовлетворительность или негодность политическихъ учрежденій, имѣющихъ своимъ raison d'êtr'омъ желаніе дать странѣ наивозможно-большее и безпрепятственное развитіе вышеупомянутыхъ общественныхъ, гражданскихъ силъ. Чѣмъ полнѣе гражданскія силы и чувства развиваются при той или другой политической формѣ правленія, тѣмъ болѣе общество довольно своимъ правительствомъ, и наоборотъ. На этомъ основаны отношенія общества къ правительству. Чѣмъ менѣе къ участію въ правленіи допущено общество, тѣмъ правительство болѣе для него чуждо. Чѣмъ гармоничнѣе развитіе общественныхъ силъ съ политическими формами, чѣмъ онѣ тѣснѣе обусловливаютъ другъ друга, тѣмъ болѣе такое правленіе приближается къ демократіи. Нѣкоторые ученые эту гармонію или дисгармонію общества съ правительствомъ считаютъ основнымъ признакомъ въ различіи формъ государственнаго устройства.

Какая же политическая форма болѣе удовлетворяетъ гармоническому условію, т. е. развитію при ней гражданскихъ, общественныхъ силъ? Та, при которой само заинтересованное лицо принимаетъ участіе въ охраненіи своихъ общественныхъ правъ и расширеніи ихъ. „Представительное устройство — говоритъ Милль, — есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ свести подъ одно знамя все лучшее, что есть въ обществѣ по уму и честности, свести въ одно мѣсто доблестнѣйшихъ его членовъ и дать имъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ они имѣли бы при всякой другой организаціи, хотя и при всякомъ другомъ устройствѣ вліяніе такихъ людей есть источникъ всякаго добра, какое только есть въ правленіи, и причина отсутствія въ немъ какого либо изъ золъ. Чѣмъ бо̀льшую сумму такихъ качествъ общественный порядокъ какой нибудь страны можетъ организовать, чѣмъ лучше самая организація, тѣмъ лучше будетъ и правительство“. Мнѣніе Милля намъ очень цѣнно, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ политическія формы стали занимать собою общественное мнѣніе гораздо сильнѣе экономическихъ и интеллектуальныхъ вопросовъ. „Новѣйшіе русскіе реформаторы“ второй группы,—г. Новосельскій („Соціальные вопросы въ Россіи“), г. Панаевъ („Общинное землевладѣніе“), авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“, также главною темой своихъ разсужденій берутъ политическія формы, при которыхъ соціальные вопросы могли бы легче разрѣшаться. Эти господа являются противниками конституціонализма, а потому ихъ собственное profession de foi очертится яснѣе, когда мы съ нимъ познакомимся въ его противоположностяхъ. Въ самыхъ краткихъ чертахъ мы скажемъ о конституціонномъ режимѣ, почти всюду привившемся въ Европѣ. Карлъ Роттекъ говоритъ: „Наше время—время конституцій. Онѣ или же-

лательны, или рѣшительно отвергаются“ („Lehrbuch des Verunftrechts und der Staatswissenchaften“). Англія—классическая страна договоровъ власти съ народомъ. Съ нея мы и начнемъ. Аграрная система и деспотическія замашки королей съ незапамятнымъ временъ сдѣлали то, что англійскіе бароны, имѣя въ своихъ рукахъ землю, а слѣдовательно и народъ, рѣшились противопоставить свои аристократическія вольности династическимъ, придворнымъ. Бароны соединились съ народомъ и искали спасеніе отъ угнетенія въ законѣ. 16-го іюня 1215 года, англійская нація съ баронами во главѣ добилась отъ Іоанна Безземельнаго „Великой льготной хартіи“. Этою „Magna charta libertatum“ власть короля была ясно изложена и даже обставлена законными предѣлами по отношенію къ церкви и королевскимъ вассаламъ. Обыватели также получили понятіе о своихъ правахъ. Съ этихъ поръ корона начинаетъ утрачивать мало-по-малу свои абсолютныя преимущества; мѣстная жизнь обывателей легализируется, успокоивается, пріобрѣтаетъ мѣстное политическое значеніе и, наконецъ, выбираетъ изъ своей среды депутатовъ, обязанныхъ защищать передъ короною интересы избирателей. Создается парламентъ въ столицѣ, внутри страны—землевладѣльческая джентрэ, въ корпоративныхъ городахъ—должностныя лица, избранныя горожанами. Мѣстная самостоятельная жизнь и парламентъ гарантируютъ гражданъ отъ произвола короля. Въ то же самое время и самый парламентъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ: съ одной стороны властью короля, могущаго распустить парламентъ, хотя не болѣе какъ на годъ,—съ другой—и главнымъ образомъ—независимымъ мѣстнымъ развитіемъ земскихъ учрежденій. Безъ мѣстнаго развитія страны, какъ корона, такъ и парламентъ, являются созданіемъ абсолютизма. Англія создала парламентъ, опирающійся на мѣстное самоуправленіе, и потому лучшіе ея мыслители (Милль и др.) всегда горячо отстаивали англійскую конституцію. Между тѣмъ Франція, убившая мѣстную жизнь централизаторскими наклонностями Людовиковъ, національныхъ собраній, конвентовъ, Наполеоновъ и Гамбеттъ, будетъ еще долго позорить самую идеальную конституцію. Для Англіи провинція была всегда предметомъ особой заботливости: въ благосостояніи провинціальной жизни государственные люди Англіи видѣли залогъ процвѣтанія всей страны и прочность самого правительства. Лордъ-намѣстникъ, шерифъ, мировой судья и др. представители мѣстныхъ учрежденій были внѣ вліянія администраціи. Послѣдняя сама была подчинена суду. Административные чиновники, „министерскіе“ (ministerial), не имѣютъ никакого судебнаго права, а наоборотъ „судебные“ люди имѣютъ административную власть. Администрація вѣдаетъ только то, что̀ поступаетъ къ ней по закону и подчинено судебному вѣдомству, что на континентѣ такъ рѣдко можно встрѣтить. Мѣстная администрація, помимо вліянія на нее мѣстныхъ „судебныхъ“ чиновниковъ, подчинена также высшимъ судебнымъ учрежде-

піямъ. Словомъ, англичане создали массу постановленій, которыми іерархическая централизація въ уѣздахъ ослаблена до наименьшаго предѣла. Строгое раздѣленіе законодательной, судебной, исполнительной и королевской власти дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе и развитіе личныхъ, гражданскихъ правъ,—естественныхъ правъ: экономическаго развитія, умственнаго, религіознаго, свободы слова, свободы собраній, свободы печати и т. п. Конечно, Бенжаменъ Констанъ, Монтескьё и др. сторонники раздѣленія властей видѣли, что на практикѣ эти власти вліяютъ одна на другую; но если мы разберемъ это вліяніе и зависимость одной власти отъ другой въ Англіи, то придемъ къ заключенію, что конституціонный типъ правленія отъ этого нимало не страдаетъ; именно потому, что каждая изъ поименованныхъ властей въ Англіи отвѣтственна одна передъ другой. Ни одной изъ нихъ не приходится совѣщаться только съ самой собою, и потому каждая контролируется другою, установленною властью. „Въ Англіи парламентъ всегда состоялъ изъ двухъ палатъ: лордовъ и депутатовъ. Въ двухъ палатахъ находятъ болѣе данныхъ для обезпеченія свободы: одна можетъ легко увлекаться, она всегда представляетъ интересы настоящаго дня; а главное—только при двухъ палатахъ возможно равновѣсіе властей законодательной и исполнительной: въ противномъ случаѣ—при столкновеніи нѣтъ посредника и одна изъ нихъ можетъ легко поглотить другую. Но для этого необходимо, чтобы первая (верхняя) палата имѣла свою физіономію, представляла бы по своему составу другое начало, нежели палата депутатовъ, — иначе это будетъ одно собраніе, перегороженное стѣною, только помѣха въ движеніи законодательной власти. Если верхняя палата назначается по выбору, то равновѣсія быть не можетъ: она будетъ той же палатой депутатовъ, только подъ другимъ названіемъ; если назначеніе въ нее членовъ вполнѣ зависитъ отъ короля,—тогда опять не будетъ равновѣсія; она будетъ органомъ исполнительной власти. Англія достигла раздѣленія тѣмъ, что обладаетъ могущественной поземельной обезпеченной маіоратами аристократіей, поэтому палата лордовъ представляетъ наслѣдственную независимую аристократію, съ небольшой прибавкой пожизненной, въ противоположность палатѣ общинъ, состоящей изъ депутатовъ народа, выбираемыхъ на срокъ. Оттого въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ такихъ общественныхъ условій, какъ въ Англіи, образованіе первой палаты—искусственное, натянутое, и все зданіе парламентаризма не представляетъ той прочности" (А. Лохвицкій: „Обзоръ современныхъ конституцій"). Такимъ образомъ, профессоръ Лохвицкій въ верхней палатѣ видитъ охрану политической свободы отъ произвола народныхъ депутатовъ; но къ счастью, Англія выработала для этого другія гарантіи, болѣе надежныя, чѣмъ лорды. Даже болѣе: съ теченіемъ времени, значеніе верхней палаты въ Англіи упало почти совершенно.

Идея прошлаго столѣтія пошатнула всюду аристократическій по-

рядокъ: во Франціи, Швейцаріи, вольныхъ городахъ Германіи, и наконецъ, самой Англіи. Идея гражданскаго равенства и политической правоспособности для каждаго вытѣснила собою сословныя и имущественныя выгоды если не вполнѣ, то въ значительной степени. Англія не была исключеніемъ. У Бэджгота въ его сочиненіи объ англійской конституціи прекрасно изложенъ процессъ вымиранія верхней палаты Англіи. Первоначально здѣсь выборнымъ правомъ пользовался только землевладѣльческій классъ, т. е. лорды; но съ развитіемъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ, Манчестера, Ливерпуля, Шеффильда, Лидса и др. создался новый промышленный финансовый классъ, требующій себѣ также участія въ политикѣ. Этотъ классъ имѣлъ своими ходатаями Кромвеля, Фокса, Питта младшаго; но только лорду Грею и Джону Росселю, въ 1832 году, удалось въ биллѣ „о реформѣ" поставить имущественный классъ на равноправное мѣсто съ землевладѣльческой аристократіей. Но демократизмъ времени скоро потребовалъ расширенія и этой реформы: рабочій классъ организовался, развивался политически и требовалъ себѣ также избирательнаго права. Благодаря стараніямъ чартистовъ, въ 1867 году былъ изданъ билль, которымъ было даровано рабочему сословію политическое участіе, т. е. всеобщее избирательное право. Въ 1872 г. законъ „о тайной подачѣ голосовъ" дѣлаетъ въ Англіи нижнюю палату или окончательно всесильной, или такой, которую дисциплинируетъ весь государственный строй Англіи, вмѣстѣ съ короной, кабинетомъ, общественнымъ мнѣніемъ, но передъ которой лорды безсильны. Словомъ, верхняя палата въ концѣ XIX вѣка есть явленіе отживающее даже въ Англіи. Во Франціи же, напримѣръ, верхней палаты не возможно было образовать еще въ до-революціонный періодъ, такъ какъ аристократія тамъ, задолго до 1789 года, потеряла всякое земское значеніе, стала придворной и со временъ революціи лишена всякаго значенія. Какими бы искусственными мѣрами ни создавалось перство во Франціи, мы не сомнѣваемся, что сужденіе Наполеона I о періи въ настоящее время будетъ еще болѣе справедливо, чѣмъ во время его бесѣды съ Констаномъ: „Нужно опасаться, что она (перія) будетъ въ дисгармоніи съ нынѣшнимъ состояніемъ умовъ. Она оскорбитъ гордость арміи; она обманетъ ожиданія всѣхъ сторонниковъ равенства; она подыметъ противъ меня тысячи личныхъ неудовольствій... Гдѣ хотите вы, чтобы я взялъ аристократическіе элементы, которыхъ требуетъ перія? Старыя фамиліи мнѣ враждебны. Многія изъ новыхъ имѣютъ постыдное происхожденіе. Пять-шесть знаменитыхъ именъ недостаточны. Безъ воспоминаній, безъ историческаго блеска, безъ большой собственности,—на чемъ основана будетъ перія?—Общество увидитъ въ ней или генераловъ, или камергеровъ!". Послѣ всего приведеннаго, кажется, не нужно доказывать невозможность верхней палаты въ Россіи (т. е. искусственное разведеніе въ ней лордовъ и перовъ), какъ это проектировали наши но-

вѣйшіе реформаторы первой группы, которыхъ мы уже достаточно охарактиризовали въ предыдущей статьѣ. Если въ Англіи палата лордовъ потеряла почти всякое значеніе, то у насъ она можетъ быть создана развѣ возстановленіемъ крѣпостнаго права и опричины. Общественная жизнь въ Англіи гарантирована отъ застоя и регресса не палатою лордовъ, этимъ политическимъ маятникомъ, уравновѣшивающимъ правительство и депутатовъ во имя прогресса, какъ думають нѣкоторые ученые, но тѣсною и отвѣтственною связью парламента; законодательной власти, съ кабинетомъ, исполнительною властью, подъ общимъ руководствомъ короны. Изъ среды депутатовъ набираются министры, и потому они отвѣтственны передъ палатами. Министры могутъ посовѣтовать королю распустить парламентъ, но черезъ годъ или ранѣе король долженъ созвать новыя палаты, передъ которыми министры будутъ также отвѣтственны и изъ среды которыхъ будутъ набираться новые. Король, дѣйствуя черезъ отвѣтственныхъ министровъ, поставленъ внѣ отвѣтственности. Если правительственный актъ окажется вреднымъ, то это значитъ, что король получилъ дурной совѣтъ и министръ принимаетъ отвѣтственность на себя за каждое дѣйствіе короля. Король дѣйствуетъ не иначе, какъ черезъ министровъ; онъ не выступаетъ отъ своего имени. Его особа—неприкосновенна; отвѣтственны совѣтники, министры. Послѣдніе—въ одно время и совѣтники короны, и предводители парламентскаго большинства. „Они являются и довѣренными лицами парламента, и уполномоченными короны. Согласіе между монархическою властью и народнымъ представительствомъ держится на этомъ именно учрежденіи, на тѣсной связи короны съ палатами черезъ отвѣтственныхъ министровъ. Черезъ посредство кабинета, съ одной стороны, корона можетъ имѣть вліяніе на парламентъ, съ другой—парламентъ можетъ контролировать всѣ дѣйствія правительства. Такимъ образомъ, устанавливается совокупное дѣйствіе всѣхъ элементовъ государственной власти на дѣла какъ законодательныя, такъ и исполнительныя". (Проф. А. Градовскій. „Общее государственное право").

Такой конституціонный порядокъ вещей только въ одной Англіи и могъ развиться безъ препятствій какъ со стороны короны, такъ и населенія. При этомъ образѣ правленія корона можетъ не давать своего согласія на мѣры, предлагаемыя министромъ; она можетъ распускать палаты и этими прерогативами вполнѣ довольствуется. Населеніе же, отдающее свои голоса депутатамъ, не боится за послѣднихъ потому, что парламентъ есть то общественное мнѣніе, которое въ Англіи развивается всюду безпрепятственно и подъ вліяніемъ котораго совершаются выборы. „Оно (общественное мнѣніе) посылаетъ своихъ представителей въ палату общинъ и образуетъ тамъ парламентское большинство, доставляетъ коронованному зодчему строительный матеріалъ для составленія министерства, направляетъ законодательство и, наконецъ, когда выборные депутаты перестаютъ быть

выразителями его стремленій, общественное мнѣніе, по распущеніи палатъ, является высшею апелляціонною инстанціею и новыми выборами превращаетъ прежнее большинство въ меньшинство". („Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни". Гольцендорфа). Тамъ, гдѣ мѣстная жизнь развивается внѣ вліянія центральной власти, гдѣ общественное мнѣніе направляетъ государственную жизнь, тамъ населеніе покойно,—глава исполнительной власти болѣе авторитетенъ и менѣе подверженъ критикѣ. Безъ мѣстной, независимой жизни, исторически сложившейся, безъ мѣстнаго, независимаго общественнаго мнѣнія, представительное правленіе будетъ не болѣе какъ административною опекою. Мы можемъ это прослѣдить на такихъ странахъ, какъ Англія, Америка, Швейцарія—съ одной стороны, и Франція—съ другой. Палата только тогда представляетъ собою страну, когда избирательное право дается мѣстностямъ, округамъ, корпораціямъ, въ которыхъ историческая жизнь создала свои мѣстные, самобытные интересы, свои мѣстныя общественно-административныя единицы и политическіе союзы, свою общую, коллективную волю; словомъ, когда мѣстное самоуправленіе, вполнѣ и исторически развивавшееся, является твердымъ, реальнымъ основаніемъ для народнаго представительства. Таково реальное представительство Англіи. Здѣсь депутатъ въ народномъ собраніи является отъ извѣстной организованной мѣстности, съ опредѣленными ея интересами, и потому депутатъ живетъ съ населеніемъ солидарно не только на время выборовъ, но постоянно: ему нельзя, послѣ выборовъ, быть лишь выразителемъ собственныхъ мнѣній, потому что мѣстность, пославшая его, имѣетъ опредѣленныя нужды и взгляды.

Совсѣмъ другое мы видимъ во Франціи. Мѣстная жизнь тамъ была задавлена административной опекою Людовиковъ, бонапартистовъ и республиканцевъ. Потому тамъ сложилось формальное или математическое представительство, т. е. выборы по округамъ, на которые раздѣлена Франція. По этой системѣ одинъ депутатъ, положимъ, приходится на 20,000 жителей не потому, что такъ сложилась провинціальная жизнь, но потому, что такъ написано было въ одномъ изъ параграфовъ конституціи. „Система поголовнаго представительства, которая именно принимаетъ всю страну за одинъ избирательный округъ, гдѣ только избраніе отдѣльныхъ депутатовъ распредѣлено по округамъ для удобства подачи голосовъ мѣстными жителями, подобная система представительства,—справедливо замѣчаетъ Францъ,—обыкновенно влекла за собой полное ничтожество въ политическомъ отношеніи. Политическое право,—говоритъ онъ,—вопросы государственнаго устройства, не могутъ быть оторваны отъ системы внутренняго и, преимущественно, мѣстнаго управленія, отъ развитія общественной жизни въ провинціи. Французская революція, положившая начало конституціонному движенію въ Европѣ, начала, какъ извѣстно, съ того, что уничтожила всѣ остатки средневѣковыхъ общественныхъ соединеній и составила планъ

математическаго раздѣленія страны на департаменты, изъ коихъ въ каждомъ должно было быть опредѣленное число квадратныхъ миль и опредѣленное число народонаселенія. Она не только не возстановила древнихъ городскихъ вольностей, но повела впослѣдствіи еще къ большей опекѣ государства надъ обществомъ, чѣмъ это существовало прежде. Она обратила общество въ массу отдѣльныхъ гражданъ, безъ всякой возможности какого либо корпоративнаго единенія и, тѣмъ болѣе, корпоративнаго духа. При этихъ условіяхъ народное представительство могло быть только представительствомъ числовымъ, поголовнымъ. Въ настоящее время законодательства европейскія сознаютъ необходимость дать болѣе правильное, реальное основаніе системѣ представительства. Но для всѣхъ государствъ Европы—это дѣло будущаго, обусловливаемое большими и меньшими успѣхами мѣстнаго самоуправленія, подъ вліяніемъ котораго могутъ развиться единицы, долженствующія служить опорой представительства". (Проф. А. Градовскій. „Общее государственное право").

Франція, гдѣ нѣтъ такой „опоры" гдѣ нѣтъ земскихъ единицъ, гдѣ, слѣдовательно, плодотворность представительства зависитъ не отъ исторической жизни народа, но отъ министерства, отъ государственной формы, отъ личности, тамъ до сихъ поръ еще идутъ споры о системахъ выборовъ. Выборы по округамъ (scrution individuell), происходящіе въ ограниченной сферѣ, допускаютъ клеветы, ложныя обѣщанія, а главнымъ образомъ подкупъ. Эта система развращаетъ населеніе. Система по департаментскимъ спискамъ (scrution de liste), когда не мелкій округъ избираетъ одного мѣстнаго депутата, но огромная часть территоріи подаетъ голоса за 4 или 5 кандидатовъ (за весь списокъ кандидатовъ), гдѣ подкупъ менѣе возможенъ, благодаря разстоянію и многолюдію,—эта система страдаетъ тѣмъ, что депутатъ не служитъ при ней представителемъ мѣстныхъ интересовъ. При ней общія идеи господствуютъ надъ мѣстными интересами, а сами избиратели не знаютъ избранныхъ. Такимъ образомъ, депутаты являются сторонниками уже не мѣстныхъ нуждъ, но обще-государственныхъ,—что очень выгодно центральному правительству. Эта система легко ведетъ къ диктатурѣ. Не даромъ Гамбетта такъ ревностно стоитъ за нее. Между тѣмъ, мѣстности, гдѣ жители прошли школу самоуправленія, имѣютъ неоспоримыя, реальныя нужды; эти жители умѣютъ цѣнить своего человѣка по его способностямъ, вліянію на мѣстность, и не увлекутся ни деньгами, ни обѣщаніями представителей неизвѣстныхъ имъ партій. Такими мѣстностями покрыта Англія, и потому тамъ конституція такъ благотворна. Конечно, ненадо забывать, что на землѣ только одинъ Богъ безъ грѣха; между тѣмъ о подкупахъ и лести при парламентской борьбѣ въ Англіи мы имѣемъ свидѣтельства на каждомъ шагу. Англійская литература никогда не скрывала эту печальную сторону своего государственнаго устройства.

Повторяемъ, мы говоримъ лишь о сравнительномъ достоинствѣ ан-

глійской конституціи, о ея несомнѣнной прочности передъ континентальными. Впрочемъ, произносить осужденіе послѣднимъ нужно также съ нѣкоторыми оговорками. Мы сильно, напримѣръ, сомнѣваемся, чтобъ земскія единицы развились во Франціи успѣшнѣе подъ вѣдѣніемъ Людовиковъ и Бонапартовъ, чѣмъ при безпочвенномъ народномъ представительствѣ; но охотно допустимъ, что Франція можетъ служить многимъ современнымъ реформаторамъ аргументомъ того, что конституціонному режиму въ Россіи предстоитъ еще бо̀льшая безпочвенность и затрудненіе. Такъ на конституціонализмъ въ Россіи смотритъ г. Новосельскій, („Соціальные вопросы въ Россіи"), а за нимъ авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи" и многіе другіе „реформаторы". Наше дѣло указать на эту партію, освѣтить ее со всѣхъ сторонъ и воздержаться отъ личнаго сужденія. Господа, о которыхъ мы говоримъ, смотрятъ крайне враждебно на всякія попытки, напоминающія намъ западно-европейскую государственную жизнь. Россія должна идти своимъ путемъ, исторически въ ней сложившимся. А этотъ путь складывался такъ: на Западѣ бюрократія съ сильной центральной властью создалась сопротивленіемъ мѣстныхъ властей; какъ бюрократія, такъ и королевская власть на Западѣ распространялись и правили насильственно. Ихъ взаимное тяготѣніе естественно должно было сложиться подъ общимъ презрѣніемъ и противодѣйствіемъ на каждомъ шагу со стороны подавляемой мѣстности. Въ Россіи такой причины для бюрократіи и центральнаго правительства не было. Зато другія причины, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя на Западѣ создавали централизацію и бюрократію,—создали и въ Россіи то же самое. Это, именно, отсутствіе въ ней мѣстныхъ интересовъ.

„Въ Западной Европѣ провинціи сохраняютъ свое значеніе долгое время послѣ того, какъ входятъ въ составъ новаго государства. Здѣсь административное дѣленіе по преимуществу историческое. Доказательствомъ можетъ служить старинное дѣленіе Франціи. Провинціи ея, въ числѣ 32-хъ, были нѣкогда самостоятельными государствами. Мало-по-малу онѣ подчинились власти французскихъ королей. Образованіе центральнаго правительства не уничтожило, однако, мѣстныхъ особенностей старыхъ областей. Королевской власти стоило невѣроятныхъ усилій довести ихъ до такого положенія, чтобы особенности эти потеряли всякій смыслъ. Только послѣ 1789 года можно было историческое дѣленіе Франціи замѣнить механическимъ—на департаменты, округа и т. п. Ничего подобнаго не было въ Россіи. Послѣ покоренія Новгорода и Пскова, уничтоженія Тверскаго, Рязанскаго и др. княжествъ, вся страна представляла массу дробныхъ и почти ничѣмъ не связанныхъ между собою единицъ. Мѣстной особенности не на что было опереться. Этому содѣйствовали отчасти насильственныя мѣры московскихъ государей.—Въ древней Россіи не было ни мѣстныхъ церковныхъ установленій въ смыслѣ самостоятельныхъ организмовъ, ни мѣстнаго дворянскаго общества, въ значеніи западно-европейской ари-

стократіи. На мѣстахъ остались интересы посадскихъ людей, крестьянства, государственныхъ сиротъ. Понятно, что не на эти элементы могла опереться самостоятельность мѣстности. Отсутствіе крупныхъ общественныхъ организмовъ съ мѣстнымъ значеніемъ и дѣлало изъ Россіи ту „гладкую равнину", которую можно было дѣлить по произволу и подчинить безъ особеннаго труда Москвѣ на началахъ не только политической, но и административной централизаціи". (Проф. А. Градовскій. „Начала русскаго государственнаго права", т. 3-й). Когда Москва усилилась, къ ней почти безъ сопротивленія потянулись мѣстные роды и фамиліи: имъ нечего было выбирать и отстаивать свое. У нихъ ничего не было мѣстнаго, дорогаго, за что стоило бы сопротивляться Москвѣ. Ни священникъ, ни помѣщикъ, ни воевода, ни закрѣпощаемый крестьянинъ, не представляли собою „опоры"; между тѣмъ, государь съ централизованной властью явился побѣдителемъ татарскаго ига и время отъ времени въ тяжелые годы созывалъ земскіе соборы. Это, хотя и рѣдкое, общеніе самодержца съ народомъ, исчезло совершенно съ учрежденія у насъ Петромъ I западно-европейскаго канцелярскаго порядка. А какую силу имѣла канцелярія—мы увидимъ изъ маленькой цитаты почтеннаго профессора Градовскаго: „Въ каждомъ сословномъ учрежденіи—въ думахъ, магистратахъ, судахъ, были канцеляріи. Послѣднія не только de facto, но и de jure стояли выше присутствій. Въ канцеляріи сосредоточивалось все дѣлопроизводство. Здѣсь каждое дѣло обработывалось къ докладу и часто самое рѣшеніе не только намѣчалось, но прямо постановлялось, такъ что присутствію оставалось только подписывать то, что предлагалось канцеляріей. Чины канцеляріи опредѣлялись не по выбору, а по назначенію отъ губернскаго начальства. Это были люди чиновные, къ тому же не имѣвшіе соперниковъ по знанію законовъ и умѣнью вести дѣла. Въ лицѣ этихъ должностныхъ лицъ создался, такимъ образомъ, полный элементъ управленія, по происхожденію своему худородный—изъ разночинцевъ, но, благодаря необходимости замѣщенія массы вновь созданныхъ въ губерніи установленій, быстро наполнившій всѣ канцеляріи и забравшій въ дѣйствительности, въ свои руки все мѣстное управленіе. Господство канцелярій—таковъ безспорный результатъ тѣхъ условій, которыя были созданы для мѣстныхъ должностей учрежденіемъ о губерніяхъ".

Можетъ быть, господство канцелярій съ тѣхъ поръ измѣнилось? На этотъ вопросъ наши новѣйшіе реформаторы второй группы, т. е. гг. Панаевъ, Новосельскій и авторъ „Писемъ о Россіи", а вмѣстѣ съ ними и г. Аксаковъ, отвѣчаютъ отрицательно и рисуютъ наши органы управленія въ слѣдующихъ темныхъ краскахъ. Верховная власть въ Россіи находится въ рукахъ государя, власть наслѣдственная и ни отъ кого не зависимая. Власть эта весьма популярна и боготворима народомъ. „Государь — печальникъ о всѣхъ, но исполнители его, слуги—дурны". Таковъ голосъ народа. Строгаго раздѣленія властей,

законодательной отъ исполнительной, у насъ нѣтъ; администрація часто поступаетъ, какъ бы имѣя судебную власть. Законъ приводится въ исполненіе министерствами бюрократическимъ путемъ. Государственный совѣтъ имѣетъ значеніе совѣщательное. Сенату подлежитъ судебная власть. Внутреннее управленіе дѣлами, какъ сказано, сосредоточено въ министерствахъ. Каждый министръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи департаменты своего вѣдомства, которыми завѣдуютъ директора. Послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ правою рукою начальниковъ отдѣленій—своего департамента, въ канцеляріи которыхъ и изготовляются дѣла къ докладу. Докладъ, состряпанный по справкамъ и объясненіямъ писарей, исправленный и умытый начальникомъ отдѣленія, передается уже готовымъ директору, а тотъ—министру. Исходъ дѣла вполнѣ зависитъ отъ доклада, произведеннаго канцеляріей. Министру подчиненъ въ провинціи губернаторъ, а послѣднему вся мѣстная администрація. Точно такъ же губернаторъ отвѣчаетъ за порядокъ земскихъ учрежденій, городовыхъ и крестьянскихъ. Поэтому губернаторъ въ городѣ всесиленъ черезъ полиціймейстера, въ земствѣ—черезъ предводителя дворянства, предсѣдателя земства, въ волостяхъ—черезъ исправниковъ, становыхъ и т. д. Отсюда безсиліе земскихъ учрежденій для мѣстнаго вліянія, а за неимѣніемъ связи съ существующими правительственными органами въ смыслѣ возможности проведенія черезъ нихъ своихъ проектовъ, земство также безсильно и для государства вообще. Земскія учрежденія не удовлетворяютъ идеи всесословности. Между земствомъ и крестьянствомъ стоятъ стѣною разныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (уѣздныя и губернскія правленія); не земство правитъ мѣстностью, благодаря этимъ присутствіямъ, а администрація и полиція. Крестьянское же самоуправленіе обратилось въ органъ земства, полиціи и прочихъ казенныхъ вѣдомствъ. Оно стало низшимъ исполнительнымъ органомъ для взысканія денежныхъ сборовъ,—органомъ переписки и порученій отъ различныхъ уѣздныхъ учрежденій, или просто отъ исправника или становаго. Эту сѣть, покрывшую все сельское населеніе, г. Аксаковъ рисуетъ въ видѣ перечня до сорока видовъ различнаго крестьянскаго начальства, вмѣшивающагося въ жизнь крестьянина. А именно: 1) десятскій, 2) сотскій, 3) урядникъ, 4) письмоводитель становаго, 5) становой, 6) исправникъ, 7) полицейское управленіе, 8) уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, 9) предводитель дворянства, 10) непремѣнный членъ, 11) почетный мировой судья, 12) сельскій староста, 13) волостной старшина, 14) писарь волостнаго правленія, 15) волостное правленіе, 16) волостной судъ, 17) вахтеръ хлѣбнаго магазина, 18) уѣздный землемѣръ, 19) землемѣръ уѣзднаго присутствія, 20) агентъ земскаго страхованія, 21) уѣздная земская управа, 22) земское уѣздное собраніе, 23) мировой съѣздъ, 24) секретарь мироваго съѣзда, 25) участковый мировой судья, 26) его письмоводитель, 27) судебный приставъ мироваго съѣзда,

28) судебный приставъ окружнаго суда, 29) посредникъ по размежеванію, 30) присутствіе по воинской повинности, 31) уѣздный врачъ, 32) земскій врачъ, 33) фельдшеръ, 34) жандармскій унтеръ-офицеръ и пр. и пр. Такая система не даетъ развитія мѣстной жизни и въ то же время фактически мало представляетъ власти высшимъ учрежденіямъ и при нихъ правительствующимъ лицамъ.

Мелкіе чины, т. е. канцелярія и полиція, фактически заправляютъ всѣми дѣлами, даютъ имъ окраску и руководятъ исходомъ. При этомъ администрація, какъ и канцелярія, собирая сырой матеріалъ, справки и свѣдѣнія, освѣщая то и другое, иногда постановляя по собственному соображенію рѣшеніе дѣлъ, не требующихъ высшей инстанціи,—являются дѣйствительной государственной Россіей, передъ которой мѣстный обыватель трепещетъ, а высшій сановникъ и высшее учрежденіе—остаются въ невѣдѣніи, или только соглашаются и подписываютъ предварительную работу канцелярій.

Разбираемые нами авторы справедливо жалуются на такой порядокъ вещей и ждутъ отъ государя значительныхъ преобразованій. О г. Панаевѣ мы не будемъ много говорить, такъ какъ это старый литераторъ, хорошо извѣстный публикѣ по „Современнику"; въ 1881 году онъ собралъ свои статьи по крестьянскому вопросу и издалъ ихъ отдѣльною книгою. Онъ является горячимъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія, разрушеніе котораго можетъ остановить только единоличная власть государя. Панаевъ совершенно игнорируетъ органы управленія, не признавая за ихъ канцеляріями никакой благотворной силы. Все благосостояніе Россіи онъ сводитъ къ личности государя и въ его исключительномъ положеніи видитъ залогъ реформъ.

Когда мнѣніе „освобожденіе безъ земли и разрушеніе общиннаго начала" становилось популярно, г. Панаевъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь, тотъ самый царь, который первый смѣло рѣшился громко вымолвить русскому народу давно ожидаемое имъ отъ царя слово, тотъ царь, который далъ русской жизни, хотя нѣсколько, вздохнуть свободно,—чтобъ этотъ самый царь захотѣлъ видѣть русскую кровь, проливаемую народомъ за тѣ жизненные, коренные свои элементы, которые онъ берегъ (общинное землевладѣніе) и до которыхъ никто не касался? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь поднялъ руку на то начало, которое сохранило Россію отъ порабощенія татаръ и отъ владычества католической Польши,—начало, которое было основной причиной развитія русскаго элемента и постепеннаго подчиненія ему не только сосѣднихъ народовъ, но и того народа, который явился поработителемъ, а кончилъ тѣмъ, что сдѣлался русскимъ? Можетъ ли быть, чтобъ царь поднялъ самъ на себя руку, лишая себя своей основной опоры — народа? Можетъ ли быть, чтобъ онъ уничтожилъ то начало (общинное землевладѣніе), которое останавливало помѣщичьяго крестьянина поднять знамя бунта, которое удерживало государственнаго крестьянина отъ

буйныхъ самоуправствъ противъ злоупотребленія власти? Русскій мужикъ выноситъ на своихъ плечахъ неимовѣрную тяжесть; говорятъ, что русскій мужикъ терпѣливъ какъ оселъ... Да, это правда, но онъ терпѣливъ не потому, чтобъ въ немъ не было энергіи, а потому только, что его тяжелое положеніе умѣряется основнымъ принципомъ его быта: правомъ на землю. Можетъ ли быть, чтобы русскій царь захотѣлъ замѣнить анти-революціонный принципъ въ Россіи революціоннымъ, образуя слишкомъ 20 милліоновъ пролетаріевъ? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь вздумалъ рушить то начало, которое составляетъ особенность народа, которое было причиной развитія Россіи, причиной ея величія, начало, которое есть ея гордость, ея жизнь, ея внутренняя и внѣшняя сила,—начало, которое даетъ превосходство русскому народу передъ народами Запада, даетъ ему ту свѣжесть и вѣру въ свое будущее, какой не имѣютъ эти народы? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь отнялъ у народа то начало, которое даетъ ему блестящую будущность,—начало, которое должно поставить русскій народъ во главу всѣхъ другихъ народовъ, какъ народъ, который первый осуществилъ христіанское начало въ жизни и примѣромъ своимъ долженъ передать это начало другимъ христіанскимъ народамъ? Можетъ ли быть, наконецъ, чтобъ русскій царь добровольно захотѣлъ быть царемъ народа, котораго онъ вздумалъ бы лишить его великаго назначенія“?

Въ общинномъ устройствѣ крестьянскаго быта г. Панаевъ видитъ оплотъ противъ развитія пролетарія, залогъ величія Россіи и популярности царской власти. Этою вѣрою проникнуты также г. Новосельскій и авторъ „Писемъ о Россіи“. Въ противоположность партіи русскихъ плантаторовъ, считающихъ себя единственною надежною опорою царской власти, гг. Панаевъ, Новосельскій и другіе видятъ прочность этой власти лишь въ общеніи съ народомъ не на конституціонный только манеръ, т. е. съ ограниченіемъ верховной власти палатами или „статутами“. Еще до освобожденія крестьянъ, г. Панаевъ въ 1859 году писалъ покойному государю: „Государь! Если Ты рѣшишь вопросъ такъ, чтобы освободить помѣщичьихъ крестьянъ разомъ цѣлыми общинами, со всею землею, которою они пользуются, и совершишь это освобожденіе посредствомъ выкупа правительствомъ, тогда Ты разрѣшишь великій вопросъ о пролетаріи, не нарушая ничьихъ интересовъ,—вопросъ, который не могли еще рѣшить ни великіе философы, ни великіе ученые, ни великіе государственные люди Западной Европы. Вся сущность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ томъ, чтобы уравнять права крестьянъ помѣщичьихъ съ правами крестьянъ государственныхъ и сохранить то русское общинное начало, которое существуетъ во всемъ сельскомъ сословіи, то начало, которое покойный императоръ, Твой отецъ, упрочивалъ между государственными крестьянами всѣми мѣрами, то начало, великое значеніе котораго онъ понялъ, и за что потомство и

исторія отдадуть ему должную справедливость. Государь! Вѣрь себѣ и не отдавай своего могущества, дабы имѣть власть творить добрыя, великія, безпримѣрныя дѣла не только для блага своего народа, но и для всего человѣчества. Не забывай, Государь, что Ты царь народа, котораго назначеніе осуществить не словомъ, а дѣломъ заповѣдь Христа. Характеръ владѣнія землею въ русской общинѣ—есть тому образчикъ. Подобнаго характера никогда, ни въ одной странѣ не существовало, хотя иные и силятся доказать противное; да и не могло существовать въ странахъ Западной Европы, развившихся изъ рабства, завоеванныхъ и дѣлившихся на побѣдителей и побѣжденныхъ. До русской земли это горе не коснулось! Государь! Сохрани крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, сохрани русское общинное владѣніе и освободи крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, и тогда Ты утвердишь осуществленіе христіанскаго начала на дѣлѣ, Ты положишь основу царству Христову на землѣ, о которомъ Онъ пророчилъ. Тогда не будетъ монарха Тебѣ равнаго,—Ты будешь первымъ послѣ Христа. Да благословитъ Тебя Богъ! Аминь!"—Идеалъ г. Панаева ясенъ, это—царь и народныя начала; ничего западно-конституціоннаго, но все русское.—Теперь мы нѣсколько подробнѣе остановимся на идеалахъ гг. Новосельскаго и автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи".

А. И. Фаресовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БОРЬБА ЕФІОПОВЪ СЪ АНГЕЛОМЪ.

(Случай изъ явленій русской демономаніи).

При рѣдкости чудесъ въ наше время, каждый необыкновенный случай въ этомъ родѣ надо отмѣчать,—особенно, если онъ удостовѣряется лицами несомнѣнной благонадежности. Наступающее чудесное происшествіе было не далѣе какъ въ прошломъ 1881 году и имѣло для себя мѣсто на Аѳонѣ, въ „Постномъ скитѣ схимонаха Хаджи-Георгія". Оно тамъ же въ скитѣ и описано тростію скитскаго скорописца, а потомъ описаніе это скрѣплено подписью трехъ духовныхъ лицъ: самого настоятеля, старца Хаджи Георгія (по гречески), его намѣстника, схим. Парѳенія, и духовника, іеросхимонаха Антонія. Послѣдніе два подписались по-русски. Тутъ же приложена синяя печать схимонаха Георгія-Хаджи 1828 г. Слѣдовательно, это, очевидно, документъ надежный, которому надо вѣрить. Недовѣріе или даже одно сомнѣвательство тутъ было бы недостаткомъ уваженія къ тремъ подписавшимъ документъ схимонахамъ. Вотъ этотъ документъ, который въ подлинникѣ сохраняется у меня въ моихъ бумагахъ:

„Кубанской области, маякопскій мѣщанинъ Василій Карочинскій, прибывъ на Аѳонъ въ 1880 году ноября 16-го, посѣтилъ нашу обитель св. архидіакона Стефана. Чинположеніе церковное и постный навсегда уставъ обители ему у насъ понравились, такъ что въ числѣ прочихъ богомольцевъ и онъ остался у насъ.

„Корочинскій предъ тѣмъ находился въ сектѣ хлыстовъ, но движимый чувствомъ спасенія (sic), по изслѣдованіи сущности дѣла, увидѣлъ себя въ заблужденіи и обратился въ православіе, раскаявшись чистосердечно во грѣхахъ своихъ. Приготовляясь по благословенію духовника въ храмѣ у насъ св. Стефана къ принятію св. таинъ

св. евхаристіи, и когда въ концѣ литургіи настоятель Георгій-Хаджи и вся братія уже пріобщались, въ это время Василій вдругъ громко заплакалъ, говоря: „О, Боже мой! О, Боже мой!“ потрясающимъ голосомъ и самъ весь потрясаясь онъ готовъ былъ упасть, если бы не поддержали его, не успокоили. Придя въ сознаніе, онъ съ помощію братіи подошелъ къ св. причастію, принялъ оное съ подобающимъ страхомъ и благоговѣніемъ. Тутъ совершенно оправился онъ и обоятельно въ духовной торжественности увидѣлъ себя въ храмѣ. Сему счастливому для него событію предшествовало видѣніе, буквально имъ переданное старцу Георгію-Хаджи и ученикомъ его. Видѣлъ— небесную палату, необыкновенной, дивной красоты, надъ вратами стоялъ херувимъ съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ и надпись вокругъ вратъ,—крупно золотыми словами: „Наказуя наказа мя, смерти же не предаде. Сія врата Господня, — праведніи внидутъ въ ня“. Далѣе видѣлъ тріипостасную св. Троицу и подъ нею въ полукругѣ горящіе свѣтильники; у Бога-Сына былъ въ рукѣ свитокъ хартіи: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы; возмите иго мое на себя и научитеся отъ мене яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо мое благо и бремя мое легко есть“.—Еще Спаситель проговорилъ: „Аще кто любитъ меня—слово мое соблюдетъ, и того возлюбитъ Отецъ мой, пріидемъ къ нему и обитель сотворимъ у него и вечерю“. Затѣмъ вижу—вѣрующихъ самъ Спаситель изъ пречистыхъ своихъ рукъ пріобщаетъ св. таинъ. Тамъ же и я стоялъ, желая принять св. причастіе, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, но невидимая сила, удерживая, оттолкнула меня назадъ. Оглянувшись, вижу въ сторонѣ полкъ людей непріятныхъ, мрачный, и тутъ же изъ алтаря былъ гласъ: „Что это за полкъ людей, похожихъ на ефіоповъ?“ На это отвѣчаетъ старецъ Георгій-Хаджи, тутъ же въ храмѣ бывшій: „Это люди, бывшіе прежде друзья сего раба Божія“, и указалъ на меня“.

„Съ безпокойствомъ и боязнію я смотрѣлъ на нихъ, страшныхъ и безобразныхъ, и узнавалъ въ нихъ бывшихъ товарищей изъ хлыстовъ и видѣлъ въ рукахъ ихъ творимую мною имъ милостыню, которая была въ разныхъ сосудахъ, изъ коихъ выходило веліе злосмрадіе, и они говорятъ: „Вотъ его милостыня во свидѣтельство, которую онъ намъ подавалъ. Онъ нашъ! нашъ!“

„И паки изъ алтаря гласъ: „Нѣтъ; онъ не вашъ, потому что чистосердечно раскаялся; всѣ свои грѣхи исповѣдалъ духовнику.“

„Опять изъ толпы ефіоповъ послышался голосъ: „это ничего не значитъ, что исповѣдалъ; и нашъ отецъ вѣруетъ и исповѣдуетъ, — онъ тоже въ началѣ покорялся, а потомъ разобралъ, что и онъ можетъ такъ же руководствовать, какъ и сынъ, другими начальствовать, а потому и мы послѣдовали отцу своему. „А такъ и онъ прежде былъ

съ вами, а когда разобралъ и позналъ себя, тогда обратился къ намъ и мы его теперь къ вашей вечери не допустимъ“ [1]).

„Услышавъ рѣчь сію ефіоповъ, содрогнулось болѣзненно сердце мое, — оцѣпенѣло, и не помня себя, что я былъ въ тѣлѣ или внѣ тѣла,—снова голосъ ефіоповъ:

— „Держите и не допускайте къ вечери, а то эта вечеря опалитъ весь нашъ престолъ и разрушитъ его, и мы лишимся пребыванія тамъ“.

„Затѣмъ является свѣтлый юноша въ архидіаконскомъ облаченіи съ жезломъ въ рукахъ, которымъ ударивъ ефіопа удерживавшаго меня и не допускавшаго къ вечери, взялъ меня за руку и подвелъ къ божественной вечери, Христовымъ тайнамъ“.

„Тогда къ счастію освободившись отъ узъ демонскихъ, я пріобщился тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа,—только долго не могъ проглотить,—сердце мое жгло. Потомъ почувствовалъ утѣшеніе и велію радость и исцѣленіе скорби моей душевной, которая и побудила меня искать наилучшаго устроенія жизни на Аѳонѣ,—посѣтить св. мѣста и посовѣтоваться съ св. отцами стало моею завѣтною потребностію. Богу нашему слава.—Все вышеписанное удостовѣряемъ: Настоятель—старецъ Χατζι Γεοργιοσ. Намѣстникъ его схимонахъ Парѳеній. Духовникъ іеросхимонахъ Антоній. Св. гора Аѳонъ. Постный скитъ схимника Хаджи-Георгія. Келья св. архидіакона Стефана. 1881 г. 12 марта“. Печать старца схимонаха Хаджи Георгія съ крестомъ въ лучахъ.

Документъ этотъ составленъ въ „Постномъ скитѣ“ схимонаха Хаджи Георгія и присланъ въ Россію для того, чтобы чудо, о которомъ свидѣтельствуютъ три схимника, получило въ нашей православной странѣ должную извѣстность. Такое желаніе, конечно, весьма понятно, но не это одно главнымъ образомъ побуждаетъ меня содѣйствовать большему оглашенію чуда (хотя, конечно, мнѣ очень пріятно сдѣлать угодное тремъ аѳонскимъ схимникамъ). Документъ имѣетъ интересъ самъ по себѣ. Мы обыкновенно узнаемъ о чудесахъ двумя способами: или по устной молвѣ, ходящей въ народѣ, или по минеямъ, прологамъ и натерикамъ, гдѣ описанія эти уже обработаны искусною рукою свѣдущихъ людей и прошли черезъ очистительное горнило церковной цензуры, невсегда довѣрчиво относящейся къ нѣкоторымъ заявленіямъ чудесъ, сообщаемымъ ближайшими ихъ слышателями и очезрителями. Но какъ именно, т. е. въ какой формѣ и съ какими ручательствами за достовѣрность дѣлаются такія первыя заявленія чудесныхъ событій, отъ времени до времени случающихся въ православныхъ храмахъ—русская публика рѣшительно ничего не знаетъ, и не знаетъ именно потому, что заявленія, пріемлемыя и усвояемыя высшимъ церковнымъ

[1]) Въ репликахъ этихъ замѣтна неясность, но это буквально такъ стоитъ въ скитской записи о бывшемъ чудѣ. Н. Л.

авторитетомъ, оглашаются уже въ видѣ сказаній обработанныхъ, и потому утратившихъ свою интересную примитивность, или же, если они не удостоиваются авторизаціи, то описанія такихъ чудесъ совсѣмъ не получаютъ хода и остаются публикѣ вовсе неизвѣстными, а лежатъ въ синодальномъ архивѣ, гдѣ ихъ, говорятъ, хранится великое множество.

Изъ списка рукописей, пожертвованныхъ митрополитомъ Исидоромъ Никольскимъ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи безъ права ихъ опубликованія, видно, что и тамъ есть описанія чудесъ, которыя, однако, остаются до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, несмотря на то, что, по мнѣнію многихъ, новое чудо теперь было бы во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно умѣстно и благовременно.

Заявленія трехъ схимниковъ о чудѣ, которое только въ прошломъ году случилось съ соотечественникомъ нашимъ на Аѳонѣ, составляетъ любопытную рѣдкость. Какъ-бы ни отнеслась къ этому заявленію высшая церковная власть въ Константинополѣ и въ Петербургѣ — оно во всякомъ случаѣ сохранитъ свой интересъ для любителей народности и церковной жизни, въ которой теперь много охотниковъ дать такимъ явленіямъ мѣсто и значеніе.

Редакціи „Историческаго Вѣстника" извѣстно, что случаи русской демономаніи, напечатанные мною въ 1881 г., заинтересовали собою нѣкоторыхъ весьма просвѣщенныхъ людей въ иностранной литературѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что демономанія есть явленіе очень интересное, какъ коефиціентъ народной умственности, нравственности и вообразительныхъ представленій. Иногда это показываетъ характеръ набожности и даже степень совѣстливости людей извѣстнаго религіознаго культа. Во всякомъ же случаѣ, это болѣе чѣмъ что нибудь другое выражаетъ настоящее опредѣленіе истиннаго уваженія сказателя чудесъ къ святынямъ, у коихъ произошли откровенія. Такъ поняли это и во Франціи, гдѣ заинтересовались очерками русской демономаніи.

Случай въ „Постномъ скитѣ", удостовѣряемый тремя схимниками, любопытенъ еще и потому, что видѣніе, которое открылось хлысту Василію Корочинскому, составляетъ варіантъ видѣній, представлявшихся очень многимъ русскимъ сектантамъ во время ихъ присоединенія къ православію или при первомъ причащеніи. Очень часто имъ представляется „небо отверзто и св. Троица возсѣдяща и пріемлюща",—при чемъ обыкновенно участвуетъ какъ ближайшій посредникъ этого пріятія священнодѣйствующее при данномъ случаѣ духовное лицо. Оно почти всегда бываетъ въ лучахъ божественнаго сіянія, исходящаго отъ св. Троицы (въ Кіевѣ, гдѣ особенно развитъ культъ св. Дѣвы Маріи,—свѣтъ идетъ отъ нея, и тутъ меньше значенія имѣютъ лучи, исходящіе отъ св. Троицы, а сама св. Дѣва „покрываетъ всѣхъ святымъ своимъ омофоромъ"). Прежніе же друзья и единовѣрцы вновь присоединяемаго къ православію обыкновенно являются ему „темнолицыми муринами", „ефіопами" или „аркабузирами"

и „не допускаютъ“. Часто они дѣлаютъ большіе скандалы,—кривляются, хохочутъ, ругаются, стараются плюнуть въ чашу, показываютъ причастнику срамныя части своего тѣла и „дѣятъ пакости, ихъ-же и французъ на Москвѣ не содѣя“. Иногда они, точно какъ въ настоящемъ, твердо засвидѣтельствованномъ схимниками случаѣ, „богословятъ и спорятъ“, но, разумѣется, всегда безуспѣшно. Переспорить священнослужителей церкви православной имъ, конечно, неудается, но демоны до сихъ поръ еще не убѣдились, что это невозможно, потому что нашимъ духовнымъ извѣстна настоящая истина во всей ея полнотѣ. За то демоны всякій разъ бываютъ посрамлены и тогда они, потерявъ терпѣніе, оставляютъ непосильные для ихъ образованія споры, а начинаютъ „метаться на чашу“. Иногда они даже грозятъ ее опрокинуть, но тутъ всегда является архангелъ или просто ангелъ, непремѣнно въ дьяконскомъ облаченіи, и отгоняетъ ефіоповъ пламеннымъ мечомъ, или жезломъ, или просто по-русски „поретъ ихъ вогненными прутьями“.

Дѣло обыкновенно оканчивается тѣмъ, что тѣ не выдерживаютъ бойла или порки „вогненными прутьями“ и убѣгаютъ, и тогда наступаетъ ничѣмъ несмущаемый моментъ торжества православія, къ которому сектантъ присоединяется. Неоднократно замѣчали такіе случаи, что какъ ангелъ „отжаритъ“ демоновъ, такъ присоединяемый къ церкви сейчасъ же „просвѣтлѣваетъ лицомъ“, а мурины и ефіопы, остающіеся въ прежнемъ заблужденіи, „визжатъ издали, какъ поросята“. Но огромное число интересныхъ, хотя и однообразныхъ случаевъ этого рода, не пользуются долгою извѣстностію, чему есть слѣдующая причина. Новоприсоединенный тотчасъ послѣ причастія обстоятельно разскажетъ духовнымъ отцамъ свое видѣніе, а игуменъ или бѣлый настоятель храма выслушаетъ это сказаніе и „пуститъ какъ быдто въ нѣтехъ“. Иной же еще къ тому и пригрозитъ и скажетъ: „живи христіански, а не чудеса сказывай“; такъ хорошій разсказъ скоро и пропадаетъ безъ большаго распространенія. На это часто жалуются и многіе видятъ въ этомъ вредный недостатокъ вниманія со стороны духовенства, которое будто-бы холодно относится къ непосредственнымъ откровеніямъ, получаемымъ новоприсоединяемыми къ православію. Духовенство же все-таки остается неисправимымъ.

Монастыри въ этомъ случаѣ удовлетворяютъ желанія видящихъ „небо отверзто“ не болѣе, чѣмъ бѣлые священники, изъ коихъ иные въ наше время дошли уже до той степени невѣрія, что, не скрываясь, носятъ чистые воротнички у рубашекъ.

— „И въ монастыряхъ, говорятъ, не добьешься нынѣ, чтобы чудо списали. Видѣлъ, говорятъ, ну и будетъ съ тебя, и молчи про себя“.

Все это, разумѣется, приписывается вредному вліянію науки, такъ какъ монастырскіе настоятели теперь по несчастію выбираются большею частію „изъ ученыхъ“. Въ скитахъ же, гдѣ настоятельствуютъ простые „старцы“, дѣла идутъ иначе, по мнѣнію нѣкоторыхъ—гораздо

лучше, — тамъ ко всѣмъ чудеснымъ вещамъ относятся несравненно довѣрчивѣе и теплѣе, и „когда что таковое произойдетъ — всѣ тому единымъ сердцемъ вѣрятъ и едиными устами свидѣтельствуютъ". Отъ этого, полагаютъ, и благодатныя силы чудотвореній при старцахъ проявляются несравненно чаще. Такого мнѣнія теперь охотно держатся даже такіе люди, отъ которыхъ можно бы, кажется, ожидать иныхъ отношеній къ высокимъ истинамъ христіанства.

„Благодать у старцевъ и при старцахъ".

Это самое удостовѣряетъ и печатаемый нынѣ документъ за подписью трехъ старцевъ-схимниковъ, которые, такимъ образомъ, самолично могутъ послужить примѣромъ очевидной разницы между осуждаемыми за холодность монастырями и восхваляемыми за теплоту вѣры скитами, процвѣтающими подъ руководствомъ „старцевъ". При нѣкоторыхъ усиліяхъ сколько извѣстныхъ, столько же и странныхъ лицъ, думающихъ спасти иночество посредствомъ развитія „старческаго скитства",—этотъ примѣръ теперь, можетъ быть, стòитъ вниманія и будетъ не безполезенъ. По немъ можно себѣ представить, до чего бы, примѣрно, могли довести дѣло „старцы", если бы по Россіи ихъ скитство умножилось, какъ на Аѳонѣ, и сколько бы это было полезно для христіанской идеи, получающей теперь въ протестантскомъ мірѣ такую плодотворную разработку при усиліяхъ отмѣнной чистоты и отмѣнныхъ дарованій людей, въ родѣ Фаррара, Невиля, Берсье и другихъ...

Одно насъ можетъ куражить—что если нашъ „дремлющій Востокъ" ничего не можетъ выставить противъ этихъ обращающихъ на себя вниманіе бодрыхъ борцовъ христіанской мысли, то и они навѣрно ничего не найдутся поставить противъ вещей, какія способны показать наши „старцы". Да этого, впрочемъ, нельзя и сравнивать, ибо ихъ дѣло просвѣтить, а наше —удивить.

Въ заключеніе остается пожалѣть, что три схимника, удостовѣрившіе чудесное видѣніе Василія Корочинскаго, ничего не упомянули о прошломъ чудовидца. Этимъ у насъ пренебрегаютъ, а между тѣмъ это очень важно. Человѣкъ, для котораго въ наши дни разверзлось небо и видима была св. Троица, конечно, весьма стòитъ большого вниманія. Особенно интересно и даже необходимо было бы знать о тѣхъ „скорбяхъ", которыя чудозритель перенесъ за свои добродѣтели прежнимъ своимъ единовѣрцамъ. Это всегда очень многое открываетъ и располагаетъ къ большей или къ меньшей вѣрѣ словамъ чудосказателя...

Наши восточныя чудосказанія тѣмъ невыгодно отличаются отъ западныхъ, что въ сихъ послѣднихъ вы большею частію видите всего человѣка, т. е. праведникъ онъ, или не праведникъ, но все равно — онъ обрисованъ передъ вами, какъ человѣкъ, съ его природными свойствами и дарованіями, съ которыми онъ пришелъ въ міръ. Не скрываютъ и того, чтò совершилъ человѣкъ въ мірѣ до тѣхъ поръ,

пока въ немъ самомъ произошелъ имѣвшій на него рѣшительное вліяніе религіозный кризисъ. Отъ того вамъ доступенъ его нравственный міръ, васъ интересуетъ его судьба, вамъ понятенъ его психозисъ и „вся яже въ немъ". Отъ того вы съ нимъ сливаетесь или нѣтъ въ единствѣ чувствъ и мыслей и его любите, и ему вѣрите, какъ человѣку, котораго вы знаете. Въ нашихъ же сказаніяхъ (кромѣ развѣ одного жизнеописанія св. Іуліаніи) почти совсѣмъ нѣтъ этого жизненнаго развитія, а только прямо сообщается одинъ чудесный случай бывшій надъ человѣкомъ, ни умъ, ни совѣсть, ни прошлое котораго вамъ вовсе неизвѣстны... Прямо совершается чудо, и въ этомъ чудѣ онъ участвуетъ, какъ спиритскій медіумъ, безъ всякихъ, повидимому, личныхъ заслугъ... Между тѣмъ ему сейчасъ же приглашаютъ вѣрить; чудосказаніе его констатируется, расписывается скитовыми скорописцами, скрѣпляется подписями схимниковъ и ихъ печатями и разсылается для свѣдѣнія церкви... Былъ какой-то хлыстъ Василій Корочинскій, и вдругъ передъ нимъ отверзлось небо, онъ видитъ св. Троицу, и вчера еще самъ безвѣстный, онъ нынѣ уже дѣлаетъ святую репутацію схимнику Хаджи-Георгію, который въ его видѣніи предстоялъ св. Троицѣ и благобесѣдовалъ съ нею... Отсюда Хаджи Георгію шагъ къ прославленію заживо, а хлысту—переломъ, за которымъ начинаются для него аскетическіе подвиги, а со временемъ опять придетъ кто-то иной и можетъ быть его самого увидитъ благобесѣдующимъ, и его прославитъ... и такъ „до скончанія вѣка"... Своеобычная манера такъ передавать житія и чудеса очень оригинальна, но она, по справедливому замѣчанію даровитаго автора „Исторіи русской церкви", Евгенія Голубинскаго, составляетъ несомнѣнный недостатокъ нашихъ церковныхъ сказаній о людяхъ, удостоившихся особыхъ знаменій съ неба. Не зная ихъ нрава и всего, что въ прошломъ могло дать опредѣленіе ихъ совѣстливости и характеру, иногда бываетъ трудно отнестись къ ихъ видѣніямъ съ тою довѣрчивостью, какой они, можетъ быть, и заслуживаютъ. И вотъ потому-то очень возможно, что въ нашихъ монастыряхъ, гдѣ мірскія дѣла издавна и до сего дня знаютъ часто лучше, чѣмъ въ самомъ мірѣ, — по отношенію къ чудесамъ и видѣніямъ преобладаетъ осторожность. Ее принимаютъ за холодность и осуждаютъ, но она нерѣдко можетъ принести религіи больше пользы, чѣмъ старческое легковѣріе. Она, по крайней мѣрѣ, уже не уронитъ вѣры ниже, чѣмъ она пала, благодаря „вождямъ слѣпымъ, отцѣживающимъ комаря и проглатывающимъ верблюда".

Въ моихъ чисто литературныхъ интересахъ, для собираемаго мною матеріала о русскихъ демономанахъ и духовидцахъ было бы пріятнымъ пріобрѣтеніемъ, если бы кто нибудь изъ знающихъ новаго чудовидца—Василія Корочинскаго—сообщилъ мнѣ, что̀ можно, о характерѣ и жизни этого лица до тѣхъ поръ, пока онъ отплылъ изъ Россіи на Аѳонъ, и въ „Постномъ скитѣ" старца Хаджи Георгія увидалъ въ отверстомъ небѣ св. Троицу. Если бы даже такое извѣстіе могло быть

подано мнѣ кѣмъ либо изъ ефіоповъ, оно въ литературныхъ цѣляхъ не утратило бы своей цѣны и было бы интересно не менѣе свидѣтельства адвоката діавола, а такой адвокатъ, какъ извѣстно, западною церковью допускается даже при канонизаціи.

Николай Лѣсковъ.

С.-Петербургъ.
Сергіевская, № 56.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ [1].

Возрожденіе Пруссіи.

Въ ПРЕДШЕСТВОВАВШЕМЪ обзорѣ современной исторіографіи мы воспользовались сочиненіемъ Филипсона, чтобы охарактеризовать эпоху паденія Пруссіи, наступившую вслѣдъ за знаменитымъ царствованіемъ Фридриха Великаго. Эта эпоха обнимаетъ послѣднее десятилѣтіе прошлаго и первое десятилѣтіе нашего вѣка. Но въ эти самые мрачные годы въ исторіи Пруссіи подготовлялись учрежденія, развивались и дѣйствовали личности, которымъ Пруссія была обязана новымъ возрожденіемъ и небывалымъ подъемомъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Между великими дѣятелями этой эпохи первое мѣсто заслуживаютъ Штейнъ, Шарнгорстъ и Гнейзенау. Мы остановимся на послѣднемъ, заслуги котораго недостаточно извѣстны, и воспользуемся его біографіей, чтобы изобразить Пруссію въ эпоху ея торжества и послѣдовавшей затѣмъ реакціи. Біографія фельдмаршала Гнейзенау была предпринята тѣмъ же извѣстнымъ историкомъ и издателемъ Пертцемъ, которымъ составлено первое, обширное и документальное жизнеописаніе Штейна. Но Пертцу, при его громадномъ трудѣ по изданію „Памятниковъ германской исторіи", не удалось окончить біографію Гнейзенау—въ 1869 г. вышелъ ея третій томъ, но затѣмъ безпрерывное болѣзненное состояніе автора вызвало продолжительный перерывъ въ его работѣ, пока, наконецъ, уже послѣ его смерти, Г. Дельбрюкъ не принялъ на себя обязанности окончить его сочиненіе. Первоначальное намѣреніе ограничиться еще однимъ только томомъ

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VII, стр. 458—469.

оказалось неисполнимымъ; богатый и интересный матеріалъ потребовалъ V-го тома, который и вышелъ вскорѣ вслѣдъ за IV въ томъ же 1880 году.

Четвертый томъ изображаетъ дѣятельность Гнейзенау втеченіе походовъ 1814 и 1815 годовъ. Какъ это теперь всѣми признано, Гнейзенау былъ первымъ стратегическимъ талантомъ союзниковъ, душой всѣхъ рѣшительныхъ военныхъ предпріятій во время обоихъ походовъ. Поэтому его біографія за это время естественно должна была превратиться въ исторію этой эпохи вообще, и потому именно нельзя не привѣтствовать ее съ большой радостью, какъ дополненіе соотвѣтствующей исторической литературы. Хотя главные моменты обоихъ этихъ на вѣки достопамятныхъ походовъ и установлены съ исторической достовѣрностью, но все-таки и здѣсь для спеціальнаго изслѣдованія остается еще много работы. Заслуга Дельбрюка заключается въ томъ, что онъ болѣе точно изслѣдовалъ и—насколько это было возможно—установилъ цѣлый рядъ довольно важныхъ пунктовъ на основаніи цѣлой массы большею частью еще не изданныхъ писемъ и документовъ изъ фамильныхъ бумагъ Гнейзенау и т. п. источниковъ, причемъ онъ добросовѣстно принялъ во вниманіе подходящія изслѣдованія, въ особенности сочиненія новѣйшаго времени. Чуть ли не по всѣмъ частнымъ вопросамъ приходится согласиться съ ясными и трезвыми изъясненіями автора, всегда опирающимися на подлинные документы.

Авторъ разбиваетъ все содержаніе IV-го тома на три отдѣла (7 книга—походъ 1814 года, 8 книга—переговоры о мирѣ въ 1814 и 1815 годахъ, 9 книга—походъ 1815 года). Въ концѣ каждой книги Дельбрюкъ приводитъ въ хронологическомъ порядкѣ переписку, касающуюся разобранныхъ въ ней событій и отношеній. Въ этомъ онъ отступаетъ отъ своего предшественника. Пертцъ только въ концѣ каждаго тома прикладывалъ ограниченное число документальныхъ доказательствъ, а многіе письма и акты вводилъ прямо въ изложеніе, вслѣдствіе чего послѣднее лишено той сжатости и наглядности, которыя составляютъ преимущество метода, усвоеннаго Дельбрюкомъ. Переписка, обнародованная Дельбрюкомъ, указываетъ на тѣсную связь Гнейзенау съ лучшими людьми его отечества; чаще всего въ качествѣ адресатовъ являются Блюхеръ, Штейнъ, Гарденбергъ, Бойенъ, Клаузевитцъ, Грунеръ, Мюффлингъ. Приблизительно 120 нумерамъ этихъ писемъ соотвѣтствуютъ около ста писемъ, адресованныхъ къ Гнейзенау, въ которыхъ, кромѣ названныхъ уже корреспондентовъ, особенно часто встрѣчается имя Нибура. Приложеніе къ тóму составляютъ различныя спеціальныя изслѣдованія и документы; среди первыхъ особенною тщательностью отличается изслѣдованіе вопроса, что именно рѣшило битву при Бель-Альянсѣ.

Седьмая книга изображаетъ походъ 1814 года отъ перехода черезъ Рейнъ до вступленія въ столицу непріятеля и заключенія такъ

называемаго перваго Парижскаго мира. На ряду съ изображеніемъ военныхъ событій авторъ считаетъ особенно важнымъ изложить планы Гнейзенау, состоявшаго начальникомъ штаба при Блюхерѣ, и его вліяніе на весь ходъ войны. Дельбрюкъ рисуетъ нерѣшительное и методичное веденіе войны австрійцами, вѣроломную ненадежность кронъ-принца шведскаго (Бернадота), осторожную, миролюбивую политику дипломатовъ, и въ противоположность ко всему этому указываетъ на главную квартиру Силезской арміи, какъ на колыбель всѣхъ энергическихъ и двигательныхъ мѣръ. Здѣсь постоянно проповѣдывалось рѣшительное „впередъ!", здѣсь гнушались переговорами о мирѣ, и здѣсь же зародился и защищался планъ похода на Парижъ и низложенія Наполеона. Та же Силезская армія приняла на себя съ самаго начала и предводительство. Удары, нанесенные ей—не безъ ея вины—на Марнѣ, не могли сломить ее. Вскорѣ она вновь была готова стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и успокоилась только тогда, когда Парижъ былъ уже въ ея рукахъ. Но съ этого момента на первый планъ выступаетъ тотчасъ же дипломатія. Вслѣдствіе продолжительной болѣзни, Блюхеръ сложилъ съ себя командованіе войсками. Вмѣстѣ съ нимъ оставилъ свой постъ Гнейзенау и на первое время былъ причисленъ къ свитѣ короля. По его собственнымъ словамъ, онъ не испытывалъ тамъ особеннаго счастья: зачастую встрѣчая враждебность и клевету, онъ въ то же время былъ недоволенъ той снисходительностью, съ которой обошлись съ Франціей по первому Парижскому миру. Къ тому же онъ рано созналъ, что, какъ онъ самъ выражается, нѣмецкія дѣла ни въ какомъ случаѣ не дождутся того устройства, которое могло бы удовлетворить ожиданія разумной части народа. При такихъ обстоятельствахъ онъ отказался отъ предложеннаго ему военнаго министерства и, возведенный королемъ въ графское достоинство, оставилъ Францію. Послѣ продолжительнаго пребыванія на водахъ, онъ отправился къ своей семьѣ въ Силезію въ то время, когда государственные люди Европы собрались въ Вѣну на конгрессъ.

Установленіе новой системы европейскихъ государствъ на Вѣнскомъ конгрессѣ составляетъ содержаніе слѣдующей восьмой книги. Авторъ намѣчаетъ только главныя черты, обозначаетъ задачу конгресса и упоминаетъ о кризисѣ, вызванномъ вопросомъ о вознагражденіи Пруссіи. Замѣчательно, что Гнейзенау, когда онъ еще пребывалъ въ кругу своей семьи, яснѣе, чѣмъ Гарденбергъ въ Вѣнѣ, понялъ недружелюбное расположеніе австрійскаго государственнаго канцлера Меттерниха по отношенію къ Пруссіи. Когда затѣмъ ближе надвинулась возможность войны между обѣими великими державами Германіи, Гнейзенау тотчасъ же появился въ Берлинѣ, чтобы въ случаѣ надобности принять участіе въ военномъ совѣтѣ. Мысль помочь Наполеону возвратиться съ Эльбы, брошенная имъ въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать Францію безвредной, характеризуетъ его отважность: онъ на-

дѣялся этимъ шагомъ впутать Францiю въ продолжительную гражданскую войну. Всѣмъ извѣстно, насколько этотъ разсчетъ былъ невѣренъ. Во всякомъ случаѣ возвращенiе Наполеона имѣло ту хорошую сторону, что оно предупредило—правда, уже послѣ того, какъ окончился упомянутый кризисъ,—дальнѣйшiя разногласiя между державами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно дало случай Гнейзенау еще разъ выступить въ походъ противъ врага его отечества. Въ новомъ походѣ онъ принялъ участiе опять въ качествѣ шефа генеральнаго штаба Блюхера.

Девятая книга (походъ 1815 года) начинается интереснымъ разъясненiемъ довѣреннаго положенiя Гнейзенау рядомъ съ Блюхеромъ и его личныхъ отношенiй къ этому послѣднему. Уже при началѣ похода 1813 года Гнейзенау охотнѣе всего принялъ бы на себя самостоятельную команду надъ отдѣльнымъ корпусомъ. Различныя обстоятельства сдѣлали впослѣдствiи его положенiе въ качествѣ шефа генеральнаго штаба довольно тяжелымъ. Считая себя по праву и справедливости главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, онъ постоянно долженъ былъ оставаться позади кулисъ, въ то время, какъ предводители отдѣльныхъ корпусовъ имѣли случай снискать себѣ громкую славу. Если уже для одного этого требовалось большое самоотреченiе, то понятно, что дерзкое упорство такого корпуснаго генерала, какъ Iоркъ, или самолюбивое домогательство такого человѣка, какъ Мюффлингъ, мало-по-малу могли совершенно отбить охоту къ этому дѣлу. Собственно для дѣятельности главы генеральнаго штаба Гнейзенау не считалъ себя вполнѣ способнымъ; предоставляя ее Мюффлингу, онъ ограничивался только тѣмъ, что руководилъ движенiемъ войска. Если во время сраженiя Блюхеръ и дѣйствовалъ зачастую самостоятельно, то все-таки, насколько извѣстно, онъ никогда не рѣшался на какой нибудь стратегическiй шагъ, противъ котораго рѣшительно высказался Гнейзенау. Вслѣдствiе этого Гнейзенау въ своихъ письмахъ всегда считаетъ себя отвѣтственнымъ лицомъ и никогда не ссылается на какой нибудь приказъ Блюхера. Иногда говорятъ, что оба человѣка по своимъ способностямъ и своему характеру отлично дополняли другъ друга. Утверждая это, собственно говоря, оказываютъ несправедливость Гнейзенау, потому что нельзя сказать, чтобы ему недоставало какой нибудь способности, необходимой для полководца; осада Кольберга въ 1807 году показала, насколько онъ былъ способенъ лично воздѣйствовать на духъ войска. Личной интимной дружбы, какъ ее обыкновенно принимаютъ, не было вовсе между полководцемъ и его стратегомъ. Кто хотѣлъ частнымъ образомъ повлiять на Блюхера по личнымъ дѣламъ, тотъ обращался не къ Гнейзенау, а къ одному изъ адъютантовъ вродѣ Ностица и Гольца; послѣднему Гнейзенау приписываетъ даже извѣстную наклонность къ интригамъ. Если Гнейзенау и ставилъ высоко престарѣлаго героя, то все-таки иногда онъ рѣзко отзывался о слабостяхъ его, какъ человѣка; онъ даже полагалъ, что имѣетъ основанiе жаловаться на неблагодарность

Блюхера по отношенію къ себѣ. Что касается до короля, то Гнейзенау рѣшительно не походилъ на него ни характеромъ, ни складомъ ума, а потому и былъ ему несимпатиченъ. Порицаніе со стороны короля послѣ неудачъ на Марнѣ, гдѣ все-таки заслуживала величайшей похвалы та удивительная быстрота, съ которой вновь былъ возстановленъ боевой порядокъ войска,—глубоко оскорбило Гнейзенау. Послѣ перваго взятія Парижа его обошли и почетнымъ титуломъ, и орденами высшихъ степеней, которыми отличили предводителей корпусовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, Гнейзенау очень неохотно занялъ свой прежній постъ при началѣ похода 1815 г.; письмо, въ которомъ онъ жаловался королю на трудность и неблагодарность этого поста, не сохранилось.

Центръ тяжести всего похода составляютъ, какъ извѣстно, битвы при Линьи и Бель-Альянсѣ. Разсказъ объ этихъ битвахъ принадлежитъ къ наиболѣе разработаннымъ частямъ сочиненія Дельбрюка. Очень подробно разъясняетъ авторъ развитіе битвы при Линьи. Онъ убѣдительно доказываетъ, что только невѣрное письменное сообщеніе Веллингтона о положеніи своего войска и данное имъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ устное обѣщаніе подкрѣпить правое крыло пруссаковъ и вмѣстѣ съ нимъ перейти въ наступленіе побудили Блюхера принять битву. Какъ кажется, Веллингтонъ, увлекшись желаніемъ задержать пруссаковъ въ видѣ собственнаго подкрѣпленія, далъ невѣрное, слишкомъ выгодно окрашенное сообщеніе о сосредоточеніи своего войска. Что касается до самой битвы, то для веденія упорной, сложной защиты Блюхеръ не былъ вполнѣ подходящимъ полководцемъ, а Гнейзенау выдается въ ней только въ незначительной степени. Вредно повліяло на диспозицію, вѣроятно, и то обстоятельство, что надежда на помощь союзнаго войска исчезла только постепенно. Къ тому же, вслѣдствіе извѣстнаго рода соревнованія съ вліятельнымъ шефомъ генеральнаго штаба, генералъ Бюловъ не поспѣшилъ исполнить тотчасъ же приказа главной квартиры и сдѣлался виновникомъ того, что его корпусъ не принялъ участія въ битвѣ при Линьи. Кромѣ того, оказалось, что французскіе солдаты превосходили своими качествами прусскихъ. Старый военный духъ прусской арміи еще не успѣлъ вполнѣ ассимилировать себѣ многочисленные новые элементы, вошедшіе въ нее подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени и нужды. Но если Гнейзенау втеченіе битвы и не вполнѣ стоялъ на высотѣ своей задачи, то мгновеніе, когда отступленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, рисуетъ его въ героическомъ свѣтѣ. Такъ какъ главнокомандующій былъ поглощенъ бурной битвой, то на шефѣ главнаго штаба лежала теперь самая тяжелая отвѣтственность: отъ его рѣшенія зависѣла судьба всей войны. Съ трудомъ спасеннаго изъ послѣдней роковой аттаки кавалеріи, Гнейзенау осаждаютъ требованіями приказовъ относительно отступленія. Послѣ краткаго молчанія онъ опредѣляетъ для него направленіе къ Вавру и этимъ

смѣлымъ рѣшеніемъ, которое жертвовало обезпеченнымъ путемъ къ отступленію въ прирейнскія области, дѣлаетъ возможной побѣду при Ватерло. Всѣ писанные приказы Наполеона, равно какъ и всѣ его мѣры, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ и не думалъ о возможности такого рѣшенія, пока собственными глазами не увидалъ пруссаковъ подъ Ватерло. Характеристика способа веденія войны Веллингтономъ основывается у Дельбрюка на глубокомъ изученіи относящихся сюда подготовительныхъ работъ. Въ глазахъ Дельбрюка Веллингтонъ является консервативнымъ представителемъ старой стратегіи, придававшей главное значеніе маневру, тогда какъ пруссаки перешли къ новому, установленному Наполеономъ энергичному веденію войны, которое на мѣсто маневровъ ставитъ битву и собираетъ всегда всѣ свои силы для уничтожающихъ непріятеля ударовъ. Всего болѣе Веллингтонъ былъ способенъ къ оборонительной битвѣ. Свое намѣреніе—во что бы то ни стало, защищать выбранную имъ позицію, пока не подойдетъ подкрѣпленіе пруссаковъ, или пока ночь не положитъ конца битвѣ,—онъ сжато и мѣтко выразилъ въ приказѣ: „нашъ планъ теперь очень простъ: пруссаки—или ночь". Несмотря на это, если бы подоспѣвшіе пруссаки не помѣшали Наполеону пустить въ дѣло во время послѣднихъ приступовъ на англійскую позицію незначительное количество войска, требовавшееся для полнаго успѣха, Веллингтонъ врядъ ли бы избѣгнулъ рѣшительнаго пораженія. Это уже всѣми признано, но еще разъ съ полной очевидностью доказывается у Дельбрюка. Впрочемъ, роль пруссаковъ не ограничивается только тѣмъ, что они рѣшили побѣду. Богатое урономъ взятіе деревни Плансенуа и преслѣдованіе, которое, собравши послѣднія силы, лично велъ самъ Гнейзенау, превратили эту побѣду въ полное уничтоженіе непріятеля. При Ватерло Гнейзенау обнаружилъ въ самомъ блестящемъ свѣтѣ способности полководца. Здѣсь на его долю выпало то личное вліяніе на массы, отъ котораго онъ обыкновенно былъ принужденъ отказываться съ большимъ самоотреченіемъ.

Такимъ образомъ, Дельбрюкъ подтверждаетъ невѣрность господствующаго у англичанъ представленія, которое основывается на оффиціальной реляціи Веллингтона о битвѣ при Ватерло. Представленіе это заключается въ томъ, будто отраженіе послѣдняго приступа и движеніе впередъ всей линіи уже рѣшили битву въ то время, когда еще не успѣлъ опредѣлиться исходъ битвы пруссаковъ съ правымъ крыломъ французовъ. Но, опровергая этотъ взглядъ, Дельбрюкъ въ то же время отдаетъ справедливость союзникамъ и возстаетъ въ V приложеніи противъ другаго крайняго мнѣнія, выставленнаго уже съ прусской стороны. Приверженцы этого мнѣнія утверждаютъ, будто упомянутое движеніе впередъ было только хитрой демонстраціей, предпринятой для того, чтобы впослѣдствіи, на основаніи этого движенія, можно было приписать себѣ всю славу по-

бѣды. По этому поводу авторъ указываетъ на довольно кровопролитное сраженіе, которое медленно отступавшая французская армія все еще была въ состояніи дать наступавшей линіи союзнаго войска.

Послѣ побѣды при Ватерло, Гнейзенау, несмотря на возраженія отдѣльныхъ генераловъ, напримѣръ, Бюлова, настоялъ на рѣшеніи прямо идти на Парижъ. Веллингтонъ согласился для того, чтобы въ политическомъ отношеніи, т. е. въ вопросѣ о новомъ устройствѣ Франціи, удержать за собой господствующее положеніе. Гнейзенау совершенно серьезно требовалъ при этомъ разстрѣлянія Наполеона, въ случаѣ, если онъ попадетъ въ руки союзниковъ. При возбужденномъ состояніи прусскихъ генераловъ, которое обнаруживается въ этой вспышкѣ Гнейзенау, вопросъ о томъ, какъ поступить съ Парижемъ, повелъ къ разногласіямъ между прусской и англійской главной квартирой. Противъ желанія Веллингтона, Блюхеръ и Гнейзенау настояли при заключеніи капитуляціи на вступленіи войскъ въ столицу. Въ то же время, несмотря на возраженія Веллингтона, они наложили на городъ номинально довольно значительную контрибуцію. Приказъ Блюхера взорвать Іенскій мостъ, отданный по наущенію Гнейзенау, повелъ къ продолжительному охлажденію личныхъ сношеній между шефомъ прусскаго главнаго штаба и Веллингтономъ.

Для переговоровъ о мирѣ Гнейзенау былъ назначенъ прусскимъ уполномоченнымъ вмѣстѣ съ Гарденбергомъ, Вильгельмомъ ф. Гумбольдомъ и Кнезебекомъ. За одно съ названными уполномоченными онъ потребовалъ уступки Эльзаса, Лотарингіи и крѣпостей на сѣверной границѣ Франціи. Онъ настойчиво защищалъ эти требованія въ докладной запискѣ, переданной императору Александру, и опровергнулъ въ подробномъ мемуарѣ возраженія лорда Кестльри. Чтобы только добиться Эльзаса и Лотарингіи, энергическій генералъ готовъ былъ даже думать о возобновленіи войны съ Франціей. Рѣшительное сопротивленіе Россіи и Англіи заставило пруссаковъ отказаться отъ защиты этихъ требованій.

Пятый и послѣдній томъ біографіи Гнейзенау представляетъ богатый источникъ для историка, который предпринялъ бы изобразить внутреннюю исторію Пруссіи втеченіе первыхъ трехъ пятилѣтій послѣ втораго Парижскаго мира. Правда, Гнейзенау не находится болѣе въ такомъ непосредственномъ сношеніи съ лицами, управляющими государствомъ, какъ это было во время войны; онъ не пользуется болѣе рѣшающимъ вліяніемъ на ходъ событій, какъ въ то время, когда онъ былъ шефомъ генеральнаго штаба Блюхера. Но его положеніе все-таки даетъ ему возможность слѣдить за развитіемъ государственной жизни въ ея сокровенныхъ чертахъ; онъ все еще находится въ дружественныхъ сношеніяхъ со многими выдающимися людьми. Вслѣдствіе этого его переписка отъ 1815 до 1831 годовъ представляетъ собой весьма обильный источникъ для исторіи этой эпохи.

Внутренняя исторія Германіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представляетъ собой, какъ извѣстно, ожесточенную борьбу реакціи съ новыми идеями, охватившими страну послѣ революціи 1789 г. и войнъ съ Наполеономъ. Гнейзенау принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, призванные руководить великой борьбой на жизнь и на смерть Европы съ корсиканскимъ узурпаторомъ, сохранили свободный взглядъ на потребности времени. Даже и послѣ того, какъ Наполеонъ былъ уже низвергнутъ, они не думали видѣть въ глубокихъ переворотахъ, которымъ подвергнулась Европа втеченіе послѣднихъ десятилѣтій, обыкновенный эпизодъ, прервавшій, правда, правильный ходъ событій, но неспособный дать ему новое направленіе. Поэтому, какъ это и можно было ожидать, Гнейзенау, равно какъ и Штейнъ, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдъ, Шёнъ и другіе дѣятели, оказавшіе великія заслуги спасенію Пруссіи и Германіи, подверглись подозрѣнію въ якобинствѣ, вслѣдствіе чего должны были терпѣть оскорбленія и униженія. Уже во время похода 1815 года защитники стараго абсолютизма пытались очернить Гнейзенау передъ королемъ, какъ главу партіи разрушителей, которая осмѣливалась требовать народнаго представительства и всеобщей равноправности. На него указывали, какъ на вождя недовольныхъ въ войскѣ, говорили даже о „генералѣ демагоговъ“ и о возможности, что войско выскажется за республику и противъ власти короля. Въ интересахъ службы и войны Гнейзенау очень мало обращалъ вниманія на личности и умѣлъ непреклонно настоять на своемъ; вслѣдствіе этого онъ даже среди своихъ знакомыхъ навлекъ на себя подозрѣніе, что при перемѣнѣ обстоятельствъ изъ него могъ бы выйти прусскій „Бонапартъ“. Когда генералъ, возвратившись изъ Парижа, принялъ на себя званіе главнокомандующаго въ Рейнской провинціи и, поселившись въ Кобленцѣ, завязалъ общественныя сношенія съ нѣкоторыми жившими тамъ выдающимися людьми, между прочимъ съ ученымъ и публицистомъ Гёрресомъ,—въ Берлинѣ, не стѣсняясь, говорили уже о „лагерѣ Валленштейна въ Кобленцѣ“. Правда, Гнейзенау обладалъ нѣкоторыми качествами такихъ людей, какъ Наполеонъ, Валленштейнъ или Кромвелль, но ему совершенно недоставало тѣхъ моральныхъ пружинъ, которыя шагъ за шагомъ возвысили ихъ. Неудержимое стремленіе къ власти, бурное личное честолюбіе, неразборчивость въ политическихъ средствахъ,—этихъ качествъ, безъ которыхъ немыслимъ узурпаторъ, мы напрасно будемъ искать у Гнейзенау. Въ немъ мы находимъ, по мѣткому выраженію Дельбрюка, „зрѣлище одной силы великаго человѣка безъ ея эгоизма“.

Если Гнейзенау послѣ Лейпцигской битвы, послѣ штурма Монтмартра, послѣ побѣды при Бель-Альянсѣ уже тянуло въ сельское уединеніе, то тѣмъ болѣе теперь, послѣ столькихъ оскорбленій и несправедливыхъ подозрѣній, должна была занимать его мысль оставить службу. Первоначально ему отказали въ просьбѣ объ отставкѣ. Ко-

роль, высоко ставившій военныя заслуги Гнейзенау, предложилъ ему отпускъ для возстановленія своего здоровья, по окончаніи котораго онъ долженъ былъ вернуться къ своему посту. Генералъ готовъ былъ принять это предложеніе; но между тѣмъ интрига не дремала, явились недоразумѣнія, и Гнейзенау осталось только покинуть постъ главнокомандующаго на Рейнѣ. Значительную роль играли при этомъ его финансовыя обстоятельства. „Мое командованіе на Рейнѣ", пишетъ онъ своему другу Гибсону: „сдѣлало бы меня притомъ банкротомъ". Война поглотила состояніе его жены, а для того, чтобы достойнымъ образомъ удовлетворять требованіямъ своего положенія, ему не хватало собственныхъ доходовъ; пришлось войти въ долги. Изъ Кобленца Гнейзенау поѣхалъ въ Карльсбадъ и Теплицъ на воды. Карльсбадскій источникъ благотворно подѣйствовалъ на него. Его мрачное расположеніе духа разсѣялось; онъ снова строилъ планы путешествій, думалъ объ Италіи, Греціи, Англіи. Въ Карльсбадѣ онъ носился также съ мыслью написать свои воспоминанія—намѣреніе, которое, къ сожалѣнію, не дождалось исполненія. Въ то же время въ Карльсбадѣ пребывали король и Гарденбергъ. Съ послѣднимъ Гнейзенау стоялъ на дружеской ногѣ и вслѣдствіе этого познакомился съ дѣятельностью обскурантовъ, стремившихся прежде всего свергнуть либеральнаго государственнаго канцлера. Вскорѣ эти люди увидали безнадежность своего предпріятія; тогда они попытались забрать въ свои руки вліятельнаго, но слабохарактернаго государственнаго человѣка, чего и достигли безъ особеннаго труда. Около этого времени Гёрресъ сдѣлался въ Кобленцѣ жертвой преслѣдованій со стороны реакціонеровъ. Гнейзенау увѣдомилъ его изъ Карльсбада, что король благосклонно принялъ его письмо, приказалъ представить ему докладъ по этому дѣлу и объявилъ, что для Гёрреса нужно что нибудь сдѣлать; онъ не долженъ переходить на чужую службу. Гнейзенау надѣялся даже, что Гёрресу будетъ позволено продолжать своего „Меркурія". Это участіе генерала къ угнетенному писателю было дурно истолковано, и его самого чуть было не привлекли по этому поводу къ отвѣту, когда началась травля демагоговъ. Если слѣдственная комиссія не осмѣлилась взяться прямо за самого Гнейзенау, то этимъ онъ обязанъ своей ненарушимой славѣ полководца и боязни, которую внушала его личность. Но втайнѣ искатели демагоговъ подозрѣвали въ немъ архидемагога. Его письма распечатывались и, гдѣ только производился домашній обыскъ, прежде всего искали, не попадется-ли переписка съ Гнейзенау. Распространяли слухи, будто Гнейзенау очень смущенъ запрещеніемъ, наложеннымъ на его письма, тогда какъ на дѣлѣ было совершенно противоположное. Ему пріятно, пишетъ онъ принцессѣ Луизѣ, княгинѣ Радзивиллъ, когда изслѣдываютъ его бумаги: изъ нихъ познакомятся съ его спокойнымъ образомъ мыслей и убѣдятся, быть можетъ, наконецъ, что его несправедливо держали въ подозрѣніи относительно безпокойныхъ происковъ.

И при дворѣ Гнейзенау встрѣчалъ подозрительные взгляды со стороны короля и принцевъ. Фридрихъ Вильгельмъ III питалъ къ генералу, какъ и ко всѣмъ людямъ съ выдающимся умственнымъ вліяніемъ, какое-то неопредѣленное недовѣріе. Недовѣріе это росло подъ вліяніемъ военныхъ и политическихъ дѣятелей, окружавшихъ монарха, которые были дурно настроены по отношенію къ Гнейзенау. Только гораздо позднѣе, когда Гнейзенау былъ уже членомъ государственнаго совѣта и губернаторомъ Берлина, король ближе познакомился съ нимъ и убѣдился въ неосновательности своихъ подозрѣній. Однажды, во время празднества въ Берлинѣ, онъ отвелъ генерала въ оконную нишу, пожалъ ему руку и сказалъ: „Я очень радъ, что познакомился съ вами ближе и ближе узналъ васъ; мнѣ васъ раньше злобно оклеветали“. Подъ 20-мъ декабря 1819 года мы читаемъ въ извѣстномъ дневникѣ Фарнгагена слѣдующій отзывъ принца Карла, третьяго сына короля: „четверо занимаются здѣсь главнымъ образомъ происками: это Гнейзенау, Грольманнъ, Шлейермахеръ, и Савиньи; изъ нихъ Гнейзенау будетъ привлеченъ къ слѣдствію“. Фарнгагенъ слышалъ даже, будто Гнейзенау дѣйствительно былъ допрошенъ, и 2-го января 1820 года онъ, губернаторъ Берлина, былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не послѣдовало.

Переписка Гнейзенау за это время съ Клаузевитцемъ, Гарденбергомъ, княгиней Радзивиллъ и друг. теперь стала извѣстной. Его взгляды на политическое положеніе Пруссіи и Германіи и на необходимыя реформы изложены въ этихъ письмахъ. Въ нихъ нѣтъ ни одной строчки, которая хоть сколько нибудь могла бы оправдать распространившееся противъ него подозрѣніе. Правда, онъ не является здѣсь реакціонеромъ, схватывающимъ снова нить исторіи въ 1789 г., тамъ, гдѣ ее оборвала французская революція; но онъ въ то же время и не якобинецъ, стремящійся къ республикѣ, и даже не конституціоналистъ на англійскійскій манеръ. Онъ просто человѣкъ съ свободнымъ образомъ мыслей, не болѣе и не менѣе. Онъ чувствуетъ потребность въ письмахъ къ своимъ единомышленникамъ свободно бичевать недостатки администраціи и напоминать, что въ началѣ войнъ за освобожденіе народу была обѣщена конституція. По этому поводу онъ пишетъ Ейхгорну: „Сколько бы мы ни вертѣлись и ни уклонялись, все же придется, наконецъ, остановиться на какомъ нибудь твердомъ рѣшеніи; нужно или уступить, или отказать, но для того, какъ и для другаго, нужна сила. Теперешнее же наше поведеніе лишило насъ симпатій Германіи“. Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Здѣсь все болѣе и болѣе толкуютъ объ испорченности нашей администраціи; говорятъ о взяткахъ и мошенничествѣ; называютъ имена и цифры... Вотъ эта-то ненавистная публикѣ администрація заставляетъ меня относиться съ опасеніемъ къ дальнѣйщему слѣдованію по пути конституціи; ибо такая администрація не вынесла бы бли-

зости національнаго представительства и слѣдствіемъ этого могли бы быть смуты". Свой политическій символъ вѣры Гнейзенау изложилъ въ письмѣ отъ 20-го ноября 1819 года къ княгинѣ Радзивиллъ, двоюродной сестрѣ короля; онъ очевидно разсчитывалъ, что, если не все письмо, то по крайней мѣрѣ выдержки изъ него будутъ переданы высокопоставленнымъ лицамъ. Письмо это—самый важный документъ для обсужденія политическаго характера Гнейзенау; поэтому мы приведемъ изъ него наиболѣе существенные отрывки. „Чтобы вѣрно судить о моихъ политическихъ убѣжденіяхъ, достаточно вспомнить совѣты, которые я далъ относительно Франціи въ 1814 и 1815 годахъ; я всегда утверждалъ, что только въ соблюденіи принциповъ законности и поддержкѣ дома Бурбоновъ, равно какъ и въ подавленіи революціонныхъ принциповъ и дѣятелей заключается спасеніе Европы".— „Правда, мнѣ всегда казалось, что различныя провинціи прусскаго государства можно сдерживать только конституціонной связью, и я изложилъ это королю въ докладной запискѣ еще въ 1808 году".— „Но мои существенные взгляды по этому вопросу слѣдующіе: конституція должна непремѣнно исходить отъ короля въ видѣ милости; никакой росписи королевскимъ доходамъ не должно существовать: король удерживаетъ за собой государственныя имущества въ частную собственность и вноситъ на нужды государства, сколько ему заблагоразсудится. Государственные чины можно выбирать только изъ чиновъ провинціальныхъ и притомъ изъ различныхъ сословій общества, а не изъ всей массы народа; въ послѣднемъ случаѣ въ собраніе попали бы главнымъ образомъ непрактичные ученые, безпокойные адвокаты и т. п. Затѣмъ, при всей свободѣ обсужденія, король и министры должны удержать за собой настолько власти, чтобы, при опасномъ положеніи государства среди великихъ державъ, сохранять и развивать далѣе его достойное положеніе во внѣшнихъ сношеніяхъ, ибо мы, пруссаки, погибли бы, вѣроятно, при такой демократической, бурной и опасной конституціи, какъ англійская".—„Благодаря тому, что̀ произошло въ чужихъ странахъ, благодаря тому, что союзные монархи ревностно укрѣпили во Франціи революціонные интересы, совершенно пренебрегши интерасами роялистовъ, благодаря тому, что съ тѣхъ поръ и безъ того уже ультралиберальная французская конституція дѣлалась еще демократичнѣе (послѣ законовъ о выборахъ и наборѣ), надежды нѣмецкихъ якобинцевъ возрастали все болѣе и болѣе, и поэтому, разумѣется, нельзя удивляться, что ихъ требованія со дня на день дѣлались неумѣреннѣе, ихъ языкъ—наглѣе, ихъ намѣренія — отважнѣе. Насколько это обнаружено слѣдствіемъ, рѣчь уже шла дѣйствительно о единой нераздѣльной нѣмецкой республикѣ, о томъ, что всякія средства, ведущія къ этой цѣли, даже самыя кровавыя, позволительны; помышляли уже объ убіеніи нѣмецкихъ государей. Каждому безпристрастному человѣку должно было броситься въ глаза, что многіе, вообще,

достойные люди оправдывали убiйство Коцебу“ [1]). „Впрочемъ, въ эти преступныя правила—для успокоенiя вашего королевскаго высочества я долженъ сказать это—посвящены немногiе; остальная толпа не знаетъ тайны и слѣдуетъ имъ, сама того не сознавая. Масса народа не испорчена. Агитацiя сказывается только среди учителей гимнастики, среди ограниченнаго числа студентовъ, между нѣкоторыми профессорами, чиновниками и т. п., и только немногiе изъ нихъ посвящены въ кровавыя намѣренiя вожаковъ. Мѣры, принятыя заодно съ нѣмецкими державами, будутъ, вѣроятно, въ состоянiи положить конецъ безчинству, если строгость къ вожакамъ соединится съ снисходительностью къ заблудшимся, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, все уже будетъ снова спокойно“. Что Гнейзенау не былъ „либераломъ“ въ обычномъ значенiи этого слова, видно уже изъ его отзывовъ относительно общественнаго мнѣнiя. Клаузевитцъ сообщаетъ ему, что революцiя на островѣ Гаити составляетъ предметъ городскихъ толковъ въ Берлинѣ и что „Фоссова Газета“ разсказала это извѣстiе „съ внутреннимъ удовольствiемъ и радостью“. На это Гнейзенау отвѣчаетъ, что полицiя безнаказанно распечатываетъ переписку ученыхъ „въ то время, какъ берлинскимъ газетамъ дозволяютъ три раза въ недѣлю отравлять общественное мнѣнiе“.

Несмотря на умѣренный образъ мыслей, въ глазахъ такого человѣка, какъ князь Меттернихъ, Гнейзенау, разумѣется, былъ передовымъ бойцомъ „революцiоннаго духа“. Дѣло въ томъ, что еще со времени послѣднихъ походовъ у генерала было много враговъ въ армiи. Находились даже люди, которые говорили о немъ, какъ о „чужестранцѣ“, такъ какъ семья его происходила изъ Австрiи. Вотъ эти-то завистники и подвергали, главнымъ образомъ, сомнѣнiю благонамѣренность Гнейзенау. Изъ этихъ источниковъ черпали въ Вѣнѣ и Петербургѣ, и все, что тамъ удавалось узнать такимъ образомъ, при случаѣ передавалось Фридриху Вильгельму III. Въ письмѣ къ той же княгинѣ Радзивиллъ Гнейзенау различаетъ четыре партiи въ государствѣ: крайнiе либералы, къ которымъ слѣдуетъ причислить якобинцевъ и революцiонеровъ; ярые преслѣдователи, къ которымъ присоединяются боязливые. „Наиболѣе многочисленную партiю составляютъ вѣрные приверженцы короны, которые склоняются къ конституцiонному устройству государства. Наконецъ, четвертая—но эта партiя слишкомъ слаба, ибо она состоитъ только изъ генерала Клаузевитца и меня“. Оба они того мнѣнiя, что всѣ три партiи во многомъ болѣе или менѣе ошибаются. Этимъ независимымъ положенiемъ среди различныхъ партiй Гнейзенау и объясняетъ самъ недовѣрiе къ нему со стороны всѣхъ партiй; обскуранты и феодалы порицаютъ его,

[1]) Извѣстный въ свое время писатель Коцебу, состоявшiй долго на русской службѣ и возвратившiйся потомъ въ Германiю, считался нѣмецкими демагогами за русскаго шпiона и вреднаго проводника политики Священнаго союза. Вслѣдствiе этого онъ былъ убитъ студентомъ Зандомъ.

какъ якобинца, а либералы зовутъ „рабомъ деспота“. „Мой характеръ“,—пишетъ Гнейзенау Гибсону въ 1824 году,—„отличается свойствомъ, которое люди рѣдко прощаютъ, а именно—я представляю собой человѣка, который не легко рѣшается пристать къ какой нибудь партіи, такъ какъ черезъ это утрачиваешь свою независимость и возможность дѣйствовать самостоятельно; этого мнѣ не простятъ ни придворные, ни революціонеры. Такова судьба людей въ эпохи политическаго броженія“.

Иф...лъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. С. Пушкинъ. Новонайденныя его сочиненія. Его черновыя письма. Письма къ нему разныхъ лицъ. Замѣтки на его сочиненія. Вып. I (со снимкомъ). Москва. 1881.

Въ ЗАПАДНОЙ Европѣ насчитывается немало періодическихъ изданій спеціально посвященныхъ разработкѣ матеріаловъ, касающихся жизни и сочиненій великихъ писателей. Отъ такихъ изданій не ускользаетъ ни одна строчка, бросающая новый свѣтъ на какую нибудь сторону жизни или произведеній Шекспира, Гете, Шиллера, Данта. Невольно вспоминаешь о подобныхъ изданіяхъ при взглядѣ на книжку, изданную г. Бартеневымъ. На ней стоитъ помѣта: „выпускъ первый", и это позволяетъ надѣяться, что г. Бартеневъ намѣренъ продолжать изданіе отдѣльными выпусками матеріаловъ для біографіи и критики Пушкина. Дѣйствительно, нашъ великій поэтъ заслуживаетъ того, чтобы все до него относящееся не расплывалось по различнымъ журналамъ, а сосредоточивалось бы въ одномъ изданіи.

Пока мы благодарны г. Бартеневу за его книжку съ нѣсколько громкимъ заглавіемъ—„А. С. Пушкинъ", которое, впрочемъ, достаточно точно, если согласиться съ словами предисловія: „образъ Пушкина выступаетъ здѣсь въ подлинныхъ чертахъ своихъ". Это „здѣсь" звучитъ нѣсколько ядовито, по отношенію къ прежнимъ историко-литературнымъ трудамъ, касающимся Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, для освѣщенія Пушкина, какъ поэта и человѣка, безконечно важно опубликованіе такихъ вещей, какъ неизданная глава „Капитанской дочки", неиспорченный ничьей рукой „Памятникъ", возстановленіе многихъ стиховъ „Мѣднаго всадника" и, такъ сказать, рукописное развитіе образовъ въ въ этой поэмѣ, а также „Онѣгинъ" въ самомъ процессѣ его созданія. Но далеко не такъ важны для уясненія образа Пушкина помѣщенныя въ разбираемой нами книжкѣ критическія замѣтки Г. С. Чирикова, касающіяся послѣдняго изданія сочиненій поэта. Г. Чириковъ довольно заурядный библіографъ.

Недалѣе какъ въ прошломъ году, онъ помѣстилъ въ харьковской газетѣ „Южный Край“ „неизданное стихотвореніе Некрасова“, оказавшееся потомъ принадлежащимъ перу г. Розенгейма. Такой непростительный для библіографа промахъ поневолѣ заставляетъ отнестись недовѣрчиво къ нѣкоторымъ варьянтамъ, сообщаемымъ г. Чириковымъ на основаніи его собственныхъ „записей“. Нельзя, однако, не отдать г. Чирикову должной справедливости за то, что нѣкоторыя его замѣчанія, основанныя на печатныхъ источникахъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Что касается напечатанныхъ въ той же книжкѣ г. Бартенева писемъ къ Пушкину разныхъ лицъ, то намъ кажется, что ихъ слѣдовало бы обставить большимъ количествомъ пояснительныхъ примѣчаній. Если обратить вниманіе на то, что къ каждому документу, писанному на французскомъ языкѣ, приложенъ переводъ, то слѣдуетъ заключить, что издатель предлагаетъ свою книжку вниманію не однихъ только спеціалистовъ, но и обыкновенной публикѣ. Послѣдняя, перечитывая письма къ Пушкину, встрѣчаетъ массу вещей, для нея неясныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, наиболѣе интересныя письма къ Пушкину Чаадаева, въ которыхъ этотъ послѣдній говоритъ о своей рукописи. Идетъ ли здѣсь рѣчь объ извѣстныхъ „Философскихъ письмахъ“ Чаадаева—обыкновенный читатель изъ писемъ его заключить не можетъ, а редакція сборника поясненій на этотъ счетъ не дѣлаетъ. Нечего и говорить, что въ письмахъ къ Пушкину разныхъ лицъ является множество именъ, извѣстныхъ читателю или понаслышкѣ, или вовсе неизвѣстныхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ даются поясненія, о которыхъ мы говоримъ.

Вообще, нужно замѣтить, что книга „А. С. Пушкинъ“ представляетъ точный оттискъ того, что печаталось о Пушкинѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ два послѣдніе года. На нашъ взглядъ, отдѣльная книга должна всегда имѣть больше цѣльности и носить на себѣ слѣды болѣе серьезной обработки, чѣмъ та, какая извинительна при болѣе или менѣе торопливой журнальной работѣ.

Е. Г.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать третья. Бумаги графа С. Р. Воронцова. Письма Н. М. Лонгинова (1803—1823). Москва. 1882.

Недавно вышедшій 23-й томъ „Архива князя Воронцова“ заключаетъ въ себѣ письма Н. М. Лонгинова къ С. Р. Воронцову, представляющія достойную вниманія лѣтопись современника за богатый событіями періодъ 1803—1823 гг. Н. М. Лонгиновъ, уроженецъ Харьковской губ., въ ранней молодости состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, подъ начальствомъ гр. Семена Романовича Воронцова, къ которому и сохранилъ на всю жизнь чувства глубочайшей преданности. Въ періодъ, который обнимаютъ его письма къ гр. С. Р. Воронцову, Лонгиновъ находился въ Петербургѣ, числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, а нѣкоторое время финансовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ въ должности личнаго секретаря императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Такимъ образомъ, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлахъ государственной важности, Лонгиновъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ очень близко къ тогдашнимъ государственнымъ дѣятелямъ. Зоркій, хотя не всегда безпри-

страстный, наблюдатель, Н. М. Лонгиновъ даетъ блестящія характеристики людей эпохи Александра I за все время его царствованія. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ письмо его отъ 13-го сентября 1812 г. (№ 59). Разсказывая въ немъ обстоятельства, вызвавшія паденіе Сперанскаго, Лонгиновъ мастерски очерчиваетъ гр. Румянцева, Козодавлева, Барклая, маркиза де-Траверсе, Гурьева, гр. Разумовскаго, Балашова, Дмитріева, самого Сперанскаго и его креатуру Магницкаго и, наконецъ, творца плана войны 1812 года, генерала Фуля. Рѣзкій отзывъ объ этомъ послѣднемъ достаточно показываетъ, сколь сильна была ненависть къ всемогущимъ тогда нѣмцамъ среди истинно-русской интеллигенціи. „Человѣкъ сей—говоритъ Лонгиновъ—имѣетъ большія математическія свѣдѣнія, но есть ничто иное, какъ нѣмецкій педантъ, и совершенно имѣетъ видъ пошлаго дурака". Понятно, что въ этомъ же очеркѣ правительственныхъ силъ императора Александра I Лонгиновъ съ негодованіемъ говоритъ и объ Аракчеевѣ; тѣмъ же негодованіемъ къ этой личности дышатъ и другія его письма. Къ циклу исторически-вѣрныхъ анекдотовъ объ Аракчеевѣ не можемъ не пріобщить со словъ Лонгинова разсказъ, напримѣръ, о томъ, какъ Аракчеевъ, въ 1812 году, въ Петербургѣ, усердно занимался перлюстраціей писемъ. Однажды графиня Остерманъ, ожидавшая писемъ отъ своего мужа изъ арміи, послала за ними къ Аракчееву, который на это велѣлъ отвѣтить ей: „Скажи, что я еще ихъ не читалъ". Говоря объ Аракчеевѣ, замѣтимъ еще, что въ письмѣ отъ 14-го ноября 1822 (№ 165) сообщаются мотивы ссылки Лабзина, который, какъ извѣстно, при баллотировкѣ Аракчеева въ почетные члены академіи художествъ, на томъ основаніи, что Аракчеевъ близкій человѣкъ къ императору, предложилъ также баллотировать главнаго кучера государя, Илью.

Къ тому же циклу историческихъ повѣствованій объ Аракчеевѣ нужно отнести письмо Лонгинова, отъ 27-го октября 1820 г. (№ 152), посвященное главнымъ образомъ военнымъ поселеніямъ и исторіи въ Семеновскомъ полку.

Если выше указанное письмо Лонгинова посвящено характеристикѣ министровъ и государственныхъ дѣятелей первой половины царствованія Александра I, то не меньшаго вниманія заслуживаетъ письмо отъ 15-го мая 1823 года (№ 168), по поводу паденія министра финансовъ Гурьева. Яркими красками очерчиваетъ Лонгиновъ крайне печальное состояніе нашихъ финансовъ въ періодъ управленія Гурьева и его неблаговидные пріемы въ распредѣленіи средствъ государства. Дѣйствительно, Гурьевъ умѣлъ въ одномъ засѣданіи государственнаго совѣта заявить, что онъ не можетъ отпустить одинъ милліонъ рублей для пособія голодающей Бѣлоруссіи, а въ слѣдующемъ засѣданіи уже предлагалъ пріобрѣсти, на средства удѣльнаго вѣдомства, за 700.000 петергофскую дачу извѣстнаго своею расточительностью А. Л. Нарышкина. Въ этомъ же письмѣ Лонгиновъ даетъ характеристику преемника Гурьева—нѣмецкаго выходца Канкрина, который составилъ себѣ репутацію человѣка способнаго поддержать порядокъ и экономію, когда во время войны 1812 года, въ должности генералъ-интенданта, представилъ государю 26 милліоновъ остатковъ.

Что касается войны 1812 г., то въ письмахъ Лонгинова, пылкаго патріота и тонкаго наблюдателя, каждый русскій читатель найдетъ много драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ и интереснѣйшихъ подробностей. Особенно ревниво слѣдитъ Лонгиновъ за военными подвигами друга своего, гр. Мих. Сем. Воронцова и такимъ образомъ даетъ богатый матерьялъ для будущей біографіи этого

замѣчательнаго дѣятеля своего времени. Затѣмъ, какъ человѣкъ близкій къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, рисуя личность этой государыни самыми симпатичными чертами, Лонгиновъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей объ отношеніяхъ императорской четы и особенно останавливается на пребываніи Елизаветы Алексѣевны за-границей, куда она была вызвана въ декабрѣ 1813 года самимъ императоромъ Александромъ. Лонгиновъ, какъ секретарь ея, сопровождалъ императрицу въ этомъ путешествіи.

Изъ указанныхъ нами выдающихся писемъ Н. М. Лонгинова можно видѣть, что переписка его съ С. Р. Воронцовымъ дѣйствительно представляетъ драгоцѣнную историческую лѣтопись своего времени.

Е. Г—нъ.

Завоеваніе Ахалъ-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева. 1880—81. А. Маслова. Спб. 1882. Цѣна 1 руб.

За время послѣдней войны за освобожденіе Болгаріи, явилось нѣсколько военныхъ корреспондентовъ, въ письмахъ которыхъ очевидно сказывалось несомнѣнное литературное дарованіе. Въ этихъ письмахъ, между сухими подробностями о передвиженіи войскъ, о характерѣ мѣстности, о значеніи того или другаго марша, или стоянія въ цѣляхъ боевыхъ задачъ, то тамъ, то здѣсь, словно цвѣтущіе оазисы въ песчаной пустынѣ, попадались сценки, типы, анекдоты, взятые изъ жизни, вѣрно схваченные и весьма граціозно поставленные. Къ числу именно такихъ молодыхъ и свѣжихъ дарованій слѣдуетъ отнести и г. А. Маслова, автора только что вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ фельетоновъ о завоеваніи Ахалъ-Теке, по частямъ помѣщавшихся въ газетѣ „Новое Время“, подъ заглавіемъ „Писемъ изъ Закаспійскаго Края“. Читатели „Историческаго Вѣстника“ имѣли случай познакомиться съ нѣкоторыми отрывками изъ фельетоновъ А. Маслова въ статьѣ о завоеваніи Ахалъ-Текинскаго оазиса, напечатанной въ прошломъ году. Такъ, напримѣръ, тамъ было приведено превосходное по яркости описаніе выхода Скобелева къ осаждавшимъ и утомленнымъ ночными вылазками и работами войскамъ его отряда. Здѣсь же мы скажемъ, что такихъ сценокъ въ книгѣ г. Маслова довольно много и всѣ онѣ одинаково ярко и красиво написаны. Къ числу именно такихъ прекрасныхъ страницъ книги г. Маслова принадлежитъ, напримѣръ, цѣлая глава— „Лагерь послѣ побѣды“, гдѣ великолѣпно описанъ фантастическій безпорядокъ и какое-то полусознательное опьяненіе массы людей, только что почувствовавшихъ освобожденіе отъ долго давившей ихъ смертельной опасности. Попадаются тутъ и забавныя сцены; вотъ какъ одну изъ нихъ, напримѣръ, описываетъ авторъ:

„Какой-то старый персъ съ двумя другими, помоложе, даже еще не снявъ какъ слѣдуетъ цѣпей съ своихъ ногъ, поймалъ поскорѣе двухъ ишаковъ и какого-то облѣзлаго верблюда и до того ихъ навьючилъ коврами и всякой всячиной, что подъ массою груза отъ верблюда были только видны ноги и голова, а отъ ишаковъ даже ничего не было видно. Въ такомъ только видѣ онъ рѣшился отступить изъ крѣпости, но у воротъ былъ задержанъ карауломъ.

— Ты это что? сказалъ ротный командиръ.—Мало тебѣ, подлецу, что тебѣ свободу дали, да и жизнь сохранили... Ибрагимовъ!

— Чего изволите?

— Переведи ему это... Мало тебѣ, подлецу? Дай ему въ шею! Свалить все это... Бери, братцы, кому требуется... Мало тебѣ? Дай, дай ему еще разъ! переведи ему это... А теперь—вонъ изъ крѣпости, поганый кизилбашъ.

„Такъ и ушелъ бѣдный старецъ ни съ чѣмъ, сохраняя воспоминаніе о русскихъ подзатыльникахъ".

Литературныя достоинства корреспонденціи г. Маслова не составляютъ ихъ единственныхъ достоинствъ. Напротивъ—фактической и описательной частямъ экспедиціи, въ ея серьезныхъ сторонахъ, въ этихъ корреспонденціяхъ отведено главное мѣсто, почему онѣ не должны быть забыты тѣми, кто пожелаетъ составить себѣ полное понятіе о небольшомъ, но яркомъ подвигѣ русскаго войска при завоеваніи Текинскаго оазиса. Слѣдуетъ еще замѣтить, что г. Масловъ крайне добросовѣстенъ въ своихъ описаніяхъ, касаясь только дѣйствительно видѣннаго и слышаннаго имъ лично; причемъ, человѣкъ ужэ не въ-первыя посѣтившій загадочныя закаспійскія степи, хорошо къ нимъ приглядѣвшійся еще въ Хивинскій походъ, онъ лучше другихъ корреспондентовъ умѣетъ придавать своимъ описаніямъ и пейзажамъ мѣстный колоритъ и сохранять мѣстныя краски.

В. П.

Достовѣрные портреты московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. С.-Петербургъ. 1882 г., въ большой листъ, съ 45 рисунками.

Д. А. Ровинскій подарилъ любителей и изслѣдователей русской старины новымъ замѣчательнымъ и драгоцѣннымъ изданіемъ, заглавіе котораго выписано выше.

Въ предисловіи къ этому изданію, авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ портретнаго искусства въ Россіи до XVI вѣка и перечисляетъ древнѣйшіе памятники этого разряда, которые, по его замѣчанію, въ большинствѣ случаевъ. представляютъ чисто фантастическія измышленія, не имѣющія ни художественнаго, ни археологическаго интереса.

„Только со второй половины XVII вѣка", говоритъ авторъ, „стала образовываться у насъ живописная школа. Почти каждый годъ пріѣзжали въ Россію иноземные художники—„послужить царю своею работишкою". Въ числѣ ихъ находились и живописцы. Но все это были мастера совершенно неизвѣстные въ Европѣ и весьма плохіе знатоки своего дѣла. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось до сихъ поръ видѣть ни одного сколько нибудь споснаго портрета за это время, а тѣмъ болѣе за XV и XVI столѣтія. Къ счастію, до насъ дошли записки иноземныхъ пословъ и путешественниковъ, пріѣзжавшихъ издавна въ Россію по должности и изъ любопытства; многіе изъ этихъ иноземцевъ приложили къ своимъ запискамъ портреты царей и частныхъ лицъ, а также и цѣлыя серіи рисунковъ, чрезвычайно важныхъ въ этнографическомъ отношеніи, по части народнаго быта и костюма.

„Кромѣ того, ужъ въ XVI вѣкѣ, когда Россія стала входить мало-по-малу въ европейскую семью, западные писатели начали интересоваться всѣмъ, что въ ней дѣлалось, и издавать о ней цѣлыя книги съ такими же бытовыми кар-

тинками и портретами. Эти-то записки путешественниковъ и пословъ и книги о Россіи, напечатанныя на Западѣ, составляютъ чрезвычайно драгоцѣнный и почти единственный матеріалъ по части иконографіи за старое время".

Изъ этихъ матеріаловъ и заимствованы всѣ картинки настоящаго изданія. Первымъ помѣщенъ въ немъ чрезвычайно любопытный портретъ царя Ивана III, скопированный изъ космографіи путешественника Теве (1502—1590), который получилъ его отъ одного галатскаго грека. „Древность рисунка, типичность лица, представленнаго на немъ, оригинальность наряда, а также время и обстоятельства, при которыхъ онъ былъ переданъ Теве, говорятъ за его подлинность, а громкое имя Теве, заслужившаго общее уваженіе своими учеными трудами, и отсутствіе всякихъ причинъ и выгодъ для обмана,—устраняютъ всякій поводъ сомнѣваться въ достовѣрности сообщенныхъ имъ извѣстій. Къ тому же мы знаемъ, что папа Павелъ II прислалъ Ивану III портретъ его невѣсты, царевны Софьи,—нѣтъ сомнѣнія, что и сама Софья пожелала имѣть понятіе о личности будущаго супруга, и что для нея былъ сдѣланъ портретъ Ивана III однимъ изъ ея греческихъ посланцевъ. Съ такого портрета могъ быть сдѣланъ и приложеный подъ № 1-мъ карандашный рисунокъ („le crеon"), который былъ подаренъ географу Теве".

Портреты великаго князя Василія Ивановича представлены въ изданіи въ двухъ разныхъ типахъ: одинъ изъ нихъ профильный, другой — прямоличный.

Профильный, награвированный извѣстнымъ нѣмецкимъ мастеромъ Гиршфогелемъ и помѣщенный при первомъ изданіи „Записокъ" барона Герберштейна о Россіи, долженъ быть причисленъ къ портретамъ вполнѣ достовѣрнымъ. Герберштейнъ два раза пріѣзжалъ въ качествѣ посла въ Москву; онъ говорилъ по-славянски и потому пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя Василія Ивановича, который часто бралъ его съ собою на охоту и обращался съ нимъ почти запросто. Ему, конечно, не трудно было сдѣлать набросокъ для портрета съ натуры и позаботиться о полномъ его сходствѣ съ оригиналомъ.

Другой типъ портрета великаго князя Василія Ивановича, прямоличный и еще болѣе замѣчательный по характерности лица великаго князя и вѣрности его наряда, помѣщенъ въ музеѣ Павла Іовія. Въ достовѣрности этого портрета сомнѣваться тоже нѣтъ основаній, такъ какъ Павелъ Іовій разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ портретъ великаго князя Василія у толмача Дмитрія Герасимова; конечно, онъ озаботился срисовать съ него копію для своего изданія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не могло ему представиться никакого затрудненія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ два достовѣрные портрета великаго князя Василія Ивановича.

Относительно портретовъ его сына, царя Ивана IV Грознаго, мы не такъ счастливы, такъ какъ ни одинъ изъ современныхъ ему портретовъ, гравированныхъ за-границею, не имѣетъ за собой тѣхъ признаковъ достовѣрности, которыми отличаются портреты великаго князя Василія въ образцахъ Гиршфогеля и Іовія; западные писатели постоянно смѣшивали портретъ Ивана IV съ портретами отца его, великаго князя Василія Ивановича, такъ что портреты этого послѣдняго обоихъ типовъ, какъ профильные, такъ и прямоличные, помѣщены во многихъ книгахъ какъ портреты Ивана Васильевича и помѣчены его именемъ.

Кромѣ этихъ поддѣльныхъ портретовъ, въ изданіи помѣщены два оригинальные портрета Ивана IV,—одинъ профильный, гравированный на деревѣ

современнымъ ему граверомъ Вейгелемъ (№ 16) и нѣсколько напоминающій профильные портреты великаго князя Василія Ивановича, и другой—прямоличный, находящійся въ вѣнской императорской библіотекѣ (№ 19).

Вслѣдъ за портретами трехъ старѣйшихъ московскихъ государей, въ изданіи г. Ровинскаго приложены снимки съ древнѣйшихъ иностранныхъ гравюръ, относящихся къ нихъ времени. Изъ нихъ первыя двѣ представляютъ Ферраро-Флорентинскій соборъ (1438—1439), на который ходилъ нашъ митрополитъ Исидоръ и который былъ собранъ для невозможнаго примиренія православія съ католицизмомъ. Въ описаніи картинокъ помѣщены краткія свѣдѣнія объ этомъ курьезномъ соборѣ.

Слѣдующія восемь картинокъ представляютъ германскаго посла, барона Герберштейна, въ русскомъ нарядѣ разнаго покроя и въ собольей шубѣ, пожалованной ему великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ; гербъ барона Герберштейна, съ изображеніемъ на немъ великаго князя московскаго, образцы русскаго вооруженія, русской одежды, русскихъ ратниковъ и русской ѣзды на саняхъ; всѣ онѣ скопированы съ рѣдчайшаго 1-го изданія „Путешествія Герберштейна".

Четыре картинки скопированы изъ „Weiss Kunig'a", рѣдкой книги о дѣяніяхъ императора Максимиліана I; онѣ изображаютъ пріемъ при дворѣ Максимиліана нашихъ пословъ Племянникова и Истомы, и засѣданіе императорскаго совѣта, совмѣстно съ послами разныхъ странъ.

Изъ временъ Ивана Грознаго приложено тоже два посольства: одно—боярина Колычева, который былъ посланъ въ 1567 году на съѣздъ въ Гродно, и другое—кн. Сугорскаго, къ Максимиліану II—копія съ единственнаго извѣстнаго экземпляра, находящагося въ висбаденскомъ городскомъ музеѣ; оба выполнены съ необыкновенною точностью и, безъ преувеличенія, могутъ вполнѣ замѣнить оригиналы [1]).

Мы еще вернемся къ прекрасному изданію г. Ровинскаго (отпечатанному всего въ количествѣ 125 экземпляровъ), такъ какъ имѣемъ въ виду воспроизвести нѣкоторые изъ приложенныхъ къ нему портретовъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ".

С. Ш.

Макарій, митрополитъ всероссійскій. Н. Лебедева. Москва. 1881 года.

Митрополитъ Макарій не принадлежитъ къ числу политическихъ дѣятелей XVI вѣка. Слабость характера помѣшала ему играть сколько нибудь видную политическую роль въ бурное время царствованія Іоанна IV, и другіе дѣятели совершенно заслоняли его собою. Но та же слабость характера была причиною того, что Макарій удержался на митрополичьемъ престолѣ и при паденіи Шуйскихъ, которые доставили ему митрополію, и при паденіи Сильвестра и Адашева, вмѣстѣ съ которыми онъ засѣдалъ въ „избранной радѣ".

---

[1]) Посольство Колычева исполнено посредствомъ геліогравюры въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, по способу Скамони, на двухъ огромныхъ мѣдныхъ доскахъ ($22^1/_2$ вершка длины). Посольство Сугорскаго скопировано на мѣстѣ въ Висбаденѣ и раскрашено отъ руки (33 вершка длины).

При жизни своей онъ съумѣлъ угодить всѣмъ: грозный царь всегда съ любовію и уваженіемъ говоритъ о своемъ отцѣ-митрополитѣ; іосифлянинъ Ѳеодосій, сперва хутынскій игуменъ, потомъ новгородскій архіепископъ, превозноситъ его похвалами; кн. Курбскій, ненавидѣвшій іосифлянъ, не рѣшается рѣзко выразиться о Макаріи. Но онъ былъ забытъ, лишь только умеръ; и несмотря на близость Макарія съ литературными дѣятелями того времени, не нашлось человѣка, который позаботился бы подробно описать его жизнь.

Не имѣя значенія какъ политическій дѣятель, Макарій занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашей церкви и литературы. По его иниціативѣ собираются одинъ за другимъ соборы русскихъ святителей для обсужденія такихъ важныхъ предметовъ, какъ канонизація святыхъ, народное образованіе, возвышеніе народной нравственности и т. п. Онъ лично, не щадя ни трудовъ, ни казны, собираетъ матеріалъ для огромнаго сборника, который долженъ вмѣстить всѣ существовавшія въ древней Руси книги; подъ его руководствомъ составляется „Степенная Книга", первая попытка обработки русской исторіи, и дѣлается сводъ каноническихъ правилъ—такъ называемая „Сводная Кормчая". Ближайшее потомство не воздало Макарію по его заслугамъ; большой московскій соборъ 1667 года обвинилъ его въ „простотѣ и невѣжествѣ"; современные ученые историки русской церкви не могутъ забыть о двоеперстіи и о сугубой аллилуія, которыя при Макаріи на Стоглавомъ соборѣ были возведены на степень догматовъ; историки литературы до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія на Макаріевы „Четіи-Минеи", и изданіе этого громаднаго сборника, начатое только въ наши дни, и не отличается достаточною исправностію, и слишкомъ медленно подвигается впередъ.

Трудъ г. Лебедева, печатавшійся втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ московскихъ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" и теперь вышедшій отдѣльными оттисками, не богатъ достоинствами; онъ не отличается ни строгою критикою матеріала, ни даже обстоятельностію. Авторъ начинаетъ съ общей характеристики Макарія и его времени, потомъ переходитъ къ его біографіи, излагаетъ дѣятельность московскихъ соборовъ, произведшихъ канонизацію русскихъ святыхъ, дѣло Артемія, отношенія Макарія къ Максиму Греку и, наконецъ, дѣлаетъ обзоръ его литературныхъ трудовъ. О Стоглавомъ соборѣ г. Лебедевъ не говоритъ ни одного слова, точно такъ же, какъ и объ устройствѣ въ Москвѣ типографіи, тѣсно связанномъ съ постановленіями этого собора; онъ только вскользь упоминаетъ о „Степенной Книгѣ" и о „Сводной Кормчей"; въ обзорѣ Макарьевыхъ Четіихъ-Миней онъ не указываетъ ни на отношеніе ихъ къ Минеямъ, существовашимъ до Макарія, ни на отношеніе ихъ къ составленнымъ послѣ Макарія Минеямъ Тулупова и Милютина, ни даже на отличіе новгородскаго списка Миней отъ списковъ московскихъ. Такимъ образомъ, авторомъ опущено именно то, на что онъ долженъ бы былъ обратить особенное вниманіе. Кромѣ того, сочиненіе г. Лебедева не свободно и отъ ошибокъ: на стр. 12 о Макаріи говорится, что онъ образовалъ цѣлую школу писателей житій, между тѣмъ какъ Макарій только утвердилъ господство установившейся до него агіографической школы; на стр. 14-й авторъ упрекаетъ Макарія за то, что нѣкоторыя изъ житій святыхъ, при немъ написанныхъ и подлежавшихъ его цензурѣ, отличаются „простотою и невѣжествомъ", и при этомъ заявляетъ, что, говоря это, онъ имѣетъ въ виду догматическую сторону житія Евфросина Псковскаго; но это житіе написано въ самомъ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV, слѣдовательно,—

до Макарія, и при немъ получило только новую редакцію, такъ что уже по одному этому (оставляемъ другія причины въ сторонѣ) нельзя упрекать Макарія за догматическую (!) сторону этого житія; на стр. 40-й взглядъ Іосифа Волоцкаго на владѣніе монастырей недвижимымъ имуществомъ называется реформаторскимъ, тогда кака онъ былъ строго консервативнымъ, и проч.

А. С—скій.

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ съ IX по XIV столѣт. Томъ II-й съ XIV по XVII столѣт. Составилъ В. Д. Сиповскій въ помощь учащимся. Спб. 1881 г.

Вопросъ о томъ, какимъ значеніемъ должны пользоваться въ учебномъ курсѣ родной языкъ, отечественная исторія и географія, не можетъ подлежать ни малѣйшему спору, т. е. нельзя предполагать, чтобы нашелся хотя одинъ педагогъ, способный доказывать, что упомянутымъ предметамъ должно быть отведено второстепенное мѣсто въ дѣлѣ обученія юношества. Почему у насъ, въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, при графѣ Толстомъ, взглянули на этотъ вопросъ совершенно съ другой точки зрѣнія,— мы разрѣшать не беремся: мало ли какія явленія бываютъ на свѣтѣ; не беремся тѣмъ болѣе, что наша задача заключается не въ разсмотрѣніи дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, а въ разсмотрѣніи достоинствъ и недостатковъ книги, поставленной нами въ заголовкѣ, слѣдовательно, задача наша очень скромная. Повторяемъ, что есть педагогическіе вопросы, не подлежащіе спору и ясные, какъ Божій день, не требующіе разбирательства. Значеніе въ системѣ учебнаго курса предметовъ, относящихся къ ознакомленію въ различныхъ отношеніяхъ съ родной землей, на нѣсколько процентовъ увеличивается въ молодомъ обществѣ, въ подтвержденіе чего можно высказать многое.

Въ западныхъ государствахъ, начавшихъ свою историческую жизнь прежде насъ, не существуетъ страшной пропасти въ образованіи между интеллигентными классами и собственно народомъ. Тамъ, помимо школы, сама историческая жизнь сложилась такимъ образомъ, что народная масса пріобрѣла много знаній, которыя въ пониманіи вопросовъ политическихъ, соціальныхъ и другихъ, приблизили ее къ классамъ среднему и высшему. Условія развитія исторической жизни нашей народной массы совершенно другія; они дали результатъ обратный: народъ остался въ состояніи косности, со своими вѣрованіями, преданіями, убѣжденіями, даже съ своимъ языкомъ, отдѣлившись каменной стѣной отъ остальныхъ своихъ согражданъ. Вотъ причина, и одна изъ самыхъ важнѣйшихъ, необходимости ознакомленія учащейся молодежи со всѣмъ тѣмъ, что открываетъ путь къ изученію народа, т. е. съ родной исторіею, этнографіею, роднымъ языкомъ и литературой. При преподаваніи всѣхъ этихъ предметовъ, характеристика свойствъ народа, особенностей его природы духовной, должна выступать какъ нельзя болѣе ярко. Иначе немыслимо вліяніе интеллигентной части общества на массу не интеллигентную. Иначе тотъ, кто служитъ народу, долженъ отказаться отъ мысли быть ему полезнымъ. Мы не будемъ брать примѣровъ, — которыхъ не мало, — доказывающихъ печальныя послѣдствія полнаго непониманія условій жизни и природы народа людьми, желающими быть ему полезными. Нерѣдко въ исторіи нашихъ крестьянскихъ возмущеній дѣло разыгрывалось самымъ печальнымъ для крестьянъ образомъ только потому, что лица, обязанныя разъяснить имъ существо дѣла, не умѣли

говорить съ ними на языкѣ для нихъ понятномъ и не умѣли усвоить крестьянской логики и воззрѣній на дѣло.

Безъ любви къ отчизнѣ нельзя быть и полезнымъ ей. Высокая же, достойная образованнаго человѣка, любовь къ отчизнѣ заключается прежде всего во всестороннемъ знаніи ея. Знаніе своего роднаго немыслимо, если въ дальнѣйшей жизни, когда младенецъ переходитъ въ ребенка, родной языкъ не есть единственный языкъ его бесѣдъ.

Должно также помнить, что насколько люди образуютъ языкъ, настолько языкъ образуетъ людей. Успѣхъ преподаванія родныхъ предметовъ возможенъ лишь при томъ условіи, если въ самомъ учителѣ тлѣетъ божественная искра любви къ своему родному. Наставникъ или воспитатель, который хотя одну горную цѣпь или измѣненіе теченія рѣки родной земли опишетъ дѣтямъ живыми красками и съ чувствомъ, сдѣлаетъ для нашей цѣли (т. е. для дѣла воспитанія любви къ родному) несравненно болѣе, чѣмъ тотъ, который дастъ описаніе цѣлаго края, но сухое, мертвое".

Чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ большей теплоты требуютъ бесѣды съ ними. Знаніе отчизны заключается въ знаніи истиннаго духа народа, который, т. е. духъ, посредствомъ любви и теплаго сочувствія отдѣльныхъ личностей, связываетъ не только одно самостоятельное племя, но даже различныя отрасли одного и того же племени.

Знаніе духа народа достигается изученіемъ исторіи народа. Но это не должна быть исторія вымысловъ и геройскихъ сказочныхъ подвиговъ, которыхъ мы, напримѣръ, немало встрѣчаемъ въ исторіи римлянъ; не должна быть голая, сухая хроника событій; нѣтъ, передавая юношамъ истины исторіи, мы прежде всего должны помнить, что только то описаніе судебъ извѣстнаго народа въ силахъ дать толчекъ къ возрожденію въ ребенкѣ чувства любви къ отечеству, которое полно душевной теплоты, правдиво, безпристрастно, которое не есть лишь одинъ хвалебный гимнъ доблестямъ народа, безъ малѣйшаго упоминанія о присущихъ ему недостаткахъ, столь свойственныхъ какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ народностямъ.

Толковый учитель исторіи не минуетъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, пословицъ, поговорокъ, сказаній, легендъ, сказокъ, изъ которыхъ только и познается духъ народа, а слѣдовательно, является и знаніе народа.

Въ видахъ развитія въ юношахъ чувства любви къ отечеству, понимающій свое дѣло учитель даетъ особенное значеніе, при своихъ объясненіяхъ ученикамъ, тѣмъ тяжелымъ событіямъ въ нашей исторіи, въ которыхъ во всемъ величіи проявляется духъ народа: таковы битвы съ татарами, эпоха смутнаго времени, 12-й годъ и другія знаменательныя событія. Съ особенной любовью останавливается учитель на тѣхъ свѣтлыхъ историческихъ дѣятеляхъ, которые всею своею жизнію доказали, что любили отечество не на словахъ, а на дѣлѣ: таковы въ нашей исторіи митрополитъ Филиппъ, не боявшійся предъ царемъ Грознымъ печаловаться за опальныхъ и невинно страдавшихъ, не побоявшійся отказать царю въ благословеніи, когда онъ шелъ громить ни въ чемъ неповинный Новгородъ; архимандритъ Діонисій, патріархъ Гермогенъ, служившіе Россіи въ годину тяжкихъ испытаній—въ Смутное время, или Лихолѣтье. Послѣдній умираетъ въ тюрьмѣ смертью истиннаго патріота, отказавшаго полякамъ въ согласіи подписать грамоты о распущеніи земскаго ополченія, шедшаго на спасеніе Россіи. Подвигъ великій, достойный честнаго гражданина. Говоритъ учитель о подвигѣ дворянина Ржевскаго, который, будучи личнымъ

врагомъ Ляпунова, бросается подъ казацкія сабли, чтобы спасти послѣдняго, ибо вполнѣ сознавалъ, что изъ всѣхъ начальниковъ ополченія только Ляпуновъ честно относился къ своей задачѣ и былъ надеждой родной земли. Не успѣвъ спасти Ляпунова, онъ падаетъ подъ ударами казаковъ. Нижегородское движеніе,—Мининъ и князь Пожарскій. Какое чудное, полное великой любви къ отечеству народное движеніе! Князья и цари русской земли, доказавшіе свою любовь къ ней. Умѣйте объяснить юношамъ личность Петра, какъ перваго слуги своей земли, неустаннаго ея работника; умѣйте объяснить, что только при глубокомъ чувствѣ любви къ родной землѣ и возможно было такъ энергично, такъ страстно идти къ завѣтной цѣли.

Мы не коснемся вопроса о непостижимой храбрости, выносливости нашего войска въ послѣднюю войну. Какой другой народъ въ мірѣ представитъ подобное терпѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ подобную способность мириться съ обстоятельствами, съ которыми, кажется, нѣтъ силъ помириться. А если къ такимъ качествамъ природы русскаго человѣка присоединить способность относиться даже къ своему безъисходно печальному положенію, съ легкимъ, удивительно простодушнымъ юморомъ, то волей-неволей съ горячимъ чувствомъ любви вспомнимъ о нашемъ народѣ. Шибка, Плевна, Балканы, должны войти въ разсказы и бесѣды съ дѣтьми и юношами, которые у народа должны учиться скромности, отъ народа должны познать, что, совершая великіе подвиги самопожертвованія, во имя любви къ отечеству, исполняемъ только свой священный долгъ.

Да, великъ тотъ народъ, который до такой степени просто, безъ всякой малѣйшей мысли о своихъ доблестяхъ, относится къ подвигамъ, поражающимъ своимъ величіемъ! Какъ мы, люди интеллигенціи, далеки въ этомъ случаѣ отъ нашего неграмотнаго, неученаго люда! Повторяемъ, что любить отчизну—значитъ знать ее; знаніе же родной земли возможно лишь, какъ мы сказали, при знаніи исторіи и языка ея, опредѣляющихъ духъ народа.

Біографіи замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, особенно вышедшихъ изъ народа, должны входить въ курсъ исторіи и литературы. Изъ жизни честныхъ людей юноша учится быть честнымъ. Если юность любитъ и чтитъ великіе и благородные умы страны, то она будетъ любить и землю, которая ихъ произвела, питала и сдѣлала великими. Чѣмъ болѣе юность знакомится со своимъ роднымъ, тѣмъ большее ручательство является, что она будетъ далеко отъ безсмысленныхъ мечтательныхъ утопій по отношенію къ народу. Составители учебныхъ курсовъ и программъ должны имѣть въ виду это наше замѣчаніе.

Вотъ основанія, на которыхъ, по нашему крайнему разумѣнію, должна быть составлена книга, назначенная въ помощь учащимся русской исторіи, каковую цѣль и имѣлъ г. Сиповскій. Въ своемъ предисловіи, объясняя причины, побудившія его составить упомянутую книгу, г. Сиповскій говоритъ, „что учебники исторіи, даже наилучшіе, представляютъ, по самой сущности своей, сжатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла фактовъ, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр., и дѣйствуютъ по преимуществу на разсудочную способность". „Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи. А между тѣмъ—продолжаетъ авторъ—отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національнаго воспитанія. И дѣйствительно, тотъ изъ образованныхъ людей можетъ понимать свой народъ -не говоримъ уже жить однимъ сердцемъ съ нимъ—кто хорошо знаетъ

пережитое и передуманное имъ. Школа—продолжаетъ г. Синовскій—если она хотя сколько нибудь претендуетъ на національное воспитаніе, должна въ своихъ питомцахъ возбуждать интересъ къ отечественной исторіи и давать имъ навыкъ къ чтенію научныхъ историческихъ сочиненій".

Изъ приведенныхъ нами словъ автора „Родной старины" ясно видно, что мы сходимся въ своихъ воззрѣніяхъ на дѣло обученія отечественной исторіи, языка и словесности и даемъ имъ одинаковое значеніе въ воспитательномъ вліяніи на юное поколѣніе.

Книга почтеннаго автора представляетъ оригинальное явленіе въ томъ отношеніи, что опредѣленіе ея достоинствъ какъ нельзя болѣе трудно уловимо. Въ книгѣ г. Синовскаго все такъ гладко, ровно, до извѣстной степени однообразно, не художественно, что съ трудомъ отдаешь себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, ею производимомъ. Изложеніе, дѣйствительно, простое, правильное; видно, что съ этой стороны было употреблено много труда, хотя возможно, что такая обработка языка стѣсняла свободный ходъ мысли автора и лишала его возможности дать просторъ своему чувству, вслѣдствіе чего книга не возбудитъ чувства и воображенія читателей, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ картинности въ образахъ и сценахъ. Впечатлѣніе, порождаемое чтеніемъ разсматриваемой нами книги, таково: кажется, что прочиталъ очень нескучный учебникъ, какихъ дай Богъ больше, но не книгу живо и художественно написанную, что собственно авторъ и имѣлъ въ виду.

Очень возможно, что мы встрѣтимъ такое возраженіе: „не представляется ни малѣйшей необходимости говорить чувству читателей тамъ, гдѣ сами за себя говорятъ дѣйствія лицъ и событія".

На подобное замѣчаніе отвѣчаемъ, что душа ребенка и юноши дѣйствуетъ по законамъ только ей свойственнымъ, законамъ довольно своеобразнымъ, которые требуютъ живыхъ образовъ, художественныхъ картинъ, теплыхъ, отъ сердца идущихъ словъ. Затѣмъ, другое важное условіе, которымъ нельзя пренебрегать при составленіи книги, подобной нами разсматриваемой, заключается въ томъ, чтобы читателямъ были предлагаемы объясненія и толкованія на замѣчательные факты и событія, чѣмъ и даются толчки дѣятельности вниманія дѣтей или юношей. Молодость безъ указаній, безъ помощи, анализируетъ съ величайшимъ трудомъ.

Таковыхъ толкованій мы почти не встрѣчаемъ въ трудѣ г. Синовскаго. Читатели едва ли вынесутъ изъ нея пониманіе о тѣхъ или другихъ чертахъ русскаго народа, и именно потому, что авторъ не наталкиваетъ ихъ на серьезныя размышленія, мало вліяетъ на чувство и воображеніе своихъ читателей. Напримѣръ, весь періодъ Лихолѣтья, по преимуществу замѣчательный проявленіемъ народныхъ душевныхъ свойствъ, обрисованъ такъ, что не видишь народа, какъ главнаго двигателя событій. Вопросъ величайшей важности, съ точки зрѣнія исторической, заключается въ томъ—почему замѣшался народъ въ это время Лихолѣтья? Не могъ онъ мутиться безъ причины. Вотъ эти-то причины и требуютъ особеннаго толкованія и объясненій, которыхъ, о чемъ мы замѣтили выше, у автора „Родной старины" не приведено и которыя необходимы именно въ книгѣ, издаваемой для юношества. Недавно какъ-то намъ случилось быть на урокѣ исторіи очень хорошаго преподавателя. Онъ, между прочимъ, нерѣдко останавливалъ учениковъ во время ихъ отвѣтовъ такими вопросами: „Скажите, какъ должно понимать это событіе? Изъ чего оно могло народиться?" Или: „Объясните мнѣ значеніе протеста митрополита Филиппа царю Ивану Грозному?" Немало было и другихъ подобныхъ вопросовъ. Замѣ-

чательно, что ученики, передававшіе историческіе факты, только при помощи наставника въ силахъ были добраться до пониманія значенія ихъ, важности котораго многіе изъ нихъ и не подозрѣвали.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ согласиться, что возбужденіе способностей ребенка къ дѣятельности, возбужденіе его вниманія къ извѣстнымъ вопросамъ или задачамъ—есть дѣло большой важности въ преподаваніи того или другаго предмета.

Затѣмъ, мы полагаемъ, что только при соблюденіи упомянутыхъ нами условій возможно воспитательное значеніе исторіи, какъ живой картины человѣческихъ стремленій, доблести, слабостей, страстей.

Мы признаемъ не только воспитательное значеніе исторіи, но полагаемъ, что здравое школьное обученіе непремѣнно должно стремиться къ тому, чтобы изъ всякаго предмета учебнаго курса взять воспитательнаго вліянія настолько, насколько этотъ предметъ можетъ дать.

Мы въ своей жизни встрѣчали педагоговъ, блистательно доказывавшихъ на самомъ дѣлѣ справедливость упомянутаго нашего взгляда. Въ нашей исторіи, какъ и въ исторіи всякаго государства, встрѣчается множество фактовъ, которыми хорошій преподаватель можетъ воспользоваться и повліять воспитательно на своихъ учениковъ. Могущественно вліяніе живаго, сердечнаго слова учителя на юношу, воображеніе и чувство котораго необыкновенно скоро подпадаютъ всякому сколько нибудь сильному вліянію, если въ наставникѣ или руководителѣ его есть сердечная теплота и увлеченіе всѣмъ добрымъ и прекраснымъ! Точно также могущественно вліяніе и всякой книги, предназначенный для юношей, если авторъ живо, тепло, задушевно ведетъ съ ними бесѣду. Вотъ этой-то теплоты, этого-то увлеченія дѣяніями высоко-честныхъ личностей нашей исторіи, увлеченія самыми событіями, мы и не видимъ въ книгѣ г. Синовскаго, что при всѣхъ замѣчательныхъ достоинствахъ труда автора, составляетъ очень замѣтный пробѣлъ. Мы пишемъ эту рецензію съ однимъ желаніемъ — высказать наши взгляды такъ, какъ они дѣйствительно сложились въ нашей душѣ. Справедливость или несправедливость ихъ отдаемъ на судъ читателей, знакомыхъ съ книгой, нами разсматриваемой. Богатѣйшій матеріалъ, какъ мы замѣтили выше, для познанія духа народнаго, заключается въ былинахъ, пѣсняхъ и историческихъ присловьяхъ. Можно смѣло сказать, что основательное и критическое толкованіе той или другой пѣсни, былины, несравненно болѣе объяснитъ ученику, чѣмъ цѣлыя страницы курса исторіи! У г. Синовскаго приведены, сколько помнимъ, не многіе отрывки изъ былинъ и пѣсенъ. До какой степени иныя народныя историческія пѣсни заслуживаютъ вниманія, какъ лучшій элементъ для учебника отечественной исторіи, можетъ служить слѣдующая пѣсня, сложенная народомъ по случаю горькой судьбы царевны Ксеніи Борисовны:

Сплачется малая птичка,
Бѣлая перепелочка:
„Охти мнѣ, молодой, горевати,
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыя дѣти побити,
Меня перепелку поймати".
Сплачется на Москвѣ царевна:
„Охти мнѣ молодой горевати,
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,

А полонивъ меня, хочетъ постричи,
Чернеческій чинъ наложити!
Инъ мнѣ постричься не хочется,
Чернеческаго чина не сдержати;
Отворена будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрѣти.
Инъ ахъ милые наши переходы,
А кому будетъ вамъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?

Пѣсня эта полна нѣжности и величайшей простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно передастъ тоску и горе царевны Ксеніи! Важны достоинства пѣсни, но въ высшей степени важно то, что она даетъ учителю исторіи полную возможность объяснить ученикамъ достойныя величайшаго сочувствія великія душевныя свойства нашего народа, который, по необыкновенно сильно развитому въ немъ сочувствію ко всѣмъ человѣческимъ страданіямъ, глубоко сознаъ все безъисходное горе несчастной, ни въ чемъ неповинной страдалицы, какъ будто бы за грѣхи отца явившейся очистительной жертвой. Вотъ такія-то народныя черты и слѣдуетъ открывать юношеству, если хотимъ, чтобы оно, юношество, горячо полюбило народъ и желало бы слиться съ нимъ во-едино. Юность такъ отзывчива на все доброе и прекрасное. Полюбить что бы то ни было хорошее только и возможно въ юности.

Ксенія настолько пользовалась извѣстностью въ народѣ, что современники оставили намъ описаніе ея лица. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что „Ксенія имѣла большіе черные выразительные глаза, брови черныя, „союзныя“, лицо бѣлое и румяное; она была роста средняго, тѣломъ полна и точно облита молочной бѣлизной; ея густыя и черныя косы словно трубы лежали по плечамъ“. Особенно прелестной казалась она во время плача: „когда въ жалости слезы изъ очей испущала, тогда она особенно чудною блистала свѣтлостью“. Внѣшность ея и лицо выражали энергію и природныя богатыя умственныя дарованія. Она имѣла прекрасный голосъ и весьма любила пѣніе. „Воистину во всѣхъ женахъ была благочиннѣйшая и писанію книжному искуснѣйшая; отличалась благорѣчіемъ и во благихъ дѣлахъ была совершенна“. Вотъ эти-то благія дѣла и вспомнилъ народъ.

Въ заключеніе скажемъ, что мы съ истиннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ трудъ г. Сиповскаго вниманію публики, сохраняя убѣжденіе, что въ нашей педагогической литературѣ онъ составляетъ пріятное явленіе. Мы не выдаемъ своего мнѣнія за непогрѣшимое, но, во всякомъ случаѣ, высказали его искренно и по глубокому убѣжденію. Считаемъ необходимымъ не оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что г. Сиповскій приложилъ къ своему труду вполнѣ удовлетворительно исполненные рисунки древняго русскаго оружія, одежды, утвари. Къ подобнымъ рисункамъ можно отнестись только съ полнѣйшимъ сочувствіемъ: наглядность составляетъ дѣло величайшей важности въ системѣ обученія какимъ бы-то ни было предметамъ. Внѣшняя сторона изданія какъ нельзя болѣе удовлетворительна. Искренно слѣдуетъ благодарить г. Сиповскаго и за крупную печать, спасающую отъ страданія глаза дѣтей и юношей. Давно пора подумать серьезно объ этомъ вопросѣ.

И. Б—въ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Распоряженіе св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги „Θеатронъ или позоръ гисторическій", подъ угрозою лишенія „благословенія Божїя".

Въ числѣ собранныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время болѣе или менѣе интересныхъ бумагъ, находится копія нижеслѣдующаго характернаго документа:

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ канцеляріи митрополіи кіевскія всечестному протопопу полтавскому Евстафію Могилянскому. Въ указѣ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ преосвященнѣйшему Тимоѳею, архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи архипастырю, настоящаго 1749 г. мая 19 присланномъ написано: „Сего 749 года марта 24, ея императорское величество соизволила повелѣть книги Θеатронъ гисторическій, всѣ у кого есть, ради находящихся съ ней многихъ святой православной восточной грековосточной церкви противностей и немало соблазновъ, собрать отовсюду въ святѣйшій синодъ, запечатавъ и о томъ куда слѣдуетъ пославъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ указа". И во исполненіе онаго ея императорскаго величества указа святѣйшій правительствующій синодъ приказали: Къ синодальнымъ членамъ, въ епархіи къ архіереямъ, ставроп. лавры и монастырей къ настоятелямъ, послать указы, по которымъ архіереи въ своихъ епархіяхъ, архимандриту каждому и прочимъ по командамъ указами опубликовать съ таковымъ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, что вѣдомства какъ духовныя, такъ и свѣцкія, чтобъ они означенныя книги Θеатронъ или позоръ гисторическій, которая съ латинскаго языка на русскій переведена прожектомъ іеромонахомъ Гавріиломъ и въ Александроневскомъ монастырѣ напечатана въ 724 году, у кого оныя есть, приглашали (и) отдавали

(подробно расписано кому куда сдавать) безъ задержанія, подъ опасеніемъ, если кто тѣ книги, имѣя у себя, не объявитъ, а послѣ въ томъ изобличенъ будетъ—духовнымъ лишеніе чиновъ своихъ, а свѣцкимъ — неблагословеніе Божіе".

Между тѣмъ, „Позоръ гисторическій", какъ извѣстно, никогда изъ обращенія не исчезалъ и даже не составлялъ и теперь не составляетъ большой библіографической рѣдкости. Духовенство, разумѣется, точно исполнило указъ, угрожавшій ему „лишеніемъ чиновъ", но „свѣцкіе", вѣроятно смолодушничали и не разстались съ книгою. Можетъ быть, они даже несовсѣмъ ясно понимали ужасныя послѣдствія, которыя навлекали на себя этимъ ослушаніемъ. Иначе это пришлось бы объяснить одною отчаянною безпечностью. Отмѣны подобнаго распоряженія насчетъ „лишенія благословенія Божія" тѣхъ, кто имѣетъ у себя книгу „Өеатронъ", впрочемъ и до сихъ поръ не было объявлено; а потому дѣло это въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ другой важный историческій вопросъ, именно роковой вопросъ о клятвахъ 1660 года.

Сообщено **Н. С. Лѣсковымъ**.

Дьячекъ-сутяга.

Какъ извѣстно, нѣкоторые наши духовные съ особенною охотою занимались тяжбами въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ, и въ этомъ случаѣ обнаруживали кромѣ энергіи, достойной лучшей цѣли, и нѣкоторое своеобразное авторское искусство. Въ общей массѣ сутягъ духовнаго сословія нерѣдко видныя роли играли и дьячки, несмотря на ихъ крайне слабую подготовку ко всякому писательству.

Къ числу такихъ оригинальныхъ дьячковъ, отчасти характеризующихъ прежній бытъ нашего духовенства, безспорно принадлежитъ нѣкто Иванъ Товицкій, затѣявшій въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія приказную ссору съ своимъ настоятелемъ, благочиннымъ и протоіереемъ Колансовскимъ. Дѣло происходило въ г. Кирсановѣ.

Дьячекъ Товицкій, по словамъ всѣхъ его сослуживцевъ и нѣкоторыхъ прихожанъ, былъ человѣкъ непомѣрно гордый, нестерпимый по своему гордому духу и безумно запосчивый. Непомѣрную гордость свою онъ выражалъ, между прочимъ, въ томъ, что часто во время всенощной звонилъ, когда ему вздумается, а не въ положенное по церковному уставу время, и кромѣ того держалъ себя самымъ непринужденнымъ образомъ съ старшими чинами причта, даже во время богослуженія. Протоіерей Колансовскій далъ знать о поступкахъ Товицкаго епархіальному архіерею, и въ сентябрѣ 1861 года, по порученію консисторіи, для производства слѣдствія въ г. Кирсановъ пріѣхалъ священникъ Стандровскій.

Когда слѣдователь приступилъ къ дѣлу, дьячекъ сразу оборвалъ его слѣдующими словами: „Какой ты слѣдователь, законовъ не знаешь!

Спасаясь отъ личныхъ объясненій съ Товицкимъ, священникъ Стандровскій потребовалъ отъ него письменныхъ отвѣтовъ, и вотъ что написалъ своему слѣдователю подсудимый. Конечно, мы будемъ приводить объясненія Товицкаго въ сокращеніи, останавливаясь на болѣе выдающихся мѣстахъ.

„Благочинный Колансовскій жалобную книгу благочинія держитъ у себя въ домѣ и пишетъ въ ней, что захочетъ, или по совѣту своей протопопицы, а протопопица къ клиру не принадлежитъ“.

„Движителями протопопскаго пера въ разсужденіи доносовъ на меня были не мои неисправности, а протопопская злоба. Посмотрите, о. слѣдователь, что благочинный пишетъ про меня: „Комаръ съ дуба свалился, и оттого великій громъ учинился. Между тѣмъ, о томъ, что корова въ болотѣ увязла (намекъ на благочиннаго), умалчиваетъ“.

„О. протопопъ говоритъ, что я не бывалъ въ церкви по лѣности. А почему ему извѣстна дѣйствительная причина моего небытія въ церкви? Спрашивалъ ли меня о семъ благочинный и давалъ ли я ему отвѣтъ: „по лѣности?“ Вѣроятно, онъ мало уважаетъ того, кто сказалъ: храни незлобіе и виждь правоту“.

„Протопопъ любитъ моего товарища, стараго дьячка, а онъ поетъ хриплымъ и отъ старости дребезжащимъ голосомъ. Пусть же старикъ передастъ свое мѣсто другому и тогда возрадуется душа его на ложѣ его“.

„Протопопъ пишетъ: дьячекъ Петръ Каменецкій обучилъ даромъ 500 мальчиковъ, и за это ищетъ ему награды. Да это неправда: дьячекъ получалъ съ родителей мальчиковъ по рублю въ мѣсяцъ. На кого же, послѣ того, благочинный походитъ? На то животное, которое по природѣ своей весьма неопрятно и не любитъ почивать на чистой и свѣжей постелькѣ“.

„Жалуется благочинный, будто разъ я былъ пьяный въ церкви. Неправда. Можетъ быть, наболѣвшіе злобою протоіерейскіе глазки отразили такое впечатлѣніе. Сему не противорѣчу“.

„Я повалилъ, будто бы, столъ въ церкви и произвелъ соблазнъ. Въ комъ? Развѣ въ томъ, кто всѣхъ насъ называетъ конницей и гриварями, ризы—рогожками, священнодѣйствія—шалостями. Радуюсь за протопопа, поздравляю его съ побѣдою!“

„Пустымъ и глупымъ человѣкомъ обзываетъ меня протопопъ. Позволительно дьячковской головѣ быть глупою. Но кто позволилъ быть глупымъ и пустымъ доносамъ изъ преисполненной премудростью главы кирсановскаго протоіерея?“

„И нерадивымъ аттестуетъ меня. О чемъ прикажете мнѣ радѣть, когда по службѣ я исправенъ?“

Въ заключеніе Товицкій пишетъ: „да что долго разговаривать—весь этотъ доносъ хоть брось“.

Краснорѣчивый кирсановскій дьячекъ за неодобрительное поведеніе отосланъ былъ на 3 мѣсяца въ Трегуляевъ монастырь, изъ котораго, впрочемъ, скоро убѣжалъ и явился къ архіерею просить новаго мѣста. Бѣглеца возвратили въ монастырь. Тогда за него вступился отецъ его, заштатный священникъ Гавріилъ Товицкій, и грозилъ пожаловаться на консисторію государю императору. „Я пресмыкаюсь по окнамъ чужихъ хижинъ, писалъ онъ, а вы сыну моему мѣста не даете“ [1])...

Сообщено **И. И. Дубасовымъ**.

---

[1]) „Арх. тамб. дух. консисторіи“, № 110.

СМѢСЬ.

Историческое паникадило. Въ дѣлѣ реставраціи московскаго Успенскаго собора, о чемъ недавно сообщалось въ печати, обнаруживается новый фактъ, доказывающій, насколько губительно было для произведеній отечественнаго искусства презрительное къ нимъ отношеніе, практиковавшееся въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Успенскій соборъ гордился огромнымъ серебрянымъ, искусной работы, паникадиломъ, пожертвованнымъ въ XVII вѣкѣ бояриномъ Морозовымъ. Французскія войска, во время грабежа Москвы при Наполеонѣ, похитили паникадило и захватили его съ собою, какъ трофей. Горсти патріотовъ, послѣ многихъ попытокъ, наконецъ, удалось отбить паникадило и доставить его обратно въ соборъ, съ утратою лишь одной вѣтви. Синодъ отдалъ распоряженіе поправить паникадило и укрѣпить его на прежнемъ мѣстѣ. Но дѣло, за недостаткомъ средствъ, нѣсколько затянулось. И вотъ, въ 1818 году, тогдашній оберъ-прокуроръ, министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, прислалъ бумагу, предписывающую сплавить старое паникадило и сдѣлать изъ негодругое, по новому рисунку! Рѣдкость, спасенная народомъ отъ враговъ, все-таки погибла отъ руки русскаго министра на-роднаго просвѣщенія...

Модель царскаго дома въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Извѣстный московскій артистъ-моделировщикъ Д. А. Смирновъ все прошлое лѣто, около шести мѣсяцевъ, работалъ неусыпно надъ изготовленіемъ модели царскаго дома въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ спасался отъ поляковъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и гдѣ, послѣ того, принялъ онъ избраніе народомъ на царство. Домъ этотъ замѣчателенъ, какъ одинъ изъ хорошихъ образцовъ старинной русской архитектуры. Г. Смирновъ воспроизвелъ его съ своимъ обычнымъ искусствомъ. Основаніе модели имѣетъ въ длину слишкомъ $2^1/_2$ аршина и въ ширину около одного аршина. Кромѣ царскаго дома, сдѣлана параллельная ему часть монастырской стѣны и угловая башня. Вся модель, въ конструкціи и краскахъ, есть совершенно точное подражаніе оригиналу. Соблюдены всѣ детали, кирпичи, раскраска, иконы и т. п. Лицевая сторона дома отнимается, и можно видѣть внутреннее расположеніе палатъ, со сводами, кафельными печами и божницами. На одной изъ стѣнъ модели сдѣлана надпись, гласящая, что художникъ посвящаетъ свой трудъ государю императору, въ память его посѣщенія Ипатьевскаго монастыря прошлымъ лѣтомъ. 18-го ноября, г. Смирновъ удостоился лично поднести модель государю императору, въ Гатчинѣ, и слышать высочайшее одобреніе и благодарность. Работа была справедливо оцѣнена и

теперь г. Смирновъ получилъ награду въ 700 руб. Его прежній, гораздо болѣе сложный трудъ—реставрація бывшаго деревяннаго дворца царя Алексѣя Михайловича, въ селѣ Коломенскомъ—былъ пріобрѣтенъ покойнымъ государемъ, Александромъ II, для московской оружейной палаты. Г. Смирновъ имѣетъ и другія высочайшія награды. Теперь онъ принялся за новую модель—ярославской церкви св. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ, прекрасной замысловатой архитектуры XVII вѣка, изъ кирпича съ изразцами и съ 15 золотыми главами. Модель имѣетъ 1½ аршина высоты. Если она будетъ готова къ маю, то появится въ ученомъ отдѣлѣ всероссійской выставки, вмѣстѣ съ другимъ, уже конченнымъ трудомъ г. Смирнова—моделью московскаго храма Василія Блаженнаго и Спасской башни.

Коллекція г. Кельсіева для историческаго музея. „Голосъ" сообщаетъ, что въ Москву прибываютъ собранныя на прибрежьяхъ Чернаго и Азовскаго морей г. Кельсіевымъ для московскаго историческаго музея разныя древнія изваянія, озбуждающія, при перевозкѣ по улицамъ, вниманіе любопытныхъ. Такъ, доставлены изъ Пятигорска извѣстные памятники древности, хранившіеся тамъ въ саду, около елизаветинской галлереи—два огромные каменные креста съ разными изображеніями и двѣ человѣческія фигуры. Изъ одиннадцати каменныхъ бабъ въ городскомъ саду Новочеркаска три, наилучше сохранившіяся, также привезены въ Москву. Самые любопытные экземпляры, рѣдкостной сохранности и работы, пріобрѣтены г. Кельсіевымъ, въ числѣ 13 штукъ, отъ бахмутскаго помѣщика, любителя древностей, г. Голубова. Они тоже прибыли въ Москву. Ожидаются также избранные экземпляры изъ Сибири. Вообще, историческій музей представитъ еще невиданное собраніе произведеній древнѣйшей языческой скульптуры, доказывающее, что это искусство было сильно развито у насъ прежде и исчезло лишь со введеніемъ христіанства. По ходатайству г. Кельсіева, предпринявшаго спеціальное изслѣдованіе о каменныхъ бабахъ, московское археологическое общество разсылаетъ нынѣ, черезъ посредство губернаторовъ, къ сельскимъ учителямъ и другимъ лицамъ въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Ставропольской, въ области: Донскую, Кубанскую и Терскую особыя программы. Та же газета сообщаетъ: „Послѣ тифлисскаго съѣзда археологовъ и въ виду предстоящаго такого же съѣзда въ 1884 году въ Одессѣ, предсѣдатель съѣздовъ, графъ Уваровъ, пришелъ къ убѣжденію, что въ общихъ интересахъ науки археологіи, а также для изощренія пріемовъ изслѣдованія и усиленія средствъ для ученыхъ предпріятій, обществамъ и факультетамъ разныхъ городовъ, заинтересованнымъ въ успѣхахъ и развитіи археологіи, полезно было бы соединять свои лучшія умственныя силы и денежныя средства для направленія тѣхъ и другихъ въ тѣ именно пункты, отъ изслѣдованія которыхъ можно ожидать наиболѣе плодотворныхъ результатовъ для науки. Мысль эта, при послѣдовательномъ ея развитіи, безъ сомнѣнія, можетъ привести къ централизаціи свободныхъ русскихъ ученыхъ силъ извѣстной спеціальности, и эти свободныя силы въ добровольномъ соединеніи между собою окажутся, конечно, дѣятельнѣе академій, состоящихъ на казенномъ жалованьи. Первое приглашеніе въ этомъ смыслѣ отъ московскаго археологическаго общества къ петербургскому археологическому встрѣчено петербургскимъ сочувственно и, въ качествѣ первой задачи, предложена организація экспедиціи для обслѣдованія и описанія кавказскихъ пещеръ, о нахожденіи которыхъ были получены особенно важныя свѣдѣнія во время тифлисскаго конгресса. На Кавказѣ есть гроты, углубляющіеся внутрь горъ на цѣлыя версты и представляющіе большія многочисленныя залы и подземные озера и источники. Обо всемъ этомъ существуютъ пока свѣдѣнія весьма смутныя".

стараясь казаться безпечнымъ, хотя въ душѣ былъ далеко не спокоенъ. Бумаги его всѣ пересмотрѣли съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ; но его не арестовали. Я должна даже прибавить, что со стороны нашей секціи не послѣдовало никакого притѣсненія; поражавшіе насъ удары всегда шли изъ болѣе высокихъ сферъ.

Вскорѣ послѣ этого къ намъ помѣстили на постой двухъ артиллерійскихъ солдатъ, которые находя помѣщеніе удобнымъ, поставили въ нашей большой кухнѣ, гдѣ они и спали, котелъ на 15-ть человѣкъ своихъ товарищей, приходившихъ обѣдать вмѣстѣ съ ними. Наши два солдата вначалѣ были очень угрюмы и безпокойны, такъ какъ находились среди мятежниковъ; малѣйшая вещь внушала имъ подозрѣніе, точно какъ будто кто намѣревался покуситься на ихъ жизнь. Затѣмъ, видя, что аристократы оказывались порядочными людьми, они приручились и сдѣлались болѣе общительны; чтобы доказать это на дѣлѣ, они пригласили къ себѣ на обѣдъ нашу горничную Канта̀ и слугу Сенъ-Жана. Послѣдніе отвѣчали на эту любезность въ свою очередь приглашеніемъ. Сенъ-Жанъ, желая достойнымъ образомъ поподчивать гостей, принесъ бутылку отличнаго вина, которое впередъ очень расхваливалъ; онъ всѣмъ налилъ полные стаканы. Одинъ изъ приглашенныхъ, расчитывая на хорошее вино, быстро выпиваетъ свой стаканъ и вдругъ вскрикиваетъ: „Я отравленъ!“ Это былъ самый бойкій изъ двухъ солдатъ. Другой, бывшій посмирнѣе, тщетно старался успокоить товарища. „Меня вѣдь предупреждали—повторялъ тотъ,—что аристократы хотятъ насъ отравить.“ Между тѣмъ Сенъ-Жанъ самъ пробуетъ этотъ злосчастный напитокъ: то былъ довольно крѣпкій уксусъ. Умный малый проглатываетъ самъ большой стаканъ мнимаго яда, разсыпается въ извиненіяхъ за ошибку и сейчасъ же приноситъ настоящую бутылку, которая скоро возстановляетъ между ними согласіе.

Со времени прибытія въ домъ этихъ двухъ солдатъ, отецъ мой тщательно укрывался отъ ихъ взоровъ, выходя изъ своей комнаты лишь въ тѣ часы, когда ихъ не было дома. Какъ-то случилось однако, что, несмотря на нашъ зоркій надзоръ, отецъ встрѣтился со старшимъ изъ двухъ солдатъ, съ которымъ онъ заговорилъ просто, какъ будто ему нечего было опасаться. Послѣ этого нѣсколько дней прошло довольно мирно, когда разъ вечеромъ, въ ту минуту, какъ наша служанка уходила изъ тетушкиной комнаты, чтобы лечь спать, — ей послышался легкій стукъ въ дверь; она прислушивается—ее кто-то зоветъ тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ. Она отперла дверь—это была служанка нашей сосѣдки. „Поскорѣе разбудите вашего барина, къ вамъ идутъ, чтобъ его арестовать; нельзя терять ни одной минуты. Внизу кто-то постучался; я выглянула въ окошко; ихъ тамъ много; они спросили, не здѣсь ли онъ живетъ; я имъ указала на другую дверь [1]);

[1]) Въ домѣ, гдѣ мы жили, было двѣ двери съ однимъ и тѣмъ же номеромъ. Прим. авт.

но вотъ они уже возвращаются." Отца будятъ; онъ вскакиваетъ съ постели, бросается вонъ изъ комнаты, перебѣгаетъ чрезъ площадку лѣстницы; дверь г-жи де-Сулинье въ одно мгновеніе захлопнулась за нимъ; раздаются голоса: „Онъ бѣжитъ, запираютъ какую-то дверь!" И въ самомъ дѣлѣ, отца отдѣляла отъ нихъ только одна дверь. Они бросаются на Канта̀, которая вышла къ нимъ на встрѣчу со свѣтильникомъ въ рукѣ. „Гдѣ онъ? Здѣсь сейчасъ отворяли дверь, кто-то ходилъ!" — Да вѣдь нужно же было ходить, чтобъ отперетъ дверь; кажется, во второмъ этажѣ вы стучали два раза? — „Намъ ужасно долго не отпирали; во всякомъ случаѣ мы его найдемъ, потому что мы знаемъ, что онъ здѣсь!" Дѣйствительно, они шли навѣрняка. Сенъ-Жанъ, человѣкъ неосторожный и болтливый, встрѣтился передъ этимъ со своими земляками изъ Мулена, пришедшими сюда съ революціонной парижской арміей, чтобы вмѣстѣ съ нею опустошить Ліонъ, который тогда называли въ наказаніе за его возмущеніе Свободной коммуной (Commune affranchie) [1]). Когда его стали расспрашивать про отца, Сенъ-Жанъ, у котораго по обыкновенію чесался языкъ, тутъ же все разболталъ и сказалъ, гдѣ отецъ живетъ.

Эта страшная ночь никогда не изгладится изъ моей памяти. Короткій промежутокъ времени между словами; „Спасайтесь!" и входомъ комиссаровъ не оставилъ ни минуты на размышленіе. Я лежала на громадной кровати вмѣстѣ съ тетушкой. Кровать отца стояла на другомъ концѣ комнаты; мнѣ слѣдовало бы тотчасъ броситься на нее; этимъ мы избѣжали бы тысячи противорѣчій, очень опасныхъ для насъ. Но ни одна изъ насъ не подумала объ этомъ. Мы на̀-скоро попрятали вещи отца подъ себя, да и то едва успѣли. Они уже стояли передъ нами. „Гдѣ же онъ? Гдѣ онъ?" восклицаютъ разомъ нѣсколько нетерпѣливыхъ голосовъ. — Кто? — „Жиро̀ дез-Ешероль." — Онъ уѣхалъ.—„Гдѣ его комната?"—Здѣсь.—„Гдѣ онъ спитъ?"—На этой кровати.—„Почему его постель измята?"—Въ его отсутствіе на ней спитъ моя горничная, сказала тетушка; я боюсь оставаться одной. — „Это все очень хорошо сказано, но мы ничему не вѣримъ". И, поставивъ часовыхъ у нашей двери, они продолжали свои поиски въ другихъ комнатахъ.

Они дошли до каморки, гдѣ жила наша служанка Канта̀; ея постель не была измята, но была приготовлена, и одѣяло откинуто, какъ обыкновенно дѣлается передъ тѣмъ, какъ ложиться. „Кто здѣсь помѣщается?"—Я, отвѣчала она.—„Зачѣмъ эта постель приготовлена сегодня?" Она привела какую то причину, которой они не удовольствовались и возвратились назадъ, въ злобѣ все повторяя: „мы его найдемъ." Они оставили насъ подъ надзоромъ часовыхъ, поставлен-

---

[1]) Конвентъ постановилъ послѣ взятія Ліона разрушить всѣ лучшія зданія въ немъ и вычеркнуть его названіе изъ списка городовъ Франціи.

Прим. пер.

ныхъ не только у двери нашей спальни, но и во всѣхъ другихъ комнатахъ нашей квартиры; потомъ удалились съ тѣмъ, чтобы продолжать поиски по всему дому. Одному Богу извѣстно состояніе души моей, когда мы услышали, что они стучатся къ г-жѣ Сулинье; мы не знали въ ея квартирѣ ни одного уголка, гдѣ можно было бы спрятаться. Намъ уже представлялось, что они возвращаются, влача вслѣдъ за собою отца. Нами овладѣла невыразимая тоска, отъ которой застывала кровь въ жилахъ и самая жизнь какъ бы пріостанавливалась на время. Какъ безконечно долго и томительно было это ожиданіе! Но они возвратились безъ отца; о Боже! ты видѣлъ нашу благодарность.

Они были внѣ себя отъ этой неудачи, и гнѣвъ ихъ обрушился на Канта́ и на жалкаго Сенъ-Жана, который сильно раскаявался въ своей болтовнѣ. Комиссары рѣшили, что оба слуги отправятся на ночь въ тюрьму. Бѣдные Канта и Сенъ-Жанъ, захвативъ съ собою ночные колпаки, готовы уже были идти, какъ вдругъ комиссары вспомнили о двухъ солдатахъ, которыхъ они видѣли спокойно спящими; они пріостановились, чтобъ отобрать показанія у этихъ храбрыхъ защитниковъ отечества. Тотъ, который не видалъ ни разу моего отца, поклялся честью истаго республиканца, что съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ этомъ домѣ, онъ не видалъ ни однаго мужчины, кромѣ гражданина Мариньи (т. е. Сенъ-Жана, котораго не осмѣливались болѣе такъ называть). Товарищъ его смолчалъ и подписался подъ этимъ показаніемъ. Одно его слово могло погубить насъ. „Будьте благодарны этимъ добрымъ республиканцамъ," сказали комиссары нашимъ слугамъ; „можете оставаться здѣсь до новаго распоряженія." Съ этимъ они ушли, а наши слуги были въ восторгѣ отъ такого рѣшенія.

Мы пролежали до самаго утра неподвижно, боясь произнести слово, такъ какъ не знали, до какой степени за нами слѣдятъ. Едва показался свѣтъ настолько, что можно было различать предметы, какъ явилась горничная г-жи Сулинье́ за платьемъ отца; а когда наши солдаты ушли изъ дому, отецъ вернулся къ намъ. Онъ провелъ ночь въ маленькомъ чуланчикѣ, который заставили шкапомъ и по какому-то неслыханному счастью, среди глубокой ночной тьмы комиссары не замѣтили этого чуланчика, выходившаго во дворъ. Отецъ слышалъ, какъ они близъ него стучали и громко говорили, и былъ увѣренъ, что его отыщутъ. Ночь показалась ему очень длинной и холодной: онъ былъ совсѣмъ безъ платья (а это происходило въ концѣ октября 1793 года).

Мы встрѣтились съ радостнымъ чувствомъ людей, которые только-что избѣгли смерти, но все еще страшатся ея. Въ самомъ дѣлѣ, Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ нашими головами, могъ поразить насъ каждую минуту. Необходимо было рѣшиться на что нибудь; но это было очень трудно; бо̀льшая часть нашихъ знакомыхъ были въ

такомъ же положеніи, какъ и мы сами. Каждый боялся за себя, и къ тому же каждый имѣлъ свои собственныя дѣла. Мы были увѣрены, что за малѣйшими нашими поступками будутъ зорко наблюдать, что будутъ слѣдить за каждымъ шагомъ тѣхъ, кто отъ насъ выходитъ; неосмотрительность слуги, который чуть не погубилъ всѣхъ насъ, не позволяла намъ болѣе довѣряться ему ни въ чемъ. Было рѣшено, что всѣ хлопоты и нужные переговоры о томъ, какъ устроить бѣгство отца, будутъ поручены мнѣ, такъ какъ мой возрастъ и дѣтскій видъ устраняли всякую мысль о томъ, чтобы мнѣ могли довѣрить что-либо важное. Тетушка моя своимъ выходомъ изъ дому непремѣнно привлекла бы вниманіе шпіоновъ, которые бродили близъ нашего дома большую часть дня.

Итакъ, я отправилась къ г-жѣ Турнуэръ, той самой, которая разъ являлась къ намъ среди ночи, чтобъ предупредить отца о грозившей ему опасности. Домъ ея находился у самыхъ городскихъ воротъ на берегу Соны, близъ Везскаго предмѣстья. Это не былъ настоящій трактиръ, но и не простой питейный домъ. Прежде они жили въ довольствѣ, но за послѣднее время обѣднѣли. Мы условились насчетъ всего, какъ устроить бѣгство отца; теперь все дѣло было въ томъ, какъ бы провести его къ нимъ; для этого оказалось нужнымъ послать меня еще въ другое мѣсто на противоположный конецъ Ліона, къ нѣкоему г. Клемансонъ, знакомому моего брата. Я застала только одну его жену, которая не имѣла никакого отношенія къ нашей семьѣ, но, несмотря на это, приняла меня очень привѣтливо; я нашла въ ней всю преданность стараго друга; она не только согласилась дать мнѣ для отца мундиръ своего мужа, но сказала, что сама придетъ къ намъ съ одной вѣрной пріятельницей, чтобы выйти изъ нашего дома вмѣстѣ съ моимъ отцомъ; въ обществѣ дамъ онъ долженъ былъ внушать менѣе подозрѣнія, чѣмъ если бъ онъ вышелъ одинъ. Одѣтый въ мундиръ національнаго стража и ведя подъ руку своихъ двухъ покровительницъ, онъ вышелъ изъ дому послѣ обѣда; выбирая самыя уединенныя улицы, они безпрепятственно достигли условленнаго мѣста. Домъ г-жи Турнуэръ былъ полонъ народа. При появленіи этого національнаго стража и двухъ дамъ, она стала разсыпаться передъ ними въ извиненіяхъ за шумъ и толпу. „Вамъ будетъ здѣсь неудобно“, сказала она,—„да тутъ и мѣста больше нѣтъ. Эти гражданки, можетъ быть, предпочтутъ болѣе спокойное помѣщеніе; я поведу васъ въ павильонъ, который у насъ въ саду.“ Отецъ мой гордо прошелъ мимо этого шумнаго общества, спросивъ себѣ чего-то выпить. Затѣмъ обѣ дамы простились съ нимъ и зашли извѣстить насъ объ отцѣ. Узнать, что онъ въ безопасности, было для насъ великою радостью; а между тѣмъ, что̀ это была за безопасность? Онъ находился въ трактирѣ, наполненномъ именно такого рода людьми, которые могли его схватить, можетъ быть, разорвать на части, если бъ только узнали его, или догадались, кто онъ; но увѣренность, что его

нѣтъ болѣе у насъ въ домѣ, окруженномъ шпіонами, уже казалась намъ спасеніемъ. Не знакомитъ-ли это живо съ тѣмъ временемъ, которое мы тогда переживали?

Теперь оставалось только выйти изъ города, минуя городскія ворота, что́ и было исполнено съ помощью маленькой лодочки [1]), которая безъ шума причалила къ самой бесѣдкѣ и въ которую отецъ спустился ночью; кругомъ царило глубочайшее молчаніе. Вѣрная лодочница въ нѣсколько взмаховъ веселъ перевезла его и высадила на берегъ за городскими воротами. Онъ очутился въ Везскомъ предмѣстьи, гдѣ, все же благодаря заботамъ г-жи Турнуэръ, былъ украдкой введенъ въ опечатанную квартиру, гдѣ вѣрнѣе всего можно было, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, укрыться отъ всякихъ поисковъ. Краткость времени, которымъ она распологала, не позволила ей придумать что нибудь лучшее и принять другія мѣры. Какъ я сказала выше, всѣ въ то время жили лишь послѣдней минутой. Вамъ принадлежало только настоящее мгновеніе; разсчитывать на слѣдующее—было бы безуміемъ.

Такъ удалось отцу вторично пробраться за грозную заставу; а дѣло было не легкое; иногда этого не могли добиться граждане, наиболѣе свободные въ своихъ дѣйствіяхъ. Были такіе несчастные дни, когда рѣшительно никого не пропускали; въ иные дни, для того чтобъ войти, приходилось подвергнуться строжайшему допросу, или даже представить свои документы въ полной исправности. Разсказывали объ одномъ человѣкѣ, который, какъ и мой отецъ, желалъ оставить городъ и, не имѣя паспорта, также задумалъ обойтись безъ него. Этотъ ловкій человѣкъ, никѣмъ не замѣченный, дошелъ до Везскихъ воротъ и, остановившись посреди самаго проѣзда, дождался, когда часовой, ходившій взадъ и впередъ, повернулся къ нему. „Гражданинъ", сказалъ онъ ему, „правда-ли, что сегодня никого не выпускаютъ изъ города?" — Да, гражданинъ, таковъ приказъ! „Въ такомъ случаѣ, я не войду", продолжалъ тотъ, спокойно повернулся и ушелъ. Видя, что онъ безъ шляпы, часовой принялъ его за жителя предмѣстья и оставилъ въ покоѣ.

Новая опасность ожидала моего отца въ убѣжищѣ, считавшемся такимъ вѣрнымъ. Ему было строжайшимъ образомъ запрещено ходить по комнатѣ и вообще производить малѣйшій шумъ, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ наложены печати, нѣтъ болѣе жизни. Онъ все пообѣщалъ, но не выдержалъ. Было выше его силъ и природной живости выдержать себя въ такой безусловной неподвижности. Старушка, жившая внизу подъ опечатанной квартирой, услышала шумъ, и боясь, не забрался ли туда воръ, поспѣшила заявить, что въ секвестрованномъ помѣщеніи кто-то живетъ. Это произвело великое вол-

---

[1]) Эти маленькія лодочки, которыми покрыта Сона, въ Ліонѣ называютъ лопатками (bêches); гребцами ихъ всегда служатъ женщины. Прим. авт.

неніе. Тотчасъ бросились осматривать квартиру, но тамъ никого не оказалось. По счастью, отецъ во̀-время узналъ про это и выбрался оттуда такимъ же способомъ, какъ попалъ туда.

Новое затрудненіе—ничего не было приготовлено для его бѣгства. Что дѣлать? Куда дѣвать его? Въ этотъ день пропускъ черезъ городскія ворота былъ свободный. Отецъ пользуется этимъ, чтобы снова войти въ городъ, откуда его недавно съ такимъ трудомъ выпроводили. Его провели въ монастырь, превращенный во время осады въ госпиталь [1]). Непріятель во все время осады направлялъ бомбы на городскую богадѣльню, отъ которой его отдѣляла только Рона, и это прекрасное зданіе, изрытое гранатами, не могло болѣе служить пріютомъ для страждущихъ. Пять разъ оно загоралось; на немъ былъ поднятъ черный флагъ; посланы были парламентеры съ просьбою пощадить убѣжище больныхъ и умирающихъ. „Тамъ скрываются раздушенные франты" [2]) говорили имъ въ отвѣтъ и продолжали пальбу. Тогда больныхъ перенесли на рукахъ на другой конецъ города, въ „Обитель Двухъ Влюбленныхъ", гдѣ они были въ безопасности. Нѣсколько женщинъ родили на улицѣ во время перехода, иные тяжко больные испустили дыханіе пока ихъ несли. Что за страшныя времена!

Отецъ мой скрывался здѣсь около трехъ дней; онъ благополучно вышелъ оттуда и отправился къ г-жѣ де-ля-Костъ, которая не знала его вовсе, но тѣмъ не менѣе подвергала себя опасности ради него. Она жила въ загородномъ домѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Ліона. Я никогда на видала ея и не знаю, что̀ сталось съ этой женщиной. Если эти строки попадутся когда нибудь въ руки ея близкихъ, то они найдутъ здѣсь увѣреніе, что память о ней никогда не изгладится въ нашихъ сердцахъ.

Въ это время у насъ было сдѣлано нѣсколько общихъ обысковъ и нѣсколько частныхъ, касавшихся однихъ насъ. Не имѣя никакихъ извѣстій объ отцѣ, не вѣдая, что̀ сталось съ братомъ, мы жили въ такой мучительной тревогѣ, которую ничто не могло облегчить. Окруженные шпіонами, мы не имѣли никакой возможности развѣдать что либо о ихъ участи.

---

[1]) Старинная легенда гласила, что двое влюбленныхъ бросились тутъ съ утеса въ Сону. Ихъ родители, убитые горемъ, основали на мѣстѣ этого трагическаго происшествія монастырь, который поэтому назывался обителью для успокоенія душъ „Двухъ влюбленныхъ"—„Des deux Amants". Примѣч. автора.

[2]) Muscadins—такъ называли якобинцы молодыхъ людей изъ благородныхъ семействъ, порядочно одѣтыхъ. Примѣч. автора.

ГЛАВА VIII.

Наше имущество опечатано.—Арестъ тетушки.—Подробности о ея заключеніи.—Мнѣ разрѣшаютъ навѣщать ее.—Гражданинъ Форе, приставленный охранять печати, и его супруга.—M-lle де-Бельсизъ.—Мои посѣщенія тюрьмы и какъ мы проводили тамъ время.

Въ квартирѣ тетушки все опечатали. Въ тотъ день, когда комиссары нашей секціи явились къ намъ для наложенія печатей, кончилось для меня всякое ученіе и образованіе. Съ тѣхъ поръ, предоставленная теченію событій, я не имѣла иныхъ наставниковъ.

Въ то время я брала уроки англійскаго языка. Уроки рисованія прекратились съ бѣгствомъ г. Вилона; онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы не внушить подозрѣнія, и вдобавокъ онъ защищалъ городъ во время осады. Онъ какъ-то забылъ у меня маленькій гравированный портретъ Шалье, который, неожиданно попавшись на глаза комиссаровъ, тѣмъ болѣе изумилъ ихъ, что они не знали еще о существованіи его; они стали выражать свой восторгъ въ самыхъ напыщенныхъ восклицаніяхъ и, отложивъ въ сторону прочія дѣла, сейчасъ же послали этотъ портретъ въ участокъ. И какъ же возрадовались тамъ, когда увидѣли изображеніе этого мученика за свободу!

Комиссары не стѣснялись, накладывая печати; я сама слышала, какъ они между собою безцеремонно говорили о мебели, которая пришлась по ихъ вкусу въ разныхъ домахъ, гдѣ уже былъ наложенъ арестъ, и дѣлали даже другъ другу уступки на нашъ счетъ. Они водворили у насъ въ качествѣ охранителя наложенныхъ печатей маленькаго старичка въ парикѣ, въ сѣромъ сюртукѣ; онъ держалъ въ рукѣ палку съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и хорохорился, стараясь придать себѣ важный видъ. Давши ему всѣ нужныя наставленія, комиссары обратились къ тетушкѣ съ слѣдующими словами: „Гражданинъ Форе долженъ кормиться у тебя, сидѣть въ твоей комнатѣ и грѣться у твоего огня“. Послѣ этой лаконической рѣчи они удалились, а я побѣжала сказать г-ну Девису, чтобы онъ къ намъ болѣе не приходилъ. Уроки англійскаго языка! Да гражданинъ Форе подумалъ бы, что мы затѣваемъ заговоръ противъ республики. Уже одно имя Девиса было преступленіемъ, и хотя я не знаю, что́ съ нимъ сталось впослѣдствіи, но очень можетъ быть, что онъ поплатился своей головой.

Вернувшись въ наше печальное жилище, я старалась привыкнуть къ этому новому свидѣтелю малѣйшихъ поступковъ и чуть не самыхъ помысловъ нашихъ. Тетушка моя выказывала удивительное спокойствіе, вовсе не свойственное ея живому характеру, сила котораго развивалась наравнѣ съ нашими бѣдствіями. Присутствіе духа никогда ее не покидало; ея предусмотрительность и мужество росли вмѣстѣ съ испытаніями. Ея любовь къ роскоши, которую доставляетъ богатство, ис-

чезла навсегда. Удобства жизни, прежде имѣвшія для нея большую прелесть, не стоили ей ни минуты сожалѣнія. Забывая себя для насъ, за насъ однихъ она испытывала страхъ, за насъ только она трепетала; и на новомъ поприщѣ, открывавшемся передъ нею, она готовилась къ потерѣ всего, что имѣла, безъ одного вздоха, безъ слова ропота на свою собственную участь.

Наступалъ вечеръ, приходилось садиться за столъ вмѣстѣ съ гражданиномъ Форе́, этимъ оффиціальнымъ шпіономъ, приставленнымъ къ намъ для того, чтобы проникать въ наши мысли и считать наши слезы. Сенъ-Жанъ и Канта готовили скромный обѣдъ, который мы должны были раздѣлить съ нимъ, какъ вдругъ раздались шаги вооруженныхъ людей, быстро поднимавшихся по лѣстницѣ; вслѣдъ за этимъ кто-то постучался въ нашу дверь. Гражданинъ Форе́ отпираетъ. Входитъ муниципальный чиновникъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера и нѣсколькихъ солдатъ. — „Гдѣ находится Жиро дез-Эшероль?“ спрашиваютъ они. Тетушка хранитъ молчаніе и указываетъ на приставленнаго къ печатямъ стража. Послѣдній не отличался быстротой и далъ имъ нѣсколько разъ нетерпѣливо повторить тотъ же вопросъ прежде, чѣмъ объяснилъ имъ, что Жиро дез-Эшероль здѣсь нѣтъ, что квартира эта опечатана въ этотъ самый день утромъ и поэтому никто не можетъ здѣсь укрываться. Несмотря на это, принялись искать въ другихъ комнатахъ, но скоро вернулись въ ту, гдѣ мы были.—„Гдѣ твой братъ?“ спросилъ муниципальный чиновникъ у моей тетушки. „Не знаю“, сказала она, и это была истинная правда. На всѣ вопросы онъ получалъ столь же мало удовлетворительные отвѣты.—„Что же! такъ какъ мы не находимъ брата, то уведемъ съ собой сестру. Ты не хочешь сказать, гдѣ онъ; хорошо! но тогда тебя посадятъ въ тюрьму за него и ты просидишь тамъ до тѣхъ поръ, пока у тебя развяжется языкъ. Идемъ, маршъ!“ Я хотѣла выступить впередъ, но взглядъ тетушки удержалъ меня на мѣстѣ. Она просила только подождать минуту, пока соберетъ кое-какія вещи, въ надеждѣ найти случай сказать мнѣ нѣсколько словъ, но ей отказали въ этой милости. Насъ не оставили вдвоемъ ни на одну минуту. Я не могла ничего прочесть въ ея глазахъ—даже за нашими взглядами слѣдили. Между тѣмъ, почуя опасность съ самаго появленія коммисаровъ, она уже раньше нашла время, чтобы приказать мнѣ держаться подальше отъ нея и молчать. Впродолженіе немногихъ минутъ, пока длилась эта сцена, она тщательно избѣгала меня, или же обращалась со мной очень равнодушно; такъ предусмотрительная любовь ея старалась отклонить отъ меня всякую опасность. „Если сочли нужнымъ арестовать сестру“, думала она, „то какъ же не опасаться за дочь, за ребенка, у котораго они могли надѣяться безъ труда вырвать тайну съ помощью хитрости или насилія“. Такова была нѣжная забота ея обо мнѣ. Она вышла (это было въ ноябрѣ 1793 года), не смѣя взглянуть на

меня, не сказавши мнѣ ни одного слова. — „Куда ведутъ меня?“— „Увидишь“. Я видѣла, какъ отворилась дверь и потомъ закрылась послѣ ея ухода. Осиротѣлая, одинокая, я вторично теряла свою мать, свою опору, свою руководительницу. Мнѣ тогда едва минула 14 лѣтъ.

Сенъ-Жанъ издали слѣдовалъ за тетушкой и видѣлъ, что ее отвели въ секцію Биржи. Онъ тотчасъ вернулся сообщить мнѣ объ этомъ. Мы немедленно принялись собирать бѣлье, простыни, одѣяла и все самое необходимое, чтобы тетушка могла сноснѣе провести эту ночь. Нашъ стражъ не мѣшалъ намъ; но когда слуга, нагруженный матрасами и всѣми прочими вещами, хотѣлъ выдти, тотъ объявилъ, что не отопретъ двери и не позволитъ уносить изъ дому ничего. „Да вѣдь это ея вещи, это для нея!“—Очень жаль, но я не могу этого допустить“. — „Но вѣдь она женщина пожилая, ей будетъ тяжело“.—Очень жаль, но этого никакъ нельзя“. Пришлось покориться и ждать. Мы тутъ увидѣли, что находились совершенно во власти гражданина Форé. Не смѣя выдти изъ дому безъ его позволенія, мы сами были почти узниками.

Тетушка моя провела ночь въ одной изъ залъ секціи. Она не почувствовала, что лишена всякихъ удобствъ и сонъ ни на минуту не смежилъ ея очей, такъ какъ впродолженіе всей ночи сюда являлись одни за другими множество лицъ, арестованныхъ подобно ей. На разсвѣтѣ ее перевели вмѣстѣ съ прочими товарищами въ бѣдѣ въ монастырь Затворницъ (Recluses), который долженъ былъ служить имъ тюрьмою.

Я узнала только поздно на другой день о мѣстѣ ея заключенія и тотчасъ послала въ арсеналъ къ г-жѣ Леже попросить нашъ матрасъ и складную кровать для тетушки, такъ какъ у нея находилась мебель, отданная на время еще моимъ отцомъ г-ну Геріо. Едва рѣшаюсь сказать, что получила отказъ и что г-жа Леже старалась доставить эти самыя вещи одному заключенному, который внушалъ ей больше участія; но это ей не удалось.

На другой день я побѣжала какъ можно раньше въ правленіе участка. Два важныхъ дѣла влекли меня туда: видѣть тетушку и добыть хлѣба; тутъ, кстати, я скажу, какимъ образомъ получался хлѣбъ.

Въ каждомъ участкѣ было лишь извѣстное количество хлѣбниковъ, имѣвшихъ исключительное право продавать хлѣбъ. Лавки ихъ были совсѣмъ закрыты. Каждый изъ желавшихъ получить хлѣбъ, по очереди подвигаясь къ маленькому окошечку, устроенному для этого, подавалъ свидѣтельство отъ участка на полученіе извѣстнаго количества хлѣба. Хлѣбникъ, провѣрявшій свидѣтельство, возвращалъ его и при этомъ черезъ окошечко просовывалъ вамъ за ваши деньги предписанное количество этого хлѣба, который такъ тяжело доставался. Получившій свою порцію тотчасъ удалялся, и весь рядъ под-

вигался на шагъ впередъ. Этотъ рядъ часто тянулся длинной вереницей вдоль нѣсколькихъ улицъ, такъ что послѣдніе могли надѣяться позавтракать развѣ къ пяти часамъ вечера. Таковы были благодѣтельныя послѣдствія свободы.

Итакъ, я хотѣла увидѣть тетушку и получить свою порцію хлѣба,— два дѣла великой важности для меня. Это былъ мой первый шагъ на трудномъ поприщѣ, на которомъ одинокая я подвизалась съ этого времени. Не безъ волненія вошла я въ залу правленія участка, осмѣлилась одна выступить впередъ и заговорить громко передъ столькими людьми, совершенно мнѣ чуждыми. Къ счастью, я узнала одного изъ комиссаровъ, бывшихъ у насъ два дня тому назадъ, при наложеніи ареста на наше имущество, по имени Дюка. Я стала говорить ему о тетушкѣ, о ея арестѣ и убѣдительно просила его дать разрѣшеніе повидаться съ ней. „Вотъ какъ! Мы оставили ее въ покоѣ, сказалъ онъ, но они были не такъ вѣжливы, какъ мы! Граждане! я нахожу справедливымъ допустить эту дѣвочку къ ея теткѣ, которая замѣняетъ ей мать; мы можемъ это ей дозволить.“ Его слова были приняты съ одобреніемъ. На маленькомъ клочкѣ бумагѣ отъ правленія Биржевой секціи былъ написанъ приказъ допустить меня въ тюрьму Затворницъ. Имѣя въ своихъ рукахъ эту бумажку, поощренная первымъ успѣхомъ, я снова заговорила для объясненія, что при наложеніи ареста намъ было приказано кормить нашего стража и что, не имѣя возможности достать хлѣба, я прошу билетъ для покупки его. „Ты не получишь его, это противно закону.“ — Но вѣдь вы сами знаете, граждане, что я не могу получить хлѣба безъ вашего свидѣтельства; какъ же сдѣлать?—„Дѣлай, какъ знаешь!“—Что же, значитъ, я должна умереть съ голоду? — „Будь покойна, не умрешь съ голоду; всѣ бывшіе бары имѣютъ средства, и ты изъ той же породы аристократовъ, которые умѣютъ вывернуться изъ бѣды; ты наслѣдуешь ихъ духъ интриги и не умрешь съ голоду.“—Въ такомъ случаѣ, отвѣтила я очень рѣшительно, если вы меня лишаете средствъ къ жизни, вы не можете взыскивать, если я не буду давать хлѣба вашему стражу, котораго вы насъ обязали кормить. — „Ахъ, что касается до него, это совсѣмъ другое дѣло; онъ получитъ свой билетъ; это хорошій распубликанецъ! Пусть придетъ! О себѣ же не безпокойся—ты не пропадешь!“ Предсказаніе ихъ оправдалось: Провидѣніе, о которомъ они забывали, печется о сиротахъ. Безъ его же помощи какъ могла бы я преодолѣть столько препятствій?

Я поспѣшила удалиться изъ этого вертепа и побѣжала въ монастырь Затворницъ. Входная дверь не была еще осаждаема толпой. Многіе не знали еще, въ какой тюрьмѣ находятся ихъ родственники. Аресты продолжались. Вездѣ царствовало великое смятеніе. Счастьемъ увидѣть тетушку я была обязана быстротѣ своего обращенія къ республиканцамъ и, можетъ быть, своей юности, которую не удерживали никакія соображеніи благоразумной или трусливой осторожности.

Пройдя черезъ первую дверь, я спросила тюремщика и показала ему свое разрѣшеніе. Онъ прочиталъ бумагу, перевернулъ ее, еще разъ прочиталъ, потомъ задумался. Находясь между жизнью и смертью, я ожидала своего приговора. Никакого распоряженія не послѣдовало еще относительно допущенія въ тюрьму. Самъ тюремщикъ еще не былъ опытенъ въ новыхъ суровыхъ мѣрахъ и не имѣлъ привычки дѣлать зло. Видя, что передъ нимъ стоитъ чуть не ребенокъ, онъ сжалился надо мною и, заглушивъ въ себѣ сомнѣнія, пропустилъ меня. Мнѣ отворили вторую дверь, потомъ рѣшетку, и я очутилась во внутреннемъ дворѣ. Я была внѣ себя, что удалось проникнуть сюда. Я задыхалась отъ горя и отъ радости; я шла, широко шагая, за ведшимъ меня сторожемъ, занятая только своими мыслями, прислушиваясь лишь къ своему волненію, какъ вдругъ услышала вокругъ себя незнакомые голоса, которые обращались ко мнѣ; меня чуть не трогали руками: это были преступники,—они просили милостыни, они приближались, гремя своими цѣпями. Этотъ звукъ цѣпей, эти изнуренныя и зловѣщія лица, заставили меня очнуться, глубоко потрясли меня и навели на меня ужасъ. До этого никогда не приходилось мнѣ видѣть преступленіе такъ близко; я то ускоряла, то замедляла свои шаги, боясь, чтобъ они не замѣтили ужаса и отвращенія, внушаемаго ими. Длинный и темный коридоръ привелъ меня къ лѣстницѣ. Я должна была попросить посторониться одного изъ преступниковъ, сидѣвшаго на первой ступенькѣ и болтавшаго съ нарумяненной женщиной, въ роскошныхъ лохмотьяхъ, со смѣлымъ видомъ и дерзкими глазами; ея взглядъ заставилъ меня потупиться. Мнѣ было непріятно, что платье мое коснулось ея одежды. Все въ этой тюрьмѣ приводило меня въ дрожь. Когда мы достигли перваго этажа, я думала, что могу войти къ тетушкѣ. Нѣтъ, сторожъ показалъ мнѣ ея дверь, но—онъ забылъ ключъ отъ нея; онъ пошелъ за нимъ, а я осталась одна передъ этой дверью. На ней было три засова и два новыхъ замка; на двухъ другихъ дверяхъ на той же площадкѣ также висѣли новые замки, свидѣтельствовавшіе о новизнѣ этихъ предосторожностей.—Тетушка моя такъ тщательно заперта, подумала я; — преступники дышатъ воздухомъ, а невинные лишены его! Тѣ прогуливаются, а она сидитъ взаперти! Увы! я не смѣла даже вздохнуть; самыя мысли мои были какъ бы въ цѣпяхъ; я боялась, чтобы ихъ не угадали и не вмѣнили этого моей тетушкѣ въ новое преступленіе.

Наконецъ, дверь отворилась и я бросилась въ нее; мнѣ казалось, что я вижу уже ту, къ которой такъ стремилась. Но передо мною все незнакомыя женщины. „Вы тоже заключены въ тюрьму?“ спрашиваютъ онѣ меня.—„Нѣтъ, нѣтъ, гдѣ моя тетушка?“. Моя бѣдная тетушка, завидя меня, бѣжала мнѣ на встрѣчу счастливая и сіяющая. „Что ты дѣлала? Какъ ты поживаешь? Что сталось съ тобой?“— „Тетя, спали ли вы эту ночь? Кушали ли вы? Не больны ли вы?“. У меня было столько вопросовъ! Всѣ дамы смотрѣли на меня, слу-

шали насъ, умилялись вмѣстѣ съ нами; онѣ называли меня своимъ добрымъ геніемъ, потому что мое присутствіе давало имъ надежду, что двери темницы откроются и для кого нибудь изъ любимыхъ и дорогихъ имъ существъ. Я первая изъ публики проникла въ тюрьму. „Что вы сдѣлали, чтобы войти сюда?“ Я объяснила имъ это, какъ могла. Тетушка моя, дрожа надо мною какъ скупой надъ своимъ добромъ, беретъ меня за руку, отрываетъ меня отъ ихъ разговора и, увлекая меня за собой, ведетъ черезъ большой чердакъ. Мы входимъ въ довольно просторную комнату, гдѣ она сажаетъ меня на свой матрасъ, скатанный на полу.

Я забыла сказать, что послѣ отказа г-жи Лежè нашлась добрая женщина, уступившая съ своей постели волосяной матрасъ, который я имѣла счастье доставить тетушкѣ; но до этого, втеченіе двухъ сутокъ, она не имѣла ничего, кромѣ небольшого пучка соломы. Этотъ матрасъ служилъ ей постелью, столомъ и стуломъ. Я не видѣла никакой другой мебели въ этой комнатѣ, гдѣ помѣщалось болѣе пятидесяти человѣкъ. Тѣ, которыя не имѣли своего матраса, спали на соломѣ (да и той было очень мало), а это была большая часть. Таково было зрѣлище, поразившее мои взоры и повергнувшее меня на нѣкоторое время въ молчаніе.

Тетушка на мой взглядъ ни чуть не перемѣнилась; она не показалась мнѣ ни убитой, ни озабоченной своею участью; она вся отдалась радости нашего свиданія, не смотря на постоянную мысль объ опасностяхъ, которыя, по ея мнѣнію, угрожали мнѣ. Но эти самые страхи еще увеличивали счастье видѣть меня. Я сдѣлалась для нея какъ будто еще дороже! Слабая былинка, ставшая ея опорой и чуть не единственной надеждой ея, я была все въ ея жизни. Мы вмѣстѣ перебрали все, что случилось за эти три дня, безконечно длинныхъ, полныхъ печальными для насъ новостями. Мы пересказали другъ другу каждый часъ этихъ тяжелыхъ дней. Описаніе нашихъ взаимныхъ чувствъ утѣшало или омрачало наши сердца. Она осыпала меня ласками, и время промчалось быстро. Пора было уходить. Я вышла оттуда со множествомъ порученій, которыя взяла на себя съ радостью. Мнѣ было отрадно принести утѣшеніе во многія семьи, поверженныя въ отчаяніе, сообщить имъ средства, съ помощью которыхъ мнѣ удалось проникнуть въ тюрьму, и сказать имъ: „Я видѣла ихъ, онѣ живы, онѣ ожидаютъ васъ“. Я снова прошла черезъ большой чердакъ, торжественно сопровождаемая всѣми узницами. „Не забудьте же, сегодня вечеромъ! прошу васъ“, говорили онѣ.— „Да! да! сегодня же вечеромъ“, отвѣчала я. Тетушка благословила меня, прощаясь со мной. Радостное сознаніе, что я могла быть полезной, оказать услугу этимъ несчастнымъ женщинамъ, облегчило мнѣ это первое прощанье и помогло мнѣ пройти безъ страха и отвращенія по мрачнымъ коридорамъ и сквозь эту толпу людей отталкивающаго вида. Я думала только о возможности быть полезной и тотчасъ же

сдѣлалась храброй. Быть полезной! Какую силу придаетъ одна эта надежда! Такое слабое, маленькое существо, какъ я, могло питать ее! Въ какую нибудь минуту я словно выросла и возмужала.

Я исходила въ этотъ вечеръ невѣроятно много, чуть не весь городъ, чтобы разнести всѣ порученныя мнѣ записки и разсказать о томъ, что̀ я видѣла, что̀ сдѣлала. Одни мнѣ дали отвѣты письменные, другіе на словахъ. Моя память, мой умъ вдругъ какъ-то изощрились заодно съ моимъ усердіемъ. Я ни разу не ошиблась адресомъ и ничего не забыла. Сенъ-Жанъ сопровождалъ меня въ моихъ ночныхъ похожденіяхъ. Я вернулась домой очень поздно, усталая, но отъ радости не ощущая ни утомленія, ни даже непріятнаго чувства при видѣ гражданина Форе, сидѣвшаго передъ нашимъ каминомъ; я была слишкомъ счастлива, чтобы сердиться на кого бы то ни было. Одинъ день удвоилъ всѣ мои способности. Я заснула съ надеждой доставить на другой день бѣднымъ узницамъ вѣсти о ихъ семьяхъ— и сладокъ былъ мой сонъ въ эту ночь.

На другой день я снова отправилась въ тюрьму, неся въ рукахъ корзинку съ обѣдомъ для моей тетушки. Меня впустили и я имѣла счастіе отдать отчетъ въ моихъ порученіяхъ. Но какая новость! Распоряженіе насчетъ посѣщенія заключенныхъ было получено: мой клочекъ бумажки не былъ болѣе годенъ,—тюремщикъ разорвалъ его передо мной. Но чувство жалости, проникшее въ его сердце, побудило его пропустить меня еще разъ. Это обстоятельство значительно испортило мнѣ удовольствіе обѣдать съ тетушкой, сидя возлѣ нея на ея плохенькомъ матрасѣ. „Разузнай, что̀ нужно предпринять для полученія новаго разрѣшенія“, говорила добрая тетушка. Я почувствовала себя очень несчастной, прощаясь съ ней, и провела весьма печально этотъ вечеръ; я уже возъимѣла было надежду видѣться съ нею ежедневно; а молодость легко вѣритъ тому, на что надѣется.

Я заговорила о своемъ горѣ съ гражданиномъ Форé, который скромно отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ никакой власти надъ своимъ сыномъ муниципаломъ. Я сама видѣла, что это совершенная правда. Онъ уважалъ или, лучше сказать, ужасно боялся этого всесильнаго сына, который имѣлъ лишь одно достоинство, что раздѣлялъ все зломысліе своихъ собратій. Онъ не составилъ себѣ имени между ними. То былъ не видный злодѣй, бездарный, жадный и жестокій; но онъ былъ членомъ муниципалитета и отецъ съ гордостью выпрямлялся говоря: мой сынъ, муниципалъ. Частенько къ этому восхищенію примѣшивался нѣкоторый страхъ. Вообще гражданинъ Форé былъ похожъ на мебель, очутившуся не на своемъ мѣстѣ; при крайней ограниченности и отсутствіи злобы, ему иногда стоило немалаго усилія, чтобъ исполнять возложенную на него суровую обязанность, что̀ не мѣшало ему, однако, наслаждаться удобствами, которыя доставляло ему его положеніе. Онъ провелъ всю свою жизнь за тканьемъ шелковыхъ матерій, работая прилежно всю недѣлю и тратя въ воскресенье весь

шестидневный заработокъ; нерѣдко онъ посвящалъ на это и понедѣльникъ, подобно многимъ своимъ товарищамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ прежніе богачи обѣднѣли, онъ не имѣлъ работы. Въ этомъ обвиняли аристократовъ; потому онъ находилъ очень естественнымъ, чтобы аристократы опять доставили ему занятіе. Охраненіе наложенныхъ печатей было ремесломъ очень выгоднымъ, не труднымъ и почти невиннымъ.

Въ первый день, когда онъ занялъ свой постъ, онъ былъ въ полномъ парадѣ: сѣрый сюртукъ, хорошо завитой парикъ, палка съ слоновымъ набалдашникомъ; онъ старался придать себѣ холодный и церемонный видъ, который вовсе не походилъ на безцеремонность комиссаровъ. Кромѣ того, я думаю, что отчасти онъ-таки побаивался лютыхъ звѣрей, съ которыми ему приходилось жить; такъ называли насъ. И вмѣстѣ съ этимъ онъ сохранялъ еще съ давнихъ лѣтъ прежнее почтеніе къ дворянамъ, отъ котораго ему не всегда удавалось отдѣлаться при всемъ его желаніи быть якобинцемъ.

Вскорѣ онъ приручился и открылъ, что мы не похожи на варваровъ. Его костюмъ сталъ менѣе изысканъ; отложивши въ сторону свой парикъ для торжественныхъ дней, онъ ходилъ въ сѣрой шапочкѣ одинаковаго цвѣта съ платьемъ и въ туфляхъ, также сѣраго цвѣта. Онъ проводилъ весь день у камина, усѣвшись въ покойномъ креслѣ; никогда еще не приходилось ему сидѣть такъ удобно. Отъ времени до времени онъ поворачивался, щупалъ мягкую спинку, любовался ею, потомъ, сильно упираясь въ нее для большаго удобства, говорилъ съ довольнымъ видомъ: „Однако, кресло хорошее изобрѣтеніе“ и, снова нажимая подушки: „Какъ это хорошо придумано!“ Потомъ, вытянувши свои ноги во всю длину и отвалившись назадъ, онъ полулежа наслаждался невѣдомымъ ему доселѣ комфортомъ, какой доставляетъ хорошее кресло. Въ сущности, это былъ человѣкъ близкій къ животному состоянію, болѣе склонный къ добру, чѣмъ ко злу, но причинявшій зло изъ послушанія, какъ нѣчто необходимое, или неизбѣжное; онъ ненавидѣлъ казни, но не смѣлъ сознаться въ этомъ женѣ и сыну, которые постоянно внушали ему, что нужно стоять на высотѣ своего времени и быть истымъ республиканцемъ, что̀ значило на ихъ языкѣ:—неутолимо жаждать человѣческой крови.

„Я никакъ не могу привыкнуть къ этому“, сказалъ онъ мнѣ однажды, послѣ того, какъ мы ближе познакомились: „они принудили меня посмотрѣть на казнь; я вернулся оттуда въ лихорадкѣ. Впродолженіе цѣлой недѣли я не могъ вовсе спать. Что они ни говори, а я не могу привыкнуть къ этому. Надо признаться, что прежде жилось спокойнѣе. Правда, что нужно было работать; но мнѣ хорошо платили за работу и я спокойно проѣдалъ свой барышъ. Помню, какъ мнѣ была заказана матерія на жилетъ Людовику XV. Жилетъ вышелъ на славу и денежки я получилъ хорошія! Надо признаться, хорошее то было времечко!“ Бѣднякъ не осмѣлился бы сдѣлать такое

признаніе гражданкѣ Форè, своей супругѣ, ни своему сыну муниципалу, какъ онъ всегда величалъ его. „Что касается моей жены, продолжалъ онъ еще тише,—то она всегда любила казни; и прежде бывало, когда вѣшали какого нибудь преступника, она изъ первыхъ была на мѣстѣ. Ужъ я пробовалъ ее запирать на ключъ, и это не помогало; она все-таки находила средство ускользнуть и поспѣть во-время".

Эта мегера составляла одно изъ самыхъ тяжкихъ неудобствъ въ моемъ положеніи. Всякій вечеръ послѣ дневныхъ трудовъ, она приходила раздѣлять ночлегъ съ своимъ супругомъ. Мнѣ дорого было-бы хоть вздохнуть свободно, но я и того была лишена. Женщина эта была тутъ, передо мною, она разсказывала мужу всѣ новости. А каковы были эти новости?—Жестокости, совершаемыя ежедневно, пытки и казни. Она вездѣ поспѣвала; не щадя меня ни одной подробностью, она разсказывала съ такимъ оживленіемъ и удовольствіемъ, что все лицо ея сіяло; на немъ было написано, какую притягательную силу имѣло для нея это ужасающее зрѣлище. И я не имѣла даже права заставить ее молчать. Эта гражданка Форé обыкновенно заканчивала свою рѣчь тѣмъ, что вытаскивала изъ кармана свой ужинъ, состоявшій большею частью изъ хлѣба и остраго сыра, завернутаго въ бумажкѣ [1]) и походившаго на мазь, которой она намазывала себѣ тартинки и поѣдала ихъ съ большимъ аппетитомъ, заражая этимъ запахомъ мою комнату съ какимъ-то злорадно-довольнымъ видомъ.

Женщина эта дѣлала мою жизнь чрезвычайно тяжелой, тяжелѣе, чѣмъ можно себѣ вообразить. Сенъ-Жанъ и Кантà еще увеличивали непріятности моей домашней жизни. Они и прежде не могли терпѣть другъ друга; а теперь ихъ взаимная антипатія возрасла до того, что они ссорились съ утра до вечера. Я была въ очень стѣсненномъ положеніи и просто не знала, что и придумать для пріисканія намъ средствъ къ жизни, а нужно было прокормить пять человѣкъ. Покупка провизіи представляла огромное затрудненіе. Сенъ-Жанъ не хотѣлъ дѣлать закупокъ, а Канта не хотѣла готовить кушанья. Ихъ ссоры были такъ часты и иногда доходили до такого ожесточенія, что я была принуждена раза два просить тетушку сдѣлать имъ выговоръ, несмотря на то, что мнѣ было очень больно занимать ее въ тюрьмѣ такими дрязгами, и вдобавокъ пришлось потерять два дня, не видя ея, чтобы послать къ ней Сенъ-Жана и Канта вмѣсто себя.

Я опередила свой разсказъ, чтобы представить картину моей домашней жизни. Я никогда не возвращалась къ себѣ безъ чувства отвращенія. Едва только я успѣвала встать съ постели, какъ нашъ непрошеный гость уже былъ тутъ. Вечеромъ я должна была ожидать, когда ему угодно будетъ удалиться, чтобы лечь спать. Въ моей ком-

[1]) Лавочники собирали остатки и крошки всѣхъ сортовъ сыра, которые толкли въ ступкѣ, смачивая ихъ водкой. Можно себѣ представить вкусъ, ароматъ и видъ этого снадобья! Прим. авт.

натѣ готивилось кушанье и здѣсь же обѣдали. Конечно, имѣя въ виду участь тетушки, мнѣ еще нельзя было жаловаться. Если-бъ я могла по крайней мѣрѣ быть при ней, я вздыхала-бы безъ страха; ея любовь утѣшала-бы меня. Но я была безъ друзей, безъ опоры, мнѣ некому было открыть душу... Какъ жалокъ ребенокъ въ такомъ положеніи!

Не имѣя разрѣшенія, я не могла войти въ тюрьму на другой день. Я простояла нѣсколько часовъ передъ тюремными воротами, не находя возможности передать тетушкѣ обѣдъ. Канта донесла мнѣ корзину до тюрьмы; здѣсь я взяла ее сама и ничто на свѣтѣ не заставило бы меня выпустить ее изъ рукъ, потому что на ней одной держалась вся моя надежда проникнуть въ тюрьму; но это мнѣ все-таки не удалось; пропустили только мою корзину, и то благодаря тому, что я заплатила одному изъ сторожей за то, чтобы донести ее къ тетушкѣ. Мнѣ случалось иногда быть у воротъ тюрьмы въ десять часовъ утра, а въ 12 мы все еще стояли съ своими корзинами, которыхъ никто не хотѣлъ взять у насъ для передачи. Тутъ, по приказанію тюремщика, ворота запирались до 2 часовъ—время его обѣда. Въ два часа ихъ отпирали снова. Сторожа и ихъ жены расхаживали между нами, торгуясь и отказываясь передать корзины, если предлагаемая цѣна казалась имъ неудовлетворительной. Часто приходилось уносить обѣдъ назадъ за невозможностью согласиться на слишкомъ тягостныя условія, ибо въ числѣ заключенныхъ были люди очень бѣдные.

Иной разъ сторожа еще увеличивали лишенія узниковъ своимъ нерадѣніемъ и неуслужливостью; корзины зачастую оставались на дворѣ и доставлялись имъ лишь на другой день. Наконецъ—я сама видѣла, какъ у дверей тюрьмы корзины эти открывали, рылись въ нихъ и съѣдали то, что въ нихъ было, прибавляя ко всѣмъ нашимъ страданіямъ еще эту оскорбительную насмѣшку, и вѣроятно желая дать намъ понять, что при такого рода надзорѣ безполезно было бы пытаться доставить заключеннымъ какія нибудь записки или сообщенія въ посылаемыхъ имъ кушаньяхъ. Какъ я была возмущена, когда узнала, что тетушка осталась безъ пищи! Впослѣдствіи я добыла для нея холодной жареной птицы, къ которой она прибѣгала въ томъ случаѣ, если обѣдъ не достигалъ до нея; она берегла ее въ маленькой корзинкѣ, спрятанной подъ матрасомъ и предназначенной для храненія ея небольшого запаса бѣлья.

Я еще не говорила о нашихъ сосѣдяхъ.... Ихъ постигла одинаковая съ нами участь. И на ихъ имущество былъ наложенъ арестъ; у нихъ также былъ свой сѣренькій человѣкъ для охраненія наложенныхъ печатей, и они должны были подчиниться такимъ же приказаніямъ. Общее страданіе наложило печать унылаго однообразія на все, что было благомыслящаго. Г. Мазюйе́ бѣжалъ изъ Ліона; мужъ и жена Бельсизъ были арестованы. Что же касается Фелисите́, ихъ мужественной дочери, то вслѣдствіе лично къ ней относящагося пре-

слѣдованія, она должна была искать спасенія въ немедленномъ бѣгствѣ. Одаренная большою проницательностію, она заранѣе предвидѣла несчастный исходъ осады Ліона и просила у родителей позволенія уѣхать. „Отпустите меня", говорила она имъ, „я ожидаю въ будущемъ всего худшаго. Предоставленные собственнымъ средствамъ, Ліонцы не будутъ въ состояніи долѣе противиться непріятельскимъ силамъ, безпрерывно увеличивающимся. За этимъ послѣдуютъ великія бѣдствія. Нужно постараться заранѣе добыть денегъ, и я займусь этимъ." Она переодѣвается крестьянкой, дѣлаетъ большой обходъ, чтобъ избѣжать республиканскія войска, и безпрепятственно достигаетъ Бельсиза, отцовскаго помѣстья, въ десяти верстахъ отъ Ліона. Здѣсь она находитъ, что имѣніе ихъ секвестровано по распоряженію депутата Конвента, Фуше́, который въ это время самъ находился въ сосѣднемъ городѣ и который велѣлъ арестовать ее, какъ только узналъ о ея пріѣздѣ. Но все-таки Фелисите нашла средство, не смотря на секвестръ, продать много сельскихъ продуктовъ изъ своего имѣнія и вообще обратила въ деньги все, что только могла. Не смотря на осторожность, съ которой она вела свои дѣла, Фуше́ развѣдалъ объ этомъ и вызвалъ ее въ свой судъ, по обвиненію ее въ нанесеніи ущерба республикѣ. Она защищалась съ большою смѣлостью и присутствіемъ духа. Фуше́, которому можетъ быть понравилось ея смѣлое поведеніе, отпустилъ ее на свободу, давши ей совѣтъ впредь вести себя иначе и прибавивъ впрочемъ, что будетъ слѣдить за ней. Она поняла, что дѣятельность ея здѣсь кончена и потихоньку бѣжала. Тогда было немедленно объявлено, что за ея голову назначена премія. Но это не помѣшало ей счастливо добраться до Швейцаріи; переодѣтая торговкой угольевъ, она шла всю дорогу пѣшкомъ и по ночамъ спала на соломѣ. Такимъ образомъ ей удалось спастись отъ гоненія этого сильнаго и озлобленнаго лично противъ нея человѣка. Она отправилась въ Фрибургъ къ своей сестрѣ, которая раньше эмигрировала; туда же послѣдовалъ за ней увлеченный ея высокими качествами г. Мазюйе́, который вскорѣ на ней женился.

Я никакъ не могла проникнуть въ этотъ день къ тетушкѣ; я стояла передъ воротами тюрьмы въ сырости и грязи, нарочно накопляемой здѣсь; я находилась среди толпы изъ болѣе двухъ сотъ женщинъ, которыхъ сюда привела одинаковая участь; толпа напирала, тѣснила меня, колеблясь подобно волнамъ морскимъ. Но какъ я ни была измучена, усталость моя все же не могла сравниться съ огорченіемъ, что я не могла увидѣть тетушку, и я рѣшилась наконецъ дать волю словамъ и высказать свое горе. Примѣтивъ одного сторожа, у котораго лицо казалось мягче, чѣмъ у его товарищей, я обратилась къ нему и вручая ему нѣсколько свернутыхъ мелкихъ ассигнацій, сказала ему: „Сжалься надо мною, помоги мнѣ увидѣться съ моей тетушкой, съ моей матерью; посмотри, какъ я мала и слаба; я не могу пробиться сквозь толпу, которая тѣснится у воротъ; послушай,

вотъ, возьми это себѣ за трудъ и вызови меня сверху лѣстницы, какъ будто я должна пройти къ тюремщику; кто знаетъ, можетъ быть послѣ того, какъ я пройду черезъ эту первую дверь и другія окажутся доступными; можетъ быть, твоя доброта не пропадетъ даромъ!“ Онъ удалился, не давъ мнѣ никакого отвѣка; но скоро раздался сильный голосъ, вызывавшій меня: „Маленькая гражданка Жирò!“—„Это я! это я!“—и я поскорѣе стала проталкиваться сквозь массу народа, остававшагося позади и съ завистью смотрѣвшаго на меня. Сердце у меня билось изо всей силы; но немалаго труда стоило мнѣ, чтобы пробраться сквозь толпу съ моей корзинкой. Толчки со всѣхъ сторонъ нарушили равновѣсіе моихъ горшечковъ, уставленныхъ въ корзинкѣ; бульонъ течетъ по моему платью; но я уже взошла на ступеньки лѣстницы, я уже прошла черезъ первую дверь. Теперь мнѣ было уже легче вести переговоры о пропускѣ далѣе. Мои мелкія ассигнаціи помогли мнѣ окончательно овладѣть проходомъ и я снова увидала этотъ дворъ, эту лѣстницу. Какъ все это было мнѣ мило! какъ все здѣсь показалось мнѣ хорошо! Я одержала побѣду, и чѣмъ слабѣе я была, тѣмъ болѣе считала ее славной. Я снова увидѣла тетушку! О счастье!

Я раздѣлила съ нею этотъ холодный и порастрясенный въ толкотнѣ обѣдъ, который показался мнѣ удивительно вкуснымъ. Въ уголкѣ тетушки прибавился старый стулъ, купленный ею у сторожа и служившій намъ столомъ. Я провела этотъ день возлѣ нея, ничего не желая, кромѣ ея присутствія, не жалѣя ни о чемъ, не видя ничего, кромѣ ея одной, и ей пришлось нѣсколько разъ повторить свое приказаніе, чтобы заставить меня уйти домой. Я ушла, но какъ я была жалкà! Я отдала бы все, чтобъ только остаться съ тетушкой; это желаніе было эгоистично; но каково же мнѣ было возвращаться домой для того, чтобы занять мѣсто у камина между двумя шпіонами и опять видѣть передъ собою другія два лица, которыя постоянно ссорились между собою. Когда я возвращалась, разбитая послѣ утомительныхъ похожденій дня, проведши нѣсколько часовъ въ сырости, среди толпы, тѣснившей и давившей меня, и зачастую не добившись даже счастья увидѣть тетушку,—ахъ! какъ тяжела казалась мнѣ тогда жизнь! Одна только тюрьма могла сдѣлать меня счастливой, и я такъ желала попасть въ нее, какъ можно только жаждать блаженства. Если я не требовала, чтобъ и меня заключили въ темницу вмѣстѣ съ тетушкой, то это было единственно изъ послушанія къ ней и въ надеждѣ быть ей полезной.

Едва только я просыпалась утромъ, какъ гражданинъ Форè уже стучался въ мою дверь; онъ ворчалъ на то, что находилъ ее запертой; а я, рабски исполняя его волю и противорѣча ему развѣ только въ важныхъ и неизбѣжныхъ случаяхъ,—спѣшила принять его. Онъ приходилъ въ мою комнату съ ранняго утра и не отлучался уже во весь день ни на минуту. Я скрывала свое горе: иначе онъ могъ бы замѣтить мои слезы. Въ этой-то ежедневной борьбѣ съ своей сла-

бостью я, можетъ быть, и черпала силу. Усилія надъ собой благотворно дѣйствуютъ на характеръ.

Послѣ этого перваго опыта, мнѣ часто удавалось пробраться въ тюрьму. Я нашла двухъ-трехъ добрыхъ сторожей, которые, правда, очень охотно брали мои ассигнаціи, но за то покровительствовали мнѣ, несмотря на новыя преграды, всякій день возникавшія между узниками и нами. Я думаю, что многія затрудненія нарочно дѣлали для того, чтобы истощить наши средства, потому что всякая новая строгость требовала съ нашей стороны новой жертвы. Четыре сторожа отличались изо всѣхъ мягкостью своего обращенія, и многіе заключенные были имъ обязаны улучшеніемъ своей участи. Одинъ изъ нихъ обыкновенно вызывалъ меня у входа, другой пропускалъ далѣе. Тетушка своими настойчивыми просьбами и подарками сильно способствовала тому, что они меня не забывали. Очутившись возлѣ нея, я забывала обо всемъ, до самыхъ казней, совершавшихся ежедневно. Мнѣ стоило столькихъ усилій добраться до нея, что я подъ конецъ не способна была чувствовать ничего, кромѣ радости быть на мѣстѣ. Здѣсь только я имѣла друга и семью. Нужно на себѣ испытать горькое чувство сиротства, чтобы вполнѣ оцѣнить такое жалкое положеніе и понять, что мнѣ могла нравиться темница. И какая темница! Что за пеструю и странную смѣсь представляло соединенное здѣсь общество! Здѣсь были дворянки, рыбныя торговки, монахини, публичныя женщины, богатыя дамы, бѣдныя служанки, крестьянки и торговки зеленью [1]). А между ними, скрытые въ толпѣ, находились шпіоны, о существованіи которыхъ всѣ знали, но не могли догадаться—кто именно.

Большой чердакъ скоро наполнился наравнѣ съ комнатой. Аресты производились съ необыкновенной быстротою и были многочисленны. Между заключенными я помню г-жу де-Сенъ-Фонъ, де-Монья, де-Монбріанъ, которыя находились въ одной комнатѣ съ тетушкой. Когда ихъ было здѣсь набито до 58 человѣкъ и мѣра переполнилась, пришлось помѣстить вновь прибывавшихъ въ чердакѣ; этихъ послѣднихъ я менѣе знала. Но между ними была нѣкая г-жа Брошѐ съ дочерьми. Посвящая ей нѣсколько строкъ, я не удаляюсь отъ своего предмета. Не пишу ли я исторію несчастныхъ жертвъ того времени? Насъ было не мало!

Г-жа Броше была арестована вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми на томъ основаніи, что она не хотѣла выдать, гдѣ укрывался ее мужъ. У нея была еще дочка 8 лѣтъ, которая была удалена отъ матери для того, чтобы допросить ее отдѣльно. Лишивъ дѣвочку совѣта и защиты и разсчитывая на ея неопытность, надѣялись вынудить у слабаго ребенка желанное признаніе, и чтобы лучше достиг-

[1]) Я видѣла тутъ же четырехлѣтнюю дѣвочку—англичанку съ няней, не знавшую ни слова по-французски; при мнѣ пришли объявить имъ, что онѣ освобождены.

Прим. авт.

нуть цѣли, ей посулили награду или наказаніе, смотря потому, какъ она себя будетъ вести. Но дѣвочку не удалось ни сманить обѣщанными наградами, ни запугать наказаніемъ. Она разсѣяла злыя козни своею твердостью и на всѣ ихъ коварные вопросы отвѣчала лишь слѣдующими словами, которыя повторяла очень просто, сама не подозрѣвая, сколько въ нихъ было величія: „Я не знаю, гдѣ отецъ; но если бъ я и знала это, то не сказала бы вамъ!“ Побѣжденные чистосердечіемъ ребенка, или уважая силу въ слабости, они возвратили ее матери. У г-жи Брошѐ я видѣла де-Бомонъ, полковника драгунскаго полка, стоявшаго въ это время въ Ліонѣ; онъ также былъ заключенъ въ монастырѣ Затворницъ. Пользуясь нѣсколькими днями кратковременнаго смягченія, когда заключеннымъ было разрѣшено на нѣсколько часовъ сходиться вмѣстѣ, онъ пришелъ возобновить съ нею знакомство. Всякій былъ счастливъ найти знакомое и дружеское лицо въ этой чуждой толпѣ, гдѣ одинъ другаго не зналъ и не имѣлъ никакихъ отношеній другъ къ другу. Я не знаю причины его ареста, но очень хорошо помню, что разъ ночью онъ былъ поводомъ страшнаго переполоха среди заключенныхъ. Всѣ солдаты его полка остались ему вѣрны и тщетно ходатайствовали о выпускѣ его на свободу. Ежедневно присутствуя при казняхъ, они лучше всѣхъ понимали опасность продолжительнаго заключенія; и вотъ они цѣлой толпой явились въ трибуналъ, добились того, что имъ возвратили начальника и тотчасъ бросились въ тюрьму, чтобы вырвать его оттуда. Монастырь Затворницъ вдругъ былъ окруженъ цѣлымъ полкомъ, громкими криками требовавшимъ своего полковника и встрѣтившимъ его появленіе радостными возгласами. Это было поздно ночью. Шумъ и крики доносились и внутрь тюрьмы, и въ то время, какъ драгуны, опьянѣвъ отъ радости, съ торжествомъ уводили своего любимаго начальника, заключенные, не зная причины этихъ криковъ, думали, что начинается ихъ избіеніе. Только на другое утро они съ радостью узнали, что̀ причинило ихъ тревогу. Тетушка, увидя меня, сказала мнѣ только: „Мы думали, что всѣ будемъ перебиты въ эту ночь. Я уже мысленно простилась было съ тобою!“.

Мало-по-малу среди узницъ образовались маленькіе кружки и жизнь устроилась нѣсколько удобнѣе. Появилось еще нѣсколько стульевъ. Г-жа де-Сенъ-Фонъ первая получила разрѣшеніе имѣть столъ; она давала его своимъ сосѣдкамъ, которыя устроивали такъ, что обѣдали на немъ по очереди, одна послѣ другой. Обѣдать сидя за столомъ казалось имъ большою роскошью! Въ распредѣленіи времени обѣда была большая акуратность, потому что услужливость была взаимная, равно какъ и благодарность.

Тетушка моя условилась имѣть общій обѣдъ съ тремя изъ заключенныхъ: дѣвицей Оливье, имѣвшей книжную лавку [1]), дѣвицей

---

[1]) У нея всегда можно было найти запрещенныя брошюры. Я помню, что мы купили у нея духовное завѣщаніе короля; но для того, чтобы проникнуть въ это святилище, нужно было знать условный знакъ. Прим. авт.

Гюэтъ и г-жей де-Плантъ, содержательницей большого отеля „Югъ", на площади Белькуръ; послѣдняя имѣла хорошее состояніе. Она долго скрывала въ своемъ домѣ офицера, спасшагося во время избіенія въ тюрьмѣ Пьеръ-Сизъ; его благодарность перешла въ болѣе нѣжное чувство и онъ женился на ней. Она сидѣла въ тюрьмѣ за своего мужа.

Въ тѣ дни, когда тетушка пользовалась обѣдомъ своихъ компаньонокъ, я приносила супъ, потому что сверхъ четырехъ участницъ и я присоединялась къ нимъ. На трехъ обѣдахъ дѣлали экономію, чтобы составить четвертый. Это былъ для меня самый радостный день. Я приходила тогда какъ можно раньше, едва только отпирались ворота, принося въ свою долю только яицъ, соли и масла; весь этотъ день я проводила самымъ пріятнымъ образомъ.

Утромъ мы прогуливались по большому чердаку, и хотя тамъ былъ очень скверный запахъ, все же воздухъ тутъ былъ здоровѣе, чѣмъ въ комнатѣ, гдѣ было скучено и день и ночь 58 человѣкъ! Тѣ, которыя помѣщались у оконъ, не допускали открывать ихъ; а такъ какъ это было въ ноябрѣ и комната не топилась, то невозможно было претендовать на ихъ отказъ. Послѣ прогулки и короткой бесѣды возвращались на мѣсто, чтобы заняться приготовленіемъ обѣда. Я была моложе всѣхъ, поэтому забота объ обѣдѣ была возложена на меня, и я была очень счастлива! Я сказала, что комната эта не топилась. Наконецъ, узницы вышли изъ терпѣнія, что имъ приходилось всегда ѣсть холодный обѣдъ и дышать сквернымъ воздухомъ, и онѣ стали просить, чтобы имъ поставили печку; погода становилась все суровѣе; тяжелая и смрадная атмосфера ихъ помѣщенія требовала освѣженія посредствомъ топки; но имъ было отказано въ просьбѣ, несмотря на ихъ предложеніе принять издержки на свой счетъ. Онѣ тогда стали просить грѣлокъ съ раскаленными угольями, но и этого не получили. Наконецъ, имъ разрѣшили имѣть грѣлки съ мелкимъ углемъ, обращеннымъ чуть не въ пыль, которыя наполняли имъ черезъ сутки; огня въ нихъ почти не было; отъ времени до времени ихъ мѣшали желѣзнымъ прутомъ, который, шевеля пепелъ, на минуту оживлялъ еле замѣтныя искры. На эти-то жалкія грѣлки я ставила узенькіе и высокіе горшечки, въ которыхъ приносила пищу; это была единственно удобная форма, дававшая возможность спасти отъ натиска толпы и донести не расплескавши то, что въ нихъ заключалось; да и то приходилось ихъ наполнять лишь на половину. Растянувшись на полу надъ своей жаровней, я изо всѣхъ силъ раздувала этотъ слабый огонекъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ удавалось добиться хотя не много теплоты. Надо было рано приниматься за дѣло для того, чтобы обѣдъ поспѣлъ къ 12-ти часамъ. Холодная телятина, нарѣзанная мелкими кусками и подогрѣтая въ бульонѣ, у насъ называлась рагу̂. Затѣмъ я приступала къ приготовленію главнаго, любимаго кушанья: омлеты—родъ яичницы изъ сбитыхъ яицъ, смѣшанныхъ со вчераш-

нимъ шпинатомъ; это блюдо нравилось болѣе всѣхъ другихъ отчасти въ уваженіе того труда, котораго оно стоило, и еще потому, что приготовлялось на мѣстѣ.

Кофе, который оставляли исключительно для завтрака, приносился уже смѣшанный съ молокомъ и подслащенный очень плохой патокой, похожей на медъ, но цвѣта сажи. Сахаръ былъ для насъ слишкомъ дорогъ. Тетушка моя дѣлала видъ, что пьетъ съ удовольствіемъ эту бурду. Она была такъ благодарна за малѣйшую заботу о ней, что у нея никогда не вырывалось ни малѣйшаго замѣчанія; она всегда находила, что все хорошо и вкусно.

Хлѣбъ выдавали заключеннымъ черезъ день и каждое утро наполняли ихъ кружки свѣжей водой. Но тѣ, которыя не могли заплатить за трудъ, воды не получали; болѣе богатыя платили за бѣдныхъ. Кажется, въ двѣ недѣли разъ имъ давали такъ называемой свѣжей соломы; каждая получала ея очень немного, по небольшому пучку; отъ употребленія эта солома очень скоро была измята и истерта, и бѣдныя женщины, не имѣвшія постели, складывали въ одну кучу нѣсколько охапокъ соломы, чтобы устроить себѣ менѣе жесткое ложе, на которомъ онѣ лежали, тѣсня другъ друга, пока на нихъ нисходилъ тяжелый сонъ. Вечеромъ, когда все было приготовлено на ночь, комната эта походила на обширный лагерный бивакъ; полъ весь былъ покрытъ матрасами или соломой; не оставалось ни одного свободнаго мѣстечка, гдѣ можно было ступить, не наткнувшись на одну изъ 58 несчастныхъ узницъ, лежавшихъ на полу.

Тетушка моя, которая сильно страдала отъ своей полноты и лишь съ величайшимъ трудомъ могла нагибаться, никогда не позволяла себѣ ни малѣйшаго замѣчанія на счетъ того, что̀ испытывала. Можно было подумать, что она никогда не имѣла лучшаго помѣщенія. А между тѣмъ воспитаніе ея и предъидущая жизнь были именно таковы, что должны бы были сдѣлать для нея особенно чувствительными всѣ лишенія, которымъ она подвергалась. Воспитаніе ея было главнымъ образомъ обращено на внѣшнюю сторону; оно болѣе развило и изощрило тонкость ея ума, чѣмъ укрѣпило разсудокъ и расширило ея мысль. Рано предавшись свѣтской жизни, она любила общество по привычкѣ и по влеченію; ея привлекательность очень скоро заставила обратить на нее общее вниманіе и дало ей въ свѣтѣ видное положеніе. Развлеченія, умѣнье вести разговоръ въ большомъ обществѣ, вся свѣтская наука и обязанности, налагаемыя ею, сдѣлались для нея предметомъ серьезнаго изученія, и надо сказать, что успѣхи ея на этомъ поприщѣ были блестящи и всѣми признаны. Никто не умѣлъ лучше ея принять гостей, никто не былъ веселѣе и остроумнѣе ея. Въ высшей степени находчивая и быстрая въ своихъ отвѣтахъ, отличаясь необыкновенной легкостью и изяществомъ рѣчи, всегда щедрая на остроты, которыя она мимоходомъ кидала въ увлеченіи веселой свѣтской бесѣды,—она пріобрѣла въ обществѣ

такую силу, что многіе ея побаивались; она никогда не умѣла устоять передъ соблазномъ сказать острое словцо. „Я лучше готова потомъ извиниться“, говаривала она. „А какъ удержать словечко? Ужъ слишкомъ оно хорошо!“ Между тѣмъ извиненія не всегда могли загладить дурное впечатлѣніе этого словечка: оно попадало такъ мѣтко, такъ живо рисовало человѣка, что дѣлало его смѣшнымъ; раны, имъ наносимыя, часто бывали неизлѣчимы, и многіе никогда не прощали ей этого. Такъ иногда умъ заслоняетъ сердце.

Она бывало всякій день принимала гостей, любила играть въ карты и всякій вечеръ оставляла у себя нѣсколько человѣкъ ужинать. И вотъ тутъ-то она безъ удержу отдавалась живости своего нрава; ея милая и игривая бесѣда невольно увлекала своею веселостью всѣхъ окружавшихъ. Эти часы были самые счастливые въ ея жизни. Столъ у нея былъ всегда роскошный и изысканный. Она часто дѣлала большіе обѣды, собирая у себя цвѣтъ муленскаго общества. Такъ какъ она была вполнѣ независима и имѣла хорошее состояніе, то ничто не сдерживало ея склонности къ роскоши и удовольствіямъ. Однимъ словомъ, это была вполнѣ свѣтская женщина, любившая свѣтъ, имѣвшая въ немъ блестящій успѣхъ и развившаяся подъ вліяніемъ этого свѣта. Я останавливаюсь на мелочахъ такой пустой жизни для того только, чтобы еще болѣе подивиться тому, что̀ сдѣлало изъ этой женщины несчастье, когда оно сразу сорвало блестящее покрывало, дотолѣ скрывавшее отъ всѣхъ ея душевную красоту, и обнаружило все величіе этой гордой и мощной души. Едва только испытаніе коснулось ея, какъ она мгновенно стряхнула съ себя блестящій прахъ, который она дотолѣ принимала за золотой, возродилась изъ него къ новой жизни во всей силѣ и величавой простотѣ.

Какъ только на нашу семью обрушилось бѣдствіе, тетушка забыла обо всемъ, кромѣ насъ. Ставъ выше всего личнаго, она, казалось, даже и не замѣчала лишеній, которымъ ежеминутно подвергалась. Притѣсненія и весь ужасъ тюремнаго заключенія не вызвали у нея ни одной жалобы: все ей было хорошо; не выражая никакихъ желаній, не находя ничего неудобнымъ, она съ покорностью принимала участь, какую посылало ей Провидѣніе. Я ни разу не замѣтила у нея ни одной минуты безпокойства за себя. Она была исключительно озабочена нашей судьбой; всѣ помыслы, тревоги, всѣ нѣжнѣйшія заботы ея были сосредоточены на насъ. Она непрестанно обращалась съ молитвою къ Богу, поручая Его милосердію сироту, которую она скоро должна была покинуть. Тетушка моя ни минуты не заблуждалась на счетъ ожидавшей ее участи и не имѣла даже надежды, которая поддерживала или обольщала столько несчастныхъ. Она поняла съ перваго дня, что̀ ее ожидало, заранѣе считала себя обреченной на смерть и готовилась къ ней безъ слабости. Минутныя испытанія, которымъ она подвергалась, казались ей какъ бы приготовленіемъ къ этой послѣдней жертвѣ. Она все принимала безро-

потно и смиренно и находила своего рода услажденіе въ покорности волѣ Божіей. Щадя мою нѣжную привязанность къ ней, а можетъ быть и мою слабость, она почти не говорила объ этомъ со мной. Но тысяча воспоминаній съ тѣхъ поръ возникли въ душѣ моей и раскрыли мнѣ все величіе, всю силу ея характера, обнаруживавшіяся иногда въ какомъ нибудь одномъ словѣ, все ея самоотверженіе, которое тогда было недоступно для моего дѣтскаго пониманія.

ГЛАВА IX.

Тягости и огорченія моей жизни.—Отецъ мой скрывается у г-жи де-ля-Костъ.—Онъ спасается чудеснымъ образомъ.—Я отправляюсь къ нему въ Фонтэнъ къ Шозьерамъ.

Тюремный хлѣбъ, если только можно такъ назвать его, былъ до того плохъ, что невозможно было его ѣсть. Онъ состоялъ изъ тяжелаго тѣста съ примѣсью отрубей и соломинъ въ палецъ длиною, съ очень жесткой коркой. Заключенные получали черезъ день по такому маленькому хлѣбцу. Тетушка моя, не будучи въ состояніи проглотить ни кусочка, не ѣла его вовсе. У меня также не было хлѣба и мнѣ было очень тяжело принимать отъ нашего стража Форе хлѣбъ, который также былъ довольно плохъ. Гдѣ-же добыть хлѣба? Его нигдѣ нельзя было купить. Но небо сжалилось надо мною и пришло мнѣ на помощь въ лицѣ Брюньона, этого преданнаго слуги моего отца, о которомъ я уже говорила.

Брюньонъ пожелалъ принять участіе въ славной борьбѣ, такъ печально окончившейся; такъ какъ онъ брался за оружіе во время осады, то его постигла бы вѣрная смерть, если бы наше олицетворенное Провидѣніе, нашъ почтенный другъ де-Геріо не спасъ его, зачисливъ его, по просьбѣ моего отца, извощикомъ при артиллерійскомъ обозѣ. Это дало ему возможность въѣхать въ городъ вмѣстѣ съ побѣдителями; вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ деньщикомъ къ одному артиллерійскому офицеру Монлезёнъ, сохраняя при этомъ свое жалованье извощика при артиллерійскомъ обозѣ. Пользуясь, благодаря своему начальнику, нѣкоторымъ довольствомъ и подозрѣвая наше бѣдственное положеніе, онъ пришелъ предложить мнѣ свой солдатскій хлѣбъ; хлѣбъ этотъ былъ чудесный. Какъ я была счастлива отнести его тетушкѣ! Онъ часто посилъ мнѣ еще молока и ветчины, что̀ я принимала съ большою благодарностію; однимъ словомъ, онъ показалъ себя честнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ слугой.

Этотъ солдатскій хлѣбъ, самый лучшій, какой былъ въ то время, я отдавала тетушкѣ, а взамѣнъ уносила съ собой, на свой страхъ,

тотъ, который выдавали въ тюрьмѣ. Если бъ меня когда поймали на этомъ, то и я, и мой хлѣбъ остались-бы въ темницѣ. Но эта смѣлость, слѣдствіе нужды, никогда не была обнаружена. Я уносила съ собой еще остовъ запасной пулярдки, приберегаемой на случай если не пропустятъ обѣда. Даже этотъ остовъ жареной курицы составлялъ такой лакомый кусочекъ, что я не смѣла оставить его себѣ, а должна была подѣлиться съ гражданиномъ Форé, для котораго это было праздничное угощеніе, потому что онъ также мало привыкъ ѣсть хорошую пищу, какъ сидѣть въ креслѣ. Впрочемъ, къ тому, что вкусно и удобно, скоро привыкаютъ; и онъ доказалъ мнѣ это однажды, когда я изъ экономіи велѣла купить прованскаго масла болѣе низкаго сорта, чѣмъ обыкновенно употребляли на фритюры. Комната моя, служившая въ тоже время кухней и столовой, наполнилась густымъ дымомъ и чадомъ. Гражданка Форé, исполнившись негодованія и отвращенія, почувствовала себя дурно и поспѣшно удалилась въ комнату мужа, который бросился къ ней на помощь, ворча на скверный запахъ. Даже прислуга наша выражала неудовольствіе. Я сѣла было одна обѣдать; а когда голодъ собралъ ихъ всѣхъ вокругъ стола, я удовольствовалась только тѣмъ, что спросила гражданина Форé, неужели онъ у себя дома употребляетъ всегда только высшій сортъ масла? Онъ пробормоталъ что-то, чего я не могла разобрать, и фритюры продолжали поджаривать на томъ же маслѣ.

Я привожу эти подробности, можетъ быть слишкомъ мелочныя, лишь для того, чтобы дать понять, какова была моя жизнь, какого рода лица окружали меня, сколько противорѣчія и докучливыхъ дрязгъ я выносила отъ нихъ. Правду говорятъ, что ежеминутныя непріятности, какъ бы онѣ ни были мелки, всегда довольно велики. Частыя ссоры между Сенъ-Жаномъ и Канта составляли не меньшее зло среди этихъ ежедневныхъ дрязгъ и подвергали насъ часто опасности остаться безъ обѣда. Впрочемъ, Сенъ-Жанъ являлся только къ столу; онъ ходилъ на работу для срытія крѣпости. Я думаю, что желаніе заработать сколько нибудь денегъ склонило его къ этого рода занятію, открытому для каждаго; а желаніе это было весьма естественно, такъ какъ мнѣ нечѣмъ было ему платить. Отъ времени до времени я продавала серебряные приборы, или кое-что изъ нашихъ вещей, хранившихся у г-жи Лежé. Приходилось ихъ продавать съ большой потерей, да и то еще нужно было осторожно выбирать лица, къ которымъ вы обращались и которыя, хотя и покупали за полцѣны, пользуясь вашей нуждой, но были по крайней мѣрѣ настолько честны, что не доносили на васъ, потому что если имѣть серебро считалось преступленіемъ, то продавать его было еще большимъ преступленіемъ. Тюрьма или даже смерть грозила тѣмъ изъ насъ, которыхъ крайность заставляла сбывать свои вещи. Доносившій на это мнимое расхищеніе имущества республики получалъ, кажется, половину его, или по крайней мѣрѣ она была ему обѣщана.

Я питалась кое-какъ остатками бобовъ и картофеля, которые просто готовили въ видѣ салата. Въ праздничные дни мы лакомились оладьями изъ затхлой муки; это-то и была знаменитая фритюра. Масло сливочное и свѣжія овощи, какія возможно было достать, приберегались для тетушки, которая постилась по пятницамъ и субботамъ. Для нея откладывалось все лучшее, что только дозволяло наше бѣдственное положеніе. Вотъ за этотъ-то драгоцѣнный обѣдъ заставляли меня трепетать ссоры моихъ слугъ. Сколько просьбъ нужно было иногда съ моей стороны, чтобъ ихъ усмирить. Переходя отъ одного къ другому, напоминая имъ о тетушкѣ, страдавшей отъ ихъ раздора, я умоляла ихъ ради нея преодолѣть свои враждебныя чувства; „вѣдь вы ее любите!“ говорила я имъ, и они какъ будто успокоивались; но дня черезъ два война снова возгаралась. Еще разъ прошу извиненія за то, что возвращаюсь къ этимъ мелочамъ; но я рисую свою жизнь, а эти мелкіе штрихи доканчиваютъ картину; къ тому же нужно вспомнить, что мнѣ было тогда всего 14 лѣтъ.

Между тѣмъ продолжались дѣятельные розыски, чтобы открыть, гдѣ мой отецъ. Часто приходили тетушкѣ сообщить, что онъ арестованъ, въ надеждѣ, что въ минуту смущенья она выдастъ мѣсто его укрывательства. Меня преслѣдовали обысками. Одинъ изъ самыхъ шумныхъ былъ произведенъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ отвели тетушку въ тюрьму. Въ полночь раздается учащенный стукъ въ нашу входную дверь. Гражданинъ Форе, погруженный въ первый крѣпкій сонъ, заставляетъ ожидать; стукъ возобновляется. Наконецъ, одѣвшись какъ слѣдуетъ, онъ отворяетъ дверь въ ту минуту, когда она, казалось, уже уступала насилію. Ему дѣлаютъ выговоръ за медленность. Моя дверь, запертая изнутри, снова вызываетъ ихъ ярость. Нашъ стражъ извиняется, весь дрожа отъ страха; столь же малодушная Канта дрожала такъ, что я слышала какъ скрипѣла кровать, на которой она лежала. Мои многократныя просьбы заставили ее наконецъ преодолѣть страхъ; едва она добрела до двери, какъ пришедшіе ворвались въ нее съ криками: „Гдѣ онъ?“.

Старый Форе въ негодованіи, что могли заподозрить его вѣрность, сталъ пространно разсказывать о наложеніи ареста въ нашей квартирѣ, гдѣ онъ былъ приставленъ въ качествѣ стража, приводя въ доказательство печати, висѣвшія на четырехъ дверяхъ. Онъ все еще говорилъ, между тѣмъ какъ мнѣ успѣли уже сдѣлать десять вопросовъ. При первомъ стукѣ я привстала и, сидя въ постели, молча ожидала, что будетъ далѣе. Занавѣски громадной кровати, которую я занимала, были задернуты; два офицера обходятъ кругомъ кровати, всматриваются ближе, удивляются и спрашиваютъ, кто я. Я отвѣчаю имъ, и тотчасъ же слышу, какъ человѣкъ двѣнадцать въ одинъ голосъ восклицаютъ: „Какой слабый голосокъ! Да вѣдь это не мужчина!“ И толкая другъ друга, просовывая головы черезъ плечи другихъ, чтобы лучше разглядѣть меня, они еще повторяютъ: „какой слабенькій го-

лосишко! Какая маленькая дѣвочка! Какъ она худа! Какъ тщедушна“!

Подтрунивая надо мной, они въ то же время дѣлали мнѣ долгій и опасный допросъ на счетъ моего отца, его мнимаго заговора и мѣста, гдѣ онъ укрывался, отдыхая послѣ тяжелыхъ трудовъ. Меня допрашивали также о теткѣ и о братьяхъ. Отвѣты мои были кратки: я ничего не знала. Наконецъ, они ушли къ великому удовольствію нашего стража, который вообще не любилъ, чтобы нарушали его сонъ, а тутъ еще вдобавокъ и гордость его пострадала. Впрочемъ, онъ далъ себѣ слово впредь быть проворнѣе.

Когда обыскъ кончился, со мной сдѣлался такой припадокъ нервной дрожи, какого я никогда не испытывала во всей своей жизни. Силы совершенно покинули меня, какъ только я перестала слышать ихъ шаги. Изнемогая подъ тяжестью своего несчастья и сиротства, подавленная сознаніемъ своей слабости, я провела остальную часть ночи въ состояніи нравственнаго и физическаго страданія, близкаго къ отчаянію. Никогда еще безпомощное положеніе мое не казалось мнѣ столь ужаснымъ. Много разъ еще повторялись эти ночныя посѣщенія съ цѣлью, какъ говорили, отыскать оружіе, спрятанное въ нашей квартирѣ. Старикъ Форè, не понимавшій, что это было лишь предлогомъ, выбивался изъ силъ, разсказывая исторію наложенія печатей, и удивлялся, что его никто не слушалъ. Одна я навлекала эти докучные обыски. Дѣлая видъ, будто вездѣ обыскиваютъ, комиссары въ то же время предлагали мнѣ вопросы тѣмъ болѣе коварные, что могло казаться, будто они вырывались у нихъ безъ всякаго злаго умысла, мимоходомъ, и какъ будто случайно при видѣ какой нибудь вещи, попадавшейся имъ подъ руку. Къ счастью я понимала, что это ловушка, и не поддавалась имъ. Впрочемъ, я и не могла бы отвѣчать имъ такъ, чтобы ихъ удовлетворить. Съ тѣхъ поръ какъ отецъ мой покинулъ предмѣстье Везъ, мнѣ было совершенно неизвѣстно, что̀ съ нимъ сталось. Только впослѣдствіи я узнала, насколько мы были обязаны г-жѣ де-ля-Костъ, которая была столь добра, что согласилась принять его къ себѣ.

Эта женщина жила въ загородномъ домѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Отца моего привели къ ней ночью, и онъ вовсе не выходилъ изъ комнаты, въ которой его помѣстили. Одна только горничная г-жи де-ля-Костъ была посвящена въ тайну его пребыванія у нихъ въ домѣ. Каждое утро, убравши постель отца, она запирала его въ шкапъ для того, чтобы остальные слуги, свободно сновавшіе по всему дому, могли убѣдиться, что никого чужаго въ немъ не было. Когда же онѣ считали себя въ безопасности отъ нескромныхъ свидѣтелей, узника выпускали изъ шкапа и онъ пробирался въ комнату г-жи де-ля-Костъ, находившейся рядомъ. Такъ прошло нѣсколько дней совершенно спокойно; но когда на отсутствовавшаго г-на де-ля-Костъ былъ поданъ доносъ депутату Фушѐ, дѣлавшему

объѣздъ въ этой области, послѣдній отдалъ приказъ произвести тотчасъ же въ домѣ де-ля-Костъ обыскъ. Около 11 часовъ вечера у ихъ двери раздался необычный звонокъ; эта тревога подняла всѣхъ въ домѣ на ноги. Этотъ энергическій звонокъ возвѣщаетъ о служителяхъ новой власти. Спрашиваютъ моего отца. Нужно его получше спрятать; но куда?—Поднимаютъ верхніе матрасы на кровати г-жи де-ля-Костъ и отецъ залѣзаетъ въ прорѣху, нарочно сдѣланную для этого въ нижнемъ матрасѣ, который обыкновенно набивается соломой. Верхніе матрасы въ одно мгновенье положены по прежнему; постель оправлена и хозяйка снова ложится въ нее. Можно себѣ представить мучительное положеніе моего отца; онъ натянулъ свой ночной колпакъ до ушей и держалъ передъ собою сжатые кулаки, чтобъ защитить лицо отъ соломы и чтобъ имѣть сколько нибудь пространства и воздуха. Устроить все это—было дѣломъ одной минуты.—Это комиссары отъ имени депутата Фуше! Имъ отпираютъ. Комиссары спрашиваютъ г-жу-де-ля-Костъ, гдѣ ея мужъ. „Онъ отлучился по дѣламъ", отвѣчаетъ она. Ей передаютъ приказъ Фуше явиться къ нему немедленно самой. Она противится, ставитъ имъ на видъ плохое состояніе своего здоровья, говоритъ о нервныхъ страданіяхъ, которыя часто принуждаютъ ее лежать, объ истощеніи своихъ силъ, о томъ, какъ всѣмъ извѣстно, что она никогда не выходитъ изъ дому. Но напрасно настаиваетъ она. „Нужно идти, а не разсуждать", говорятъ ей въ отвѣтъ. Едва даютъ ей время набросить платье. Горничная впопыхахъ приподнимаетъ немножко матрасъ и тотчасъ-же опускаетъ его, чтобъ шепнуть отцу: „Мы пропали". Онъ самъ слишкомъ хорошо сознавалъ это! Она послѣдовала за своей госпожей; затѣмъ двери были заперты и запечатаны. Отецъ былъ въ ужасномъ положеніи, задыхаясь отъ недостатка воздуха и боясь, что если онъ вылѣзетъ изъ-подъ матрасовъ и приведетъ въ безпорядокъ постель, то послѣ самъ не съумѣетъ опять спрятаться такъ, чтобъ ничего не было замѣтно. Онъ колебался нѣкоторое время, но настоятельная потребность вздохнуть свободно взяла верхъ надъ всякими другими соображеніями, и онъ выкарабкался изъ подъ матрасовъ какъ только могъ осторожнѣе. Въ эту минуту онъ услышалъ шумъ, остановился, сталъ прислушиваться: какіе то мужскіе голоса распѣвали пѣсни въ честь свободы! То были драгуны, которые оставались еще въ домѣ; они пили и веселились. Чувствуя всю опасность своего положенія, отецъ обошелъ комнату на цыпочкахъ и, внимательно осмотрѣвши ее, сталъ раздумывать о возможныхъ средствахъ спасенія. Онъ находитъ, что ихъ очень мало. Все заперто, никакого выхода, никакой помощи! Онъ тогда обратилъ всѣ свои надежды на окна, выходившія въ садъ, и при этомъ разсуждалъ самъ съ собою такъ: „Здѣсь я могу умереть съ голоду въ запечатанной квартирѣ, или же сюда могутъ тайно пробраться до официальнаго снятія печатей съ тѣмъ, чтобы унести отсюда то, что придется по вкусу комиссарамъ. Въ обоихъ случаяхъ я погибъ". Опасаясь, чтобы

отсутствіе пищи не лишило его силъ, онъ рѣшился бѣжать, не ожидая ночи; онъ еще разъ хорошенько все обдумалъ за и противъ, выбралъ окно маленькой комнатки, которое было нѣсколько болѣе отдалено отъ мѣста, откуда слышался шумъ, бросился изъ окна въ садъ и отдѣлался только легкой царапиной на рукѣ, хотя упалъ на разбитыя оконныя стекла; этотъ стукъ привлекъ вниманіе пившихъ. Они выскочили съ криками: „Откуда этотъ стукъ? Это вѣрно онъ! это онъ!"

Отецъ мой успѣлъ только спрятаться подъ маленькой лѣстницей, на которую они всѣ бросились стремглавъ, осмотрѣли всѣ углы, вездѣ искали виновника стука; бѣгали взадъ и впередъ и забыли заглянуть только подъ лѣстницу, по которой нѣсколько разъ проходили; осыпая ругательствами того, кого никакъ не могли найти, они возвратились наконецъ въ домъ и снова принялись пить. Отецъ мой опять задумался: если остаться на мѣстѣ, то ему не избѣгнуть новыхъ розысковъ, если бѣжать — то въ какую сторону? Его привели въ домъ г-жи де-ля-Костъ ночью; онъ ни разу не былъ въ этомъ саду. Но нужно было поскорѣе рѣшиться; онъ бросился бѣжать, нагнувшись до земли, чтобы не быть замѣченнымъ, и уже льстилъ себя надеждой скоро достигнуть аллеи, которая издали казалась ему густой, но къ несчастью онъ забылъ, что остался въ ночномъ колпакѣ. Вдругъ изъ-за облака показалась луна и своимъ блѣднымъ сіяніемъ выдала моего бѣднаго отца. Онъ тотчасъ же слышитъ за собою крики: „Я его вижу! это онъ! вонъ онъ, въ бѣломъ колпакѣ"! За нимъ гонятся. Тутъ уже нечего болѣе скрываться: онъ выпрямился и изо всѣхъ силъ бросился бѣжать къ винограднику, находившемуся въ этой же оградѣ. Въ этомъ мѣстѣ сада дорога шла въ гору, что очень замедляло его бѣгство, а туфли еще увеличивали трудность. Онъ съ отчаяніемъ глядѣлъ на высоту стѣны, служившей оградой, но привязанность къ жизни увеличила его силы, ускорила его бѣгъ; онъ все бѣжалъ, хотя и не предвидѣлъ никакого средства спасенія. Онъ уже чувствовалъ, что его догоняютъ; ихъ шаги уже настигаютъ его; одинъ драгунъ даже занесъ руку, чтобы его схватить,—какъ вдругъ, вѣроятно отъ быстраго движенія и отъ вина, онъ пошатнулся и упалъ. Отецъ мой въ эту минуту достигъ угла ограды; замѣтивъ здѣсь слѣды бывшей бесѣдки изъ зелени, онъ уцѣпился за вѣтви и при помощи нѣсколькихъ трещинъ въ стѣнѣ вскарабкался до верху, самъ не зная, какъ это ему удалось, и соскочилъ внизъ по ту сторону ограды. Близость опасности и инстинктъ самосохраненія придали ему невѣдомую дотолѣ силу.

Не желая сдѣлать такой же прыжокъ, драгуны прекратили здѣсь свое преслѣдованіе. А можетъ быть, они побоялись, чтобы имъ не вмѣнили въ преступленіе ихъ неловкость, и обѣщая другъ другу сохранить все это втайнѣ, они снова принялись за свои бутылки и пѣсни. Отецъ осмотрѣлся вокругъ и съ грустью убѣдился, что

опять находится въ загороженномъ мѣстѣ, и что стѣна этой ограды такъ же высока, какъ та, черезъ которую онъ только что перебрался. Прошедши нѣсколько шаговъ, онъ очутился передъ домомъ и, боясь, чтобъ лунный свѣтъ его не выдалъ снова, онъ залѣзъ въ голубятню въ ожиданіи утра и печальной участи, грозившей ему. „Гдѣ я? Что станется со мною?"—Сколько тягостныхъ думъ тѣснилось въ его душѣ втеченіе этихъ въ одно и то же время медленно и быстро проносившихся часовъ! Онъ вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

Когда, наконецъ, совсѣмъ разсвѣло, въ голубятню явилась маленькая дѣвочка съ кормомъ для голубей. Увидя моего отца и принявъ его за вора, она закричала и хотѣла было бѣжать; но онъ старался знаками внушить ей жалость; она замолчала и подошла поближе. Тогда онъ спросилъ ее, есть ли у нея отецъ и кто онъ. „Онъ здѣсь виноградаремъ," отвѣчала она.—„Такъ ты пойди, приведи его сюда, да кромѣ него никому не говори, что меня видѣла."—Дѣвочка обѣщала и въ точности исполнила порученіе. Вскорѣ явился къ нему крестьянинъ, который смотрѣлъ на него недобрымъ взглядомъ и, вообще, имѣлъ какой-то зловѣщій видъ. Отецъ мой, вынужденный отдаться въ его руки, притворился, будто относится съ величайшимъ довѣріемъ къ этому человѣку, въ чьей власти случайно оказалась его судьба, и, объяснивши послѣднему, какимъ образомъ ему посчастливилось спастись отъ несправедливаго преслѣдованія, отецъ просилъ дать ему пріютъ, пока ему станетъ возможно, не подвергаясь опасности, удалиться отсюда. „То, что вы говорите, можетъ быть и справедливо," отвѣчалъ виноградарь, „но это не доказываетъ еще, что вы не воръ; да если вы и не воръ, то я все-таки не имѣю ни малѣйшаго желанія подвергать себя риску ради васъ; итакъ, убирайтесь отсюда какъ можно скорѣе." Какъ ни старался отецъ мой убѣдить крестьянина, тотъ былъ непоколебимъ. Не будучи въ состояніи растрогать этотъ камень, отецъ ограничился тѣмъ, что попросилъ дать ему какое нибудь старое платье взамѣнъ того, которое было на немъ, предлагая выкупить его впослѣдствіи, если ему удастся спастись. „Если же я погибну, оно вамъ останется, прибавилъ онъ.—„Да развѣ у васъ нѣтъ денегъ?" возразилъ крестьянинъ, осматривая нерѣшительнымъ и вмѣстѣ жаднымъ взоромъ новый сюртукъ моего отца. Къ счастію, отецъ совершенно неожиданно нашелъ въ боковомъ карманѣ маленькій бумажникъ, котораго и не подозрѣвалъ тутъ; въ немъ оказалось всего 50 франковъ. Эта небольшая сумма положила конецъ колебаніямъ крестьянина; согласившись на предложенныя условія, онъ тотчасъ исчезъ и скоро вернулся, держа въ рукахъ плохенькую старую одежу, въ которую отецъ быстро облекся, но недостаточно быстро, по мнѣнію виноградаря, очень скупаго на свое время и на трудъ, потому что онъ отказался остричь волосы новому крестьянину. Для большаго сходства отцу пришлось сдѣлать это кое-какъ самому. Давши нѣсколько указаній насчетъ дороги, которой слѣдовало держаться,

крестьянинъ сунулъ въ руки отцу нѣсколько кольевъ для подвязки винограда: „Съ этимъ, сказалъ онъ, васъ примутъ за виноградаря". И взглянувши, нѣтъ ли прохожихъ по дорогѣ, онъ выпроводилъ отца за ворота.

Отецъ мой дошелъ безъ новыхъ приключеній до мельницъ, стоявшихъ на рѣкѣ Сонѣ, куда онъ имѣлъ рекомендацію; здѣсь онъ остановился лишь на нѣсколько дней. Такъ какъ осторожность требовала найти болѣе уединенное мѣсто, то его отвели къ одному мельнику, жилище котораго находилось въ Энскомъ департаментѣ, на границѣ департамента Роны, и стояло совсѣмъ особнякомъ. Подъ именемъ Пьера Мерье онъ съ этой поры слылъ здѣсь на мельницѣ работникомъ, очень неловкимъ отъ природы, но большимъ добрякомъ.

Пока все это происходило, я продолжала вести тотъ же образъ жизни. Затрудненія проникнуть въ тюрьму росли съ каждымъ днемъ: очень часто мнѣ вовсе не удавалось пробраться къ тетушкѣ; тогда я съ грустью возвращалась домой, усталая, измученная, не добившись единственнаго утѣшенія, которое еще давало мнѣ силу выдерживать всѣ испытанія. Невыносимо длинны были эти часы ожиданія, проводимыя у тюремной двери, куда намъ былъ воспрещенъ входъ благодаря новымъ строгимъ распоряженіямъ; и какъ тяжело было возвращаться домой, когда исчезала послѣдняя надежда проникнуть въ темницу! На другой день я снова приходила для того, чтобы испытать такое же разочарованіе. Однажды послѣ того, какъ я долго была лишена радости видѣть тетушку, я стояла у тюремной двери, ожидая вмѣстѣ со всѣми другими, первая по очереди, разрѣшенія войти. Часовые скрестили свои ружья, чтобъ загородить намъ проходъ, когда среди нетерпѣливой и взволнованной толпы, жаждавшей добиться желаемаго, вдругъ началось движеніе, которое устранило эту преграду. Натискомъ толпы меня прижало къ самымъ ружьямъ и протолкнуло дальше черезъ нихъ. Прежде чѣмъ солдаты успѣли принять болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы отбросить насъ назадъ, на меня обрушилось въ этой суматохѣ нѣсколько ударовъ кулакомъ и много брани. Брошенная на подобіе жалкаго мячика, безъ силы и воли, я ничѣмъ не была виновата, а мнѣ-то и досталось хуже всѣхъ. Между тѣмъ, пользуясь удобнымъ случаемъ и общимъ смятеніемъ, я побѣжала ко второй калиткѣ, потомъ къ рѣшеткѣ. О, счастье! Тетушка моя была во дворѣ, куда заключенные имѣли позволеніе сходить для прогулки [1]). Я видѣла ее и уже готова была заговорить съ ней и забыть всѣ неудачи этого дня, какъ вдругъ тюремщикъ, привлеченный шумомъ и недовольный происшедшимъ безпорядкомъ, явился на помощь своимъ сторожамъ. Меня

[1]) Эти разрѣшенія то давали, то снова брали назадъ, и ни одинъ день не былъ похожъ на другой. Иногда мы находили узниковъ во дворѣ, пользующимися воздухомъ вмѣстѣ съ каторжниками,—льгота, за которую тетушка разъ поплатилась своимъ бумажникомъ, украденнымъ однимъ изъ арестантовъ. Прим. авт.

грубо вытолкали. Никогда еще не терпѣла я крушенія, будучи такъ близко у пристани. Я видѣла выраженіе глубокой скорби во взорахъ тетушки и она также могла прочесть въ моихъ глазахъ то, что было у меня на сердцѣ. Я переступила еще разъ черезъ порогъ этой роковой двери и всѣ удары, полученные мною на этомъ мѣстѣ, казалось, снова посыпались на меня.

Грязь, которую намѣренно сваливали передъ тюрьмой, производила здѣсь гибельную сырость. Часто мы проводили часа по четыре, по пяти, стоя въ этой зловонной слякоти. Немало женщинъ заболѣвало отъ этого. Дорожа своимъ здоровьемъ, чтобы быть въ состояніи оказывать помощь тетушкѣ, я добыла себѣ деревянные башмаки на мѣху, съ толстой подошвой, которая не пропускала сырости, но дѣлала ходьбу очень тяжелой. Однажды вечеромъ, когда я вернулась домой позднѣе обыкновеннаго, нашъ стражъ Форé съ поспѣшностью объявилъ мнѣ, отворяя дверь: „Ваша кормилица сейчасъ была здѣсь; она долго ожидала васъ“.— „Моя кормилица! но вѣдь она...“ я хотѣла сказать—умерла, но вò-время остановилась... „Она здѣсь“, продолжалъ онъ; „какая-то женщина отправляется туда, гдѣ находится ваша больная сестра, и спрашиваетъ, не имѣете ли вы къ ней порученій?“ — „А гдѣ же она?“ спросила я живо, догадавшись, что здѣсь кроется какая-то тайна. „Да если вы поскорѣе побѣжите за ней въ эту сторону, то можетъ быть догоните ее: она въ красномъ корсажѣ и синей юбкѣ; съ ней маленькая дѣвочка, которая ѣдетъ на ослѣ“. Я уже была на нижней ступенькѣ лѣстницы, когда онъ произносилъ послѣднія слова; хотя я несовсѣмъ понимала, въ чемъ тутъ дѣло, но все-таки побѣжала. Канта пошла вслѣдъ за мной, а старый Форé выпустилъ насъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія размышленія или сомнѣнія насчетъ этой ліонской кормилицы. Завидѣвши издали красный корсажъ, синюю юбку, осла и дѣвочку, я еще ускорила шаги и быстро догнала ихъ. Убѣдившись въ томъ, что это дѣйствительно я, крестьянка сообщила мнѣ, что отецъ мой скрывается у нея; что онъ хочетъ попытаться перейти черезъ границу, но прежде чѣмъ рѣшиться на это опасное путешествіе, онъ пожелалъ повидаться со мною и отъ меня узнать, чтò сталось съ моей тетушкой [1]); наконецъ, что она пришла въ городъ нарочно для того, чтобы взять меня съ собою.

Это приказаніе моего отца было для меня пріятно и вмѣстѣ жестоко. Раздвоенная между двумя обязанностями, одинаково для меня священными, я не могла никакъ рѣшиться покинуть тетушку и лишить ее единственнаго ея утѣшенія; съ другой стороны, это, можетъ быть, по-

---

[1]) Такъ какъ всякія сношенія между нами были прерваны, то отецъ ничего не зналъ о заключеніи своей сестры и вызывалъ меня, а не ее, зная, какъ ей было затруднительно ходить пѣшкомъ. По настоятельному желанію тетушки, отъ отца скрыли, что она была арестована вмѣсто него. Впрочемъ, выдавши себя, онъ все-таки не спасъ бы сестры и мнѣ пришлось бы тогда оплакивать ихъ обоихъ. Прим. авт.

2p.